

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

Выпуск № 2 / 2018

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2018

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

И. В. Крючков – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Д. А. Смирнов – доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук

Редакционный совет

Левитская А. А. – канд. филол. наук, доцент, ректор СКФУ (председатель); **Исмаил Тогрул Рафик оглы** – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор (Турция); **Карасик В. И.** – д-р филол. наук, профессор; **Крюссман Т.** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **Крючков И. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Мамонов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мелконян А. А.** – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения; **Репина Л. П.** – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН; **Саваи Ф.** – д-р ист. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Смирнов Д. А.** – д-р юрид. наук, профессор; **Фролов Д. Д.** – д-р социал.-полит. наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор; **Аникин С. Б.** – д-р юрид. наук, профессор; **Анисимов А. П.** – д-р юрид. наук, профессор; **Бакаева О. Ю.** – д-р юрид. наук, профессор; **Беликов А. П.** – д-р ист. наук, доцент; **Булыгина Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Гладышев А. В.** – д-р ист. наук, профессор; **Гусаренко С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Демченко Т. И.** – д-р юрид. наук, доцент; **Дроздова А. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Кибальник А. Г.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клюковская И. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Клычников Ю. Ю.** – д-р ист. наук, профессор; **Колесникова М. Е.** – д-р ист. наук, профессор; **Краснова И. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Ласкова М. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Маловичко С. И.** – д-р ист. наук, профессор; **Манаенко Г. Н.** – д-р филол. наук, профессор; **Медведев С. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Мехди Хоссейни Тагиабад** – директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (Иран); **Мухачёв И. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Навасардова Э. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Позднышев А. Н.** – д-р юрид. наук, профессор; **Попов В. В.** – д-р юрид. наук, профессор; **Рыженков А. Я.** – д-р юрид. наук, профессор; **Серебрякова С. В.** – д-р филол. наук, профессор; **Ходус В. П.** – д-р филол. наук, профессор; **Цихорацкий Петр** – профессор Вроцлавского университета (Польша); **Цыбенко В. В.** – к-т ист. наук, доцент; **Чичман Ласло** – д-р полит. наук, профессор Будапештского университета «Корвинус» (Венгрия); **Шварц Искра** – д-р филос. наук, профессор Венского университета (Австрия); **Шебзухова Т. А.** – д-р ист. наук, профессор; **Шевчук С. С.** – д-р юрид. наук, профессор; **Шибкова О. С.** – д-р филол. наук, профессор; **Щербакова Л. М.** – д-р юрид. наук, профессор; **Яценко Т. С.** – д-р юрид. наук, доцент.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г. Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»

Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64
ISSN 2409-1030

© ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2018

HUMANITIES AND LAW STUDIES

Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution for Higher Education
«North-Caucasus Federal University»

Editor-in-Chief

Kryuchkov I. V. – Doctor of History, Professor

Vice Editor-in-Chief

Smirnov D. A. – Doctor of Law, Professor

Executive editor

Ambartsumyan K. R. – PhD in History

Editorial Council

Levitskaya A. A. – NCFU Rector (chairman); **Ismail Togrul** – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor (Turkey); **Karasik V. I.** – Doctor of Philology, Professor; **Krüssmann T.** – Doctor of Law, Professor (Austria); **Kryuchkov I. V.** – Doctor of History, Professor; **Mamonov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Melkonyan A. A.** – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia; **Repina L. P.** – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences; **Szávai F.** – Doctor of History, Professor, Rector of Kaposvár University (Hungary); **Smirnov D. A.** – Doctor of Law, Professor; **Frolov D. D.** – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland.

Editorial Board

Apryschenko V. Yu. – Doctor of History, Professor; **Anikin S. B.** – Doctor of Law, Professor; **Anisimov A. P.** – Doctor of Law, Professor; **Bakaeva O. Yu.** – Doctor of Law, Professor; **Belikov A. P.** – Doctor of History, Associate Professor; **Bulygina T. A.** – Doctor of History, Professor; **Gladyshev A. V.** – Doctor of History, Professor; **Gusarenko S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Demchenko T. I.** – Doctor of Law, Associate Professor; **Drozdova A. M.** – Doctor of Law, Professor; **Kibalnik A. G.** – Doctor of Law, Professor; **Klyukovskaya I. N.** – Doctor of Law, Professor; **Klychnikov Yu. Yu.** – Doctor of History, Professor; **Kolesnikova M. E.** – Doctor of History, Professor; **Krasnova I. A.** – Doctor of History, Professor; **Laskova M. V.** – Doctor of Philology, professor; **Malovichko S. I.** – Doctor of History, Professor; **Manaenko G. N.** – Doctor of Philology, Professor; **Medvedev S. N.** – Doctor of Law, Professor; **Mukhachev I. V.** – Doctor of Law, Professor; **Hosseini Mehdi** – Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, Professor (Iran); **Navasardova E. S.** – Doctor of Law, Professor; **Pozdnyshev A. N.** – Doctor of Law, Professor; **Popov V. V.** – Doctor of Law, Professor; **Ryzhenkov A. Ya.** – Doctor of Law, Professor; **Serebriakova S. V.** – Doctor of Philology, Professor; **Hodus V. P.** – Doctor of Philology, Professor; **Tsikhorratskii Petr** – Doctor of History, Professor (Poland); **Tsybenko V. V.** – PhD in History, Associate Professor; **Chichman Laslo** – Doctor of Political Sciences, Professor of Budapest University «Corvinus» (Hungary); **Iskra Schwartz** – Doctor of History, Professor (Austria); **Shebzukhova T. A.** – Doctor of History, Professor; **Shevchuk S. S.** – Doctor of Law, Professor; **Shibkova O. S.** – Doctor of Philology, Professor; **Shcherbakova L. M.** – Doctor of Law, Professor; **Yatsenko T. S.** – Doctor of Law, Associate Professor.

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

Postal code 94078 «Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines».

The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

Address: 1, Pushkin Street, Stavropol 355009.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

ISSN 2409-1030

© FSAEI HE "North-Caucasus
Federal University", 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Акопян В. З. Дискуссия по вопросу об административном центре Мясниковского района (1920-е гг.)	8
Ануприенко И. А. Современники и историки о супружестве в итальянском социуме рубежа XIV–XV вв.: дискуссии о семье и браке	17
Барабанова А. В. «Полпреды без мандатов»: советские работники СГАО «Висмут» в 1950-х гг.	23
Богатырёв А. В. Благодетель первого русского резидента в Речи Посполитой	30
Великая Н. Н. О российско-кумыкской торговле XVIII в.	35
Еремин В. С. Образ российских императоров на страницах шотландского ежеквартального книжного обозрения «The Edinburgh review» в первой четверти XIX в.	43
Жиров Н. А. Особенности историко-географического положения Верхнеокского района в середине XIX в. (по материалам Орловской губернии)	52
Казаров С. С. Гонг из Додоны	58
Карташев И. В. К вопросу о работе Ворошиловского (Ставропольского) медицинского института в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.)	63
Ким И. К. Борьба лагеря санации за принятие Апрельской конституции 1935 г. в Польше	75
Клопихина В. С. Исторический нарратив об Октябрьской революции 1917 г. как основа советской идеологии 1920-х гг.: региональный аспект	84
Кобахидзе Е. И., Дзотцоева А. А. Судостроительство на Центральном Кавказе в конце 1850-х гг. в контексте российской системы правосудия	92
Коробейникова Д. Ю. Северо-Восточный Кавказ во второй половине XIX века: причины рецидивов вооруженного противостояния в регионе	100
Немашкалов П. Г. Особенности проведения церковно-кадровой реформы в 1845 г. у в приходах Кавказской Епархии	107
Ноздринов В. В. Становление исторического образования и науки в Ставропольском государственном педагогическом институте в 1940–1960-е гг.	112
Панарин А. А. Характер взаимоотношений между православной церковью и советским государством в 1920-е гг. (на материалах Кубани)	118
Стрекалова Е. Н. «Стереть с лица земли вредителей и шпионов»: северокавказские особенности процессов «большого террора»	125
Танцеева А. В. «Жизнь без Бога»: атеистическая пропаганда в 1920-е гг. по материалам журнала «Огонек»	135

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Батиев Л. В. Вызов в суд и меры обеспечения участия сторон в процессе в России во второй половине XVII – начале XVIII вв.	140
Вербицкая М. А., Светличная Т. Б. Нецелевое использование земельных участков: некоторые проблемы административной ответственности	150
Клюковская И. Н., Мелекаев Р. К. Роль юридической техники в проведении антикоррупционной экспертизы законодательства Российской Федерации	157
Колесникова К. В. К вопросу о правовой природе вещных прав на землю	164
Рыженков А. Я. Принцип участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности: теория и практика	169
Смирнов Д. А., Трофимов М. С. О формировании юридическим институтом Северо-Кавказского федерального университета финансовой культуры населения: вопросы теории и практической реализации	177

Станкевич Г. В., Касевич Е. В. Банк России как орган валютного регулирования и валютного контроля: отдельные актуальные аспекты	183
Шевчук С. С., Ландина О. В. Принцип справедливости и его реализация в нормах наследственного права	189

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Грушевская Е. С. Специфика актуализации стратегического потенциала в предвыборном дискурсе	196
Сычина В. В., Ходус В. П. Реализация интенциональной направленности пьес А. П. Чехова в театральном дискурсе П. Брука	202
Мамедова А. Н. Семантическое преобразование лексемы «блаженство» в русской речи	208
Марченко Т. В. Лингвопрагматические особенности становления и функционирования прецедентного феномена в англоязычном политическом дискурсе	213

РЕЦЕНЗИИ

Вагабова Э. Р. Назарли А. Народное образование в Азербайджанской Республике (1918–1920 гг.). Баку: Нурлан, 2008. 224 с.	220
Дударев С. Л. Клычников Ю. Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений. Пятигорск: ПГУ, 2018. 108 с.	223
Ермаков В. П., Лазарян С. С. Пришло время разработки «непопулярных тем». Туфанов Е. В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь: ООИД ТЭСЭРА, 2018. 206 с.	228

ЮБИЛЕИ

Беликов А. П. К юбилею Акопа Жораевича Арутюняна	231
Информация об авторах	234

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Akopyan V. Z. The discussion on the administrative center of Myasnikovsky district (1920s)	8
Anuprienko I. A. Contemporaries and historians on matrimony in the Italian society in XIV–XV: discussions on the family and marriage	17
Barabanova A. V. “Plenipotentiary representatives without mandates”: the Soviet employees of SAG/SDAG Wismut in the 1950s	23
Bogatyrev A. V. Benefactor of the first Russian resident in Rzeczpospolita	30
Velikaya N. N. On Russian-Kumyk trade in the XVIII century	35
Eremin V. S. The image of Russian Emperors on the pages of Scotland quarterly book review the Edinburgh Review in the first quarter of the XIX century	43
Zhirov N. A. Specific features of historical and geographical position of Verhneokskiy area in the middle XIX century (on materials of the Oryol province)	52
Kazarov S. S. The Gong of Dodona	58
Kartashev I. V. On the work of the Voroshilov (Stavropol) medical institute during German occupation (1942–1943)	63
Kim I. K. Struggle of Sanacja camp for acceptance of the 1935 April constitution in Poland	75
Klopikhina V. S. The historical narrative of the October revolution of 1917 as the basis of Soviet ideology in 1920s: regional dimension	84
Kobakhidze E. I., Dzotsoeva A. A. Judicature in the Central Caucasus in the end of the 1850s in the context of Russian justice system	92
Korobeynikova D. Yu. The North-Eastern Caucasus in the second half of the XIX century: the reasons for recurrence of armed counteractions in the region	100
Nemashkalov P. G. Peculiarities of the church-personnel reform in 1845 in the parishes of the Caucasian diocese	107
Nozdrinov V. V. Establishment of historical education and science in the Stavropol State pedagogical institute in the 1940–1960s	112
Panarin A. A. The nature of relationship between the Orthodox Church and the Soviet State in 1920s (on materials of the Kuban)	118
Strekalova E. N. “Erase from the person of the ground of pests and spies”: the North Caucasian Characteristics processes of “big terror”	125
Tantsevova A. V. “Life without God”: atheistic propaganda in Ogoniok magazine in the 1920s	135

LEGAL SCIENCES

Batiev L. V. Summons to court and measures to ensure the participation of the parties in the judicial process in Russia in the second half of 17th – beginning of the 18th centuries	140
Verbitskaya M. A., Svetlichnaya T. B. Misuse of land: some challenges of administrative responsibility	150
Klyukovskaya I. N., Melekayev R. K. The role of legal technique in conducting anti-corruption examination of the legislation of the Russian Federation	157
Kolesnikova K. V. On legal nature of real rights to land	164
Ryzhenkov A. Ya. The principle of participation of citizens and their associations in urban planning: theory and practice philological sciences	169
Smirnov D. A., Trofimov M. S. On developing financial culture of the population by the institute of law of the North-Caucasus Federal University: theory and practice of implementation	177

Stankevich G. V., Kasevich E. V. The bank of Russia as a body of currency regulation and currency control: some topical aspects	183
Shevchuk S. S., Landina O. V. The principle of justice and its implementation in the norms of inheritance law	189

PHILOLOGICAL SCIENCES

Grushevskaya E. S. Specificity of strategic potential's actualization in pre-election discourse	196
Sychina V. V., Khodus V. P. The realization of the intentional orientation of A. P. Chekhov's pieces in P. Bruck's theatrical discourse	202
Mamedova A. N. Semantic transformation of the «bliss» lexeme in Russian speech	208
Marchenko T. V. Linguopragmatic peculiarities of precedent phenomenon coining and functioning in English political discourse	213

REVIEW

Vagabova E. R. Nazarli A. Public education in the Republic of Azerbaijan (1918–1920). Baku: Nurlan, 2008. 224 p.	220
Dudarev S. L. Klychnikov Yu. Yu. Sovmestnichestvo: a retrospective analysis of the specifics of Russian-North Caucasian relations. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 108 p.	223
Ermakov V. P., Lazaryan S. S. Time to develop “unpopular topics”. Tufanov E. V. Personnel of regional managers in the 1920s-1930s: formation and functioning (on the materials of the North Caucasus). Stavropol: OOOID TESERA, 2018. 206 p.	228

ANNIVERSARIES

Belikov A. P. To the anniversary of Hakob Zhoraevich Harutyunyan	231
Information about the authors	237

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(470+571)"19"

В. З. Акопян

ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ЦЕНТРЕ МЯСНИКОВСКОГО РАЙОНА (1920-е гг.)¹

Статья посвящена дискуссии по проблеме статуса города Нахичевани-на-Дону. Этот город, основанный в 1779 г. крымскими армянами, в 1926–1928 гг. являлся административным центром Мясниковского района. Ни один национальный район Северо-Кавказского края не имел своего центра в городе, тем более таком крупном, как Нахичевань.

Провозглашение Нахичевани административным центром района поддерживалось не только районными чиновниками и членами их семей, проживавшими в городе, но и широкими слоями общественности, видевших в этом глубокий национальный смысл. Иной мотив был у руководства края и округа. Определив Нахичевань в качестве центра района, они преследовали цель не допустить проникновения в состав руководства района сторонников клана Гадзиевых, имевших сильные

позиции в местной власти. Только после полной ликвидации «гадзиевщины» планировалось центр района переместить в Чалтырь или Крым. Автор показывает, что на следующий год после создания Мясниковского района вышестоящее руководство начинает оказывать давление на власти района с целью принятия ими самими решения о переводе центра из Нахичевани в одно из сел. В дискуссии о статусе Нахичевани, как центра района, решалась судьба самого города.

Без согласования со старожильческим армянским населением Дона, в 1928 г. центр района из Нахичевани-на-Дону был перенесен в село Крым, а затем в Чалтырь. В том же году город Нахичевань был присоединен к Ростову.

Ключевые слова: Юг России, Северо-Кавказский край, Нахичевань-на-Дону, донские армяне, национальный район, административный центр.

V. Z. Akopyan

THE DISCUSSION ON THE ADMINISTRATIVE CENTER OF MYASNIKOVSKY DISTRICT (1920s)

The article discusses the status of the city of Nakhichevan-on-Don. The city was founded by the Crimean Armenians in 1779, and in 1926–1928 it was the administrative center of the Armenian Myasnikovsky district. No single national district in the South of Russia had an administrative center in the city.

Proclamation of Nakhichevan as the administrative center of the district enjoyed support among not only local officials and members of their families but the public at large, as they believed it conveyed deep national meaning. The leaders of the region and the district pursued a different goal. Having proclaimed Nakhichevan the center of the district, they tried to prevent the supporters of the Gadzievs clan that used to hold leading official positions in the district from regaining them. It was planned to relocate the center to Chaltyr or the Crimea as soon as Gadzievs's in-

fluence was eliminated. The author shows that in the year following the creation of Myasnikovsky district the higher management began to exert pressure on the Armenian authorities with the aim of making their own decisions about the transfer of the center of New Nakhchivan in one of large villages. In the discussion on the status of Nakhichevan as a district centre the fate of the city was under question.

Without the consent of indigenous Armenian population of the Don, in 1928 the Central district of Nakhichevan was moved to the village of Crimea, and then to Chaltyr. In the same year, Nakhichevan was annexed to the city of Rostov-on-Don.

Key words: The South of Russia, North-Caucasus region, Nakhichevan-on-Don, the Don Armenians, national district, administrative center.

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ (РФФИ) в рамках научно-исследовательского проекта № 16-01-00319а.

Настоящая статья посвящена дискуссии по проблеме статуса Нахичевани-на-Дону как административного центра Мясниковского национального района.

В научной литературе рассматриваемая тема не получила освещения. В лучшем случае констатировался сам факт присоединения Нахичевани-на-Дону к соседнему Ростову. Уже одно это обстоятельство обуславливает актуальность темы. В связи с этим в настоящей статье рассматриваются причины упразднения города основанного в 1779 г.

Это обсуждение велось во второй половине 20-х гг. XX в. кулуарно, на уровне районных и региональных властей, без согласования со старожильческим армянским населением Дона. По сути, в этот период решался вопрос не столько о центре национального района, сколько о судьбе одного из крупнейших городов на Юге России, основанного крымскими армянами в 1779 г.

Для понимания проблемы отметим, что процесс национально-государственного строительства в первые советские десятилетия охватил не только коренные этносы Юга России, но и народы, проживавшие за пределами своих государств или национально-государственных образований, т.е. в терминологии первых советских десятилетий – национальные меньшинства [1; 2].

В период нэпа в местах компактного проживания нацменьшинств создавались «малые», или «низовые» формы территориальной автономии – национальные районы. До начала 30-х гг. на Юге России, объединенном в Северо-Кавказский край с центром в Ростове-на-Дону, было создано два армянских, греческий, немецкий, туркменский, шапсугский, калмыцкий районы [3; 20].

Армянский национальный район на Дону, получивший название Мясниковский в честь известного политического деятеля Александра Мясникяна (Мясникова), был создан для населения исторической колонии, образованной крымскими армянами в соответствии с указом Екатерины II от 9 марта 1778 г.

Переселяя армян и греков из Крыма в Приазовье, русское правительство преследовало две взаимосвязанные задачи: во-первых, экономически ослабить Крымское ханство, по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. объявленное независимым от Османской империи и переходившее под покровительство России; во-вторых, заселить пустынные территории Юга России трудолюбивыми христианскими народами (армянами и греками), имев-

шими большой опыт в торговле, ремесле и в земледелии. Армянское население, с симпатией относившиеся к идее присоединения Крыма к России, в то же время не желало покидать полуостров, куда прибыли их предки из средневековой столицы г. Ани, разрушенной турками-сельджуками.

С целью изменить отношение крымских армян к переселению им обещали льготы, которые были закреплены в Грамоте императрицы Екатерины II от 14 ноября 1779 г. В соответствии с ней переселенцам навечно отводилось 86 тысяч десятин земли рядом с крепостью Св. Дмитрия Ростовского в низовьях Дона, разрешено основать город и селения, предоставлялись различные льготы и широкое самоуправление. Грамота императрицы завершалась словами: «Все сеи преимущества жалует Мы торжественно и потомственно всему обществу на вечные времена, для вящей силы своелично подписали, и Государственною Нашею печатью укрепить повелели» [9, с. 878 – 879].

Выходцы из крымских городов основали город Нор-Нахичеван (Новая Нахичевань, или Нахичевань-на-Дону), названный в честь древнего армянского города Нахичеван на реке Аракс. Название города с армянского языка переводится как «место первого сошествия» и с древнейших времен считалось местом первого поселения Ноя после его сошествия с горы Арарат.

Сельские жители, прибывшие из Крыма, основали села Чалтырь, Топти (Крым), Мец Сал (Большие Салы), Покр Сал (Султан Сала), Несветай и в отдалении от них – Катеринован (ныне с. Самбек Неклиновского района).

Донские, или нахичеванские армяне в течение длительного времени пользовались широким внутренним самоуправлением. В 1780 г. в Нахичевани был образован магистрат, функционировал свой суд, полицейская служба. Нахичеванская колония имела свой герб. Главными его элементами были щит, улей и медоносные пчелы – символ трудолюбия.

Армянская колония входила в состав Ростовского уезда Новороссийской губернии, центр которой располагался в Таганроге. В 1802 г. Нахичевань и армянские села вошли в Екатеринославскую губернию. В 1887 г. Ростовский уезд в качестве округа был присоединен к Области Войска Донского, центром которой был Новочеркасск.

Спустя два десятилетия после основания города Нахичевани, он становится крупнейшим экономическим центром на Юге России.

Таким же высоким уровнем характеризовалась и социально-культурная инфраструктура Нахичеванской колонии. В городе действовали Армянское духовное управление, девять благотворительных и просветительских учреждений, женские и мужские гимназии, ремесленное и коммерческое училища, публичная библиотека, общество любителей драматического искусства и др. В 1900 г. было построено новое здание театра. В местной типографии, основанной в 1783 г., издавались периодические издания, учебники, художественная литература. В Нахичевани и в окрестных селах к концу XIX в. действовало 15 армянских церквей и приходские училища при них. В городе располагался викариат, а затем и епархия Бессарабской и Ново-Нахичеванской епархии.

До 1860-х гг. Новая Нахичевань по всем параметрам превосходила соседний Ростов-на-Дону. Однако ситуация коренным образом изменилась в пользу Ростова после указа императора Александра II от 30 июня 1867 г. о постройке железной дороги от станции Аксайской до Ростова. Численность его населения увеличилась в несколько раз, вначале опередив Нахичевань, а к концу века в три раз его превысив. Если в 1860 г. в Ростове проживало 17,5 тыс. человек, то в 1897 г. – 119,5 тыс. В последнюю четверть XIX в. население г. Нахичевани росло главным образом за счет неармянского «иногороднего» населения и к концу века численность армян и представителей других национальностей уравнилась, составив 32 тыс. человек. В пореформенный период армянское самоуправление было ликвидировано. В то же время Нахичевань и армянские села сохраняли полнокровную национальную жизнь и по-прежнему оставались самой сильной армянской общиной в России.

Несмотря на то, что армяне Нахичевани и окрестных сел являлись единым национальным организмом, интенсивно изменяется структура самой армянской части населения Нахичевани. Увеличивается доля «некрымских» армян, главным образом, за счет выходцев из Закавказья и беженцев из Западной Армении. При этом сельчане сохраняли свою гомогенность. Хотя «пришлые» армяне привнесли новые штрихи в характер города, Нахичевань сохраняла свой прежний «анийско-крымский» колорит. В целом численность городских и сельских армян была примерно одинаковой.

После установления советской власти на Дону (январь 1920 г.) почти 50-тысячная нахичеванская община была административно «расчленена» на две части. Новая Нахичевань

все больше интегрировалась в Ростов. Близлежащие к городу армянские села в 1924 г. были включены в состав Аксайского района. Хотя административные учреждения района располагались в Нахичевани, сам город непосредственно в район не входил. За неполные два года своего существования этот «смешанный» русско-армянский район показал свою искусственность, нежизнеспособность и бесперспективность. Руководство и армянское население района были «оторваны» друг от друга. Большинство жителей сел оставались безучастными ко всем мероприятиям советской власти. Засевший в руководстве района клан Гадзиевых терроризировал население армянских сел.

Недоверие к советской власти одной из крупнейших армянских общин, находившейся за пределами исторической родины, было невыгодно и с экономической точки зрения и, что особенно тревожило руководство, вредило международному имиджу советской власти. Изменить ситуацию, по мнению руководства Северо-Кавказского края и Донского округа, могло создание национального района. Фактически речь шла о воссоздании самоуправления донских армян в «советской упаковке». В ней национальное рассматривалось как преходящая форма, которая через непродолжительное время будет полностью заменена коммунистическим и космополитическим содержанием. Даже такой горячий сторонник создания национального района, как секретарь райкома ВКП(б) Э.М. Гигоян, выступая на I районном партийном совещании Мясниковского района (30 октября 1926 г.), вынужден был сказать следующее: «Работа наших ячеек должна быть направлена на пропаганду и разъяснение ленинского разрешения нацвопроса и разъяснение того, что выделение национального района – не цель, а средство, направленное на подтягивание отсталого крестьянства района к более передовым и развитым народам Советского Союза» [16, л. 1].

Первое Донское окружное совещание по советскому строительству (октябрь 1925 г.) приняло резолюцию «О работе среди национальных меньшинств», в которой впервые признавалась необходимость организации самостоятельного армянского района в округе в составе шести сельсоветов. В принятом решении предлагалось вынести вопрос на рассмотрение не только армянского населения, проживающего на данной территории, но и жителей соседних хуторов и станиц, которые не должны были войти в национальный район

[15, л. 11]. После различных согласований по партийной и советской линиям, 10 мая 1926 г. состоялся I съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов Мясниковского района, на котором были утверждены все принятые на вышестоящем уровне решения по национальному району. Съезд провозгласил Нахичевань административным центром армянского района [7].

Уникальность этого решения заключалась в том, что ни один национальный район Северного Кавказа и многих других регионов страны не имел своего центра в городе, тем более таком крупном, как Нахичевань, превосходивший по численности центры северокавказских автономий. В рассматриваемом регионе, кроме армян, ни один дисперсный этнос не имел основанные им города. Помимо Новой Нахичевани, это Армавир и Святой Крест (Буденновск).

В то же время город Нахичевань, в котором проживало 71 054 человека [8], включая более чем 20-тысячное армянское население, лишь формально провозглашался центром района. Вся хозяйственная и социально-культурная инфраструктура города к Мясниковскому району не относилась. Важнейший национальный сегмент, объединявший в прошлом единую городскую и сельскую нахичеванскую общину, – Ново-Нахичеванская епархия ААЦ подвергалась преследованию и в конце концов была разгромлена [4].

Национальному району в городе принадлежали только служебные квартиры чиновников и несколько помещений, в которых располагался немногочисленный партийно-советский аппарат. Другие «армянские объекты» (в том числе: театр, клубы, издательство, редакция краевой газеты, педагогический техникум и др.) призваны были обслуживать как горожан, так и все армянское население края, включая Мясниковский и Армянский (на Кубани) районы.

Провозглашение Нахичевани административным центром района поддерживалось не только районными чиновниками, проживавшими в городе, но и сельская интеллигенция, видевшей в этом глубокий национальный смысл.

Иной мотив был у руководства края и округа. Определив Нахичевань в качестве центра района, они преследовали цель не допустить проникновения в состав руководства района сторонников Гадзиевых, имевших сильные позиции в сельских партиячках и сельсоветах. Только после полной ликвидации «гадзиевщины» планировалось центр района переместить в Чалтырь или Крым. Это наше предположение подтвердилось спустя год. Действительно, на следующий год после образования Мясников-

ского района Оргбюро ВКП(б), возглавляемое Э. М. Гигояном, сформировав новый состав сельских парторганизаций и завершив организационный этап в формировании райисполкома и райкома, рапортовало о том, что с «гадзиевщиной» в районе в основном покончено.

С этого момента Донком ВКП(б) и Донисполком начинают подспудно оказывать давление на руководство района с целью принятия им самим решения о переводе центра из Нахичевани в Крым или Чалтырь. В условиях все еще продолжавшегося относительно либерального нэпа была поставлена задача возложить эту миссию на «национальное» руководство района. Краевые и окружные власти опасались обвинений со стороны армянской общественности в том, что по отношению к армянам проводится дискриминационная политика. Этим могла воспользоваться и антисталинская партийная оппозиция в Москве.

Позднее станет ясно, что вопрос о статусе Нахичевани был лишь шагом на пути к включению его в состав соседнего Ростова-на-Дону. Заметим, что в соответствии с Всесоюзной переписью населения 1926 г. в Ростове проживало 231,3 тыс., а в Нахичевани – 71 тыс. человек. Официальные данные численности населения Нахичевани не учитывали тысячи западноармянских беженцев.

Основные решения по изъятию города из состава района принимались в период нахождения во главе крайкома М. С. Чудова (1926–1927), а затем сменившего его сталинского выдвиженца А. А. Андреева (1928–1930). Доступные нам архивные документы впервые зафиксировали дискуссию о статусе Нахичевани только 19 мая 1927 года, когда на заседании бюро Донкома рассматривались результаты деятельности комиссии, изучавшей итоги развития Мясниковского района в течение первого организационного года [11, л. 131–145].

Кроме секретаря райкома Э. М. Гигояна, с докладом выступил Н. Р. Заргарян, инструктор Северо-Кавказского крайкома, курировавший Мясниковский район [12, л. 29–29а; 14, л. 8]. В силу занимаемой должности Заргарян озвучил позицию вышестоящих партийных органов по основным проблемам развития Мясниковского района. Он фактически выступил против «национализации» (коренизации), под которой понимался перевод деятельности руководящих органов, общественных организаций и учреждений культуры, включая школы, на родной язык. Однако нас интересует его позиция по Нахичевани. Приведем пространную выдержку из его речи: «Насчет районно-

го центра. В задачи комиссии, которая была создана для обследования Мясниковского района, не входило решать вопрос о перемещении районного центра. Но в процессе работы у всей комиссии создалось определенное твердое мнение, что районному аппарату как РИКу [райисполкому], так и РК [райкому] в Нахичевани нечего делать. Села Чалтырь и Крым находятся рядом. Только одна улица отделяет эти села друг от друга. В этих селах живут около 2/3 всего района. Село Чалтырь было резиденцией Гадзиева. Результаты «гадзиевщины» там сильнее, чем где бы то ни было. Влияние партийной ячейки в селе Чалтырь очень слабо. Было постановлено – признать положение Чалтырской ячейки катастрофическим. Нужно усилить партактиву партийными работниками» [11, л. 131].

Заргарян не только предложил «перебросить» надежные кадры в Чалтырь, но и весь «районный аппарат». Более того, Заргарян ввел всех в заблуждение, заявив, что перемещение центра района из Нахичевани является «общим мнением» [11, л. 132]. Причем инструктор отметил, что эту позицию поддерживает и Гигоян, что вызвало у последнего удивление и возражение.

Выступивший после Заргаряна Гигоян, понимая неотвратимость переноса центра из Нахичевани, пытался найти любой повод для того, чтобы оттянуть решение этого вопроса. Первый его аргумент касался значительных финансовых затрат, которые потребуются для обустройства центра в Чалтыре или Крыму. Вот фрагмент его выступления: «Должен сказать, что переброска районного центра сейчас потребует минимум 100 тыс. руб., т. е. специального помещения для районного центра... Там нет [даже] помещения для сельсоветов. А если районный аппарат перебросить туда, помещения совершенно не будет. Вопрос связан с денежными средствами» [11, л. 132]. Денег в окружном бюджете не было, и этот аргумент, по мнению Гигояна, мог сыграть свою роль для отсрочки в принятии решения. Но Гигоян привел еще два аргумента против переноса центра района. Во-первых, отметил он, Заргарян не считается с мнением части руководителей, чтобы их переселили в Чалтырь. Отмечая, что лично он с этим мнением «очень даже считается», Гигоян выдвинул второй – главный козырь. Перенос центра из Нахичевани в Чалтырь или Крым «будет означать, что районный аппарат, районный исполнительный комитет, советский аппарат перейдут в руки той части интеллигенции, о которой тов. Заргарян говорил. Мы были

свидетелями того, что интеллигенция в Чалтыре сама выдвинула, при перевыборах сельсовета, лозунг о переброске районного центра в Чалтырь, имея в виду, что очень много работников районного аппарата откажется, и она возьмет аппарат в свои руки» [11, л. 132].

Таким образом, Гигоян, отметив опасность перехода районного аппарата к сторонникам «клана Гадзиевых», надеялся, что этот аргумент снимет вопрос о переносе центра на неопределенное время.

Одновременно секретарь райкома подверг критике позицию Заргаряна и других работников Донкома, которые выразили сомнения в необходимости осуществления коренизации района.

Последовавшие выступления представителей округа показали, что попытка Гигояна отстоять Нахичевань обречена на неудачу. Выступивший окружной работник Щуголь сказал следующее: «О прикреплении этого [Мясниковского] района к Нахичевани, к городу мы много раз толковали, что это нецелесообразно» с точки зрения отдаленности от населения, что «отдаляет верховную власть от населения» [11, л. 136]. Щуголь намекнул, что имеются сторонники полной передачи Нахичевани району. При этом он заметил, что это мнение звучит «эпизодически»: «У нас имеется очень много материалов и документов о том, что население недовольно... И в Донисполкоме считают нецелесообразным такое положение» [11, л. 137]. Щуголь завершил свое выступление словами: «Люди могут прекрасно устроиться и в Крыму и в Чалтыре. Нужно быть власти поближе к району» [11, л. 138].

Другой окружной работник Нюрин, выступивший по данной проблеме, сказал следующее: «Мы очень затягиваем дело с перемещением работников отсюда, из города, в гущу населения... Я удивляюсь тов. Гигояну, когда он утверждает, что перемещение райцентра, скажем, в Чалтырь будет только повышением расходов по этому району. Наоборот. Кроме экономии от этого ничего не будет. Во-первых, все эти разъезды в Ростов – это большой расход... Во-вторых, при наличии в Чалтыре райцентра – там работа местного сельсовета может быть совмещена с работой РИКа. Чалтырь и Крым, по существу, два слитных селения. Причем эти два селения... сейчас имеют около 20 000 населения. Около 2/3 населения всего района... это почти уездный город, по численности населения, где можно развернуть достаточную работу... Поблизости находятся прочие сельсоветы этого же района. От этого была бы экономия.

...В Чалтыре такого вопроса, как жилищный кризис нет, чтобы нельзя было разместиться несколькими работникам» [11, л. 139–140].

На этом заседании по вопросу о центре района последнюю точку в разгоревшейся полемике должен был поставить «национал». Эту миссию выполнил в тот период «самый высокопоставленный» чиновник-армянин на Дону – заведующий организационным отделом Донкома ВКП(б) Ваган Никитович Бальян, член партии с августа 1916 г., в 1928 г. занявший должность секретаря Донкома ВКП(б). «По-моему, – сказал Бальян, – тут т.т. правильно поставили вопрос относительно перемещения центра в Чалтырь. Это и есть средство большего вовлечения населения в советское строительство, рано или поздно нужно к этому идти» [11, л. 145]. Самым важным, на наш взгляд, были его слова: «рано или поздно». Тем самым его позиция была в какой-то мере компромиссной.

Здесь уместным будет заметить, что накануне рассматриваемого заседания Донкома вместо первого председателя райисполкома Дереника Захаровича Апресяна, отбывшего в Москву на ответственные должности в органы ВЧК-НКВД, был назначен А. Г. Аваков [17, л. 98]. Полагаем, что Апресян мог так же решительно отстаивать сохранение центра района в Нахичевани. Поэтому его отзыв в Москву значительно ослабил позицию Гигояна и его сторонников.

Таким образом, вопреки повестке дня (вспомним слова Заргаряна, что в задачи комиссии, обследовавшей район, не входило решать вопрос о перемещении районного центра) участники заседания бюро Донкома основное внимание сосредоточили на этой проблеме.

Интересно отметить, что Э. М. Гигоян в своем заключительном слове больше не поднимал вопрос о центре района. Он понимал, что бальяновское «рано или поздно» является пределом возможного компромисса в тех условиях. Занятая секретарем позиция не могла остаться без последствий для него самого.

Между тем созданная комиссия Донкома и Донисполкома в составе Бальяна, Рудь и Самсонова, обследовав Мясниковский район и формально «изучив» проблему административного центра района, к весне 1928 г. подготовила предложения, в которых судьба Нахичевани была предreshена. Безусловно, этот вопрос решала не указанная комиссия или окружные власти, и даже не край, а Москва. Так или иначе, но 22 марта 1928 г. Донком, заслушав предложение комиссии, принял следующее решение: «1. Признать необходимым перевести в мае с.г. районный центр Мясников-

ского района в село Чалтырь или Крым, поручив РК ВКП(б) определить, в какое из двух сел центр переводится. Поручить фракции ДИКА изыскать необходимые средства, связанные с переводом и устройством районного центра. 2. Считать необходимым перевод в ближайшее время во всех партийных и советских аппаратах района делопроизводства на литературный армянский язык» [13, л. 15].

Донком, не без основания опасаясь того, что это решение встретит в районе противодействие, на том же заседании (22 марта 1928 г.) принял резолюцию: «Организовать комиссию для обследования работы Мясниковской райпарторганизации под углом проверки выполнения директив Бюро ДК по докладу Мясниковского РК (19.05.1927) в составе Володина (председатель), Волкова, Самсонова, Заргаряна и Торосьяна, поручив комиссии в 3-недельный срок закончить работу по обследованию» [13, л. 16].

Можно не сомневаться, что комиссия должна была проследить, как в районе осуществляется перенос центра и одновременно «переместить» из района тех, кто мог бы этому воспрепятствовать. Край торопил окружные власти с решением этого вопроса, так как вопрос о присоединении Нахичевани к Ростову принципиально был решен, так же как и превращение объединенного более чем 300-тысячного города в отдельную территориальную единицу.

Главные противники переноса центра района из Нахичевани к весне 1928 г. были нейтрализованы. Гигоян ожидал решения вопроса о своей дальнейшей судьбе и не мог противодействовать решению, принятому 30 марта на пленуме райкома. На этом пленуме с докладом «О перенесении Райцентра» выступил член райкома Минас Тарасович Шагинян. В принятом по его докладу решении говорилось: «1) Исходя из постановления ДК и решения РК о переводе райцентра в какой-либо населенный пункт, считать целесообразным перевод райцентра в с. Крым, имея в виду, что по территориальному распоряжению Крым стоит ближе к остальным селам и что там уже имеются районные организации (райколхозсовет, райсеменоводсоюз), предполагается к постройке районная больница и т. д.; 2) Окончательный срок перевода всех районных организаций установить не позже 31 мая с.г., *обусловив осуществление этого срока с отпуском необходимых средств* (курсив – А. В.). Донскими организациями на расходы, связан-

ные с переходом», в том числе меры, связанные с финансированием жилья для работников аппарата и т. д. [18, л. 1].

Между тем все правовые формальности, связанные с перемещением центра района из Нахичевани в село Крым, были соблюдены. Как и требовалось, власти района мотивировали свои решения интересами крестьянских масс. Такое обоснование приводилось на собраниях с трудящимися и в местной печати.

Краевой печатный орган в конце октября 1928 г. сообщал о том, что принято постановление о соединении Ростова и Нахичевани и создании в нем единого горсовета [8]. Тогда же Президиум крайисполкома принял постановление «О выделении гг. Ростова и Нахичевани-на-Дону из состава Донского округа». В нем указывалось на необходимость установления прямого подчинения объединенного города краевым органам. Созданной комиссии поручалось практически проработать этот вопрос [5, с. 33].

Немногом больше, чем через месяц М. Т. Шагинян, исполнявший обязанности председателя исполкома [17, л. 98], признавал, что все обещания окружных и краевых властей о выделении значительных средств на обустройство нового райцентра оказались только на бумаге. Выступая на заседании бюро Мясниковского райкома с информацией «О мероприятиях по переводу райцентра», Шагинян выразил несогласие со сметой, выделенной Донисполкомом на эти цели, и предложил перенести вопрос на обсуждение Донкома. Одновременно поручалось «фракции РИКа воздержаться от покупки дома, составив смету с учетом всех минимальных текущих расходов, связанных с переездом» [17, л. 32–33]. Большая часть бюро райкома его поддержала по этому вопросу.

Нам неизвестно, как конкретно Донком и Донисполком отреагировали на апелляцию райкома. Но известно, что Мясниковский район средств на свой новый центр не получил.

В декабре 1928 г. в Ростов приехал представитель ВЦИК Соколовский. С 10 по 14 декабря он изучал сложившуюся в районе ситуацию, в том числе в связи с перемещением центра. Возможно, работник ВЦИК РСФСР прибыл с целью согласовать все вопросы в связи с подготовкой запоздалого на несколько лет постановления Президиума ВЦИК об образовании Мясниковского района, но уже без Новой Нахичевани. На районной партийной конференции, проходившей в селе Крым 14 декабря, в присутствии Соколовского, представителей края и округа, руководители района высказали свои

претензии к окружному руководству по многим вопросам. Причем спровоцировал их на это сам Соколовский, в своей речи упрекнувший власти округа в невнимании к району.

Приведем пространную выдержку из его выступления: «Я в вашем районе нахожусь уже четыре дня, и мне трудновато анализировать вашу обстановку, хотя знаю из опыта, что в районе или округе, находящемся ближе к своему центру, обстановка обыкновенно легче, а у вас наоборот, центр рядом, а состояние незавидное. Возьмите ваш райком, имеется помещение, ...секретарь, машинистка и в роли универсального курьера женорг. Присмотревшись к вашей работе, удивляюсь, как вы управляетесь с работой, и на чем держится у вас Советская власть. Обыкновенно в нацрайонах, округах процветает национализм, у вас этого нет, несмотря на то, что руководитель вашей окружной парторганизации – секретарь ДК – армянин Бальян, человек, знакомый с особенностями вашего быта и уклона. Я это говорю, чтобы подчеркнуть, что ДК, имея представление о вашем районе, внимания в достаточной степени ему не уделял. Ведь это нестерпимо, когда несколько коммунистов тщетно бьются и стараются обратить на работу в районе внимание окрорганизации, и на это никто не реагирует...» [19, л. 1].

Интересующий нас вопрос затронул в своем выступлении М. Т. Шагинян. Сообщая о том, что, несмотря на то что район посетило множество комиссий ЦИК и ЦКК, реальных положительных сдвигов нет. «Возьмите переезд нашего района сюда. Нас без разговоров *из города выгнали* (курсив – А. В.), для нас существует партдисциплина, а вот Донком переезжает, так его работники не очень-то собираются в Новочеркасск, для них дисциплина не существует, как не существует она и в отношении лиц, не желающих с нами работать. Переводя нас сюда, надо было бы создать мало-мальски подходящие условия для работы, нам этого не создали» [19, л. 3]. Здесь уместно заметить, что в связи с тем, что в октябре 1928 г. Ростов (вместе с Нахичеванью) стал отдельной единицей Северо-Кавказского края, центром Донского округа стал Новочеркасск. Далее, говоря о коренизации аппарата района, Шагинян отметил, что «мы проделали большую работу по переводу нашего аппарата на армянский язык и опять препятствия бюджетного порядка, дело это у нас сорвали» [19, л. 3].

По этой теме М. Т. Шагиняна поддержал Гигоян. Он подверг критике кадровую политику Донкома. «Возьмем наши кадры на выдвиже-

ние, – говорил Гигоян. – Мы послали в этом году в Совпартшколу пять человек. Из них приняли одного, и то – русского. К нашим кандидатам предъявляются чрезмерные требования, не считаясь с их национальной отсталостью, ведь средств на предварительную подготовку мы не имеем» [20, л. 3]. Далее он отметил, что в районе давно покончили с «гадзиевщиной», бесчисленные комиссии и ОГПУ не нашли ее, однако «под флагом борьбы» с этим явлением некоторые товарищи «просто желают расправиться с неугодными людьми» [19, л. 5].

В масштабах района происходила «кадровая революция», которая осуществлялась под знаменем борьбы с «элементами, в той или иной степени в прошлом связанными с “гадзиевщиной”». Последняя цитата взята из постановления Бюро Мясниковского райкома от 31 мая 1928 г., где рассматривался «вопрос об антипартийных поступках группы членов Чалтырской ячейки – Хейгетов, Кияхов и др.»; был возбужден вопрос об исключении из партии Атаманова и Меликсетова [13, л. 72].

Эти и другие кадровые решения принимались по результатам работы, созданной Донком комиссией, подготовившей «Выводы по обследованию состояния работы Мясниковской районной парторганизации за время с 1 апреля 1927 по 1 апреля 1928 г.». В документе руководство района во главе с Гигояном подверглось жесткой критике главным образом из-за вопроса о центре района: «Неправильность занятой райкомом линии в вопросе перемещения центра из Нахичевани в одно из селений дала возможность группе Джалотьяна этот момент использовать с целью дискредитации как райкома, так и отдельных руководителей партийной и советской работы» [13, л. 74].

В августе 1928 г. (8 августа) Донком на своем заседании по результатам очередного обследования Мясниковского райкома ВКП(б) рассмотрел вопрос «О перебриске т. Гигояна на другую работу и выдвижение другого работника в качестве секретаря РК ВКП(б)» [14, л. 7а]. После соответствующего решения в крае и в округе бюро Мясниковского райкома 28 сентября 1928 г. приняло решение назначить Гигояна редактором газеты «Мурч-Мангах», издававшейся в Нахичевани [13, л. 70]. Заметим, что в октябре 1928 г. новый секре-

тарь Аведиков (член партии с 1912 г.) проявил, как отмечалось на заседании бюро Донкома, недисциплинированность и «без ведома ДК оставил работу в Мясниковском райкоме и прибыл в Ростов» [13, л. 82а]. Возможно, поступок Аведикова был связан не с болезнью, а с его несогласием с изменением статуса Нахичевани.

Проблема Нахичевани оказалась настолько серьезной, что только после переноса административного центра в Крым и присоединения Нахичевани к г. Ростову-на-Дону последовало запоздалое (почти на четыре года) постановление Президиума ВЦИК от 4 марта 1929 г. за подписью М. И. Калинина: «Образовать национальный армянский Мясниковский район с центром в селении Крым, в составе Несветайского, Султан-Сальского, Крымского и Чалтырского сельсоветов Аксайского района». А уже 12 сентября 1929 г. центр района перенесли из села Крым в Чалтырь.

Но не это постановление стало последним аккордом в истории Нахичевани. На заседании секретариата крайкома ВКП(б) 14 октября 1929 г. слушался вопрос «О переименовании Нахичеванского района» (докладчики: Беленький, Эльяшберг). Без какого-либо обсуждения было принято следующее решение: «Постановили: не возражать против переименования Нахичеванского района в Пролетарский район. Поручить фракции Ростовского горсовета оформить это в советском порядке» [15, л. 15].

Был ли указ из Москвы по этому вопросу, или инициатива исходила от секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. А. Андреева, примерявшего уже «лампасы» председателя ЦКК ВКП(б), наркома рабоче-крестьянской инспекции СССР и зам. председателя СНК СССР, уже не имело значения. В период «великого перелома», наступившего в 1929 г., жестостящие власти или четко исполняли приказы сверху или делали то, что от них ожидали в Центре.

Таким образом, история города основанного в 1779 году ровно через 150 лет после его основания завершилась так печально. Упразднение Нахичевани-на-Дону, как и в других аналогичных случаях, происходило волевым методом без учета мнения его жителей.

Источники и литература

1. Акопян В.З. Развитие государственности и культуры национальных меньшинств Северного Кавказа (опыт партийных и советских организаций в 1920–1927 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук, Ростов н/Д.: РГУ, 1991. 23 с.
2. Акопян В.З. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура. 1920–1940 гг. Ростов н/Д: ГУПС, 2010. 170 с.
3. Акопян В.З. Национальные подразделения во властных структурах Юга России (1920–1930-е гг.). Ростов н/Д:

РГУПС, 2014. 284 с.

4. Акопян В.З. Государственная конфессиональная политика в отношении Армянской Апостольской Церкви на Юге России в 1917-1941 гг. Пятигорск: ПГУ, 2017. 160 с.

5. Известия Северо-Кавказского Краевого Исполнительного Комитета. 1928. № 20. 15 ноября.

6. Молот. 1926. 10 марта.

7. Молот. 1927. 1 января

8. Молот. 1928. 28 октября.

9. Полное собрание законов Российской Империи. СПб.: Типография II отделения Е.И.В.К., 1830. Т. XX. №14942.

10. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р. – 5. Оп. 1. Д. 41.

11. ЦДНИРО. Ф.Р. – 5. Оп. 1. Д. 120.

12. ЦДНИРО. Ф.Р. – 5. Оп. 1. Д. 136.

13. ЦДНИРО. Ф.Р. – 5. Оп. 1. Д. 169.

14. ЦДНИРО. Ф.Р. – 5. Оп. 1. Д. 171.

15. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 932.

16. ЦДНИРО. Ф.Р. – 73. Оп.1. Д. 2.

17. ЦДНИРО. Ф.Р. – 73. Оп.1. Д. 8.

18. ЦДНИРО. Ф.Р. – 73. Оп.1. Д. 10

19. ЦДНИРО. Ф.Р. – 73. Оп.1. Д. 11.

20. Akopyan V. Z., Ermakov V. P. The «Local» Form of the National and Territorial autonomy and the possibility of the Application of its Experience // World Applied Sciences Journal. 2013. November 22. P. 1080–1084.

References

1. Akopyan V. Z. Razvitie gosudarstvennosti i kultury nacionalnykh menshinstv Severnogo Kavkaza. Opyt partijnyh i sovetskikh organizacij v 1920–1927 gg. (*Development Of Statehood And Culture Of National Minorities Of The North Caucasus. Experience Of Party And Soviet Organizations In 1920–1927*): abstract of thesis. Rostov on Don: RSU publ., 1991. 23 p. (In Russian).

2. Akopyan V. Z. Severnyj Kavkaz: gosudarstvennoe stroitelstvo, ehkonomika i kultura. 1920–1940 gg. (*North Caucasus: State Building, Economy And Culture. 1920–1940.*). Rostov on Don: RSTU publ., 2010. 170 p. (In Russian).

3. Akopyan V. Z. Nacionalnye podrazdeleniya vo vlastnyh strukturah YUga Rossii. 1920–1930-e gg. (*National Divisions In The Power Structures Of The South Of Russia. 1920–1930*). Rostov on Don: RSTU publ., 2014. 284 p. (In Russian).

4. Akopyan V. Z. Gosudarstvennaya konfessionalnaya politika v otnoshenii Armyanskoy Apostolskoj Cerkvi na Yuge Rossii v 1917–1941 gg. (*State Confessional Policy Towards The Armenian Apostolic Church In The South Of Russia In 1917–1941*). Pyatigorsk: PSU publ., 2017. 160 p. (In Russian).

5. Izvestiya Severo-Kavkazskogo Kraevogo Ispolnitelnogo Komiteta (*Proceedings of the North-Caucasus Regional Executive Committee*). 1928. No. 20. November 20. (In Russian).

6. Molot. 1926. March 10. (In Russian).

7. Molot. 1927. January 1. (In Russian).

8. Molot. 1928. October 28. (In Russian).

9. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii (*Complete Collection Of Laws Of The Russian Empire*). St. Petersburg, 1830. Vol. XX. No. 14942. (In Russian).

10. Documentation center for modern history of the Rostov region (CDNIRO). F. R. – 5. Inv. 1. D. 41. (In Russian).

11. CDNIRO. F.R. – 5. Inv. 1. D. 120. (In Russian).

12. CDNIRO. F.R. – 5. Inv. 1. D. 136. (In Russian).

13. CDNIRO. F.R. – 5. Inv. 1. D. 169. (In Russian).

14. CDNIRO. F.R. – 5. Inv. 1. D. 171. (In Russian).

15. CDNIRO. F.R. – 7. Inv. 1. D. 932. (In Russian).

16. CDNIRO. F.R. – 73. Inv.1. D. 2. (In Russian).

17. CDNIRO. F.R. – 73. Inv.1. D. 8. (In Russian).

18. CDNIRO. F.R. – 73. Inv.1. D. 10. (In Russian).

19. CDNIRO. F.R. – 73. Inv.1. D. 11. (In Russian).

20. Akopyan V. Z., Ermakov V. P. The «Local» Form of the National and Territorial autonomy and the possibility of the Application of its Experience // World Applied Sciences Journal. November 22. No 8, 2013. P.1080–1084.

УДК 63.3

И. А. Ануприенко

СОВРЕМЕННОКИ И ИСТОРИКИ О СУПРУЖЕСТВЕ В ИТАЛЬЯНСКОМ СОЦИУМЕ РУБЕЖА XIV–XV вв.: ДИСКУССИИ О СЕМЬЕ И БРАКЕ

В статье рассматриваются взгляды современников и историков на взаимоотношения супругов, семью и брак в итальянском социуме рубежа XIV–XV вв. Проводится анализ через призму гуманистических воззрений, которые играли большую роль не только в культурной, но и политической жизни итальянского социума периода quattrocento.

В культуре итальянского Возрождения, проявлялся диалог, в котором наиболее значимые социокультурные проблемы обсуждались в форме дебатов, дискуссий, затем они трансформировались в повседневную практику и становились нормой. В концепциях гуманистов основной мотив – идея о необходимости семьи. Являясь фундаментом светского устройства людей, семья становится в руках теоретиков инструментом понимания и организации мира, поэтому общество

и государство уделяло этому аспекту большое внимание.

Историки, изучающие взгляды Джованни Морелли, Леона Батиста Альберти, Джованни Боккаччо, Паоло да Чертадьдо, Колуччо Салютати, Бернардино Сиенского, Джанноццо Манетти, пришли к выводу о том, что гуманистическая мысль продуцировала в последующем столетии значительное изменение менталитета общества. Автор в работе высказывает мысль о том, что взгляды на супружество не стали явлением исключительно тосканским или флорентийским, но, тем не менее, вполне достоверно, что новые семейные отношения первыми появились в Тоскане и Флоренции, прежде чем в других европейских социумах.

Ключевые слова: «тосканская модель брака», семья, гуманизм, Италия, позднее средневековье, нормативно-ценностные системы.

I. A. Anuprienko

CONTEMPORARIES AND HISTORIANS ON MATRIMONY IN THE ITALIAN SOCIETY IN XIV–XV: DISCUSSIONS ON THE FAMILY AND MARRIAGE

The article examines the views of contemporaries and historians on the relationship of spouses, family and marriage in the Italian society at the turn of the 14th–15th centuries. The analysis is conducted in the light of humanistic views that played a big role not only in the cultural, but also in the political life of the Italian society of the quattrocento period.

The culture of Italian Renaissance favored the dialogue as the most significant sociocultural problems were discussed in the form of debates, and then they were transformed into everyday practice and became the norm. The concepts of humanists convey the need for a family as the main motive. Being the foundation of the secular organization of people, in the hands of theorists the family becomes an instrument for under-

standing and organizing the world, therefore society and the state paid much attention to this aspect.

Historians studying the views of Giovanni Morelli, Leon Batista Alberti, Giovanni Boccaccio, Paolo da Certaldo, Kolyuchcho Salutati, Bernardino of Siena and Giannozzo Manetti concluded that humanistic thought produced a significant change in the mentality of society in the following century. The author suggests that the views on marriage were not exclusively Tuscan or Florentine, but it is quite certain that the new family relations originally appeared in Tuscany and Florence, and later on in other European societies.

Key words: Tuscan marriage model, family, humanism, Italy, later Middle Ages, normative-value systems.

В переходный период рубежа XIV–XV вв. проходили процессы эмансипации человеческой индивидуальности, следствием стало расширение социальных связей в обществе. На разных этапах человеческой истории, с изменением социально-экономических условий

существования, по-другому развиваются природа и возможности человека, его мировоззрение, отношение с окружающим миром, формы и содержание социальных взаимосвязей, характер нормативно-ценностных систем, все это становится новым в развитии общества.

В итальянском социуме XIV в., которое культивировалось гуманистическим движением: от Салютати до Бруни, от Барбаро до Альберти, рождалась новая культура, основанная светским и мирским характером идеалов. Она продуцировала в последующем столетии значительное изменение менталитета горожан.

Становится ценностью утверждение, полностью светское, о приоритете жизни активной над жизнью созерцательной, поэтому в кругах флорентийских гуманистов XIV–XV вв., не утрачивает значение полемика, почти непрерывно выраженная в писаниях Леона Батиста Альберти «Книга о семье» [3], по проблемам повседневной жизни семьи и взаимоотношения супругов. Поэтому, когда вставал вопрос о семье, о браке, о детях, обсуждалось поведение, как мужчин, так и женщин.

Можно наблюдать, как в культуре итальянского Возрождения, явно проявляется диалог, в котором наиболее значимые социокультурные проблемы обсуждались в форме дебатов, дискуссий между друзьями, с высоким уровнем образованности и равным желанием отыскать истину.

Начальным шагом в оформлении брачного союза было нахождение подходящих кандидатур. Большая разница в возрасте между женихом и невестой и дисбаланс в количественном и гендерном отношении мужчин и женщин, достигнувших возраста вступления в брак, имела одно важное следствие: дочери богатых родителей, предлагавшие большие приданые, имели больше шансов выйти замуж, чем девушки из менее состоятельных семей. Но, учитывая нехватку женихов на брачном рынке, девушкам часто приходилось вступать в брак с мужчинами из менее знатных социальных страт. Таким образом, из-за вступления в брак многие женщины страдали от потери высокого статуса в обществе. Женихи же смотрели на брак как на первичное средство социального продвижения, причем не только в силу большого денежного приданного, но и вследствие связей и родительского престижа семьи супруги [8, p.138].

Так, например, гуманист Джованни Морелли (1313–1375 гг.), современник Петрарки, рекомендовал своим потомкам: «стремитесь поднять себя» [9, p. 72], т.е. свой *социальный статус* (курсив – И. А.). Это было важной причиной для амбициозного молодого человека, отложить свой первый брак на достаточно долгое время, чтобы подыскать более подходящую партию для женитьбы.

Флорентийские кадастры, исследованные Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер, содержат дан-

ные по этому вопросу. Например, в документах 1427–1428 гг., было отмечено 79 браков, в которых мы можем найти сведения о невестах и женихах, их семейном происхождении и богатстве. В 41 из 79 браков, дом жениха, кажется, богаче. Среднее значение общих налогооблагаемых активов семей женихов составляло 2 869,5 флоринов, а для невест 2 897,6 флоринов. Эти цифры свидетельствуют о том, что браки в среде флорентийского патрицианта были почти на одном уровне в пирамиде богатства. Однако эти суммы представляют собой богатство домашних хозяйств после выплаты приданого. Даже если в кадастрах не всегда ясно указывается, что приданое было уплачено [7, p. 265].

Средний размер приданого составлял около от 600 до 735 флоринов, это была, очевидно, значительная сумма для пополанства. Если мы учтем плату за приданое, оказывается, что сбережения семьи невесты первоначально были на 1200 флоринов больше, чем у жениха. Другие документы подтверждают этот факт. Таким образом, направление социального движения, порожденное браками, ясно: в 35 из 79 случаев невеста происходила из более богатого домохозяйства [7, p. 280].

Среднее богатство всех домашних хозяйств невест составляло примерно 5050 флоринов, а домохозяйства женихов обладали средними активами на сумму всего лишь 3 125 флоринов. Таким образом, выплата приданого, представленного для жениха, составляло 14 % всей собственности [7, p. 284].

Разумеется, можно предположить, что женихи, были моложе, чем отцы их невест. Поэтому, их богатство не будет точно отражать их истинное социальное положение. На самом деле семьи, из которых происходили молодые люди, обладали сложной структурой. Некоторые женихи возглавляли свои домашние хозяйства, но большинство из них по-прежнему жили как сыновья и младшие члены семьи.

Точно так же и невесты, были дочерьми и находились под юрисдикцией своих отцов, но часть из них жили с братом или были даже главами независимых домохозяйств. Обладание собственностью увеличивало шансы выйти замуж, а у девушек из средних слоев шансы на брак уменьшались, поэтому многие становились монахинями, другого выхода не было. Эти особенности брачных стратегий формировали модель тосканского брака, в котором важным аспектом при выборе супругов было увеличение благосостояния и выживание своих семейных линий.

В христианской традиции брак считался почетным состоянием, но уступал безбрачию и даже вдовству. По мнению католических ортодоксов, ответственность женатого человека за семью не только отвлекала от молитвы и религиозных учений, но и в светской жизни брак препятствовал общению с Богом, которое должен проводить мудрый человек.

Флорентийцы XIV в. иногда разделяли эти древние воззрения против брака. Джованни Боккаччо, пресловутый женоненавистник, склонен в своей биографии Данте Алигьери (1265–1321 гг.), великого поэта, которого считали предтечей гуманизма, использовать случай и высмеивать брак и замужних женщин [2, с. 572]. По мнению Боккаччо, после смерти жены Беатрис, Данте предположительно погрузился в глубокую меланхолию. Его заботливые родственники в надежде на лучшее убедили его жениться. Но новая жена Данте постоянно отвлекала своего мужа и нарушала его медитации. Боккаччо рисует следующую мораль: «Пусть философы расторгают брак с невежественными богачками, пусть они восхищаются философией, которая лучшей жены» [2, с. 580]. Франческо Петрарке (1304–1374), одному из величайших деятелей итальянского Проторенессанса, после смерти его жены, Боккаччо тоже рекомендует средство от печали: составить традиционный список семейных проблем, от которых вдовец сейчас счастливо освобожден [2, с. 584].

Но общество Флоренции XIV в., резко сокращающееся по численности, не могло позволить себе рекомендовать безбрачие своим гражданам. На фоне разрушительных эпидемий позднего средневековья во Флоренции появилось новое и более позитивное отношение к браку. Паоло да Чертальдо, жил во Флоренции в XIV в., был крупным торговцем зерном, сыном нотариуса, в период позднего средневековья все еще сохранял суровую позицию в отношении женщин, которые были, по его мнению, «тщеславными, легкими и непостоянными, несли ответственность за все великие скандалы, стыд, грехи, расточительство в доме» [4, р. 92]. Тем не менее, из пяти главных радостей жизни, он выделяет компанию и любовь к добропорядочной жене, а смерть супруги входит, по его мнению, в перечень пяти главных горестей жизни.

В конце XIV столетия представители гражданского гуманизма во Флоренции, стали отвергать традиционное уничижение брака. В 1392 г. канцлер флорентийской республики — Колуччо Салютати, один из основоположников гражданского гуманизма, представил

подробное опровержение критики брака. Он подчеркивал, что брак освятил естественный союз полов, а родившиеся в семье дети, были гарантом выживания семьи и общества. Активный гражданин обязательно должен был быть женатым мужчиной, по его мнению [14, р. 217].

По данным фондов переписи, выявлены факты катастрофической смертности населения: прежде всего детской смертности, а взрослые умирали из-за недородов, эпидемий, войн. Около 1400 г. население полуострова было сведено к историческому минимуму: 8 миллионов жителей, тогда как в 1300 г. было 11 миллионов, а в 1350 г. — 9,5 миллионов. Многие дома стояли пустыми, так как были построены, в предвидении прироста населения, которое не началось. Эти данные отложились в сознании современников, об этом свидетельствовали факты, которые они видели собственными глазами [11, р. 215].

Можно предположить, что в таких условиях европейское общество выработало тогда установки в том, то касалось ролей, обязанностей, правил поведения для мужчин и женщин, которые непосредственно относились к миру семьи. Таким образом, институт брака, обеспечивал необходимое принятие в культурной сфере фундаментальных установок, касающихся биологических потребностей и воспроизводящей функции семьи.

Леонардо Бруни из Аретцо, канцлер Коммуны Флорентийской республики с 1427 по 1444 гг., во время очередной эпидемии Черной смерти, высказался с еще большим красноречием в похвале брака. По его мнению, критика брака Боккаччо была «явно легкомысленной, философ должен жениться, для общего блага» [11, р. 213]. Слова Бруни заслуживают цитирования: «Человек — это социальное животное, как высказываются все философы. Основополагающий союз, который своими детьми сохраняет город, это семья. Ничего нельзя достичь, когда этого союза не существует, а супружеская любовь сама по себе естественна, законна и разрешена» [11, р. 214]. Для Бруни очень важно, для полноценного существования, чтобы гражданин жил не только в республике, но с женой и детьми.

Реабилитация брака принесла с собой переоценку качества и важности супружеской любви. В трактатах о браке, написанных священнослужителями, рассматривалась супружеская любовь не как требование или естественное следствие брака, а просто как обязанность супругов.

Уже в XV веке создатели трактатов о браке и семье, относилась к супружеской любви как к самой естественной, самой щедрой и самой полезной составляющей человеческих чувств. Кроме того, Л. Бруни, Л. Б. Альберти и многие другие, размышляя на эту тему, считали, что супружеская любовь это естественное чувство [3, р. 128]. Из всех человеческих чувств, порождающих привязанность, никто не рождает более благородную или более глубокую природу, чем брачный союз [6, р. 67].

Акцент, который эти и другие авторы ставят на природу супружеской любви, еще больше отражает их озабоченность другими формами сексуального поведения, которые они считали недопустимыми. Содомия, была распространена в тосканских и итальянских городах. Этот исторический термин, стал гиперонимом для обозначения различных форм сексуального поведения [1, с. 367]. Он оценивался как девиантное поведение и имел богословскую и правовую окраску. Понятие содомии включало в себя в различных толкованиях всевозможные проявления сексуальности, не связанные с возможностью зачатия новой жизни.

Бернардино Сиенский (1380–1444 гг.) католический святой, францисканский миссионер и итальянский священник, идентифицировал содомию, как главную причину катастрофического убывания населения. По его мнению, грехи против природы вызвали эпидемии от разгневанного Бога и помешали населению добиться меньших потерь. Брак, напротив, был моральным и социальным спасением общества [12, р. 477].

Одно из ярких восхвалений браку датируется 1415 или 1416 годами и был составлен Франческо Барбаро (1390–1454 гг.). Он был итальянским гуманистом, филологом и дипломатом Венецианской республики, сыном сенатора Кандиано Барбаро. Он написал свой трактат «De re uxoria» (книгу о браке) по случаю женитьбы своего флорентийского друга, мецената Лоренцо ди Джованни Медичи.

Трактат переполняется классическими воспоминаниями и наполнен похвалой, которую Барбара дарует супружескому союзу: «Самое большее удовольствие принимать решения сообща и иметь женщину – компаньона в качестве жены и друга. Ей вы можете доверить своим самым сокровенными мыслями о делах, которые вас беспокоят. Ее сладость и общение компенсируют вам ваши заботы. Вы так любите ее, что считаете, что она стала частью вашей жизни» [5, р. 22].

Безусловно, другие авторы и Л. Б. Альберти, прежде всего, восхваляют брак, который остается патриархальным. Мы можем предположить,

что не все супружеские пары Флоренции достигли «модели идеальной дружбы», которую идеализировал Барбаро. В конце концов, первая обязанность жены состояла в том, чтобы подчиняться мужу, следовать его наставлениям.

Утверждение гуманистов, что любовь между супругами может развиваться не из-за долга, а из-за взаимной привязанности, подвергается сомнению. Молодая девушка не всегда могла стать «компаньоном, женой и другом» мужчины, часто старше ее более чем на десять лет. Зрелый человек, который женился на молодой девушке, не всегда имел шансы вовлечь ее в свои дела.

Джанноццо Манетти (1396–1459 гг.) флорентинец, происходил из зажиточной семьи, в молодости занимался торговыми и банковскими делами, главный герой третьей книги Альберти «О семье», вспоминает, как он показал своей молодой невесте все товары и ценности в своем доме, спасая только секретные бумаги в своем столе, которые ей никогда не позволяли изучать. Он призывает своих слушателей никогда не делиться своими секретами с их женами, так как сомневается в их благоразумии: «женские языки опасны, они разгласят всему миру секретную информацию» [10, р. 137]. Эти сомнения, смешанные с недоверием, постоянно охлаждали отношения между партнерами по браку, даже после того, как жена становилась старше и начинала пользоваться авторитетом в семье.

Несомненно, некоторые флорентийские пары достигли в замужестве любви, взаимной поддержки и признательности, о которых говорил Ф. Барбаро. Необходимо констатировать, что эти отношения рождались в браке, по-видимому, впервые во Флоренции в период quattrocento.

Наш анализ показал, что богатые итальянцы ограничивали рождаемость путем отсрочки первых браков. Но для средних и низших слоев было характерно сознательное ограничение рождаемости в браке. Во флорентийских кадастрах есть сведения о меньшем количестве детей в семьях среднего достатка, чем у их богатых соседей, примерно 1,35 к 1,15 [7, р. 326]. Как же могли супружеские пары Флоренции контролировать рождаемость? Например, богатые матери обычно отправляли своих детей из дома, чтобы их кормила грудью кормилица за плату, таким образом, богатые женщины частично теряли защиту от новой беременности.

Но пары использовали и другие методы, которые церковь осуждала. Великий проповедник францисканцев Бернардино из Сиены прокомментировал эксцесс сексуальных нравов

тосканцев своего времени. Он обвинял жен и мужей в действиях против природы и предотвращения зачатия. В 1427 г., в своей проповеди, он осудил женщин Сиены за аборт (искусственное прерывание беременности): «И это я говорю также женщинам (он только что осудил содомитов), которые являются причиной того, что дети, которых они зачали, убиты в их теле. Вы злее и беспощаднее убийц. О, проклятые Богом, когда же вы покаетесь? Разве вы не видите, что вы, подобно содомитам, являетесь причиной гибели мира» [12, р. 227].

Бернардино был еще более откровенен с мужчинами, которые общались со своими женами, по его мнению «против природы и против надлежащего способа брака». В качестве примера того, он рассказывает о красивой замужней девушке, которая после шести лет с мужем осталась девственницей: «она жила с ним всегда в самых тяжких грехах против природы». Отчаянная молодая женщина, «умирающая, бледная, измученная», обратилась за помощью к епископу [12, р. 230].

Францисканец отмечал, что многие молодые невесты, которые выходили замуж не знали, что такое поведение были греховными, но это их не оправдывает, по мнению проповедника. Девочки могли спросить своих матерей, и их матери были обязаны сообщить им как должно вести себя в спальне с супругом. Многие другие супружеские пары, приходившие на проповеди, «утверждали, что эти стерильные сексуальные действия в браке не были вообще греховными или, если они признали свою вину, то утверждали, что слишком слабы, чтобы отказаться от них. Эти грешники не желали признавать преступления, упомянутые в проповедях» [12, р. 241]. Сам Бернардино считал, что эти практики широко распространены в Тоскане, по крайней мере, в городах. Из каждой тысячи браков он однажды заметил, что 999 были от дьявола [12, р. 243].

Ни один проповедник или писатель до Бернардино так явно не рассматривал сексуальные практики, как внутри, так и вне брака. Проповедник брат-доминиканец Джордано да Ривалто, умерший в 1311 г., однажды подтвердил, что «из 100 человек не было никого, кто действовал в браке в соответствии с природой, как того желает Бог» [11, р. 126].

Антонин Флорентийский (1389–1459 гг.) – католический святой и врачеватель, архиепископ Флоренции в XV в. писал: «Для семьи не обязательно иметь больше детей, чем можно содержать» [13, р. 182].

Мы можем сделать некоторые предварительные выводы. Регулирование брака и повторного брака, безусловно, являлось наиболее распространенным средством контроля над рождаемостью. Но из всех групп женщин, встречающихся в городском обществе, богатые проявляют наименьшую склонность к «рождению».

Действительно, богатые семьи строго контролировали свое собственное расширение, но они достигли этого, прежде всего благодаря строгому наблюдению за браками своих сыновей и дочерей. Выйдя замуж, женщины-патриции оказались в основном плодовитыми. В целом они соблюдали моральные заповеди Церкви. Беременность, даже если это нежелательно, не была для них изнурительным бременем.

В концепциях гуманистов красной линией проходит идея о необходимости семьи. Являясь фундаментом светского устройства людей, семья становится в руках теоретиков инструментом понимания и организации мира. Брак и семья, по их мнению, солидный фундамент жизни человека, который должен находиться в поле зрения общества и государства. Трепетное отношение к семье, это преемственность, которая связывала человека с отцом и предками, с детьми и внуками, а в горизонтальном осмыслении, синхронном, с собственными родственниками и с родственниками по женской линии в том числе. Это отношение к семье не стало явлением исключительно тосканским или флорентийским, но, тем не менее, вполне достоверно, что новые мировоззренческие установки первыми появились в Тоскане и Флоренции, прежде чем в других европейских обществах.

Тема семьи и брака стала дискуссионной в итальянском социуме указанного периода. Светский характер брака подчеркивали и современники и историки. Гуманисты критиковали отношение к браку как к выгодной сделке, однако социально-финансовая составляющая играла серьезную роль в супружеских отношениях. Вместе с тем прагматизм в браке не отрицал борьбы за счастье и супружескую привязанность.

Источники и литература

1. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е: СПб.: Норинт, 1998. 680 с.
2. Дж. Боккаччо: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, коммент. М. С. Самариной, И. Ю. Шауба; коммент. В. В. Андерсена, И. Ю. Шауба, Ч. Пило Бойл ди Путифугари. СПб.: Издательство РХГА, 2015. 735 с.
3. Alberti L. B. I libri della famiglia // Alberti L. B. Opere volgari / A cura di C. Grayson. Bari, 1966. V. I. 368 p.

4. Da Certaldo P. Il libri di buoni costumi. Documento di vita trecentista fiorentina / A cura di A. Schiaffini. Firenze, 1945. 126 p.
5. Francisci Barbari. De re uxorial liber in partes duas. Per cura di A. Gnesotto. Padova, 1915. P. 6 – 28.
6. Giovanni Ponti. Leon Battista Alberti: umanista e scrittore. Genova, 1981. P. 67–72.
7. Herlihy D., Klapish–Zuber Ch. Tuscans and Their families: A study of the Florentine catasto of 1427. New Haven, 1985. 456 p.
8. Molho A. Marriage Alliance in Italy Medieval Florence. Cambridge, Massachusetts, London, 1994. 428 p.
9. Morelli G. Ricordi / A cura di V Branca. Firenze, 1956. 135 p.
10. Romano R. I libri della famiglia di L. B. Alberti // R. Romano. Tra due crisi: l'Italia del Rinascimento. Torino, 1971. P. 137–168.
11. Ronciere Ch. La vie privée des notables toscans au seuil de la Renaissance // Histoire de la vie privée. Vol. II. – De l'Europe féodal à la Renaissance. Paris. 1991. P. 213–214.
12. San Bernardino da Siena. Predica // San Bernardino da Siena. La Prediche volgari / A cura di Luciano Banchi. Siena, 1880–1881. Vol. II. 334 p.
13. Tenenti. Le res uxoria tra Francesco Barbaro e Leon Battista Alberti // Una famiglia veneziana nella storia: il Barbaro. Atti del convegno di studi in occasione del giunto centenario della morte dell'umanista Ermolao. Venezia, novembre, 1993. 446 p.
14. Witt, Donald G. Hercules at the crossroads: Life, Works, and Thought of Coluccio Salutati. Durham, NS: Duke UP. 1983. 215 p.

References

1. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka (*The Great Dictionary of the Russian language*). St.Petersburg: Norint, 1998. 680 p. (In Russian).
2. Dzh. Bokkachcho: pro et contra, antologiya (*G. Boccaccio: Pro Et Contra, Anthology*) / St. Petersburg: RKhGA print., 2015. 735 p. (In Russian).
3. Alberti L. B. I libri della famiglia // Alberti L. B. Opere volgari / A cura di C. Grayson. Bari, 1966. V. I. 368 p.
4. Da Certaldo P. Il libri di buoni costumi. Documento di vita trecentista fiorentina / A cura di A. Schiaffini. Firenze, 1945. 126 p.
5. Francisci Barbari. De re uxorial liber in partes duas. Per cura di A. Gnesotto. Padova, 1915. P. 6–28.
6. Giovanni Ponti. Leon Battista Alberti: umanista e scrittore. Genova, 1981. P. 67–72.
7. Herlihy D., Klapish–Zuber Ch. Tuscans and Their families: A study of the Florentine catasto of 1427. New Haven, 1985. 456 p.
8. Molho A. Marriage Alliance in Italy Medieval Florence. – Cambridge, Massachusetts, London, 1994. 428 p.
9. Morelli G. Ricordi / A cura di V Branca. Firenze, 1956. 135 p.
10. Romano R. I libri della famiglia di L. B. Alberti // R. Romano. Tra due crisi: l'Italia del Rinascimento. Torino, 1971. P. 137–168.
11. Ronciere Ch. La vie privée des notables toscans au seuil de la Renaissance // Histoire de la vie privée. Vol. II. – De l'Europe féodal à la Renaissance. Paris. 1991. P. 213–214.
12. San Bernardino da Siena. Predica // San Bernardino da Siena. La Prediche volgari / A cura di Luciano Banchi. Siena, 1880–1881. Vol. II. 334 p.
13. Tenenti. Le res uxoria tra Francesco Barbaro e Leon Battista Alberti // Una famiglia veneziana nella storia: il Barbaro. Atti del convegno di studi in occasione del giunto centenario della morte dell'umanista Ermolao. Venezia, novembre, 1993. 446 p.
14. Witt, Donald G. Hercules at the crossroads: Life, Works, and Thought of Coluccio Salutati. Durham, NS: Duke UP. 1983. 215 p.

УДК 94(47).084.9

А. В. Барабанова

«ПОЛПРЕДЫ БЕЗ МАНДАТОВ»: СОВЕТСКИЕ РАБОТНИКИ СГАО «ВИСМУТ» В 1950-Х гг.

Статья посвящена проблемам взаимоотношений военного и послевоенного поколений СССР и ГДР. Эти отношения развивались в рамках созданного советско-германского акционерного общества «Висмут», которое занималось добычей и обогащением урановой руды, необходимой для реализации советского атомного проекта. Актуальность темы обусловлена тем, что данный сюжет позволяет формировать позитивный образ СССР на международной арене. Оказавшись в коллективе, созданном из представителей двух стран, которые только завершили кровопролитную войну, советские специалисты, направленные на работу в «Висмут», неизбежно приобретали статус акторов культурной дипломатии. И на производстве, и в быту они представляли культурные традиции своей страны.

Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов, которые определяли реализацию советского атомного проекта и создание советско-германского предприятия «Висмут», а также воспоминаний советских и немецких сотрудников «Висмут». Выявленные и систематизированные воспоминания помогли выполнить микроанализ, целью которого было изучение многообразия опыта общения и контактирования советских специалистов с немецкими рабочими, а также сравнение социальных

представлений советских и немецких граждан, с помощью которых они конструировали послевоенное социальное пространство. Проведенный микроанализ позволил создать фундамент для генерализации собранных сведений и включить их в более широкий социальный контекст.

Проведенное исследование позволило заключить, что в течение многих месяцев и долгих лет советские геологи, инженеры и другие технические работники жили и работали в социальном пространстве, не только чуждом, но поначалу глубоко враждебном. Создавать атмосферу сотрудничества и дружбы между представителями двух народов, еще вчера бывших смертельными врагами, было не просто. Тем удивительнее, что создать такую атмосферу удалось и возжеланный атом стал «мирным» вдвойне: с одной стороны, создание советской атомной бомбы было важным условием сохранения мира и недопущения новой войны, а с другой – работа в рамках Атомного проекта окончательно примирила послевоенную советскую и немецкую молодежь, способствовала созданию позитивного имиджа Советского Союза в Европе и мире.

Ключевые слова: СССР, Германия, советский атомный проект, советско-германское акционерное общество «Висмут», социальное пространство, культурная дипломатия.

A. V. Barabanova

“PLENIPOTENTIARY REPRESENTATIVES WITHOUT MANDATES”: THE SOVIET EMPLOYEES OF SAG/SDAG Wismut IN THE 1950s

The article studies the problems of relationship between war and post-war generations of the USSR and the GDR. The relations developed between the employees of SAG/SDAG Wismut created to extract and enrich uranium ore for the Soviet nuclear project. The topicality of the problem is preconditioned by an opportunity to form a positive image of the USSR in the world. The Soviet specialists that were sent to work SAG/SDAG Wismut became members of a team created from representatives of the two countries that had just completed a bloody war. Both on production and at home they represented the cultural traditions of their country. Therefore, they inevitably acquired the status of actors of cultural diplomacy.

The research tasks were implemented on the basis of a set of documents. Those were the documents about the Soviet atomic project and the creation of SAG/SDAG Wismut, as well as memoirs of Soviet and German SAG/SDAG Wismut employees. The microanalysis allowed to specify and systematize memories as well as view them in a broader social context.

The study made it possible to conclude that for many months and many years Soviet geologists, engineers and other technical workers lived and worked in a social space that was not only foreign, but also hostile. It was not easy to create an atmosphere of cooperation and friendship between the representatives of the two peoples, who were formerly deadly

enemies. It is all the more surprising that they managed to create such atmosphere and the desired atom was doubly "peaceful". On the one hand, the creation of a Soviet atomic bomb was an important condition for preserving peace and preventing a new war, and on the other hand, work within the framework of the Atomic Project finally reconciled the postwar Soviet

and the German youth, contributed to the creation of a positive image of the Soviet Union in Europe and in the world.

Key words: USSR, Germany, Soviet nuclear project, SAG/SDAG Wismut, social space, cultural diplomacy.

На протяжении нескольких столетий разнообразие контактов России и Германии привело к тому, что возникло непрерывное трансграничное перемещение населения между этими двумя влиятельными европейскими государствами. И, как следствие этих миграций на территории каждой из стран-участниц оформлялись особые социальные пространства: в России это было немецко-говорящее, а в Германии – русскоговорящее. Они не оставались неизменными, застывшими. Это были живые социальные организмы, состояние которых напрямую зависело от характера межгосударственных отношений.

После Великой Отечественной войны как части Второй мировой войны территория бывшей нацистской Германии не сохранила целостность. В Европе появились два немецких государства – ГДР и ФРГ. Еще одним послевоенным результатом стало появление нового вида оружия – атомной и водородных бомб. Эти обстоятельства стали факторами формирования на территории Германии нового по составу русскоговорящего социального пространства. Важным элементом этого пространства станет особая социальная группа – высокообразованные профессионалы, прежде всего, специалисты горного дела – геологи, геофизики, горные инженеры. Наряду с военными, эти специалисты определяют особенности русскоговорящего социального пространства Германии, начиная с момента его формирования и существования на протяжении последующих 45 лет.

В 1947 г. на территории Восточной Германии было создано советское акционерное общество «Висмут», которое в 1954 году было преобразовано в советско-германское – СГАО [4, с. 46]. Оно появилось в рамках советского Атомного проекта, для реализации и поддержания которого нужна была урановая руда. Появление добывающего и горно-обогатительного комбината за пределами СССР объяснимо сжатыми сроками реализации советского Атомного проекта. Постановление о его запуске было принято 28 сентября 1942 года [1, с. 269–271]. К моменту начала активной работы над ним в 1943 г. в СССР было известно только

одно крупное месторождение урана, находившееся в Таджикистане – Табошарское около Ленинабада. Оно было разведано в 1926 г., но истощилось к середине 1950-х годов. В послевоенное время добычу урана активно вели на Кавказских минеральных водах, в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, в Забайкалье [2, с. 349–352]. Но несмотря на широкую географию, СССР не был мировым лидером по запасам этого химического элемента, кроме того, добываемая в СССР руда была очень бедна [1, с. 408–409]. После Хиросимы и Нагасаки Советский Союз торопился разрушить северо-американскую атомную монополию США [5, с. 16; 6, с. 25]. Поэтому в условиях послевоенного восстановительного периода было решено использовать рудники в Рудных горах Саксонии [2, с. 266, 267, 282, 287, 319; 3, с. 131–132]. Таким образом, появилось еще одно условие, способствующее возникновению нового русскоговорящего пространства как части послевоенного германского общества.

Это было очень смелое решение – развернуть на юго-востоке Германии добычу урановой руды для стратегически важного проекта в условиях выхода из войны. Представители власти, принимавшие решение об организации добычи урана на только что освобожденной территории, расположенной по соседству с территорией, контролируемой американской стороной, вряд ли до конца осознавали степень риска различных провокаций, которые могли обернуться новыми серьезными столкновениями – от дипломатических и политических до открытого военного противостояния. Кроме того, для реализации данного проекта требовалась определенная аккумуляция необходимых материальных и человеческих ресурсов на территории за пределами государственной границы. Их переброска из СССР на юго-восток Германии могла быть только в случае изъятия этих ресурсов из советского общественного производства, так как других свободных или дополнительных ресурсов не было после столь длительной и разрушительной войны [2, с. 310–312].

Несомненно, что создать соответствующие материально-технические условия для гигант-

ского добывающего и горно-обогатительного комбината, каким станет «Висмут», было крайне сложно. Но все же создание работоспособного и ответственного коллектива для стратегически важного объекта, да еще и в такие сжатые сроки, было куда более сложной задачей. Особым Постановлением Государственного оборонительного комитета за №7102сс/ов от 8 декабря 1944 г. руководство всем процессом организации геологической разведки, добычи, переработки и доставки урановой руды в Советский Союз было поручено НКВД [2, с. 180–184]. В начале января 1945 года внутриведомственным приказом Л. П. Берия создал Управление по урану – Спецметуправление НКВД СССР, на которое было возложено руководство по организации разведки, добычи и переработки урана. Помимо управления был организован научно-исследовательский институт специальных металлов НКВД СССР (Инспекмет или НИИ-9). В этих двух организациях были сосредоточены самые ценные высокопрофессиональные кадры, отличавшиеся как способностью к менеджменту, так и к научной деятельности, например, инженер-полковник, крупнейший специалист по разведке радиоактивных руд профессор С. П. Александров, инженер-полковник и инженер-металлург В. Б. Шевченко, петрограф-минералог Д. Я. Суражский и др. [2, с. 180–186].

После американских атомных бомбардировок в Японии Сталин принял личное решение о создании Специального межведомственного комитета под председательством Берии при еще существующем ГКО. Одновременно со Спецкомитетом были образованы еще два весьма важных организации. Это были - Научно-технический совет, в который вошли ведущие научные кадры, с целью предварительного рассмотрения научных вопросов и руководства научно-исследовательскими работами; Бюро №2 из работников НКГБ и НКВД для проведения разведывательной работы за рубежом по получению нужной для исследований и практических работ информации по проблемам урана. Кроме того, этим же Постановлением ГКО от 20 августа 1945 года было создано Первое Главное управление (ПГУ) при СНК СССР по текущим вопросам, связанным с решением задач по разработке ядерного оружия [3, с. 11–14].

Первые годы основной рабочей силой были солдаты и офицеры воинской части № 27304 Советской Армии, дислоцировавшиеся на землях Тюрингии и Саксонии [4, с. 32]. Именно их трудом была обеспечена подготовка и достав-

ка в Советский Союз первого урана, добытого при нацистах в шахтах в Рудных горах Саксонии. С 1946 по 1953 г., т. е. в период создания и испытания первых атомной и водородной бомб, на условиях репарационных платежей в СССР было поставлено 2478,8 тонны урана в товарных рудах, тогда как собственная сырьевая база Советского Союза обеспечила поставку только 1072 тонны [4, с. 13–14].

Военнослужащие активно участвовали в восстановленном процессе добычи урановой руды и висмута – химического элемента, широкого используемого в металлургии и обладающего высокой способностью к растворению урана. Но масштаб предприятия требовал привлечение труда несколько десятков тысяч шахтеров, разнорабочих, а также специалистов в области геологии и инженеров разных технических профилей. Значительные трудности неизбежно возникали уже в силу того, что в одном коллективе предполагалось объединить представителей двух государств, которые воевали в течение 4 лет, и поставить перед ними цель наивысшей интенсификации всего производственного процесса.

В начале апреля 1946 года в Саксонии была создана стационарная Саксонская производственно-поисковая партия (СППП) Первого Главного управления Совете министров СССР. На территории Германии СППП находилась в ведении Советской военной администрации. СВА была обязана предоставить продовольствие, промтовары, охрану предприятий, материалы и оборудование по заявкам СППП, а также необходимую рабочую силу из местного населения. Для этой организации успели выделить финансирование, а также отправить в Саксонию 20 советских инженерно-технических работников. Через 10 дней СППП была переименована в Саксонскую промышленно-разведочную партию (СПРП). По состоянию на август 1946 года в структуре СПРП работало 242 человека, 60 из которых были советские специалисты, а 182 – рабочие из местного населения. Сотрудники и рабочие, разработав методику поисковых и разведочных работ, смогли определить запасы урана, направления и объемы поисковых, горно-разведочных, буровых, горно-подготовительных и очистительных работ. В результате ее деятельности на юго-востоке Германии были созданы 20 производственных объектов (рудники, горно-добывающие и горно-перерабатывающие комбинаты) с многочисленным персоналом, среди которых были десятки тысяч представителей местного населения и несколько тысяч советских специалистов [3, с. 429–433; 4, с. 14–15].

По свидетельству Рудольфа Дителя, работавшего на «Висмуте» с 1947 г. до самого закрытия, прошедшего трудовой путь от разнорабочего до главного горного диспетчера, на 17 апреля 1947 г. на всех объектах «Висмута» уже работало 63 600 человек [4, с. 441]. Таким образом, в течение всего одного года по мере расширения объемов производства пропорционально увеличивалась численность коллектива. Его пополняли, прежде всего, жители близлежащих районов, которые приходили добровольно или принудительно по трудовой повинности на основании решений Союзнического контрольного совета [4, с. 435]. Чуть позже к ним стали присоединяться узники фашистских лагерей, а затем потянулись возвращавшиеся из советского плена солдаты.

Следует отметить одно важное обстоятельство: немцы, пришедшие на работу в «Висмут» в течение первого десятилетия, – это участники Второй мировой войны, большая часть из которых была на Восточном фронте, т.е. они воевали против Советского Союза. Эти бывшие солдаты представляли всё многообразие вермахта. Среди них были те, кто воевал в сухопутных войсках, на флоте, в авиации. Позднее, когда советские специалисты начнут контактировать с немецким персоналом и во время непродолжительных перерывов в шахтах у них будет время и возможность общаться не только на производственные темы, они неизбежно будут расспрашивать друг друга о недавнем прошлом и задавать вопрос «где и кем был во время войны»: «Мы (русские) между собой повеселились: кого не спросишь из немцев, кем был во время войны, все отвечают, что шофером, поваром, ремонтником, но не на боевой должности. И только Руди, славный, молодой парень, честно сказал, что был гранатометчиком» [4, с. 358].

Бывшие флотские механики, авиационные штурманы, стрелки-пехотинцы, танкисты становились взрывниками, забойщиками, крепильщиками, проходчиками. Многие из бывших военнопленных уже успели поработать на шахтах Донбасса и Кузбасса в Советском Союзе [4, с. 248]. Но профессиональных шахтеров среди них было совсем немного. Поэтому руководители шахт и других объектов производства «Висмут» не могли ограничиться лишь добросовестным инструктажем принимаемых на работу. Для них были организованы профессиональные курсы без отрыва от производства разной временной продолжительности – от нескольких месяцев до двух лет. Т.е. рабочие посещали занятия вечерами и в специально отведенные дни недели.

Летом 1947 года в городе Хайдельберге были организованы первые курсы для подготовки геологов, так как наряду с организацией добычи урана продолжались геолого-разведывательные работы. Представители Фрайбергской горной академии профессора Эльснер и Вацнауэр организовали изучение геологии, минералогии и маркшейдерии. В следующем 1948 году в городке Шлеме была открыта горная школа, где начали читать основные курсы для штейгеров, проходчиков, крепильщиков, слесарей и взрывников [4, с. 432–436].

Острая потребность СГАО «Висмут» в кадрах заставила руководство брать на подземные работы даже женщин, хотя изначально в соответствии с приказом генерального директора М. М. Мальцева от 17 января 1947 г. использовать женский труд в шахтах было запрещено. Женщины-сигналистки покинули шахты только в конце первого десятилетия работы предприятия.

В целом же, на этапе становления производства «...коллектив «Висмута» представлял собой пеструю массу разных профессий, жизненных судеб, политических, религиозных и культурных взглядов – маленький Вавилон» [4, с. 498]. В своих воспоминаниях, написанных через 50 с лишним лет, один из бывших немецких сотрудников «Висмута» Рудольф Дитель откровенно напишет, что те, кто пришел в числе первых на это предприятие, были представителями особого предвоенного и военного поколения, которым «вдалбливали ненависть к русским». Но, по сути дела, их знакомство с русскими началось только после прихода в «Висмут» – «и на рабочем месте, и во время обеда в столовой ... не раз приходилось встречаться с ними: от солдат военной охраны до начальников шахт, гендиректоров и руководителей разного уровня. В процессе работы мы все становились единым организмом, воспитывались на солидарности» [4, с. 438].

Группа советских специалистов «Висмута» была малочисленной в сравнении с основным немецким контингентом. Те, кого можно характеризовать как постоянный состав работали на «Висмуте» от 3 до 8 лет. Постепенно этот состав обновлялся и складывалась новая группа из числа приехавших на длительный срок. «Наряду с постоянным советским персоналом работала так называемая «московская помощь» – это были советские разнопрофильные специалисты, временно командированные в «Висмут». Они сменялись примерно каждые три месяца» [4, с. 499].

Немецкие горняки и сотрудники «Висмута» не были посвящены в то, каким образом советские специалисты попадали сюда на работу. Конечно, они не могли не заметить, что среди советских специалистов преобладала молодежь. Но были и те, кто по возрасту годился им в отцы. Это была немногочисленная прослойка высококлассных специалистов, которые получили образование еще до 1917 г., а с 1941 по 1945 гг., как ценные специалисты, они имели «бронь», т.е. были освобождены от воинской обязанности и не были на фронте. В своих воспоминаниях немецкий сотрудник «Висмута» Эрих Майснер напишет о них: «Возрастных советских специалистов, получивших образование до 1917 года мы считали и воспринимали как элиту. Благодаря им, многие немцы согласились на учебу и добились профессионального роста» [4, с. 456].

Остальные из числа советских работников предприятия были те, кто попадал под определение «молодой специалист», т.е. профессионал, который только что завершил свое обучение, получил диплом и был направлен на работу в Германию. Они попадали сюда, пройдя так называемый «анкетный» отбор. Те, кто приехал в Германию в течение первых послевоенных лет – 1946 по 1950 г. – проходили его на последнем курсе. В начале последнего года обучения студентов горных институтов приглашали на собеседование, которое проводили сотрудники госбезопасности. Наличие в анкете информации о судимости родственников по статье 58 УК СССР (измена Родине) лишало выпускника возможности получить такое престижное распределение. Позднее с началом 1950-х годов даже формирование студенческих групп будет проходить на «анкетной основе», т.е. «чистая» анкета понадобится уже на стадии поступления на определенные специальности в горном институте. С этого времени дети «врагов народа» или абитуриенты, которые когда-то позволили себе политические высказывания, отличные от официальных, или имели непролетарское происхождение, уже не могли получать геофизическое образование [4, с. 348–349].

Приехав на место работы, молодые специалисты получали время на адаптацию, работая под пристальным наблюдением опытных советских наставников: «На ознакомление с обстановкой и адаптацию в новых условиях работы с немецким персоналом нам давали один год, начиная со второго, мы должны были работать на полную мощность» [4, с. 246]. Далее они уже не могли рассчитывать на какие-то послабле-

ния и от них требовали высоких достижений на любой должности. Высокий уровень подготовки и солидные знания молодых специалистов, охватывающие весь круг геофизических проблем, позволяли им работать повсеместно: в шахтах, в лабораториях геофизических измерений, отвечать за качество процесса обогащения урановой руды и т.д. [4, с. 349].

В основной своей массе эти специалисты не имели за плечами военного боевого опыта. Но это были молодые люди, чья юность или детство пришлось на военные годы. Как все советские люди, пережившие войну, они ненавидели фашистов [4, с. 243]. Их жизненный опыт был пронизан болью потерь близких людей, воспоминаниями о бомбежках, артобстрелах, голоде, о постоянных жизненных трудностях. Они были воспитаны на основе советской пропаганды, составной частью которой была шпиономания, поэтому не были свободны от страха стать объектами атаки «агентов империализма», и от страха перед «всевидящим оком» советских спецслужб [4, с. 352].

На первый взгляд, казалось, что ехидство тех западных критиков, которые называли советских специалистов в послевоенной Германии чужаками среди «друзей» (*Fremd bei "Freunden"*) было вполне обоснованным. В течение многих месяцев и долгих лет советские геологи, инженеры и другие технические работники жили и работали в социальном пространстве, не только чуждом, но поначалу глубоко враждебном. Создавать атмосферу сотрудничества и дружбы между представителями двух народов, еще вчера бывших смертельными врагами, было не просто. Тем удивительнее, что создать такую атмосферу удалось и вожденный атом стал «мирным» вдвойне: с одной стороны, создание советской атомной бомбы было важным условием сохранения мира и недопущения новой войны, а с другой – работа в рамках Атомного проекта окончательно примирила послевоенную советскую и немецкую молодежь.

Для советских специалистов «Висмута» выполнение задачи, поставленной перед ними правительством, было превыше всего. Достижение плановых показателей обеспечивалось во что бы то ни стало. На каждом из участков работы было не более 2 (но чаще всего 1!) советских специалистов, обязанностью которых было рационально организовать работу и получить необходимый результат. В этих условиях геологи, инженеры, другие специалисты и особенно начальники шахт входили в специфическое психологическое состояние: они не испытывали антагонизма или негативных

эмоций. Они видели перед собой тех, к кому они обращались со словами: «Ребята! План по добыче горит! Нам нужно еще пару ящиков руды!» и как вспоминают немцы, они уже знали, что это означает «выйти на работу и в субботу, и в воскресенье. И работать на самых сложных участках, буквально подбирая урановую смолку, чтобы закрыть план» [4, с. 450].

В этой ситуации для обеих сторон было большой удачей отсутствие у советских специалистов фронтового прошлого, и наличие у немцев таких качеств как дисциплинированность и пунктуальность. Сами немцы признавали, что такая работа постепенно сближала, объединяла, хотя дружбы еще очень долго между немецкими рабочими и советскими специалистами не было. И отчасти они это объясняли тем, что каждая из сторон «по-разному воспринимала послевоенные события, а также глубокими семейными переживаниями с обеих сторон» [4, с. 450].

Ко всему прочему, существовал языковой барьер. Несмотря на то, что все советские специалисты со школьной скамьи изучали немецкий язык, а перед началом командировки проходили курсы и, приехав в Германию, еще в течение нескольких месяцев посещали языковые курсы здесь, но отсутствие активной языковой практики создавало определенные трудности. Достаточно быстро был создан так называемый «висмут шпрахе», т. е. упрощенный вариант разговорного немецкого на основе профессиональной лексики с использованием примитивных, не всегда корректных грамматических форм [4, с. 237].

Постепенно в восприятии немцев формировался позитивный образ советского специалиста: прежде всего, профессионал своего дела, несмотря на молодость, безупречный внешний вид, самоотверженность, способность к интенсивному труду. И самой подкупающей чертой многих советских специалистов, которую немцы смогли открыть, оказалась их способность к состраданию. В своих воспоминаниях, написанных через полстолетия, многие из немецких сотрудников «Висмута» еще раз будут благодарить тех советских сотрудников, кто протянул им руку помощи в их трудной жизненной ситуации: без промедления обеспечил деньгами на похороны умершего родственника, не требуя никаких расписок и не тратя время на определение условий возвращения денег; предоставил машину для поездки в больницу; поддерживали семью при рождении ребенка; подарили советскую куклу ребенку; починил игрушки; дал совет учиться и настоял на обучении и т. д.

Первое время советские специалисты отмечали настороженное отношение к себе со стороны немцев, да и сами испытывали определенную внутреннюю напряженность. В своих воспоминаниях один из советских инженеров Олег Кедровский заметит: «Мне казалось, что они боялись нашего проявления жестокости, связанного с тем, что они проиграли затеянную Германией войну, и опасались, что мы будем в нашей практической деятельности мстить им за это, заставляя работать непомерно» [4, с. 238]. Конечно, совсем обойти или забыть тему войны ни одна из сторон не могла, но их эмоции были полностью переключены на решение грандиозных задач. Советские специалисты, стремившиеся к своевременному решению всех многочисленных задач, поставленных перед ними, старались создать благоприятную рабочую атмосферу. Они использовали любую возможность для мобилизации всех ресурсов и способностей, поощряли и даже играли на самолюбии: «Ты же механик, ты же на «Бисмарке» был, что же ты не можешь поднять давление воздуха в шахте?» [4, с. 239]. И немцы делали все, изобретали, конструировали, работали в дополнительное время.. А когда в 1953 г. в Берлине и в некоторых крупных промышленных городах начались рабочие забастовки и демонстрации, горняки предприятия «Висмут» их не поддержали. Это было одним из подтверждений того, что коллективы на объектах предприятия были сформированы.

По мнению советских представителей «Висмута», важным и эффективным способом укрепления коллектива была организация досуга – занятий спортом, художественной самодеятельностью, совместных праздничных застолий. Во всех населенных пунктах, при которых располагались объекты предприятия методом народной стройки в короткие сроки сооружались стадионы с обязательными футбольным полем, легкоатлетической дорожкой, площадками для волейбола и баскетбола; плавательные бассейны; дома культуры

Позднее в своих воспоминаниях немцы напишут «Время все расставило на свои места» и оценят сотрудничество между всеми участниками проекта как «образцовое» [4, с. 499]. Геолог Оттомар Буссе уточнит: «Наше сотрудничество было всегда плодотворным и коллегиальным. ... Дружескими были не только рабочие отношения, проводились также и совместные конференции и заседания [4, с. 508]. ...Мы встречались неоднократно после работы. Всегда находились темы для рассказов. Часто это были веселые встречи [4, с. 511]. ...

В конце моей личной висмутской истории я могу сказать: да, годы жизни в «Висмуте» были для меня лично испытанной немецко-советской дружбой [4, с. 513]. ...И даже выразят пожелание, чтобы «в будущем такая работа в международном и межнаучном плане, какая была у нас в годы существования «Висмута» продолжалась на благо объединенных народов» [4, с. 451].

Таким образом, советские специалисты «Висмута» оказались полномочными пред-

ставителями советского общества, страны-победительницы. Не наделенные никакими мандатами, они справились с тяжелейшей дипломатической миссией – обеспечили плодотворное сотрудничество, приглушили и смягчили обиды. Они создали дух товарищества и уважения в коллективе, сформированном из представителей стран-противников, недавно завершивших одну из самых кровопролитных войн в мировой истории.

Источники и литература

1. Атомный проект СССР. Материалы и документы / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т.1. 1938–1945: В 2 ч. Часть 1. М.: Наука. Физматлит, 1998. 432 с.
2. Атомный проект СССР. Материалы и документы / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т.1. 1938–1945: В 2 ч. Часть 2. М.: МФТИ, 2002. 800 с.
3. Атомный проект СССР. Материалы и документы / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. 2. 1945–1954: Книга 1. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 1999. 719 с.
4. Уран для мира. История СГАО «Висмут» 1945 – 1990. М.: Энергоатомиздат, 2014. 524 с.
5. Baggott J. The First War of Physics: The Secret History of the Atom Bomb, 1939–1949. New York: Pegasus Books, 2010. 560 p.
6. Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy 1939–1956. Yale: Yale University Press, 1994. 464 p.

References

1. Atomnyi proekt SSSR (*The Nuclear Project of the USSR*) / ed. by L.D. Ryabev. Vol. 1. 1938–1945: In 2 part. Part 1. Moscow: Nauka. Fizmatlit, 1998. 432 p. (In Russian).
2. Atomnyi proekt SSSR (*The Nuclear Project of the USSR*) / ed. by L.D. Ryabev. Vol. 1. 1938–1945: In 2 part. Part 2. Moscow: MFTI publ., 2002. 800 p. (In Russian).
3. Atomnyi proekt SSSR (*The Nuclear Project of the USSR*) / ed. by L.D. Ryabev. Vol. 2. 1945–1954: Book 2. Sarov: RFYAC-VNIIAF, 1999. 719 p. (In Russian).
4. Uran dlya mira. Istoriya SGAO «Vismut» 1945–1990 (*The Uranium for the World. The History of SAG/SDAG Wismut 1945–1990*). Moscow: Energoatom-izdat, 2014. 524 p. (In Russian).
5. Baggott J. The First War of Physics: The Secret History of the Atom Bomb, 1939–1949. New York: Pegasus Books, 2010. 560 p.
6. Holloway D. Stalin and the Bomb: The Soviet Union and Atomic Energy 1939–1956. Yale: Yale University Press, 1994. 464 p.

УДК 327(091)+94(470)“16/18”+94(438)“16/18”

А. В. Богатырёв

БЛАГОДЕТЕЛЬ ПЕРВОГО РУССКОГО РЕЗИДЕНТА В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Привлечение архивных ресурсов, геральдической и генеалогической литературы, а также иных источников дает возможность установить личность и биографические данные Яна Павла Шиговского. Как показали изыскания, он был одним из посредников в деле возмещения Польшей в 1677 г. понесенных первой российской резидентурой затрат. Демонстрируется вся сложность миссии, когда внутренние и внешние проблемы, сказавшиеся на Польско-Литовском государстве, затруднили осуществление финансовой операции. Это, однако, не остановило запущенного процесса, обстоятельства которого, возможные риски выясняются в рамках предлагаемой статьи. В том числе через исследование семейных традиций, прошлого Шиговских предпринимается

попытка объяснить причины в целом успешного завершения «трансферта», не последнюю роль в котором сыграли должностное положение Яна Павла и его личностные качества. Наряду с этим немалое внимание уделено образу действий шляхтича, обнаружению его потенциальных сообщников, полезных деловых связей. Достаточная оперативность выплаты из коронной казны, совершенной в довольно непростых условиях и позволившей посольству, несмотря на трудности, закупить необходимый инвентарь и провизию – в немалой степени заслуга именно Я. Шиговского.

Ключевые слова: Первое постоянное дипломатическое представительство России в Речи Посполитой, В. М. Тяпкин, завершение миссии в 1677 г., денежное содержание, Я. П. Шиговский.

A. V. Bogatyrev

BENEFACITOR OF THE FIRST RUSSIAN RESIDENT IN RZECZPOSPOLITA

The reference to archival resources, heraldic and genealogical literature, as well as other sources, makes it possible to establish the identity and biographical data of Jan Paweł Szygowski. The study shows that he was one of the mediators in the compensation of Poland in 1677 incurred by the first Russian residence costs. The whole complexity of the mission, when internal and external problems affecting the Polish-Lithuanian state made it difficult to carry out the financial operation, is demonstrated. This, however, did not stop the process. Its circumstances and possible risks are clarified in the article. The analysis of Szygowski's family traditions and the background explains the reasons for the overall successful

completion of the “transfer”, not the least role in which played the official position of Jan Paweł and his personal qualities. Along with this, considerable attention is paid to the manner of actions of the nobleman, the discovery of his potential accomplices, and useful business ties. Sufficient efficiency of payment from the crown treasury, executed in rather difficult conditions and allowing the embassy, despite the complications, to purchase the necessary inventory and provisions – to no small extent, is the merit of J. Szygowski.

Key words: the first regular diplomatic representation of Russia in the Polish-Lithuanian Commonwealth, V. M. Tyapkin, the completion of the mission in 1677, cash allowance, J. P. Szygowski.

Постепенное вхождение России в плеяду подлинно европейских держав сопровождалось, в том числе, реорганизацией дипломатических институтов, созданием системы диппредставительств, что, в свою очередь, влекло за собой новые проблемы. Не раз писалось о финансовых сложностях первого постоянного представительства Московского царства в Польско-Литовском государстве – резиденту-

ры 1673 (1674) – 1677 гг. Василия Михайловича Тяпкина (например: [6, с. 509, 510; 1, с. 15–37]). Видим их и в ходе возвращения резидента на родину. Русский историк XIX в. А. Н. Попов в свое время особенно указывал на пертурбации, связанные с получением в 1677 г. денежного возмещения расходов миссии и усугубленные своеобразным «разделением» казны Речи Посполитой – одна из «дач» была обеща-

на королем Яном III Собеским из запасов Великого княжества Литовского [2, с. 258–259].

Долгую и «многотрудную» поездку за «литовскими» деньгами, растянувшуюся с 22 мая по 13 июня 1677 г. [2, с. 259], дипломат описывал так: «...Королевское величество указал меня... проводить... до подскарбия (примерно соответствует казначею. – А. Б.) литовского (Бенедикта Павла Сапеги. – А. Б.) в местечко Высокое, там толко продержал меня дни многие и, не дав ничего, велел ехать до Вилна...» [5, л. 155об.]. Затем был «большой шум», новые задержки, после которых стараниями литовского гетмана Михала Паца [8, с. 5] денежные средства все-таки были вручены резиденту. Однако не меньшие преграды ждали Тяпкина и в коронном, польском «скарбе» (со слов резидента, «многие... хлопоты и трудности»), если бы не содействие одного лица. Помощь его оценил и сам «московит», назвав добродеея по имени в своем донесении в Москву. Поддержку же некоего «старшего слуги» [5, л. 156] он так и оставил анонимной.

Из-за степени сохранности и состояния письма, в котором резидент прояснял сложившуюся ситуацию, нам было непросто идентифицировать этого деятеля. Имя читается без особых проблем – «Ян», но вот с фамилией возникли затруднения: ее можно интерпретировать как «Шиговский», «Шигловский» или даже «Шидловский» [5, л. 155].

Действительно, в XVII в. прославился Ян Шидловский, подचाший Плоцкий (1676 г.) [16, с. 643]. В то же время, Шидловские никак не были связаны с казной или финансами, чтобы быть полезны Тяпкину. Шигловские в списках польской шляхты вообще отсутствуют, а вот Шиговские имеются. В архивных документах, опубликованных доктором права и дипломатом Юлиушем Шиговским (1896–2001 гг.), есть сведения о некоем «приставе» Яне Шиговском, имевшем отношение к коронной казне [22, с. 203]. Исходя из данных начала XVIII столетия, можно предположить, что полное имя Шиговского – Ян Павел Шиговский, староста Крушвицкий [10, с. 468]. Учитывая, что своего благодетеля Тяпкин также называет «приставом» [5, л. 155], совпадение очевидно. Вывод: в выдаче денежного «вспоможения» помощь русскому дипломату оказал Ян Шиговский.

Если верить Касперу Несецкому, шляхетский род Шиговских (Szygowski) герба «Тшаска» достаточно старый (известны упоминания в XVI в.), происходит из Мазовецкого воеводства. Его представители хорошо послужили на благо Польского государства, были послами на сейм

от Рожаньской Земли [17, с. 644] и отдали свою жизнь в борьбе со шведами (один из Шиговских сражался под командованием Я. К. Ходкевича, 1609 г.) [15, с. 174]. Но вот что касается нашего героя, Несецкий хранит молчание. Благодаря Ю. Шиговскому мы узнаем, что у Яна был брат Войцех Станислав [22, с. 429]. У него же вычитываем о некоем Рослане Шиговском (в связи с имущественными спорами 1597 г.), отце Яна Шиговского [22, с. 134]. Но, подразумевается ли именно «переговорщик» Тяпкина?

Надо сказать: о «заступнике» резидента вообще недостает информации. Правда, если он выполнял какую-то значимую работу в коронном «скарбе», нечто о нем должно было бы мелькнуть в соответствующей научной литературе (в качестве примера: [18]). Специальное пояснение о роде занятий Шиговского заставляет думать, что не знали его и в Москве. Ни разу Ян Павел не упомянут ни в опубликованных С. Охманн-Станишевской письмах коронного подскарбия той поры Яна Анджея Морштына [14], ни в наиболее известном примере эпистолярного наследия обещавшего Тяпкину деньги Яна III [20]. И хотя такое замалчивание осложняет нашу работу, оно превращает ее в своего рода увлекательное расследование.

Уже говорилось, что Шиговские проявили себя в политической жизни страны (государственные должности они стали занимать ближе к концу XVII в.), в военных конфликтах, однако эти «дворяне» в не меньшей степени отличались и в делах финансовых. В значительно более позднее время «скарбовыми» вопросами занимался, например, Александр Шиговский [23, с. 62]. Сам Ян Павел помечен в документах довольно нетривиально – “*przystaw skarbowy*” [22, с. 202, 429] (несмотря на иные значения, не включающие подобного сочетания, должность пристава обычно соотносится с дипломатической службой [19; 12]), что прямо указывает на его деятельность в экономической сфере. Согласно источнику, Я. Шиговский участвовал в заверении «ассигнаций» 4 февраля 1677 г., поставив отметку: “*manu propria*” («собственно-ручно», «руку приложил»).

Как выясняется, конкретно у Яна Павла были достаточно влиятельные в политическом отношении родственники и «знакомые». Вот Войцех Станислав де Шиги Шиговский в 1697 г. подписал “*pacta conventa*” («договорные статьи») Августа II Сильного [24, с. 186], являлся депутатом сейма [25, с. 26]. Непосредственно Ян Павел состоял в рабочих контактах с Я. А. Морштыном, чью подпись также замечаем в финансовой документации. Вместе с ними

упомянут и некто Plaskowski. Воспользовавшись гербовником Несецкого, мы установили: скорее всего, имеется в виду Франтишек Казимеж Плонсковский (Плёнсковский, Pląkowski, герб Окша), подचाший Теребовлянский и, что важно, «писарь скарба коронного» 1678 г. [16, s. 319] (эти функции могли быть за ним закреплены и раньше). Итак, у Шиговского в его деле с Тяпкиным имелась определенная «группа поддержки»?

В любом случае, «пристав» справился со своей миссией, причем, без лишней волокиты. Да, между обещанием денежной компенсации (21 марта) и отъездом из Варшавы в Высокое (20 мая) [2, с. 259] прошло немало времени. Однако в этот промежуток входила подготовка миссии к отъезду, улаживание оставшихся вопросов, закупка провианта [3, л. 813об. – 815] и т. д. Сетования резидента на «многие дни» обязательно бы отразились в его донесениях. Успех же Шиговского заставляет думать, что «пристав» не впервые занимался подобным, имел некоторый опыт – на должности он находился уже почти три года (с 1675 г.) [23, s. 429].

Даже не обладая особо влиятельным положением и не входя в «ближний круг» солидного «можновладства», шляхтич оказался на высоте. Так как ему удалось? Остается только гадать: скорее всего, здесь нужно говорить о личных качествах – ловкости, знании «конъюнктуры». Также не забудем, что слово «пристав» на языке старой Польши означало еще и ассистента, помощника, а также надзирающего за делами [13], в нашем случае «скарбовыми». А это, в свою очередь, наделяло занимавшего данную должность вполне реальной властью. Как бы то ни было, теперь резидент мог заплатить охранявшим миссию стрельцам, подьячим, просто «отовариться» [5, л. 155; 2, с. 258–259] и продержаться до «дачи» из литовской казны.

Участие Шиговского в судьбе резидента не было исключительно бескорыстным – московскому дипломату пришлось выплатить пану немалую сумму: «...И ис тех денег дано за ходатайство... двесте золотых...» (сравним: безымянному слуге он подарил только 100 «золотых») [5, л. 155, 156]. Если иметь в виду, что всего Тяпкину выдали в Варшаве «...убытки за подводы до литовского рубежа и за подорожной корм... со всеми государевыми людьми две тысячи золотых полских...» [5, л. 154об.], вычтенная «мзда» была довольно внушительной. Но, оглядываясь на пример с «литовскими деньгами», в противном случае «московита» ждали бы очередные траты.

Тем более что подобные денежные «вспоможения» за те или иные услуги были в XVII в. практически повсеместным, вполне обычным и повседневным делом. Любое значимое содействие со стороны польской шляхты должно быть возмещено материально. Не понимая до конца местных традиций, Тяпкин периодически жаловался московскому начальству на возмутительное «крохоборство» [7, с. 216]. С другой стороны – нельзя сказать, чтобы его раздражал размер вознаграждения Шиговскому, иначе это стало бы известно руководству.

Да и мог ли «московит» быть недоволен: несмотря на затруднительное финансово-экономическое положение Речи Посполитой, Тяпкину все-таки удалось востребовать материальные средства. В 1676–1677 гг. в Польском государстве заметен экономический кризис, росла инфляция (что дало о себе знать в области дипломатической [27, s. 89]). Вдобавок, доходы шли с «перекосами», весьма неравно, деньги поступали небольшие, к примеру, «администратор» Калишского и Познанского воеводств смог «наскрестить» только 100 «золотых» [18, s. 346]. Выходит, 2000 «золотых» для коронной казны – ощутимая бюджетная потеря: примерно столько заплатили за 1677 г. еврей целого Львова «знатному господину» Войцеху Голыньскому [9, s. 334].

Сравнительно благополучное решение вопроса не могло не радовать, стоит лишь вспомнить, с какими трудностями прежде сталкивался дипломат. Почти неприступным в «денежном» отношении оказался именно Морштын (франкофил [21, s. 143], не вызывал особой симпатии Москве и ее представителю), причем, что было новостью для Тяпкина, сам монарх устранился от ситуации: «...А в месячном... корму и в подорожном подъеме отказано для того, что государя их... двору до тех кормов ведать не надлежит, токмо Речи Посполитой и подскарбию великому коронному...» [3, л. 508об.]. Большая тяжесть ложилась на плечи царского посланника, который де-факто остался один на один с бюрократической машиной: «...И... чтоб резидент... о месячном... резидентском корму... старался сам и писал до Варшавы или до Кракова, до подскарбия коронного...» [3, л. 509].

Очевидно, после бесплодных попыток преодолеть бюрократические препоны, Тяпкин вынужден был обратиться к идее «посредничества», нашлось и «контактное лицо» – Ян Шиговский. Такой «арбитраж» диктовался также особенностями статуса представителя московского царя, который не мог «...к ногам беседовати, понеже аз прислан есмь в Польшу

от пресветлейшего престола... его царского величества... до наясейшего престола... его королевского величества на резиденцию, а не до подскарбия коронного и ни до кого иных господ полских, зачем не годится мне, резиденту царского величества, до господина подскарбия писать, или до него посылать и бить челом, и желаю, дабы уволен был от таких трудностей...» [3, л. 509 об. – 510].

Сохранив имя Шиговского, обмолвившись о нем Посольскому приказу, Тяпкин, вероятно, надеялся: в будущем это сэкономит кому-нибудь время и нервы. Тем не менее, больше нам данное имя не попадалось. А ведь решив проблему, Ян Павел буквально способствовал спасению «москвиты» – оставаться в Речи Посполитой было шагом рискованным (и раньше атмосфера не всегда отличалась сердечностью [4, л. 96–98; 7, с. 218]). Подписав в 1676 г. мирный договор с Османской империей, представители «прокоролевских» кругов Польши уже не так остро нуждались в поддержке северного соседа против турок. Надежды же на «повращение» территорий из-под владетельной руки Москвы сохранялись [13, с. 90].

После «эпопеи» с Тяпкиным Шиговский, судя по всему, благополучно продолжил свою

карьеру: как следует из бумаг архива коронной казны, в марте 1687 г. он участвовал в «Радомской скарбовой комиссии» с ротмистром валашской хоругви С.Я. Яблоновского А. Давиденко, выступая послом на сейм того же года [23, с. 429; 26, с. 112]. В XVIII в. имя Яна Шиговского вспоминается параллельно с деятельностью Августа II. Под 1711 г. находим сведения о супруге «пристава» Зофье Любостовской, на которой был женат с 1630 г. [10, с. 22]. Будучи помещиком, отдался делам сельским, «держа» земли в Радоме и уступая крестьян представителям клира (его «хлопа» Павла Суrowика «прикупил» себе гнезненский каноник Франтишек Межевский) [11, с. 468].

Это все «польская» биография шляхтича, в истории же русской дипломатии (наряду с М. Пацем, маршалком великим литовским Александром Полубинским, «греком» Александром Балабаном и многими другими) он остался как «сподручник» представителя Московского царства. Показательно, что «пристав» стал одним из лишь трех «знакомцев», которые по-настоящему помогали московскому дипломату на «последнем этапе» и не бросили его в сложном положении.

Источники и литература

1. Колегов С. С. Проблема материального обеспечения постоянных дипломатических представительств России в Европе в третьей четверти XVII – первой половине XVIII столетий // Научный диалог. 2014. №8 (32). С. 15–37.
2. Попов А. Н. Русское посольство в Польше в 1673–1677 гг.: Несколько лет из истории отношений древней России к европейским державам. СПб: Типография Морского кадетского корпуса, 1854. 237 с.
3. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 79. Оп. 1. Д. 161 а (черновой вариант статейного списка Тяпкина).
4. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 178 (отписки и вестовые письма Тяпкина, 1676 – ... гг.).
5. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 182 (отписки и вестовые письма Тяпкина, 1677 г.).
6. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1961. Кн. 6. 682 с.
7. Соловьев С. М. История России... М.: Соцэкгиз, 1962. Кн. 7. 725 с.
8. Флоря Б. Н. Россия, Ян Собеский и гетман Михаил Пац в 1674–1675 гг. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. №1 (59). С. 5–11.
9. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi sp. Aleksandra hr. Stadnickiego, wydane staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. Lwów: Wydaw. O. Pietruski i X. Liske, 1884. T. 10. 568 s.
10. Chorążyczewski W., Roszak S. Pamięć Domu Komierowskich. Studium z dziejów rodu szlacheckiego w XVIII w. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2002. 163 s.
11. Deresiewicz J. Transakcje chłopami w Rzeczypospolitej szlacheckiej (XVI–XVIII w.). Warszawa: Książka i Wiedza, 1959. 742, [2] s.
12. Doroszewski W. Słownik języka polskiego. URL: sjp.pwn.pl/doroszewski/przys-taw;5487153.html (Дата обращения: 25.07.2017).
13. Grünberg K., Sprengel B. Trudne sąsiedztwo. Stosunki polsko-ukraińskie w X – XX w. Warszawa: Książka i Wiedza, 2005. 832 s.
14. [Morstin J. A.] Listy Jana Andrzeja Morstina / Oprac. S. Ochmann-Staniszevska. Wrocław: Wydaw. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. 378 s.
15. Naruszewicz A. S. Żywot J. K. Chodkiewicza wojewody wileńskiego, hetmana wielkiego W. Ks. Lit. Przemyśl: Michał Dzikowski, 1857. T. 1. 268 s.
16. [Niesiecki K.] Herbarz Polski... powiększony dodatkami z późniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych / Wyd. J. N. Bobrowicz.. Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1841. T. 7. 582, [4] s.
17. [Niesiecki K.] Herbarz Polski... Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1841. T. 8. 652, [4] s.
18. Rybarski R. Skarb i pieniądz za Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III. Warszawa: Towarzystwo Naukowe, 1939. 540 s.

19. Słownik Staropolski. URL: <http://www.staropolska.pl/slow-nik/?nr=3000&litera=&id=1954> (Дата обращения: 25.07.2017).
20. Sobieski J. Listy do Marysieńki / Oprac. L. Kukulski. Warszawa: Czytelnik, 1962. 643 s.
21. Sokołowska J. Jan Andrzej Morsztyn. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1965. 218, [2] s.
22. Szygowski J. Historia rodziny Szygowskich herbu Trzaska. Londyn: Oficyna Poetów i Malarzy, 1979. 464, [4] s.
23. Szygowski J. Tak się zaczynało. Chicago: Wydaw. Dziel Pogodnych, 1972. 238 s.
24. Święcki T. Historyczne pamiątki znamienitych rodzin i osób dawnej Polski. Warszawa: Merzbach, 1859. T. 2. 580, [1] s.
25. Volumina legum. Petersburg: Wydaw. Jozafata Ohryzki, 1860. T. 6. 208, [7] s.
26. Wagner M. Kadra oficerska armii koronnej w drugiej połowie XVII w. Toruń: A. Marszałek, 1992. 195, [2] s.
27. Zarzycki W. Dyplomacja hetmanów w dawnej Polsce. Warszawa; Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. 140, [2] s.

References

1. Kolegov S. S. Problema materialnogo obespecheniya postoyannykh diplomaticheskikh predstavitelstv Rossii v Evrope v tretyey chetverti XVII – pervoy polovine XVIII stoletiy (*The Problem Of Material Maintenance Of Regular Diplomatic Missions Of Russia In Europe In The Third Quarter Of The XVII – First Half Of The XVIII Century*) // Nauchnyy dialog. 2014. No. 8 (32). P. 15–37. (In Russian).
2. Popov A. N. Russkoye posolstvo v Polshu v 1673–1677 gg.: Neskolko let iz istorii otnosheniy drevney Rossii k evropeyskim derzhavam. St. Petersburg: Printing house of the Moscow Cadet Corps, 1854. 237 p. (In Russian).
3. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 79. Inv. 1. D. 161 a. (In Russian).
4. RGADA. F. 79. Inv. 1. D. 178. (In Russian).
5. RGADA. F. 79. Inv. 1. D. 182. (In Russian).
6. Solovyev S. M. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen (*History Of Russia Since Ancient Times*). Moscow: Sotsekgiz, 1961. Vol. 6. 682 p. (In Russian).
7. Solovyev S. M. Istoriya Rossii... (*History of Russia...*). Moscow: Sotsekgiz, 1962. Vol. 7. 725 p. (In Russian).
8. Florya B. N. Rossiya, Yan Sobieskiy i getman Mikhail Pats v 1674–1675 gg. (*Russia, Jan Sobieski and Hetman Mikhail Pats in 1674–1675*) // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki. 2015. No. 1 (59). P. 5–11. (In Russian).
9. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego bernardyńskiego we Lwowie w skutek fundacyi sp. Aleksandra hr. Stadnickiego, wydane staraniem Galicyjskiego Wydziału Krajowego. Lwów: Wydaw. O. Pietruski i X. Liske, 1884. T. 10. 568 s.
10. Chorążyczewski W., Roszak S. Pamięć Domu Komierowskich. Studium z dziejów rodu szlacheckiego w XVIII w. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 2002. 163 s.
11. Deresiewicz J. Transakcje chłopami w Rzeczypospolitej szlacheckiej (XVI–XVIII w.). Warszawa: Książka i Wiedza, 1959. 742 s.
12. Doroszewski W. Słownik języka polskiego. URL: sjp.pwn.pl/doroszewski/przys-taw; 5487153.html (Accessed: 25.07.2017).
13. Grünberg K., Sprengel B. Trudne sąsiedztwo. Stosunki polsko-ukraińskie w X–XX w. Warszawa: Książka i Wiedza, 2005. 832 s.
14. [Morstin J. A.] Listy Jana Andrzeja Morstina / Oprac. S. Ochmann-Staniszevska. Wrocław: Wydaw. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002. 378 s.
15. Narusiewicz A. S. Żywot J. K. Chodkiewicza wojewody wileńskiego, hetmana wielkiego W. Ks. Lit. Przemyśl: Michał Dzikowski, 1857. T. 1. 268 s.
16. [Niesiecki K.] Herbarz Polski... powiększony dodatkami z późniejszych autorów, rękopismów, dowodów urzędowych / Wyd. J.N. Bobrowicz.. Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1841. T. 7. 582 s.
17. [Niesiecki K.] Herbarz Polski... Lipsk: Breitkopf i Haertel, 1841. T. 8. 652 s.
18. Rybarski R. Skarb i pieniądz za Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III. Warszawa: Towarzystwo Naukowe, 1939. 540 s.
19. Słownik Staropolski. URL: <http://www.staropolska.pl/slow-nik/?nr=3000&litera=&id=1954> (Accessed: 25.07.2017).
20. Sobieski J. Listy do Marysieńki / Oprac. L. Kukulski. Warszawa: Czytelnik, 1962. 643 s.
21. Sokołowska J. Jan Andrzej Morsztyn. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1965. 218 s.
22. Szygowski J. Historia rodziny Szygowskich herbu Trzaska. Londyn: Oficyna Poetów i Malarzy, 1979. 464 s.
23. Szygowski J. Tak się zaczynało. Chicago: Wydaw. Dziel Pogodnych, 1972. 238 s.
24. Święcki T. Historyczne pamiątki znamienitych rodzin i osób dawnej Polski. Warszawa: Merzbach, 1859. T. 2. 580 s.
25. Volumina legum. Petersburg: Wydaw. Jozafata Ohryzki, 1860. T. 6. 208 s.
26. Wagner M. Kadra oficerska armii koronnej w drugiej połowie XVII w. Toruń: A. Marszałek, 1992. 195 s.
27. Zarzycki W. Dyplomacja hetmanów w dawnej Polsce. Warszawa; Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976. 140 s.

УДК 94 (470)''18"

Н. Н. Великая

О РОССИЙСКО-КУМЫКСКОЙ ТОРГОВЛЕ XVIII в.

В статье рассматриваются причины углубления торговых отношений кумыков с Россией в основном во второй половине XVIII века (время правления Екатерины II и Павел I). Среди них отмечаются следующие: расположение кумыков на Волжско-Каспийском международном торговом пути, разнообразные политические и экономические связи с Российским государством и левобережными соседями, которые установились ещё с XVI–XVII веков, наличие феодальной верхушки, которая быстрее усваивала новые предметы быта, переходила к престижному потреблению, благоприятные природно-климатические условия для ведения хозяйства, политика «ласканий», которую проводили российские власти в центре и

на местах. Достаточно стабильная остановка в регионе (до и после восстания шейха Мансура) приводила к участию широких слоёв населения Кумыкии в торговых операциях с Россией. Всё это позволяло кумыкам не только развивать, специализировать собственное хозяйство, но и быть посредниками в торговле с Ираном и с горскими народами региона. В то же время формированию единого экономического пространства мешали действия отдельных российских комендантов и таможенников, сборы с торговцев кумыкских князей, разнотой в системе мер и весов, неразвитая инфраструктура и др.

Ключевые слова: Россия, кумыки, Кизляр, торговля, политика «ласканий».

N. N. Velikaya

ON RUSSIAN-KUMYK TRADE IN THE XVIII CENTURY

The article discusses the reasons for deepening trade relations between Kumyk and Russia of the XV–II century (mainly during the reign of Catherine II and Paul I). Among them, the following facts are noted: the location of Kumyks on the Volga-Caspian international trade route, a variety of political and economic ties with the Russian state and left bank neighbors that were established since the XVI–XVII centuries, the presence of the feudal elite that assimilated new household items quickly and passed to prestigious consumption, favorable natural and climatic conditions for farming, the policy of “caressing” that was carried out by the Russian authorities in the center and in provinces. A fairly stable situation in the region (before and

after Sheikh Mansur uprising) led to the participation of the general population of Kumykia in trade operations with Russia. All these actions allowed Kumyks not only to develop, and specialize their own economy, but also to be intermediaries in trade with Iran and the mountain peoples of the region. At the same time, the formation of common economic space was hindered by the actions of some Russian commandants and customs officers, fees from merchants of Kumyk princes, discrepancies in the system of measures and weights, undeveloped infrastructure, etc.

Key words: Russia, Kumyks, Kizlyar, trade, “caressing” policy.

Торговые отношения между Россией и народами Северо-Восточного Кавказа активизировались после заключения мирного договора с Ираном 1735 г., установившего почти на столетие границу между двумя державами по Тереку. Создание вдоль пограничной линии многочисленных казачьих станиц, переселение в регион крестьян, выходцев из Закавказья, строительство городов-крепостей (прежде всего, Кизляра), появление российского купечества и др. привело к укреплению не только политических,

но и экономических позиций России в Предкавказье. Исследователи справедливо обращают внимание на большую роль Кизляра в торгово-экономических операциях России с народами Северо-Восточного Кавказа [1; 5, с. 175–222; 6; 8, с. 84–113].

С петровских времён наблюдается цепь присяг северокавказских владетелей на верность России и выплата им жалованья [25, с. 27–33, 44 и др.]. При Екатерине II и Павле I эти присяги были подтверждены [11, с. 253;

25, с. 181–185, 194–195, 242]. Власть в рассматриваемый период проводила политику «ласканий» (если использовать терминологию документов), которая представляла собой целый комплекс экономических и политических мероприятий. Как проявление этой политики следует рассматривать отмену пошлин с кумыков с 1765 г., снятие запрета на вывоз из России в дагестанские и закавказские владения многих товаров, в том числе железа, лошадей и т. д., что потом неоднократно подтверждалось [19, с. 87, 89; 25, с. 137, 214, 223; 26, с. 279]. Как сообщал президент Коммерц-коллегии граф А.Р. Воронцов в 1791 г. шамхалу Тарковскому, Кизлярской и Астраханской таможням предписано оказывать всякую «справедливость и ласковость» приезжающим туда для торгова..., не делая им впредь никаких обид и притеснений» [25, с. 221].

Екатерина II подчёркивала: «Не оружием, а паче правосудием и справедливостью, нужно приобретать их (северокавказцев – Н. В.) к себе доверенность... Всячески *ласкать* и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличиями...» [см.: 17, с. 459]. Павел I также требовал от командующего войсками И. В. Гудовича прилежащие к границе народы и владетелей «удерживать в кротости и повиновении *ласкою*, отвращая от них всё, что служит к их притеснению или отягощению» [см.: 18, с. 16]. Как показывают эти и другие документы, российское правительство на Северном Кавказе не ставило целью колониальное ограбление и экономическое подчинение южных окраин, не шла речь и о цивилизаторской миссии российского государства и народа. Предпочтение отдавалось мирным формам взаимодействия сторон.

В последнее время торгово-экономические связи народов региона с Россией в XVIII в. стали вызывать пристальный интерес исследователей [12; 13; 20 и др.]. Однако не все народы нашли своё место в историографических обзорах и далеко не все опубликованные ещё в советский период источники привлечены и проанализированы. Целью нашей работы является рассмотрение торговли России с кумыками в периоды правлений Екатерины II и Павла I (60–90-е гг. XIX века), когда российские власти проводили политику «ласканий» в регионе.

Хотя формально граница по Тереку до 1813 г. была с Ираном, но фактически непосредственными соседями россиян, проживавшими на левом берегу Терека (в восточной его части), были тюркоязычные народы – кумыки и ногай-

цы. В указанный период они занимали степные плоскостные и предгорные районы Дагестана и отчасти Чечни [19, с. 39]. Кумыками было создано несколько государственных образований: Тарковское шамхальство, Костиковское, Аксайское, Эндиреевское и др. княжества, с которыми российские власти по Тереку в рассматриваемый период активно взаимодействовали.

Ведущую роль в хозяйстве кумыков играло земледелие. Российский академик конца XVIII в. И. А. Гильденштедт так описал занятия кумыков: «Все занимаются земледелием и немного скотоводством. Их хлебные растения: пшеница, ячмень, просо, овёс и преимущественно рис, также и хлопчатник возделывают они довольно часто...» [7, с. 255]. Поскольку земельных угодий на плоскости было достаточно много, кумыки даже практиковали залежную систему, использовали и орошение полей, что было необходимо для рисоводства [24, с. 205–206, 345].

У кумыков была весьма развита домашняя промышленность, связанная с обработкой шерсти (изготовление ковров, паласов, бурок, башлыков, «горского» сукна и др.), кож (выделка сафьяна, шкур диких животных и др.), металлов (производство холодного оружия, а также медных тазов, кувшинов, блюд) и др. Всё вышеперечисленное, а также то, что вырабатывалось и производилось в хозяйстве (рис, мука, скот, масло, свежие и сушёные фрукты, грецкие орехи, шёлк-сырец, мёд, воск и др.), в той или иной степени имело выход как на внутренний северокавказский, так и на внешний (российский, иранский, закавказский) рынки [25, с. 119–120, 142, 145]. Определённая специализация наблюдалась у костиковцев, которые продавали в Кизляр дрова, колья для виноградных садов и строевой лес. Также отсюда вывозились марена, шёлк-сырец, просо, курага, орехи, глиняная посуда [1].

В тот период на восточных рынках в качестве дорогостоящего товара выступали рабы-ясыри. Работоторговля была распространена и в самом регионе. Этот торг имел крайне негативные последствия: приводил к демографическим потерям, росту набегов и обострению ситуации на Северо-Восточном Кавказе, поэтому российское правительство всячески пыталось его пресечь [14, с. 121–157; 19, с. 110; 22, с. 110–113 и др.].

Другие же виды торговли поощрялись и приветствовались. Екатерина II в письме командующему войсками на Кавказской линии И. В. Гудовичу рекомендовала «для выгоды подданных наших» и, в частности, шамхала

Тарковского, «в рассуждение, что все сии народы изобилуют более скотом и разными продуктами, нежели деньгами, устроить мену, где прилично» [25, с. 225]. Правительство поощряло меновую торговлю ещё и потому, что во второй половине XVIII в. существовал запрет на вывоз золота, серебра и соответствующих российских монет за границу. Однако на правом берегу Терека они продолжали поступать разными путями: контрабандой их вывозили из Кизляра (за это, например, в 1764 г. два жителя с. Эндери были наказаны плетью) [26, с. 99–100], деньги в качестве наград и жалованья выдавались горским владельцам и др. Но легально получаемых российских денег не хватало, хотя суммы, назначаемые некоторым владельцам, были просто огромными. Например, шамхалу Тарковскому ежегодно отпускалось по 6 тыс. руб., а по случаю принесения присяги и присвоения очередных званий вручались подарки (парча, сукно, соболья шуба, сабля и т. п.) [25, с. 186, 199, 241, 248].

По мнению М.-П. Б. Абдусаламова и Н. Д. Чекулаева, в торговле, которую вели кумыки, «господствующей была товарно-денежная форма, больше – во внешнеторговых операциях, меньше в операциях внутренней торговли» [1]. Это утверждение вряд ли справедливо. Российских денег, как мы уже отмечали применительно к рассматриваемому периоду, остро не хватало. Кроме того, на Северо-Восточном Кавказе не сложилось единых стандартов мер и весов, единой денежной системы, что приводило к широким формам натурального обмена. Не случайно, правительство и в XIX в. открывало именно меновые дворы. Но авторы правы в том, что при обмене товарами пересчёт их стал происходить на деньги, что свидетельствовало о довольно широком развитии товарно-денежных отношений. Но отметим, что в качестве эквивалента при обмене часто выступала соль [19, с. 142–143].

В Затеречье русские купцы бывали редко. Это было связано с нападениями на купеческие караваны, бездорожьем, феодальными междоусобицами, постоянными эпидемиями, необходимостью платить каждому местному владельцу пошлин, которые произвольно возрастали [25, с. 101, 105, 109, 110, 113, 118 и др.]. Российско-кумыкские отношения осложнялись и побегии российских подданных в Кумыкию (под ней понимается территория, где проживали кумыки), а кумыкских «холопов» в Россию, происки шахских и турецких эмиссаров и др. [25, с. 124–126, 164, 204, 214 и др.]. Трудности сухопутной торговли вынуждали передавать торговые операции армянским купцам, кото-

рые знали местные языки, имели в регионе знакомых и родственников [4, с. 91–93; 13, с. 115–116; 27, с. 25–27]. Однако близость кумыков к российским торговым центрам приводила к тому, что они, большей частью, и без посредников осуществляли торговые операции. Их именовали «купецкими людьми». Часто за них ходатайствовали кумыкские владельцы, заинтересованные в торговых связях с Россией. Достаточно стабильная остановка в регионе до и после восстания шейха Мансура (которое в 1785 г. затронуло и кумыков) приводила к участию не только местных верхов, купцов, но и широких слоёв населения Кумыкии в торговых операциях с Россией.

Узаконенная торговля осуществлялась в российских городах-крепостях, где действовали таможенные пункты, товары досматривались, в случае необходимости подвергались карантинным мероприятиям и т. п. В официальной торговле главным был политический фактор, определённые льготы были тесно связаны с благонадёжностью отдельных владельцев и обществ.

В то же время контрабандная торговля происходила повсеместно. Несмотря на желание властей поставить её под строгий контроль, она продолжала расти стихийно, о чём свидетельствовал в 1791 г. командующий войсками на Кавказской линии И. В. Гудович [25, с. 223]. По мнению Кизлярского коменданта и начальника Моздокской пограничной заставы, установить контроль за ввозимыми и вывозимыми товарами (а это «хлеб», «рогатый скот...», масло коровье, сыр, мёд, воск, бурки, чекмени, кошмы и сукна горские» и др.) также было невозможно [23, с. 242]. «Чёрный рынок» в российском пограничье включал разветвлённую сеть нелегальных торговых путей и населённых мест. В частности, в Кумыкию приезжали гребенские казаки для продажи рыбы и закупок зерна, лошадей и ремесленных изделий. Кумыкские князья, купленных в калмыцких и туркменских улусах и Кабарде лошадей контрабандным путём часто перегоняли к иранским границам, что вызывало недовольство кизлярских комендантов [1]. Контрабандно развивалась и торговля железом.

Среди северокавказских торговых центров большой популярностью в рассматриваемый период пользовались кумыкские селения Тарки, Аксай, Костек, Эндери (это село получило название ворот, ведущих с гор на плоскость) и др. Помимо местной продукции здесь было много товаров из Ирана, Закавказья, России [1; 13, с. 108–109; 19, с. 107–109, 110–111]. В

указанных сёлах российские купцы (большей частью, армяне и евреи) держали свои лавки. В с. Эндери купцы продавали необходимые населению: холст, бурметы, иголки, напёрстки, карманные зеркала, замки, писчую бумагу, липовые короба, сундуки, мыло и мн. др. В Эндери же купцами приобретались не только изделия местного производства (мёд, сыр, шёлк-сырец, паласы, бурки, а также марена, шкуры диких животных и др.), но и товары, привезённые из всех районов Дагестана (кубачинское оружие, балхарская глиняная посуда, лезгинские, «черкаские» сукна и др.), а также Чечни, Кабарды, Терского левобережья [25, с. 119, 168; 26, с. 119–121, 125]. Таким образом, здесь жители равнин и высокогорья Центрального и Северо-Восточного Кавказа обменивались своей продукцией. Кроме того, кумыкские торговые пункты играли роль связующего звена между российским и северокавказским рынками.

В ходе законных и контрабандных торговых операций население по обе стороны границы получало необходимые товары и возможность переходить на те отрасли, которые давали в данной обстановке наибольший экономический эффект. Прежде всего, это коснулось кумыков, которые в силу своего географического положения оказались непосредственными торговыми партнёрами россиян.

С середины XVIII в. в связи с потребностями российской промышленности в красящих веществах, постоянно увеличивается сбор корня марены по обеим сторонам Терека. В этот промысел активно вовлекаются кумыки. Лишь за 6 месяцев 1790 г. из Засулакской Кумыкии в Кизляр было вывезено 2 617 пудов марены на 7 851 руб. [2, с. 258–259]. Богатейший из русских московских купцов и промышленников Суровщиков через своих комиссионеров закупал в кумыкских владениях (Аксай, Эндери, Костек, шамхальство Тарковское и др.) до 2 и более тысяч пудов марены. О тенденции вывоза позволяют судить и данные по с. Эндери. В 1768 г. отсюда было отправлено 1132 пуда марены, а в 1772 г. – 2415 пудов. Это было связано с тем, что цены на марену росли, и её собирали всё больше [20, с. 52; 26, с. 103]. Приведённые примеры весьма показательны и свидетельствуют об определённых изменениях, которые происходили в хозяйственных занятиях населения Кумыкии в связи с активизацией российско-северокавказских торговых отношений.

На Северном Кавказе издавна выделялся шёлк, но в небольших количествах для собственных нужд. В середине XVIII в. для поощрения торговли им указом Сената торговая

пошлина на шёлк-сырец была отменена. Это дало возможность не только увеличить закупки, но и открыть в Кизляре несколько шёлковых мануфактур. Местные предприниматели и купцы из Центральной России приобретали шёлк у жителей кумыкских владений. Только из Эндери с сентября по декабрь 1790 г. было вывезено 336 пудов шёлка-сырца [26, с. 107–109]. Факты свидетельствуют о возросших масштабах торговли, которая не могла не отражаться на занятиях местного населения, осознающего выгоды от этого промысла. Растущий вывоз давал возможность развиваться шёлковой промышленности, как в самом регионе, так и в России в целом.

В рассматриваемый период увеличилась и торговля металлами. В частности, у местного населения была огромная нужда в железе, о чём свидетельствуют выявленные прошения кумыкских князей, где указано разное количество железа: от 0,5 до 1000 пудов, необходимых «для подков лошадиных, воротных петель и крючьев», «для плугов» и т. п. С российской стороны главным условием было не использовать железо в «военных целях». [25, с. 125, 131, 133, 136, 143, 147, 212; 26, с. 93, 95].

Хлебопашество в рассматриваемый период не получило большого развития у казаков терского левобережья. И в соответствии со сложившейся специализацией и потребностями рынка, кумыки снабжали соседей мукой, просом, рисом и др. В то же время пшеницу в рассматриваемый период они приобретали в Кизляре [25, с. 133, 135–136 и др.].

В правление Екатерины II свежие и сушёные фрукты и орехи начинают активно поставляться в Петербург, в том числе для императорского двора. Тарковские шамхалы оказывали содействие специальным торговым агентам в закупках фруктов как в самом шамхальстве, так и за его пределами, в частности в горах, где садоводство для многих обществ являлось основной отраслью хозяйства [3, с. 170; 16, с. 69, 72, 74; 25, с. 111, 173].

В свою очередь из разных районов России через Астрахань и Кизляр к кумыкам доставлялись и со временем становились привычными многие товары: сундуки, котлы, сита, коробы, холст, китайка, пестрядь, выбойка, башмаки, мыло, зеркала, замки, ножницы, гребни, напёрстки, писчая бумага, иглы (только в одной партии товара, ввезённого в с. Эндери числилось 2000 игл) и др. [16, с. 70; 25, с. 103, 168–169]. Превосходство российских товаров заключалось в их разнообразии (ткани – от холщёвых до шёлковых, изделия из железа, чугуна, меди,

стекла, глины, дерева и т. п.) и утилитарной необходимости (ножницы, напёрстки, иголки, ковши, котлы, мыло и т. п. мануфактурные изделия). Они были рассчитаны на широкий круг покупателей.

В то же время местные князья покупали в Кизляре парчу, красную юфть, оловянные блюда, зеркала, медные подсвечники, замки и др. [25, с. 148; 26, с. 119–121, 139]. Таким образом, местные верхи с помощью российских товаров могли исполнять свои возросшие желания и потребности [21, с. 59]. Они были заинтересованы в дальнейшем развитии торговых отношений. Важно подчеркнуть, что феодальные элементы местного общества активно включались в торговлю. Они имели для этого больше возможностей (накопление средств происходило путём сдачи в аренду рыбных промыслов, взимания дорожных пошлин и др.) [1].

Расположение кумыков на Волжско-Каспийском международном торговом пути, проходившем как по морю, так и по суше, достаточно ранние и разнообразные связи с Российским государством, наличие феодальной верхушки, которая быстрее усваивала новые предметы быта, переходила к престижному потреблению, обеспечили большую вовлечённость населения плоскостных и приморских территорий Дагестана в торговые отношения с Россией. У равнинных приграничных с Россией народов, к которым относились кумыки, было больше возможностей заниматься торговлей. Они легче шли на контакт с левобережными соседями, с которыми у них установились контакты ещё с XVI–XVII вв. Свою роль в углублении российско-кумыкских связей сыграла и политика «ласканий» рассматриваемого периода. Степень развития отраслей зависела от природно-климатических условий. На плоскости они были более благоприятны. Население Кумыкии активно участвовало в товарообмене, выступая зачастую посредником в торговых операциях с жителями высокогорья. Не случайно, что и значительная часть документов, связанных с российско-горской торговлей рассматриваемого периода касается именно той части Северного Кавказа, где проживали кумыки.

Не только верховная, но и местная власть в регионе понимали значение торговли для дальнейшего развития Кумыкии в составе России. Однако пределы этого во второй половине XVIII в. были ограничены. Российские власти, например, не могли запретить кумыкским владельцам сбор внутренних пошлин, затруднявших торговлю (так, в шамхальстве Тарковском за провоз товаров брали: «С каждой повозки,

как бы она нагружена ни была товарами или весьма мало, по 2 руб. 50 копеек, с фруктов с одной повозки по 1 руб. 30 коп., с канцелярского семя по 5-ти рублей с пуда и с табунов, прогоняемых через их владения, с каждой лошади по 50 копеек, с овец с 20 одну, с рогатой скотины с 20-ти одну, с рыбы, которую привозят с 10-ти одну» [1]. Юридическая неопределённость подданства (по международным договорам жители Затеречья считались персидскими подданными, но в то же время, они присягали и на верность России) не позволяла российскому правительству в рассматриваемый период создать единое торговое (беспошлинное) пространство на территории Северо-Восточного Кавказа.

Но, тем не менее, торговые отношения с Россией всё в большей степени влияли на политическую ориентацию кумыкских князей и их подданных, которые начинали встраиваться в общероссийский рынок, удовлетворяли его и свои потребности. Так, в начале XIX века Коллегия иностранных дел, давая заключение о причинах пророссийской ориентации Тарковского шамхала и других владельцев, подчёркивала, что «да и все прочие ханы при Каспийском море имеют приверженность к России по причине торговли» [см.: 10, с. 33]. В налаживании торговых отношений были заинтересованы обе стороны: и Россия, и местные жители.

М.-П. Б. Абдусаламов и Н. Д. Чекулаев утверждают, что, несмотря на развитие торговли, «в Кумыкии по-прежнему господствовало натуральное хозяйство» [1]. Однако натуральное хозяйство понимается как самодостаточный тип, который направлен на удовлетворение собственных потребностей, а не на продажу. Для этого типа характерна определенная экономическая изолированность. Этого нельзя сказать о кумыках рассматриваемого периода. Они активно участвовали в торговых и обменных операциях, более того их сёла становились центрами торговли для народов Центрального и Северо-Восточного Кавказа. Кумыки также активно участвовали и в региональном разделении труда, развивая те отрасли хозяйства, для которых имелись наилучшие природные и иные условия, и продукцию которых можно было с успехом обменивать с соседями. Торговля с Россией способствовала росту производства и специализации ряда отраслей экономики, изменяла быт, прежде всего, верхушки местного населения. Помимо продуктов и сырья, кумыки поставляли на рынки большое число готовых изделий. Таким образом, в рассматриваемый период у них про-

исходило активное разложение натурального и развитие товарного хозяйства.

«Авангардную» роль в торговле с Россией кумыкские сёла Аксай, Костек, Эндери, Тарки и др. сохранили и в самом начале XIX века, когда Александр I, пообещав править по примеру своей знаменитой бабушки Екатерины II. Как свидетельствует «Книга на записку товаров и вещей... 1812 г.», из этих селений в Кизляр по-прежнему в больших количествах поступали мука, рис, шубы, башлыки, шаровары, сукна, медная посуда, шёлк-сырец, сёдла, кинжалы и мн. др. Было вывезено 1400 бурок, 1169 сафьянов, 800 паласов, 330 овчин, 200 ковров и др. [см.: 9, с. 115–177; 19, с. 112]. Занимались кумыки и «разведением марены», что давало «довольно большие выгоды» (спрос российской промышленности на марену продолжал расти, и, соответственно, увеличивалась её

цена). Важным промыслом кумыков оставалось пчеловодство. На меновых дворах и других торговых центрах они ежегодно сбывали до 500 пудов (8 тонн!) мёда и воска. Жители Кумыкской плоскости по-прежнему были большими мастерами в изготовлении сукна из овечьей и верблюжьей шерсти, кожаных изделий, которые они «с выгодой сбывают... занимаются ковкою оружия и его отделкою. Жёны их ткут прекрасные галуны, тесьмы и шнуры, известные на всём Кавказе» [15, с. 133–134].

Однако с конца второго десятилетия XIX в. процесс дальнейшего развития товарно-денежных отношений у кумыков был в сильной степени заторможен, что было связано с обострением политической обстановки на Северо-Восточном Кавказе, его торговой блокадой, военными действиями, распространением мюридизма и пр.

Источники и литература

1. Абдусаламов М.-П. Б., Чекулаев Н. Д. Роль Кизляра в торгово-экономических связях кумыкских феодальных владений с Россией в XVIII веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kizlyara-v-torgovo-ekonomicheskikh-svyazyah-kumykskih-feodalnyh-vladений-s-rossiei-v-xviii-veke> и др. (Дата обращения 1.02.2018).
2. Алиев Б. Г. Крестьянство Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 416 с.
3. Алиев Б. Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая половина XIX в.). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 440 с.
4. (Броневский С. М.) Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семёном Броневским: В 2 томах: т. 1, т. 2 / Подготовка текста к изданию, предисловие, примечания, словарь малоупотребительных слов, указатели И. К. Павловой. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 464 с.
5. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, 2007. 274 с.
6. Гарунова Н. Н. Экономическое развитие Кизляра в XVIII – первой половине XIX века. Кизляр: Дагестанский государственный педагогический университет, 1999. 41 с.
7. Гильденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770 – 1773 гг. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 421 с.
8. Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. Ростов-на-Дону: РГУ, 1984. 160 с.
9. Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Причерных районов в XVIII – первой половине XIX в. Грозный: Грозненский рабочий, 1961. 194 с.
10. Джахияева Э. Г. Из истории экономической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа во второй половине XVIII – первой трети XIX в. // Вопросы Северокавказской истории. Армавир: АГПА, 2004. Вып. 9. С. 33–39.
11. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырёх книгах. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках. М.: Норма, 1998. 672 с.
12. Зюзин В. В., Триус Л. И. Развитие торгово-экономических отношений между горцами, казаками и российскими переселенцами в конце XVIII–XIX вв. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VI. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск: ПГЛУ, 2014. С. 148–157.
13. Илясова А. А., Гранкин Ю. Ю. Торговый фактор в системе политико-экономического развития Северного Кавказа в XVIII – первой половине XIX веков. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. 224 с.
14. Иноземцева Е. И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Очерки истории. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2014. 298 с.
15. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М.: Надыршин, 2008. 831 с.
16. История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 752 с.
17. История народов Северного Кавказа (с древнейших времён до конца XVIII в.). М.: Наука, 1988. 544 с.
18. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). М.: Наука, 1988. 659 с.
19. Кидирнязов Д. С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2016. 490 с.
20. Кидирнязов Д. С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI–XIX вв. Махачкала: Эпоха, 2003. 217 с.
21. Клычников Ю. Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В. Б. Виноградова. Вып. 9. Пятигорск: ПГУ, 2018. 108 с.

22. Клычников Ю. Ю., Цыбульников А. А. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки). Пятигорск-Армавир-Славянск-на-Кубани: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2011. 256 с.
23. Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 301 с.
24. Османов М. О. Традиционные типы и системы земледелия Дагестана в XIX – начале XX века. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2008. 482 с.
25. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. Сборник документов. М.: Наука, 1988. 357 с.
26. Феодаева Ф. З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX вв. М.: Таус, 2008. 296 с.
27. Яхшибеян Д. Д. Роль армянского купечества в торгово-экономических взаимоотношениях Дагестана с Россией в XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2010. 30 с.

References

1. Abdusalamov M.-P. B., Chekulaev N. D. Rol' Kizlyara v torгово-ekonomicheskikh svyazyakh kumykskikh feodal'nykh vladений s Rossiei v XVIII veke (*The Role Of Kizlyar In Trade And Economic Relations Of Kumyk Feodal Possessions With Russia In The XVIII Century*) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2013 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kizlyara-v-torgovo-ekonomicheskikh-svyazyah-kumykskikh-feodalnyh-vladений-s-rossiei-v-xviii-veke-i-dr>. (Accessed: 1.02.2018). (In Russian).
2. Aliev B. G. Krest'yanstvo Dagestana v XVIII – pervoy polovine XIX v. (*The Peasantry Of Dagestan In The XVIII – First Half Of The XIX Century*). Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2009. 416 p. (In Russian).
3. Aliev B. G. Svobodnoe uzdenstvo feodal'nogo Dagestana (XVIII – pervaya polovina XIX v.) (*Free Rein Of Feudal Dagestan (XVIII – The First Half Of The XIX Century)*). Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2007. 440 p. (In Russian).
4. (Bronevskiy S. M.) Noveyshiya izvestiya o Kavkaze, sobrannyya i popolnennyya Semenom Bronevskim (*the latest news about the Caucasus, Collected And Replenished by Semyon Bronevsky*): In 2 Vols: Vol. 1, Vol. 2 / ed. by K. Pavlovoy. St.Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 464 p. (In Russian).
5. Garunova N. N. Rossiyskie goroda-kreposti v kontekste politiki Rossii na Severo-Vostochnom Kavkaze v XVIII – pervoy polovine XIX v.: problemy politicheskoy, ekonomicheskoy i kul'turnoy integratsii (*Russian City-Fortress In The Context Of Russian Policy In Northeast Caucasus In XVIII – First Half XIX Century: Problems Of Political, Economic And Cultural Integration*). Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2007. 274 p. (In Russian).
6. Garunova N. N. Ekonomicheskoe razvitiye Kizlyara v XVIII – pervoy polovine XIX veka (*Economic Development Of Kizlyar In The XVIII – First Half Of XIX Century*). Kizlyar: Dagestan State Pedagogical University publ., 1999. 41 p. (In Russian).
7. Gil'denshtedt I. A. Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 gg. (*Travel Across The Caucasus In 1770–1773*). St.Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 421 p. (In Russian).
8. Gritsenko N. P. Goroda Severo-Vostochnogo Kavkaza i proizvoditel'nye sily kraya. V – seredina XIX veka (*Cities Of The North-East Caucasus And The Productive Forces Of The Region. V – The Mid-XIX Century*). Rostov on Don: RSU publ., 1984. 160 p. (In Russian).
9. Gritsenko N. P. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitiye Priterechnykh rayonov v XVIII – pervoy polovine XIX v. (*Socio-Economic Development Of Terek Areas In The XVIII – First Half Of The XIX Century*). Groznyy: Groznenskiy rabochiy, 1961. 194 p. (In Russian).
10. Dzhakhieva E. G. Iz istorii ekonomicheskoy integratsii narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza vo vtoroy polovine XVIII – pervoy treti XIX v. (*From The History Of Economic Integration Of The Peoples Of The North-East Caucasus In The Second Half Of XVIII – First Third Of XIX Century*) // Voprosy Severokavkazskoy istorii. 2004. Issue. 9. P. 33–39. (In Russian).
11. Dokumental'naya istoriya obrazovaniya mnogonatsional'nogo gosudarstva Rossiyskogo (*Documentary History Of Forming The Multinational State Of The Russian Federation*). V chetyrekh knigakh. Book. 1. Rossiya i Severnyy Kavkaz v XVI–XIX vekakh. Moscow: Norma, 1998. 672 p. (In Russian).
12. Zyuzin V. V., Trius L. I. Razvitiye torгово-ekonomicheskikh otnosheniy mezhdru gortsami, kazakami i rossiyskimi pereselentsami v kontse XVIII–XIX vv. (*Development Of Trade And Economic Relations Between The Highlanders, Cossacks And Russian Settlers In The Late XVIII–XIX Centuries*) // Rossiyskaya gosudarstvennost' v sud'bakh narodov Kavkaza – VI. Materialy regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Pyatigorsk: PSLU publ., 2014. P. 148–157. (In Russian).
13. Ilyasova A. A., Grankin Yu. Yu. Torgovyy faktor v sisteme politiko-ekonomicheskogo razvitiya Severnogo Kavkaza v XVIII – pervoy polovine XIX vekov (*Trade Factor In The System Of Political And Economic Development Of The North Caucasus In The XVIII – First Half Of The XIX Centuries*). Pyatigorsk: PSLU publ., 2013. 224 p. (In Russian).
14. Inozemtseva E. I. Institut rabstva v feodal'nom Dagestane (*The Institution Of Slavery In The Feudal Dagestan. Essays On The History*). Ocherki istorii. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2014. 298 p. (In Russian).
15. Istoricheskiy obzor Tereka, Stavropol'ya i Kubani (*Historical Overview Of The Terek, Stavropol Area And The Kuban*). Moscow: Nadirshin publ., 2008. 831 p. (In Russian).
16. Istoriya mnogovekovykh vzaimootnosheniy i edineniya narodov Dagestana s Rossiei (*The History Of Centuries-Old Relations And Unity Of The Peoples Of Dagestan With Russia*). K 150-letiyu okonchatel'nogo vkhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2009. 752 p. (In Russian).
17. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII v.). (*The History Of The Peoples Of The North Caucasus (From Ancient Times To The End Of The XVIII Century)*). Moscow: Nauka, 1988. 544 p. (In Russian).

18. Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII v. – 1917 g.). (*The History Of The Peoples Of The North Caucasus (The End Of The XVIII Century – 1917)*). Moscow: Nauka, 1988. 659 p. (In Russian).
19. Kidirniyazov D. S. Vzaimootnosheniya narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza v XVIII – seredine XIX v.: politicheskie, trgovno-ekonomicheskie i etnokul'turnye aspekty (*Relations Between The Peoples Of Dagestan And The North Caucasus In XVIII – mid-XIX: Political, Trade, Economic And Ethno-Cultural Aspects*). Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2016. 490 p. (In Russian).
20. Kidirniyazov D. S. Vzaimootnosheniya nogaytsev s narodami Severnogo Kavkaza i Rossii v XVI–XIX vv. (*The Relations Of The Nogays With The Peoples Of The North Caucasus And Russia In XVI–XIX Centuries*). Makhachkala: Epokha, 2003. 217 p. (In Russian).
21. Klychnikov Yu. Yu. Sovmestnichestvo: retrospektivnyy analiz spetsifiki russko-severokavkazskikh otnosheniy (*Collaboration: Retrospective Analysis Of The Specifics Of Russian-North Caucasian Relations*) // Izvestiya nauchno-pedagogicheskoy Kavkazovedcheskoy Shkoly V. B. Vinogradova. Issue 9. Pyatigorsk: PSU publ, 2018. 108 p. (In Russian).
22. Klychnikov Yu. Yu., Tsybul'nikova A. A. «Tak buynuyu vol'nost' zakony tesnyat...»: bor'ba rossiyskoy gosudarstvennosti s khishchnichestvom na Severnom Kavkaze (istoricheskie ocherki). (*“So The Laws beset Violent Liberty...”: The Struggle Of Russian Statehood With Predation In The North Caucasus (Historical Essays)*). Pyatigorsk-Armavir-Slavyansk-na-Kubani: Advertising and information agency in Kavminvody, 2011. 256 p. (In Russian).
23. Omel'chenko I. L. Terskoe kazachestvo (*The Terek Cossacks*). Vladikavkaz: Ir, 1991. 301 p. (In Russian).
24. Osmanov M. O. Traditsionnye tipy i sistemy zemledeliya Dagestana v KhKh – nachale KhKh veka (*Traditional Types And The Farming System Of Dagestan In XIX – Early XX Century*). Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2008. 482 p. (In Russian).
25. Russko-dagestanskaya otnosheniya v XVIII – nachale XIX v. (*The Russian-Dagestan Relations In The XVIII – Beginning Of XIX Century*). Sbornik dokumentov. Moscow: Nauka, 1988. 357 p. (In Russian).
26. Feodaeva F. Z. Russko-dagestanskaya otnosheniya vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX vv. (*The Russian-Dagestan Relations In The Second Half Of The XVIII – Early XIX Centuries*). Moscow: Taus, 2008. 296 p. (In Russian).
27. Yakhshibekyan D. D. Rol' armianskogo kupechestva v trgovno-ekonomicheskikh vzaimootnosheniyakh Dagestana s Rossiei v XVIII – pervoy polovine XIX v. (*The Role Of Armenian Merchants In The Trade-Economic Relations Between Dagestan And Russia In XVIII – First Half Of The XIX Century*): abstract of thesis. Makhachkala: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2010. 30 p. (In Russian).

УДК 94 (410) |18|

В. С. Еремин

**ОБРАЗ РОССИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ НА СТРАНИЦАХ ШОТЛАНДСКОГО
ЕЖЕКВАРТАЛЬНОГО КНИЖНОГО ОБОЗРЕНИЯ
«THE EDINBURGH REVIEW» В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.**

В первой четверти XIX в. Российская империя привлекала внимание европейской читающей публики, чему способствовала международная обстановка. Ей были посвящены травелоги, газетные публикации, карикатуры и т. д. На страницах одного из наиболее влиятельных изданий Великобритании – шотландского литературно-критического журнала «The Edinburgh Review» – в публикациях, посвященных книгам о России, находили отображение и фигуры монархов. Индивидуальные характеристики отдельно взятого суверена, позволяли эдинбургским критикам оценивать его как просвещенного и прогрессивного

правителя, при этом вся политическая модель могла оцениваться в категориях деспотии. В данной статье проводится анализ обзоров ежеквартального издания, в которых фигурируют русские императоры, выделяются характерные черты персонифицированных и деперсонифицированных потестарных образов, в структуре которых наряду с личностными суждениями, обнаруживаются архетипические и стереотипные элементы.

Ключевые слова: история Великобритании, история Шотландии, The Edinburgh Review, российские императоры, потестарная имагология.

V. S. Eremin

**THE IMAGE OF RUSSIAN EMPERORS ON THE PAGES OF SCOTLAND
QUARTERLY BOOK REVIEW THE EDINBURGH REVIEW
IN THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY**

In the first quarter of the XIX century, the international situation in Europe contributed to the increased interest to the Russian Empire from the audience of European newspapers and magazines. Books on travel, newspaper publications, caricatures and other materials were devoted to Russia. Scottish literary-critical magazine The Edinburgh Review was one of the most influential British editions, whose publications were also devoted to Russia and its sovereigns. Individual characteristics of the particular emperor allowed Edinburgh critics to evaluate him as an enlight-

ened and progressive ruler, while the entire political model could be interpreted in terms of despotism. The article analyzes the publications of The Edinburgh Review, featuring Russian emperors, as well as characteristic features of personified and depersonalized images of sovereigns, in the structure of which along with personal judgments of reviewers archetypal and stereotyped elements are discovered.

Key words: history of the Great Britain, history of Scotland, The Edinburgh Review, Russian emperors, political imagology.

Взаимоотношения между Британской и Российской империями на протяжении первой четверти XIX столетия были непростыми. И Павел I, Александр I в годы войн с наполеоновской Францией меняли свой статус участника военно-политических коалиций на союзника Бонапарта. После окончательного разгрома армии французского императора внешняя политика русского царя вызывала неоднозначную реакцию британского политического истеблишмента [13, с. 7–9, 279; 13, р.47–73; 28, р. 9–57].

Общественность Соединенного Королевства с неподдельным интересом следила за бурными событиями на европейском континенте: войны с наполеоновской Францией и сложные взаимоотношения с союзниками по антифранцузским коалициям находили отражение в газетных и журнальных статьях, а также в виде карикатурных иллюстраций [2, с. 276–301]. Если сатирические изображения развлекали самую разную публику – разглядывать карикатуры мог и безграмотный выходец из низов

Лондона, и представитель аристократии – то публикации о России и русских правителях на страницах литературно-критических журналов отражали иной уровень рефлексии.

Авторы основанного в 1802 г. ежеквартального книжного обозрения «The Edinburgh Review» рассуждали в своих критических статьях на самые разнообразные темы: о праве, истории, химии, физике, математике, путешествиях и т.д. Первого редактора «The Edinburgh Review» выполнявшего свои обязанности до 1829 г. Френсиса Джеффри и его коллег интересовала и внутривластная обстановка Соединенного Королевства, и внешнеполитические коллизии британского правительства. Шотландские критики, анализируя книги, посвященные как событиям на международной арене, так и более отвлеченным предметам, предлагали аудитории свою точку зрения относительно острых и актуальных вопросов, размышляли об интересах империи и потенциале временных союзников в борьбе с Наполеоном, в том числе, России.

Образ русских императоров является составной частью образа Российской империи, что позволяет отнести его к разряду персонифицированной «потестарной имагологии» [3, с. 5–37]. Изображение русских правителей обнаруживается на страницах издания как в обзорах на травелоги, мемуары, так и на работы, касающиеся международных отношений, а также в критических статьях, освещающих, казалось бы, самые неожиданные темы, к примеру, педагогические новации швейцарского ученого Филиппа фон Фелленберга [34, р. 487–507].

Интерес шотландских обозревателей к России был достаточно высок: за первую треть XIX в. с ней в общей сложности связаны 32 статьи. Таким образом, в среднем в каждом втором номере издания, так или иначе, упоминалась либо сама Российская империя, либо её правители и государственные мужи. Наибольшее число публикаций по российской тематике приходится на период с 1813 г. по 1819 г., а снижение наблюдается в 20-е гг., особенно после 1825 г. Трудно связать такую динамику с обстановкой на международной арене или с политическими перипетиями на Британских островах. Вполне возможно, что обозреватели просто не нашли соответствующих книг «заслуживающих внимания».

Было несколько причин тому, что шотландские публицисты из «The Edinburgh Review» уделяли повышенное внимание к описанию других государств, их правителей и обществ.

В качестве одной из них послужили «просветительские» корни журнала. В размышлениях об устройстве общества представители шотландского Просвещения опирались на пример и европейских соседей, и далеких экзотических стран, информацию о которых черпали из травелогов [20, р. 85]. В исследованиях по «физической антропологии», Генри Хоум лорд Кеймс [33] и Джеймс Бернетт лорд Монбоддо [14] обращались к сведениям, взятым из записок путешественников. Адам Фергюсон в изучении социальных, экономических и политических институтов общества также основывался на литературе путешествий [18, р. 16; 20, р. 86], что нашло отражение в его «Эссе об истории гражданского общества» (1767) [26]. Подобного рода литература являлась важной частью учебной программы в Эдинбургском университете, где получили образование некоторые из обозревателей «The Edinburgh Review» [20, р. 87]. Часть шотландских философов были непосредственными учителями авторов ежеквартальника, которые усвоили просветительские подходы и постарались транслировать их со страниц издания читательской аудитории [27, р. 13–32; 23, р. 23; 16, р. 115–138; 7].

В данном контексте стоит упомянуть об общем интересе к России со стороны европейцев, чему поспособствовал, как указывают в своих работах исследователи Ивэр Нойманн [10, с. 70] и Лари Вульф [4, с. 39], процесс выстраивания собственных идентичностей. Этот интерес основоположники эдинбургского ежеквартальника проявляли еще до выхода в свет первого номера журнала. Основатели издания Френсис Джеффри, Генри Брум и Френсис Хорнер были членами дискуссионного «Спекулятивного общества» [36, р. 111; 15, р. 59; 30], где обсуждались и вопросы международных отношений вообще и роль в них России. Так Г. Брум выступил на заседании этого общества с речью «о мощи России», что очень впечатлило другого автора ежеквартальника Генри Кокберна [17, р. 55]. Обращение к российской тематике диктовалось и читательским интересом.

В образе России и русских императоров у шотландских обозревателей доминируют политическая и цивилизационная составляющие: начиная с образов власти, и заканчивая европоцентристским взглядом на пути развития цивилизаций. При этом потестарная имагология может быть у авторов обзоров «The Edinburgh Review» как персонифицированной, так и деперсонифицированной.

Из правителей Российской империи на страницах ежеквартальника появляются Петр I,

Петр III, Екатерина II, Павел I и, естественно, Александр I. Вместе с ними могут упоминаться фавориты, супруги или ближайшие родственники.

Петр I предстает на страницах эдинбургского обозрения, прежде всего, как реформатор, затеявший неслыханную модернизацию. Его образ неотделим от образа столицы империи Санкт-Петербурга, являющей собой пример небывалого строительства и изменения природного ландшафта [39, р. 305]. Детище Петра Великого – беспрецедентное вложение средств и труда: Неву сумели заточить в узкие берега, а город облачили в гранит. Там, где некогда в окружении болот мирно стояли финские хижины, расположились голландские сады с теплицами, в которых растут диковинные тропические плоды [39, р. 305]. Конечно, новая столица – беспримерный образчик стремительной модернизации – контрастирует с отсталостью социальных отношений в государстве. Но историческая роль Петра I несомненно велика: с него Российская империя начинает серию войн, каждая из которых приносит ей новые территориальные владения, и делает активным участником международной европейской политики [42, р. 171].

При оценке правления Екатерины II пристальное внимание уделяется политической истории России конца XVIII в. в целом, и придворным интригам, в частности [37, р. 394]. Величественная и амбициозная Екатерина Алексеевна позиционируется на страницах «The Edinburgh Review» как один из наиболее просвещенных монархов своего времени. Если суверены Франции и Англии поощряли открытия по всему земному шару, то русская императрица, «потворствуя своему величественному духу», отправляла экспедиции из «цивилизации в варварство и обратно», чтобы исследовать дикие и неизведанные уголки своей империи [47, р. 146]. Екатерина II оказалась успешна и во внешней политике: в результате войн с Портой Крым вошел в состав империи [35, р. 107].

Но, несмотря на все успехи империи и личные достоинства, Екатерина II, порой оказывалась в центре разного рода анекдотов и компрометирующих слухов. Авторы обзоров пересказывают их, чтобы разоблачить недостоверную информацию, к которой редактор издания Ф. Джеффри питал особую неприязнь, но попутно, скорее, развлекают читателей [27, р. 17]. Императрице припоминали «деликатное решение вопроса» с сектантами, практикующими среди своих адептов кастрацию «во спасение». По всей видимости, речь в обозреваемой

книге шла о секте скопцов, чьи идеи, по мнению автора, были настолько популярны, что становили общество перед угрозой вымирания [37, р. 400]. Вспоминали и историю жестокой расправы над якобинскими эмиссарами, которым вроде бы симпатизировали «низы» Петербурга. Они были схвачены, помещены в сумасшедший дом, где в отношении них, якобы, применялись пытки, которые действительно свели их с ума, после чего якобинцы были отпущены на свободу. Все эти истории были отнесены к разряду недостоверных анекдотов [37, р. 400], хотя в подсознание читателей все же могли запасть жестокие методы решения политических проблем в России.

То же относится и к слухам о придворных интригах. Джеймс Макинтош [49, р. 454], обзревая мемуары барона Натаниэля Враксала, посвятил весомую часть своей критической статьи скрупулезному расследованию и развенчанию таинственных смертей «предполагаемой принцессы Таракановой», Великой княжны Натальи Алексеевны и «князя» Ивана, вина за которые часто возлагалась на Екатерину II [29, р. 178–188]. Дж. Макинтош считает, что это не более чем домыслы, и подобные «бесполезные преступления» вряд ли могли быть совершены ею [29, р. 187]. Все это для нее слишком мелко. Екатерина – императрица-завоеватель. Она вторгается в пределы более слабых соседей и жестоко карает восставших. Турки и поляки – вот главные ее жертвы [29, р. 188].

Уильям Брум [49, р. 464], младший брат Генри Брума, опровергает слухи, связанные с убийством Петра III, прознавшего о связи супруги с князем Григорием Орловым. Апеллируя к свидетельствам принца Шарля-Жозефа де Линя, шотландский критик указывает, что подобные слухи не могут быть правдой потому, что Екатерина Алексеевна, несомненно, была экстраординарной, талантливой и проницательной женщиной, чье правление сопровождалось великими деяниями [46, р. 156]. «Просвещенный и терпимый дух» ее законов был направлен на искоренение невежества и предрассудков, способствовал распространению «цивилизации в отдаленные пустыни и безлюдные места империи». В похвалу царице автор обзора упоминает и приглашение «трудолюбивых колонистов». Но вместе с тем она в полной мере виновна в покровительстве коррупции и расточительству своих фаворитов, на которых падает тень подозрения в убийстве императора [46, р. 156].

Возможно, что внимание к этим сюжетам вызвано внутривластными перипетиями в Со-

единенном Королевстве. В момент публикации обзора У. Брума отношение британского общественного мнения к правящему британскому монарху Георгу IV было неоднозначным. Старший брат обозревателя даже принял участие в бракоразводном процессе короля и Каролины Брауншвейгской в 1820 г., последовательно отстаивая интересы последней [21, р. 451; 1, 178–182]. В свою очередь, Г. Брум обвинял на страницах издания Георга III в нерадивой политике и предрассудках, которые проявились в войне с Американскими колониями, Францией и из рук вон плохим управлением в Ирландии [40, р. 15].

Что касается фигуры Павла I, то этот монарх, пытавшийся развернуть внешнюю политику России от Великобритании к Франции, вызвал у обозревателей «The Edinburgh Review» исключительно негативные оценки. Безапелляционно утверждается, что Павел I был «наиболее сумасшедшим из всех деспотичных правителей России, которого заботило лишь воплощение своих капризных фантазий» [37, р. 400]. Помимо сомнительных внешнеполитических решений, Павлу вменяется в вину участие в интригах при дворе своей матери, связанных с его первой супругой Великой княжной Натальей Алексеевной [29, р. 185–186].

Другое дело, вступивший в антифранцузские коалиции Александр I, чей образ на страницах шотландского ежеквартальника выгодно отличается от изображений отца и бабушки. Александр Павлович — уже не объект для «анекдотов», расхожих домыслов и сплетен, и не сумасшедший деспот-самодержец, а выдающийся монарх Европы. Перед читателем предстает образ императора-победителя, наполненный преимущественно положительными характеристиками [42, р. 164]. Так, картину отсталой, во многом варварской страны уравнивает образ внешнеполитического могущества, блистательной империи, которая не только увеличивает свои территории, но и обеспечивает стабильность и безопасность Европы.

Александр I обладает необходимыми для управления государством качествами. Его умеренные привычки и неутомимая деятельность направлены на достижение одной цели — улучшения своей страны. Главными аспектами его политики становятся усиление военно-морского флота, укрепление береговой линии и развитие портов, совершенствование армии, «прогрессу которой природа не в силах положить ограничения» [42, р. 164]. Армия становится во много раз сильнее, организованней и боеспособней, чем когда-либо, что было до-

стигнуто благодаря административному таланту императора, который умело воспользовался ситуацией и увеличил свои владения еще до вторжения Наполеона. Эти качества позволяют обозревателям сравнивать его с Петром I [42, р. 171].

Более того, Александр I содействует развитию наук, в частности изучению политэкономии. По его просьбе политэконом А. К. Шторх прочитал лекции Великим князьям Николаю и Михаилу, которые были опубликованы в 1815 г. Этот шаг шотландские обозреватели оценивали особенно высоко, подчеркивая, что именно за счет правительства была опубликована книга этого популяризатора идей Адама Смита [22, р. 19]. Александр I, как и Екатерина II, активно содействует путешествиям и географическим открытиям: благодаря ему не только состоялось само кругосветное плавание И. Ф. Крузентштерна, но и за счет монарха был опубликован отчет о путешествии, который вскоре увидел свет в Соединенном Королевстве [48, р. 341]. Также отмечалось, что Александр Павлович искренне интересуется нововведениями, предпринятыми швейцарскими педагогом и агрономом Ф. фон Фелленбергом, и отправляет на обучение к нему своих подданных [34, р. 504]. После присоединения Финляндии Александр I проводит мероприятия по реконструкции здания «колледжа» в Турку, которые были запланированы еще шведским королем Густавом IV Адольфом [46, р. 154].

В изображении Александра Павловича находили отголоски актуальные политические события на международной арене. В обзоре на книгу Р. К. Портера о путешествии по России в 1805–1808 гг., Генри Брум (или же Генри Кокберн) [49, р. 445] комментируя комплементарное изображение русского императора, отмечает, что еще два года назад такие слова казались бы «холодными и совершенно неадекватными, чтобы выразить чувства, которые каждый должен был проявлять к спасителю Европы» [44, р. 176]. «Голубоглазый и бледный», но вместе с тем «сияющий здоровьем» русский монарх «мягок в своем поведении, нежен в движении и особенно грациозен в своем обращении», а фигура его «красива и элегантна, вид приветливый и привлекательный, и его лицо выражает доброту его разума». Ежедневно он являет миру пример искреннего радения о благополучии своего народа, и милость в наказании преступников. Обозреватель иронизирует, говоря, что столь романтическое описание императора, дополняется не менее восторженным описанием мебели Эрмитажа, рядом с которым Сен-Клу — «магазин обойщиков» [44, р. 176].

Но уже в 1814 г. ирония исчезает: шотландские критики связывают с «великодушным освободителем Европы» большие надежды. Они надеются, что Александр I, дабы продемонстрировать «всей Европе зрелище, действительно достойное восхищения, как для общих интересов, так и для продвижения справедливости и разумных принципов», восстановит Польшу как независимое государство, «связанное с Россией, но обладающее законами и собственной конституцией» [31, р. 150]. Победа над Наполеоном поставила Александра I «выше мелких взглядов и низких амбиций рядовых политиков», и теперь трудно усомниться, что он продемонстрирует в России те же «высокие принципы», которые «он так великодушно поддерживал за границей» [41, р. 498].

Но по мере того как становилось очевидным, что восстановление суверенитета Польши так и останется не более чем призрачной надеждой, в прежде положительном портрете Александра I появляются негативные оттенки, а сам вопрос о судьбе польских территорий будет периодически возникать на страницах издания [24, р. 403]. В 1814 г. в переписку с императором вступил Джереми Бентам, изложивший ему свои соображения относительно реформирования и кодификации российского законодательства. После длительной паузы император ответил лично, а в качестве знака расположения подарил британскому правоведа кольцо, от которого последний отказался. Предложения британского юриста так и не были воплощены в жизнь, а сам Дж. Бенатам был разочарован нереализованным восстановлением Польского королевства, во главе которого, должен был оказаться никто иной, как Адам Чарторыйский [38, р. 219–221].

Александр I припомнят даже герилью в Испании. Ф. Джеффри и Г. Брум полагали, что вмешательство в дела других стран, подстрекательство к восстаниям и раздел государств недопустимы. Свою точку зрения они выразили в обзоре «Дон Педро Севальос», где обрушивались на шедшую полным ходом британскую кампанию на Пиренеях в 1809 г. [25, р. 215–234]. При этом далеко не все авторы ежеквартальника стояли на тех же позициях. Ф. Хорнер выступал в поддержку испанского восстания против Бонапарта, а разделявший его точку зрения В. Скотт и вовсе предпочел уйти в конкурирующий «The Quarterly Review» после публикации этой статьи. В 1824 г. в обзоре посвященном действиям Священного союза против революционных событий в Испании, упоминается о поддержке Александром I

герильи 1808–1813 гг., что также бросало своего рода тень на образ блистательного императора [32, р. 469].

Образы российских императоров на страницах эдинбургского книжного обозрения за первую четверть XIX в. претерпевает лишь незначительные изменения, которые касаются, прежде всего, внешнеполитических коллизий и поведения отдельных монархов. Просвещенность правителей, особое внимание военно-морскому флоту и армии, поощрение политэкономических знаний и развития наук, стремление к исследованиям своего государства, в котором уживаются и цивилизация, и варварство, вызывает положительные оценки у шотландских критиков. Эдинбургским обозревателям в принципе понятно и стремление Александра I упрочить после разгрома Наполеона свои позиции на внешнеполитической арене. На поле боя он высоко ценит не только доблесть своих поданных, но и союзников, которых отмечает наградами [42, р. 166].

Проблема же шотландским обозревателям видится в том, что на российском троне может оказаться и сумасшедший деспот, и талантливая государыня, и выдающийся полководец. Их шаги могут оказаться деспотичными, ведь российская политика «полностью формируется правительством и не связана с мнением народа» [43, р. 59]. Но сильная единоличная власть не так возмущает, как завоевание Россией более слабых соседей и нарушение установленного баланса в европейских делах. Более того даже самый чуткий, просвещенный, монарх поощряющий науки и модернизирующий свою страну, вряд ли даст свободу народам, однажды включенным в состав его бескрайней империи.

Что касается структуры образа России на страницах «The Edinburgh Review», то здесь мы можем обнаружить отрефлексированные личностные суждения и оценки, наряду с архетипами и стереотипами [6; 8; 11; 12; 9; 5, с. 50–66]. В части персональной потестарной имагологии шотландские обозреватели более взвешены, осторожны и даже оптимистичны. Но когда речь заходит об обезличенных властных отношениях в России, то их суждения приобретают стереотипические и даже архетипические черты. С одной стороны, российские правители наделялись обозревателями «The Edinburgh Review» разнообразными персональными характеристиками, которые позволяли отнести их к просвещенным, передовым монархам. С другой стороны, в целом вся политическая модель России, властные отношения в обществе часто сравниваются с принципами

управления деспотичной Турцией, правители которой «безусловно, также мало просвещены, как и хамы Московии» [45, р. 130]. И в том, и в другом случае могли ставиться вопросы о

перспективах глубоких модернизационных и цивилизационных перемен, о роли в этих процессах личности государя.

Источники и литература

1. Айзенштат М. П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. 398 с.
2. Анатомия смеха. Английская карикатура XVIII-первой трети XIX века / авт.-сост. В. М. Успенский. М.: Арт Волхонка, 2016. 352 с.
3. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ: очерки потестарной имагологии. СПб.: Алетей, 2010. С. 5–37.
4. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карата цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
5. Гладышев А. В. Маленькая мушка в паутине // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 12. Ставрополь: СГУ, 2011. С. 50–66.
6. Давидсон А. Б., Макрушин В. А. Образ далекой страны. М.: Наука, 1975. 424 с.
7. Еремин В. С. Идейное наследие шотландского Просвещения: «The Edinburgh Review» в первой трети XIX в.: автореф. дис. канд. ист. наук Саратов: СГУ, 2016. 27 с.
8. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.
9. Лучицкая С. И. Образ другого: мусульмане в хрониках Крестовых походов. СПб.: Алетей, 2001. 412 с.
10. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
11. Образ России. Русская культура в мировом контексте / под общ. ред. Е. П. Чельшева. М.: Азбуковник, 1998. 408 с.
12. Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских. М.: ИВИ РАН, 2000. 209 с.
13. Орлов А. А. Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 367 с.
14. Burnett J., Lord Monboddo. Of the Origin and Progress of Language. Vol. I–VI. Vol. I. Edinburgh: J. Balfour; L.: T. Cadell, 1774. 711 p.
15. Chitnis A.C. The Scottish enlightenment and early Victorian English society. L.: Croom Helm, 1986. 201 p.
16. Christie W. The Modern Athenians: The Edinburgh Review in the Knowledge Economy of the Early Nineteenth Century // Studies in Scottish Literature. University of South Carolina, Columbia. 2013. Vol. 39. Issue 1. P. 115–138.
17. Cockburn H. Life of Lord Jeffrey. With a Selection from His Correspondence: in 2 vols. Vol. I. Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co., 1852. 344 p.
18. Crawford R. Devolving English Literature. Oxford: Clarendon Press, 1992. 320 p.
19. Crawley C.W. Anglo-Russian Relations 1815–1840 // Cambridge Historical Journal. Vol. 3. 1929. No. 1. P. 47–73.
20. Demata M. Prejudiced Knowledge: Travel Literature in the Edinburgh Review // British Romanticism and the Edinburgh Review / Ed. by M. Demata, D. Wu. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. P. 82–101.
21. Dictionary of national biography. / Ed. by S. Lee, S. Leslie, L. Stephen. Vol. XXVII. L.: Elder Smith & Co., N.-Y.: The Macmillan Company, 1891. 463 p.
22. A Discourse on the Rise, Progress, Peculiar Objects, and Importance, of Political Economy: Containing an Outline of a Course of Lectures on the Principles and Doctrines of that Science. By J. R. McCulloch, Esq. Second Edition, corrected and enlarged, Pp. 124. Edinburgh, Constable & Co. 1825 // The Edinburgh Review. Vol. XLIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1826. P. 1–23.
23. Duncan I. Scott's Shadow: The Novel in Romantic Edinburgh. Princeton: Princeton University Press, 2007. 416 p.
24. L'Europe, après le Congrès d'Aix-la-Chapelle, faisant Suite au Congrès de Vienne. Par M. De Pradt, ancien Archevêque de Malines. A Paris. Béchet Ainé. 1819. 8vo. pp. 378. // The Edinburgh Review. Vol. XXXII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1819. P. 399–418.
25. Exposition of the Practices and Machinations which led to the Usurpation of the Crown of Spain, and the Means adopted by the Emperor of the French to carry it into execution. By Don Pedro Cevallos, First Secretary of State and Despatches to his Catholic Majesty Ferdinand VII // The Edinburgh Review. Vol. XIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1809. P. 215–234.
26. Ferguson A. An essay on the history of civil society. Dublin: Boulter Grierson, 1767. 208 p.
27. Flynn P. Francis Jeffrey and the Scottish Critical Tradition // British Romanticism and the Edinburgh Review. Bicentenary Essays / ed. by M. Demata, D. Wu. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. P. 13–32.
28. Gleason J. H. The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion. Cambridge, Harvard: Harvard University Press, 1950. 314 p.
29. Historical Memoirs of my own Time, from 1772 to 1784. By Sir N.W. Wraxall, Baronet. First and Second Editions. 2. Political Life of Viscount Barrington. By Shute, Bishop of Durham. 3. Morgan's Memoirs of Dr Price. 4. Memorial, to the Princess Sophia. Ascribed to Gilbert Burnet, Bishop of Salisbury. // The Edinburgh Review. Vol. XXV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1815. P. 168–220.
30. The History of Parliament: the House of Commons 1790–1820 / Ed. by R. Thorne. Vol. IV. L.: Secker & Warburg, 1986. URL: <http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1790-1820/member/horner-francis-1778-1817> (Accessed: 04.02.2018).
31. The History of Toussaint L'Ouverture. A New Edition. 8vo. pp. 93. London, Butterworth. 1814 // The Edinburgh Review. Vol. XXIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1814. P. 131–150.

32. The Holy Alliance versus Spain; containing the Notes and Declarations of the Allied Powers, with the Replies of the Spanish Cortes. By a Constitutionalist. London. Ridgeway. 1823 // The Edinburgh Review. Vol. XXXIX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1824. P. 467–488.

33. Home H., lord Kames. Sketches of the History of Man. Vol. I-IV. Vol. I. Glasgow: William Bell, 1802 (1774). 242 p.

34. Les Lettres de M. de Fellenberg a M. Charles Pictet, de Genève, Bibliothèque Britannique des mois de Novembre et de Décembre 1807; 2. Coup-d'oeil de M. Gautheron sur l'Influence Morale qu'exercera l'Etablissement d'Hofwyl sur la Masse du Peuple; 3. Lettre de M. de Villeveille sur le parti que le midi de la France peut tirer des Moyens et Méthodes Agricoles d'Hofwyl. Bibliothèque Britannique; 4. Préface au Cours d'Agriculture Anglaise, avec les Développemens utiles aux Agriculteurs du Continent, par Charles Pictet, de Genève; 5. Lettre de M. Escher, de Zurich, Seigneur de Berg, sur de M. de Fellenberg (en Allemand.); 6. Rapport sur les Etablissements d'Hofwyl, d la Nation Helvétique, par une Commission nommée ad hoc par le Landamman et la Diète des Dir-neuf Cantons de la Suisse. 7. Observations sur ce Rapport, par M. Schfold, Commissaire de S. M. le Roi de Wurtemberg, auprès de l'Institut d'Hofwyl (en Allemand.); 8. Voyage à Hofwyl, par M. Hofman, Envoyé de la Princesse de Swartzenberg-Rudolstadt, avec des Observations de M. Thaer, Conseiller d'Etat de S. M. le Roi de Prusse; 9. Observations sur l'Ecrit précédent, par Emmanuel de Fellenberg. Ces Observations ont paru dans les Annales d'Agriculture de M. Thaer, et dans les Feuilles d'Hofwyl (en 4'lemand.); 10. Feuilles d'Hofwyl, 1808, 1809, 1810 et 1813, quatre Cahiers avec plusieurs Planches (en Allemand.); 11. Rapport de M. D. A. Chavannes à ses Commettans sur l'Institut d'Education des Pauvres à Hofwyl, suivi de l'Acte pour la Création d'une Commission perpétuelle chargée de surveiller cet Institut, et des Observations de M. Ch. Pictet, sur les Moyens que l'Agriculture fournit à l'Education. 1813; 12. Rapport sur l'Institut d'Education des Pauvres à Hostyl, rédigé par M. A. Rengger, ci-devant Ministre de l'Intérieur de la République Helvétique, au Nom de la Commission établie pour l'Inspection de l'Etablissement; 13. Le Cinquième Cahier des Feuilles d'Hofwyl; 14. Appel adressé par le Fondateur d'Hofwyl aux Amis de l'Humanité souffrante en Septembre 1816; 15. Second Cahier des Feuilles d'Hofwyl, où Mr. de Fellenberg explique l'ensemble de ses Vues. 1817 // The Edinburgh Review. Vol. XXXII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1819. P. 487–507.

35. Lettres et Pensees du Marechal Prince de Ligne, publiees par Mde. la Baronne de Stael Holstein. Contenant des Anecdotes inedites sur Joseph II, Catherine II, Frederic-leGrand, Rousseau, Voltaire, &c. &c. et des Remarques interessantes sur les Turcs. 12mo. 2 Vol. London. 1808. // The Edinburgh Review. Vol. XIV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1804. P. 107–121.

36. McElroy D.D. Scotland's Age of Improvement: A Survey of Eighteenth-Century Clubs and Societies. Washington: Washington State University, 1969. 175 p.

37. Northern Summer: or Travels round the Baltic, through Denmark, Sweden, Russia, and part of Germany, in the year 1804. By John Carr, Esq. 4to. 269 pp. 492. London, Philips. 1805 // The Edinburgh Review. Vol. VI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1805. P. 394–405.

38. Papers relative to Codification, and Public Instruction, including Correspondences with the Russian Emperor, and divers Constituted Authorities in the American United States. Published by Jeremy Bentham. London. Printed by J. M'Creery, 1817. // The Edinburgh Review. Vol. XXIX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1818. P. 217–237.

39. The Pictures of Petersburg. From the German of Henry Storch. 8vo. 590 pp. Longman. 1801 // The Edinburgh Review. Vol. I. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1803. P.305 – 307.

40. Reflections on the Nature and Tendency of the present Spirit of the Times. By the Rev. G. Burges. 8vo; A Comparative View of the Principles of the Court and the Country Parties in Modern Times. 8vo. London, 1821; Le Roi est Mort—Vive le Roi! Par le Vicomte de Chateaubriand.8vo. Paris, 1824 // The Edinburgh Review. Vol. XLI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1825. P.1–30.

41. Reflections on the Present State of Affairs on the Continent, as connected with the Question of a General and Permanent Peace. Svo. London. 1814 // The Edinburgh Review. Vol. XXIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1814. P. 493–499.

42. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the year 1817. 8vo. pp. 223. London, Ridgeway, 1817 // The Edinburgh Review. Vol. XXIX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1818. P.164–190.

43. Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force of France and Russia; with Remarks on their present Connexion, Political Influence, and future Project. In two Parts. Part 1. London, 1803. pp. 216 // The Edinburgh Review. Vol. IV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1804. P. 43–62.

44. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808. By Robert Ker Porter. 2 vol. 4to. pp. 461. Philips, London. // The Edinburgh Review. Vol XIV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1809. P.170–187.

45. Travels in various Countries of Europe, Asia, and Africa. By Edward Daniel Clarke, L. L. D. Part the Second – Greece, Egypt, and The Holy Land. pp. 715. London. Cadell and Davies. 1812 // The Edinburgh Review. Vol. XXI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1813. P. 130–151.

46. Travels through Denmark, Sweden, Lapland, Finland, Norway and Russia. By the late E. D. Clarke, LL.D. London. 1823 // The Edinburgh Review. Vol. XXXIX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1824. P.140 – 158.

47. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794. Translated from the original German of Professor Pallas, Counsellor of State to the Emperor of Russia, Member of the principal Literary Societies of Europe, & e.c. & e.c. Vol. II. 4 to. Longman & Rees, London. 1803 // The Edinburgh Review. Vol. III. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1804. P.146–154.

48. A Voyage round the World, in the Years 1803, 4, 5, & 6. Performed by Order of his Imperial Majesty Alexander the First, Emperor of Russia, in the Ship Neva. By Urey Lisiansky, Captain in the Russian Navy, and Knight of the Orders of St George and St Vladimir. London. Booth, Longman & Co. 4to. pp.388. 1814 // The Edinburgh Review. Vol. XXIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1814. P. 340–347.

49. The Wellesley Index to Victorian Periodicals, 1824–1900. / Ed. by W.H. Houghton. Vol. I. Toronto: University of Toronto Press, 1966. P. 1194.

References

1. Aizenshtat M. P. *Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850 gg. (The Power And Society Of Britain In 1750–1850)*. Moscow: Institute of World History of RAS publ., 2009. 398 p. (In Russian).
2. Anatomiya smekha. Angliiskaya karikatura XVIII – pervoi treti XIX veka (*Anatomy Of Laughter. English Caricature Of XVIII – First Third Of The XIX Century*) / compiled by V. M. Uspenskii. Moscow: Art Volkhonka, 2016. 352 p. (In Russian).
3. Boitsov M. A. Chto takoe potestarnaya imagologiya? (*What Is Political Imagology?*) // *Vlast' i obraz: ocherki potestarnoi imagologii*. St.Petersburg: Aleteiya, 2010. P. 5–37. (In Russian).
4. Vul'f L. Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karata tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya. (*Inventing Eastern Europe: The Map Of Civilization In The Mind Of The Enlightenment*). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. 560 p. (In Russian).
5. Gladyshev A. V. Malen'kaya mushka v pautine (*Little Fly In The Web*) // Stavropol'skii al'manakh Rossiiskogo obshchestva intellektual'noi istorii. Issue 12. Stavropol': SSU publ., 2011. P. 50–66. (In Russian).
6. Davidson A. B., Makrushin V. A. *Obraz dalekoj strany (The image of a distant country)*. Moscow: Nauka, 1975. 424 p. (In Russian).
7. Eremin V. S. Ideinoe nasledie shotlandskogo Prosveshcheniya: «The Edinburgh Review» v pervoi treti XIX v.: avtoref. dis. kand. ist. Nauk (*The Ideological Heritage Of The Scottish Enlightenment: The Edinburgh Review In The First Third Of The XIX Century: Thesis Abstract*). Saratov: SSU publ., 2016. (In Russian).
8. Erofeev N. A. Tumannyi Al'bion. Angliya i anglichane glazami russkikh. 1825–1853 gg. (*Foggy Albion. England And The English Through The Eyes Of Russians. 1825–1853*). Moscow: Nauka, 1982. 320 p. (In Russian).
9. Luchitskaya S. I. *Obraz drugogo: musul'mane v khronikakh Krestovykh pokhodov. (The Image Of The Other: Muslims In The Chronicles Of The Crusades)*. St.Petersburg: Aleteiya, 2001. 412 p. (In Russian).
10. Noimann I. Ispol'zovanie «Drugogo»: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei. (*Uses of the Other "The East" in European Identity Formation*). Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004. 336 p. (In Russian).
11. *Obraz Rossii. Russkaja kul'tura v mirovom kontekste (The Image Of Russia. Russian Culture In A Global Context)* / E. P. Chelyshev. Moscow: Azbukovnik, 1998. 408 p. (In Russian).
12. Obolenskaya S. V. *Germaniya i nemtsy glazami russkikh. (Germany And The Germans Through The Eyes Of Russians)*. Moscow: Institute of general history of RAS, 2000. 209 p. (In Russian).
13. Burnett J., lord Monbodd. Of the Origin and Progress of Language. Vol. I-VI. Edinburgh: J. Balfour; L.: T. Cadell, 1773–1792. 711 p.
14. Chitnis A. C. The Scottish enlightenment and early Victorian English society. L.: Croom Helm, 1986. 201 p.
15. Christie W. The Modern Athenians: The Edinburgh Review in the Knowledge Economy of the Early Nineteenth Century // *Studies in Scottish Literature*. University of South Carolina, Columbia. 2013. Vol. 39. Issue 1. P. 115–138.
16. Cockburn H. Life of Lord Jeffrey. With a Selection from His Correspondence: in 2 vols. Vol. I. Philadelphia: Lippincott, Grambo & Co., 1852. 344 p.
17. Crawford R. *Devolving English Literature*. Oxford: Clarendon Press, 1992. 320 p.
18. Crawley C. W. Anglo-Russian Relations 1815–1840 // *Cambridge Historical Journal*. Vol. 3. 1929. No. 1. P. 47–73.
19. Demata M. Prejudiced Knowledge: Travel Literature in the Edinburgh Review // *British Romanticism and the Edinburgh Review* / Ed. by M. Demata, D. Wu. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. P. 82–101.
20. Dictionary of national biography. / Ed. by S. Lee, S. Leslie, L. Stephen. Vol. XXVII. L.: Elder Smith & Co., N.-Y.: The Macmillan Company, 1891. 463 p.
21. A Discourse on the Rise, Progress, Peculiar Objects, and Importance, of Political Economy: Containing an Outline of a Course of Lectures on the Principles and Doctrines of that Science. By J. R. M'culloch, Esq. Second Edition, corrected and enlarged, Pp. 124. Edinburgh, Constable & Co. 1825 // *The Edinburgh Review*. Vol. XLIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1826. P. 1–23.
22. Duncan I. *Scott's Shadow: The Novel in Romantic Edinburgh*. Princeton: Princeton University Press, 2007. 416 p.
23. L'Europe, après le Congrès d'Aix-la-Chapelle, faisant Suite au Congrès de Vienne. Par M. De Pradt, ancien Archevêque de Malines. A Paris. Béchét Ainé. 1819. 8vo. pp. 378. // *The Edinburgh Review*. Vol. XXXII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1819. P. 399–418.
24. Exposition of the Practices and Machinations which led to the Usurpation of the Crown of Spain, and the Means adopted by the Emperor of the French to carry it into execution. By Don Pedro Cevallos, First Secretary of State and Despatches to his Catholic Majesty Ferdinand VII // *The Edinburgh Review*. Vol. XIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1809. P. 215–234.
25. Ferguson A. An essay on the history of civil society. Dublin: Boulter Grierson, 1767. 208 p.
26. Flynn P. Francis Jeffrey and the Scottish Critical Tradition // *British Romanticism and the Edinburgh Review. Bicentenary Essays* / Ed. by M. Demata, D. Wu. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2002. P. 13–32.
27. Gleason J. H. *The Genesis of Russophobia in Great Britain: A Study of the Interaction of Policy and Opinion*. Cambridge, Harvard: Harvard University Press, 1950. 314 p.
28. Historical Memoirs of my own Time, from 1772 to 1784. By Sir N.W. Wraxall, Baronet. First and Second Editions. 2. Political Life of Viscount Barrington. By Shute, Bishop of Durham. 3. Morgan's Memoirs of Dr Price. 4. Memorial, to the Princess Sophia. Ascribed to Gilbert Burnet, Bishop of Salisbury. // *The Edinburgh Review*. Vol. XXV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1815. P. 168–220.
29. The History of Parliament: the House of Commons 1790–1820 / Ed. by R. Thorne. Vol. IV. L.: Secker & Warburg, 1986. URL: <http://www.historyofparliamentonline.org/volume/1790-1820/member/horner-francis-1778-1817> (дата обращения: 04.02.2018).
30. The History of Toussaint L'Ouverture. A New Edition. 8vo. pp. 93. London, Butterworth. 1814 // *The Edinburgh Review*. Vol. XXIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1814. P. 131–150.

31. The Holy Alliance versus Spain; containing the Notes and Declarations of the Allied Powers, with the Replies of the Spanish Cortes. By a Constitutionalist. London. Ridgeway. 1823 // The Edinburgh Review. Vol. XXXIX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1824. P. 467–488.
32. Home H., lord Kames. Sketches of the History of Man. Vol. I-IV. Vol. I. Glasgow: William Bell, 1802 (1774). 242 p.
33. Les Lettres de M. de Fellenberg a M. Charles Pictet, de Genève, Bibliothèque Britannique des mois de Novembre et de Décembre 1807; 2. Coup-d'oeil de M. Gautheron sur l'Influence Morale qu'exercera l'Etablissement d'Hofwyl sur la Masse du Peuple; 3. Lettre de M. de Villeveille sur le parti que le midi de la France peut tirer des Moyens et Méthodes Agricoles d'Hofwyl. Bibliothèque Britannique; 4. Préface au Cours d'Agriculture Anglaise, avec les Développemens utiles aux Agriculteurs du Continent, par Charles Pictet, de Genève; 5. Lettre de M. Escher, de Zurich, Seigneur de Berg, sur de M. de Fellenberg (en Allemand.); 6. Rapport sur les Etablissements d'Hofwyl, d la Nation Helvétique, par une Commission nommée ad hoc par le Landamman et la Diète des Dir-neuf Cantons de la Suisse. 7. Observations sur ce Rapport, par M. Schfold, Commissaire de S. M. le Roi de Wurtemberg, auprès de l'Institut d'Hofwyl (en Allemand.); 8. Voyage à Hofwyl, par M. Hofman, Envoyé de la Princesse de Swartzenberg-Rudolstadt, avec des Observations de M. Thaer, Conseiller d'Etat de S. M. le Roi de Prusse; 9. Observations sur l'Ecrit précédent, par Emmanuel de Fellenberg. Ces Observations ont paru dans les Annales d'Agriculture de M. Thaer, et dans les Feuilles d'Hofwyl (en 4'lemand.); 10. Feuilles d'Hofwyl, 1808, 1809, 1810 et 1813, quatre Cahiers avec plusieurs Planches (en Allemand.); 11. Rapport de M. D. A. Chavannes à ses Commettans sur l'Institut d'Education des Pauvres à Hofwyl, suivi de l'Acte pour la Création d'une Commission perpétuelle chargée de surveiller cet Institut, et des Observations de M. Ch. Pictet, sur les Moyens que l'Agriculture fournit à l'Education. 1813; 12. Rapport sur l'Institut d'Education des Pauvres à Hostyl, rédigé par M. A. Rengger, ci-devant Ministre de l'Intérieur de la République Helvétique, au Nom de la Commission établie pour l'Inspection de l'Etablissement; 13. Le Cinquième Cahier des Feuilles d'Hofwyl; 14. Appel adressé par le Fondateur d'Hofwyl aux Amis de l'Humanité souffrante en Septembre 1816; 15. Second Cahier des Feuilles d'Hofwyl, où Mr. de Fellenberg explique l'ensemble de ses Vues. 1817 // The Edinburgh Review. Vol. XXXII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1819. P. 487–507.
34. Lettres et Pensees du Marechal Prince de Ligne, publiees par Mde. la Baronne de Stael Holstein. Contenant des Anecdotes inedites sur Joseph II, Catherine II, Frederic-leGrand, Rousseau, Voltaire, &c. &c. et des Remarques interessantes sur les Turcs. 12mo. 2 Vol. London. 1808. // The Edinburgh Review. Vol. III. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1804. P. 107–121.
35. McElroy D. D. Scotland's Age of Improvement: A Survey of Eighteenth-Century Clubs and Societies. Washington : Washington State University, 1969. 175 p.
36. Northern Summer: or Travels round the Baltic, through Denmark, Sweden, Russia, and part of Germany, in the year 1804. By John Carr, Esq. 4to. 269 pp. 492. London, Philips. 1805 // The Edinburgh Review. Vol. VI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1805. P. 394–405.
37. Papers relative to Codification, and Public Instruction, including Correspondences with the Russian Emperor, and divers Constituted Authorities in the American United States. Published by Jeremy Bentham. London. Printed by J. M'Creery, 1817. // The Edinburgh Review. Vol. XXIX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1818. P. 217–237.
38. The Pictures of Petersburg. From the German of Henry Storch. 8vo. 590 pp. Longman. 1801 // The Edinburgh Review. Vol. I. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1803. P. 305–307.
39. Reflections on the Nature and Tendency of the present Spirit of the Times. By the Rev. G. Burges. 8vo; A Comparative View of the Principles of the Court and the Country Parties in Modern Times. 8vo. London, 1821; Le Roi est Mort–Vive le Roi! Par le Vicomte de Chateaubriand. 8vo. Paris, 1824 // The Edinburgh Review. Vol. XLI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1825. P. 1–30.
40. Reflections on the Present State of Affairs on the Continent, as connected with the Question of a General and Permanent Peace. Svo. London. 1814 // The Edinburgh Review. Vol. XXIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1814. P. 493–499.
41. A Sketch of the Military and Political Power of Russia, in the year 1817. 8vo. pp. 223. London, Ridgeway, 1817 // The Edinburgh Review. Vol. XXIX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1818. P. 164–190.
42. Sketches on the intrinsic Strength, Military and Naval Force of France and Russia; with Remarks on their present Connexion, Political Influence, and future Project. In two Parts. Part 1. London, 1803. pp. 216 // The Edinburgh Review. Vol. IV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1804. P. 43–62.
43. Traveling Sketches in Russia and Sweden during the Years 1805, 1806, 1807, 1808. By Robert Ker Porter. 2 vol. 4to. pp. 461. Philips, London. // The Edinburgh Review. Vol XIV. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1809. P. 170–187.
44. Travels in various Countries of Europe, Asia, and Africa. By Edward Daniel Clarke, L. L. D. Part the Second – Greece, Egypt, and The Holy Land. pp. 715. London. Cadell and Davies. 1812 // The Edinburgh Review. Vol. XXI. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1813. P. 130–151.
45. Travels through Denmark, Sweden, Lapland, Finland, Norway and Russia. By the late E. D. Clarke, LL.D. London. 1823 // The Edinburgh Review. Vol. XXXIX. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1824. P. 140–158.
46. Travels through the Southern Provinces of the Russian Empire, in the years 1793 and 1794. Translated from the original German of Professor Pallas, Counsellor of State to the Emperor of Russia, Member of the principal Literary Societies of Europe, & e.c. & e.c. Voll II. 4 to. Longman & Rees, London. 1803. // The Edinburgh Review. Vol. III. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1804. P. 146–154.
47. A Voyage round the World, in the Years 1803, 4, 5, & 6. Performed by Order of his Imperial Majesty Alexander the First, Emperor of Russia, in the Ship Neva. By Urey Lisiansky, Captain in the Russian Navy, and Knight of the Orders of St George and St Vladimir. London. Booth, Longman & Co. 4to. pp. 388. 1814. // The Edinburgh Review. Vol. XXIII. Edinburgh: Archibald Constable and Co., 1814. P. 340–347.
48. The Wellesley Index to Victorian Periodicals, 1824–1900. / Ed. by W.H. Houghton. Vol. I. Toronto: University of Toronto Press, 1966. P. 1194.

УДК 94(47).08

Н. А. Жиров

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ВЕРХНЕОКСКОГО РАЙОНА В СЕРЕДИНЕ XIX в. (ПО МАТЕРИАЛАМ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В статье проведен сравнительный анализ динамики основных природных ресурсов на территории верховьев р. Оки в пределах Орловской губернии в течение первой половины XIX в. Актуальность исследования заключается в слабой степени изученности темы. В качестве основного источника были выбраны военно-статистические сборники, информационные возможности которых могут дать наиболее объективные и достоверные сведения о географических особенностях региона, его экономическом развитии. Комплексное изучение источников было осуществлено при помощи как традиционных научных методов (системный анализ, структурный подход, ретроспективный), так и современных подходов (цивилизационный, метод математической статистики).

В ходе исследования было определено соотношение естественных и антропогенных факторов развития аграрного общества на юге Центральной России на примере Орловской губернии в первой половине XIX в. Итогом исследования служит вывод, что сокращение наделной земли у жителей Орловской губернии за первую половину XIX в. еще не нарушило экологической ниши для местного земледелия. Однако дальнейшее вовлечение в сельскохозяйственный оборот лесных и луговых угодий грозило неминуемой деградацией почв и как следствие экологическим и социально-экономическим кризисом в регионе.

Ключевые слова: историческая география, ландшафт, Орловская губерния, антропогенные и природные факторы, аграрное общество.

N. A. Zhiron

SPECIFIC FEATURES OF HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL POSITION OF VERHNEOKSKIY AREA IN THE MIDDLE XIX CENTURY (ON MATERIALS OF THE ORYOL PROVINCE)

The article gives a comparative analysis of dynamics as regards major natural resources in the upper reaches of the Oka river in the Oryol province during the first half of the XIX century. The topic under consideration is poorly studied so far. Military statistics digests served the main source of material as they provide objective and reliable data on geographic peculiarities of the region and its economic development. A comprehensive study of the sources was conducted with the use of both traditional scientific methods (system and retrospective analyses, structural approach) and modern approaches (civilizational approach, mathematical statistics method). The correlation of natural and anthropogenic factors in the agricultural

community development in the south of Central Russia in abovementioned period was identified by the example of the Oryol province. The study highlights that thereduction of land allotment in the Oryol province did not breach the ecological niche in the first half of the XIX century. But further involvement of forest and grassland in agricultural use threatened with an imminent soil degradation and as a consequence entailed an environmental and socio-economic crisis in the region.

Key words: historical geography, natural landscape, Oryol region, human and natural factors, agrarian society.

Природно-климатические условия и ландшафт, составляющие среду обитания влияют на социально-экономические процессы и жизненный уклад традиционного общества. Таким образом, происходит воздействие на историческое развитие регионов [1]. Изучение при-

родно-климатических особенностей регионов, так называемого географического фактора, в совокупности с исследованием их воздействия на экономическое, а вместе с ним и социально-политическое развитие местного населения, дает возможность объективно оце-

нить потенциал рассматриваемой территории, ее исторические перспективы. Влияние природы на человеческий социум в доиндустриальный период не вызывает ни каких сомнений, традиционное или аграрное общество зависело от климата, особенно в зоне рискованного земледелия, к которой несомненно относилась территория Орловской губернии. Постепенное вовлечение данного региона в зону промышленного производства в первой половине XIX в. не смогло коренным образом изменить характер его экономического развития, в основе которого находилось земледелие. Вследствие этого изучение тенденций в структуре хозяйственного развития Орловской губернии в сравнении с соседними губерниями в предреформенный период очень важно для понимания степени воздействия географического фактора на социально-экономическое развитие территорий Центральной России.

В современной отечественной исторической науке большое внимание уделяется изучению географических особенностей отдельных регионов нашей страны в их историческом развитии. Научный интерес среди исследователей вызывает и Центрально-черноземный район Европейской части России, о чем говорят публикации последних лет, но при этом ощущается явный недостаток трудов по Орловской губернии [8; 9; 10; 11; 17].

Орловскую губернию можно отнести к центрально-земледельческому аграрным территориям лесостепной полосы Европейской России, которая вследствие своей вытянутости с запада на восток в природно-климатическом отношении являлась экотонной между центральными с высокой долей населения, занимавшегося промыслами и отходничеством (Тульской, Калужской и Смоленской) и южными аграрными (Харьковской, Курской и Черниговской) губерниями Центральной России. Переходное (экотонное) состояние Орловской губернии выражалось существованием трех микроклиматических зон [14].

Для первой микроклиматической зоны был характерен более влажный климат, мало отличавшийся от природных условий лесной зоны Европейской России. В ее состав входило пространство западных уездов – Брянского, Трубчевского, Севского, Карачевского, Дмитровского и частично центральных Кромского, Орловского, Болховского и Мценского. Характерными чертами зоны были высокая влажность воздуха в теплое время года и высокий снежный покров зимой, благоприятно влиявшие на получение высоких урожаев,

в основном картофеля и конопли. Но, в отличие от юго-восточной части Орловщины, вегетационный период был короче, вследствие чего осложнялось выращивание многих теплолюбивых культур. Комплекс весенних полевых работ на данной территории начинался на 5–10 дней позже, а заканчивался на 5–10 дней раньше, чем на юге губернии. Большое количество осадков в теплое время года очень часто затягивало сроки сева и уборки основных видов сельскохозяйственных культур, что в свою очередь влекло снижение урожайности и ухудшало продовольственное обеспечение населения в отдельные годы.

Во вторую микроклиматическую зону входили юго-восточные уезды – Ливенский, Елецкий и частично Малоархангельский. Характерная черта данной местности заключалась в меньшем количестве выпадавших осадков, более низкой влажности воздуха в летнее время и меньшей высотой снежного покрова зимой по сравнению с западной частью губернии. Колебания температуры воздуха и наличие суховейных ветров часто снижали урожайность сельскохозяйственных культур, но явным плюсом данной территории являлось наличие плодородных черноземных почв, дававших в благоприятные годы хороший урожай.

Третья зона, располагавшаяся в центральной части губернии, на границе Окско-Донского водораздела, являлась промежуточной территорией между двумя первыми зонами. К ней относились Орловский, Болховский, Мценский и значительная часть Малоархангельского и Кромского уездов. Природно-климатические особенности региона были достаточно комфортны для развития земледелия, но в отличие от юго-восточной части губернии, почвы были беднее и не давали высоких урожаев.

К началу XIX в. Орловская губерния продолжала оставаться одной из наиболее обеспеченных земельными угодьями областей Центральной России. В зависимости от уезда на душу населения приходилось от 2 до 3,5 десятин земли, также, как и в соседних черноземных Воронежской и Тамбовской губерниях и на 0,5–1 десятину больше, чем в нечерноземной Тульской. Для современного жителя не только мегаполиса, но и рядового российского села, скорее всего, будет непонятно – достаточно ли это количество земли для ведения продуктивного крестьянского хозяйства?

В исследуемое время в аграрном центре России преобладали большие составные семьи, состоявшие из представителей разных поколений, и общее число ее членов могла достигать до нескольких десятков человек.

В этом случае расчеты лучше всего произвести, отталкиваясь от типичной нуклеарной семьи, состоящей из 6–7 человек (3 взрослых трудоспособного возраста, остальные дети и старики, не являвшиеся костяком трудоспособного семейного коллектива), которая, как правило, была частью составной семьи.

В начале XX в. в первые годы реализации столыпинской аграрной программы землеустроительными комиссиями Орловской губернии были произведены расчеты, согласно которым владеющая земельным наделом семья могла бы самостоятельно осилить обработку своих распаханных владений и сенокосов. При этом рабочая семья при нормальном своем составе способна в год обрабатывать земли больше, чем ей нужно для пропитания. «В нашей черноземной полосе при продолжительности рабочего времени в 6 месяцев, один средней силы рабочий может возделывать лугов и пашни – 10 десятин, а на двор – 15 десятин» [7, л. 80б.]. Двор в начале XX в. в основном соотносился с семьей, где в среднем было 1,5 взрослых мужчины, а общее число членов не превышало 7 человек. Согласно этой схеме на 1 крестьянскую душу для ведения продуктивного хозяйства, дававшего прибыль, должно было приходиться не менее 2 десятин земли (пашни и сенокоса).

Эти подсчеты вполне применимы для первой половины XIX в. так как существенных изменений в агротехнике к началу XX в. не произошло, трехполье и ручной труд продолжали существовать не только у подавляющего числа крестьян, но и в значительной части владельческих экономий. Таким образом, напрашивается вывод, что земли у орловского крестьянина в первой половине XIX в. было достаточно и перспективы роста населения (отсутствие мотивации для миграции за пределы региона) изучаемой губернии были очевидны.

В начале XIX в. численность жителей Орловской губернии не достигала 1 млн человек, а к середине XIX в. она увеличилась почти до 1,5 млн человек. Прирост населения за 50 лет составил около 50 %, что было характерно для соседних земледельческих губерний – Тамбовской, Курской и Воронежской. В Калужской и Тульской, располагавшихся на северо-западной границе губернии, он был существенно ниже и не превышал 30 %.

За первую половину XIX в. площадь надельной земли в Орловской губернии сократилась почти вдвое, и размер пашни в среднем составлял 1,5 десятин на душу [13, с. 69]. Бурный рост населения был заметнее всего в центре и

на востоке региона, в тех уездах, где преобладали плодородные почвы, и земледелие играло ключевую роль.

Доля запашки в Орловской губернии в середине XIX в. превышала 2,2 млн десятин, что составляло около 60 % ее территории, что наблюдалось в соседних черноземных Курской, Тамбовской и Воронежской губерниях, но продолжала оставаться ниже, чем в Тульской, где под пашней находилось более 70 % пространства [2, с. 66–68; 3, с. 79–82; 5, с. 79–85; 6, с. 82–86].

Поуездное изучение этого вопроса выявило, что в западной части Орловской губернии (Брянский, Севский, Трубчевский, Карачевский уезды), за исключением Дмитровского уезда, под пахотными угодьями находилось менее 40% территории. Столь низкая степень во многом была связана с преобладанием малопродуктивных светло-серых лесных суглинков и супесчанников, а также наличием существенной площади заболоченных лесов, территории которых были малопригодны для ведения продуктивного земледелия.

В подтверждение данного предположения служат сведения о распределении земли в Смоленской и Калужской губерниях, граничивших с западной частью Орловщины. В Смоленской губернии площадь неудобных для хозяйственной деятельности земель (болота, кустарники и т. д.) доходила до 1/10 территории губернии, а доля пашенных угодий составляла не более 40% территории, аналогично калужским уездам [4, с. 81; 12, с. 171–178].

В центре и на востоке Орловской губернии размер пашни располагался в пределах от 70 % до 80 % от общей площади уездов, за исключением Елецкого, где под пашней находилось 63 % земельного фонда. Высокая степень запашки в этой части губернии (особенно в Орловском, Болховском и Мценском уездах) может быть частично объяснена ранним началом заселения и освоением территории в хозяйственном отношении (с домонгольского времени).

Позднее освоение юго-восточной части Орловщины (Малоархангельский, Ливенский, Елецкий уезды), начавшееся только на рубеже XVI–XVII вв., сохранило целинные степи, поэтому темпы распашки здесь были гораздо выше, чем на остальной территории губернии.

В начале XIX в. в Орловской губернии на одного жителя приходилось около 1,5 дес. леса. Бурный рост населения не означал вырубку лесных массивов, хотя к середине XIX в. на одного жителя Орловского края осталось только

0,77 дес. леса. Сокращение лесов шло пропорционально росту населения губернии, при этом фактическая площадь, занятая лесами, в основном на западе губернии, уменьшилась незначительно. Это означало, что на большой территории лесостепного пространства губернии, в центральных и юго-восточных уездах, основные лесные массивы были сведены уже к началу XIX в.

Увеличение пашни Орловской губернии во второй половине XIX в. шло, в основном, за счет сокращения территорий занятых лесами из-за отсутствия к началу XIX в. свободной целинной степи, которая еще фиксировалась в юго-восточных уездах губернии в последние десятилетия XVIII в. Как уже упоминалось выше, агротехника фактически оставалась прежней, крестьянство повсеместно использовало трехпольную систему, практически не используя удобрений. В малолесных уездах (все кроме западных Брянского, Севского, Трубчевского и частично Карачевского) сушеный навоз применялся сельскими жителями в качестве топлива, а также компонента при изготовлении так называемых саманных кирпичей (глина, солома и навоз), широко применяемых при строительстве хозяйственных построек. Во многом поэтому рост населения требовал введения в сельскохозяйственный оборот все больше земли, поэтому за вторую половину XIX в. площадь лесов уменьшилась на 32 %, с 1139 до 775 тыс. десятин земли [15, с. 106–107]. Только на западе губернии оставались леса, а в центре и на юге губернии степень лесистости едва достигала 5–7% территории.

В соседних лесостепных губерниях – Тульской, Курской, Воронежской в середине XIX в. на душу населения приходилось от 0,2 до 0,4 дес. леса, что было значительно ниже, чем в Орловской. В лесных губерниях Центральной России, граничивших с Орловщиной на западе, количество лесных пространств оставалось высоким (около 1,3–2 дес. на душу населения). Из этого следует, что Орловская губерния по степени лесистости занимала промежуточное положение между лесными и лесостепными губерниями Центральной России.

К середине XIX в. площадь сенокосных угодий Орловской губернии составляла 13 % территории, аналогично соседней Курской губернии (около 15 %). Чуть ниже эта цифра была в Тульской и Калужской губерниях – от 8 до 10 %. Причины меньшей доли количества пастбищ и сенокосных лугов в последних двух губерниях были различны. Во-первых, уровень развития скотоводства в Калужской губернии, в силу повышенной лесистости и занятости

большого количества жителей в промышленности и промысловой деятельности, был ниже, чем в типично земледельческих регионах России. Во-вторых, пасти скот, а также косить сено можно и на опушках лесов, то есть на территории, которая не являлась официально сельскохозяйственной. Вследствие этого калужскому крестьянину не требовалось иметь значительные территории под степными пастбищами и сенокосами. В Тульской губернии, свободных пространств для увеличения пашенных угодий не было, поэтому удовлетворение потребностей населения в земле происходило за счет распашки лесных и сенокосных массивов.

Показателен пример Воронежской губернии, где сенокосные угодья в середине XIX в. продолжали составлять более 20 % территории. Этот факт указывал на не высокую степень распаханной земли и еще низкую демографическую нагрузку. Стоит отметить, что в некоторых, преимущественно южных воронежских уездах в это время продолжали оставаться в резерве целинные лесостепные и степные пространства, вследствие чего населению не требовалось распахивать существующие пастбища.

Темпы сокращения луговых и сенокосных угодий в первой половине XIX в. в Орловской губернии, протекали почти пропорционально росту населения. Доля этих территорий снизились с 0,5 до 0,3 дес. земли на душу. Та же ситуация наблюдалась в Тамбовской и Курской губерниях. Значительное сокращение луговых угодий в Орловской губернии началось в середине XIX в., и с 1850-х до 1866 г. их площадь уменьшилась более чем на 100 тыс. десятин [16, с. 27]. Это явление указывало на начало интенсивной распашки свободных от лесов пространств.

Анализ природно-хозяйственного состояния Орловской губернии в середине XIX в. показал, что северо-западные уезды, особенно Брянский и Карачевский, тяготевшие в природно-климатическом отношении к лесным губерниям Центральной России (Смоленской, Калужской и т.п.), в середине XIX в. продолжали оставаться на относительно низком уровне сельскохозяйственного освоения территории. Это выражалось в достаточной обеспеченности жителей этих уездов лесными и сенокосными угодьями в сочетании с незначительной степенью распашки земли. Населению было не выгодно заниматься земледельческим трудом, который в силу климатических особенностей и низкого плодородия почв данной местности, не давал прибыли. Вследствие этого существенная часть жителей западных уездов

занималась промышленной деятельностью и отхожими промыслами, сохраняя экологическое равновесие в регионе.

Центр и юго-восток губернии, имевший в своем расположении плодородные почвы и комфортные природно-климатическими условия для ведения сельского хозяйства, достиг фактического предела в степени распашки земли. Дальнейшее вовлечение в сельскохозяйственный оборот лесных и луговых угодий грозило неминуемой деградацией почв и как следствие экологическим и социально-экономическим кризисом в регионе [18].

Природно-хозяйственное освоение Орловской губернии, за исключением западной части, в значительной степени было аналогично типичным лесостепным губерниям Центральной России. Сокращение наделной земли у жителей Орловской губернии за период с начала по середину XIX в., в целом, еще не нарушило экологической ниши для земледелия, составлявшей в зависимости от уезда 1,33 десятины пашенной земли в среднем на одну единицу населения.

Природно-хозяйственное освоение Орловской губернии, за исключением западной части, в значительной степени было аналогично типичным лесостепным губерниям Центральной России. Сокращение наделной земли у жителей Орловской губернии за период с начала по середину XIX в., в целом, еще не нарушило экологической ниши для земледелия, составлявшей в зависимости от уезда 1,33 десятины пашенной земли в среднем на одну единицу населения.

Источники и литература

1. Александров Н. М. Проблемы аграрной России (вторая половина XIX – начало XX в.) Ярославль: Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова, 2003. 62 с.
2. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Том VI. Часть 4. Тульская губерния. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1852. 186 с.
3. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Том VI. Часть 5. Орловская губерния. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1853. 158 с.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Том VI. Часть 6. Калужская губерния. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1849. 260 с.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Том XIII. Часть 1. Тамбовская губерния. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1851. 293 с.
6. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. Том XIII. Часть 3. Курская губерния. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1850. 296 с.
7. Государственный архив Орловской области. Ф. 34. Оп. 1. Д. 9.
8. Канищев В. В. Сравнительный анализ погодных проявлений на Северо-Западе европейской части России и Юге центральной части страны в первые годы XVIII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 2015. Вып. 21. С. 37–46.
9. Канищев В. В., Мизис Ю. А. К вопросу о методах историко-климатических исследований: московские погоды в середине XVII и середине XX вв. // История и современность. 2014. №2. С. 17–23.
10. Канищев В. В. Региональные особенности экологических процессов в России второй половины XIX – начала XX в. (Тамбовская и Тверская губернии) // Вестник Тверского ГУ. 2010. №2. С. 133–140.
11. Костовска С. К., Стулышанку В. О. Климатические условия Средне-русской лесостепи во второй половине XIX – первой половине XX в. // Вестник Тамбовского ГУ им. Г. Р. Державина. Сер.: Естественные и технические науки. 2014. №1. С. 234–241.
12. Материалы для географии и статистики России. Смоленская губерния. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1862. 442 с.
13. Памятная книжка Орловской губернии за 1860 год. Орел: Орловское губернское правление, 1860. 221 с.
14. Пупарев А. Материалы для истории статистики Орловской губернии // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. Т.XXII. СПб., 1897. С.156.
15. Статистический ежегодник России на 1912 г. СПб.: Экономия, 1912. С. 106–107.
16. Список населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 29. Орловская губерния: по сведениям 1866 года. СПб.: Тип. Департамента Генерального штаба, 1871. 238 с.
17. Цинцадзе Н. С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX – начале XX века в восприятии современников / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2012. 286 с.
18. Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX вв.: сб. ст. / отв. ред. В. В. Канищев. Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2005. 125 с.

References

1. Aleksandrov N. M. Problemy agrarnoi Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) (*Problems Of Agrarian Russia (The Second Half Of XIX – Early XX Century)*. Yaroslavl', 2003. 63 p. (In Russian)
2. Voennostatisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii, izdavaemoe po Vysochaishemu povelению pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo Shtaba. Tom VI. Chast' 4. Tul'skaya guberniya (*Military Statistical Review of the Russian Empire, Published By The Imperial Order At The 1st Department Of The Department Of The General Staff. Volume VI. Part 4: Tula Province*). St.Petersburg, 1852.186 p. (In Russian).

3. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii, izdavaemoe po Vysochaishemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo Shtaba. Tom VI. Chast' 5. Orlovskaya guberniya (*Military Statistical Review Of The Russian Empire, Published By The Imperial Order At The 1st Department Of The Department Of The General Staff. Volume VI. Part 5: Oryol Province*). St.Petersburg, 1853. 158 p. (In Russian)
4. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii, izdavaemoe po Vysochaishemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo Shtaba. Tom VI. Chast' 6. Kaluzhskaya guberniya (*Military Statistical Review Of The Russian Empire, Published By The Imperial Order At The 1st Department Of The Department Of The General Staff. Volume VI. Part 6: Kaluga Province*). St.Petersburg, 1849. 260 p. (In Russian)
5. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii, izdavaemoe po Vysochaishemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo Shtaba. Tom XIII. Chast' 1. Tambovskaya guberniya (*Military Statistical Review Of The Russian Empire, Published By The Imperial Order At The 1st Department Of The Department Of The General Staff. Volume XIII. Part 1 Tambov Province*). St.Petersburg, 1851. 293 p. (In Russian)
6. Voenno-statisticheskoe obozrenie Rossiiskoi imperii, izdavaemoe po Vysochaishemu poveleniyu pri 1-m otdelenii Departamenta General'nogo Shtaba. Tom XIII. Chast' 3. Kurskaya guberniya (*Military Statistical Review Of The Russian Empire, Published By The Imperial Order At The 1st Department Of The Department Of The General Staff. Volume XIII. Part 3: Kursk Province*). St.Petersburg, 1850. 296 p. (In Russian)
7. The Russian state historical archive. F. 34. Inv. 1. D. 9. (In Russian)
8. Kanishchev V. V. Sravnitel'nyi analiz pogodnykh proyavlenii na Severo-Zapade evropeiskoi chasti Rossii i Yuge tsentral'noi chasti strany v pervye gody XVIII v. (*A Comparative Analysis Of Weather Conditions In The North-West Of The European Part Of Russia And In The South Central Part Of The Country In The First Years Of The XVIII Century*) // Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii. Kaliningrad, 2015. Issue. 21. P. 37–46. (In Russian)
9. Kanishchev V. V., Mizis Yu. A. K voprosu o metodakh istoriko-klimaticheskikh issledovaniy: moskovskie pogody v seredine XVII i seredine XX vv. (*On Methods Of Historical And Climate Research: Moscow Weather In The Middle Of The XVII And The Middle Of The XVII and XX centuries*) // Istoriya i sovremennost'. 2014. No. 2. P. 17–23. (In Russian)
10. Kanishchev V. V. Regional'nye osobennosti ekologicheskikh protsessov v Rossii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. (Tambovskaya i Tverskaya gubernii) (*Regional Features Of Ecological Processes In Russia In The Second Half Of XIX – Early XX Century. (Tambov And Tver Province)*) // Vestnik Tverskogo GU. 2010. No. 2. P.133–140. (In Russian)
11. Kostovska S. K., Stulyshapku V. O. Klimaticheskie usloviya Sredne-russkoi lesostepi vo vtoroi polovine XIX – pervoi polovine XX v. (*Climatic Conditions In Central Russian Steppe In The Second Half Of XIX – The First Half Of The XX Century*) // Vestnik Tambovskogo GU im. G. R. Derzhavina. Ser.: Estestvennye i tekhnicheskie nauki. 2014. No.1. P. 234–241. (In Russian)
12. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii. Smolenskaya guberniya (*Materials For Geography And Statistics Russia. Smolensk province*). St.Petersburg, 1862. 442 p. (In Russian)
13. Pamyatnaya knizhka Orlovskoi gubernii za 1860 god (*The Memorial Book Of The Oryol Province For 1860*). Orel, 1860. 221 p. (In Russian)
14. Puparev A. Materialy dlya istorii statistiki Orlovskoi gubernii (*Materials For The History Of Statistics Oryol Province*) // Entsiklopedicheskii slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona. Vol. XXII. St.Petersburg, 1897. 156 p. (In Russian)
15. Statisticheskii ezhegodnik Rossii na 1912 g. (*Statistical Yearbook of Russia for 1912*). St.Petersburg, 1912. P. 106–107. (In Russian)
16. Spiski naselennykh mest Rossiiskoi imperii, sostavlennye i izdavaemye Tsentral'nym statisticheskim komitetom Ministerstva vnutrennikh del. Issue. 29. Orlovskaya guberniya: po svedeniyam 1866 goda (*Lists Of Settlements Of The Russian Empire, Compiled And Published By The Central Statistical Committee Of The Ministry Of Internal Affairs. Vol. 29. Oryol Province: According to 1866*). St.Petersburg, 1871. 238 p. (In Russian)
17. Tsintsadze N. S. Demograficheskie i ekologicheskie problemy razvitiya agrarnogo obshchestva Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka v vospriyatii sovremennikov (*Demographic And Environmental Problems Of Developing Agrarian Society In Russia In The Second Half Of XIX – Early XX Century In The Perception Of Contemporaries*) / ed. by V.V. Kanishchev. Tambov, 2012. 286 p. (In Russian)
18. Ekologicheskie problemy modernizatsii rossiiskogo obshchestva v XIX – pervoi polovine XX vv. (*Ecological Problems Of Modernization Of The Russian Society In The XIX – First Half Of XX Century*) / ed. by V.V. Kanishchev. Tambov, 2005. 125 p. (In Russian)

УДК 94(3)

С. С. Казаров

ГОНГ ИЗ ДОДОНЫ

В Додоне, где находился один из древнейших оракулов Древней Греции, использовались различные методы прорицания. Одним из них было использование гонга в форме бронзовых котлов. Использование бронзы было неслучайным: она являлась символом чистоты и играла важную роль в очищающих ритуалах. Первоначально территория святилища не имела стен, а была окружена кольцом треножников с висевшими на них котлами. Издаваемые ими звуки выдавались за вещание самого бога Зевса. Возможно, что звук гонга служил также своего рода защитой от злых сил, являясь щитом Зевса. Эта традиция сохранилась и в средние века, когда котел был заменен колоколом. Несмотря на скептицизм ряда иссле-

дователей, наличие подобных котлов и треног подтверждается результатами археологических раскопок, проводившихся в Додоне. В настоящее время остатки этих котлов и треног хранятся в Национальном Музее Афин. Само устройство гонга, как можно заключить из источников, было усовершенствовано, о чем свидетельствует дар жителей острова Керкиры. Со временем непрерывно раздающийся звук додонского гонга вошел у древних греков в поговорку. Древние греки прорицание в Додоне с помощью звука выражали двумя фразами: додонская бронза и керкирская плеть.

Ключевые слова: святилище, Додона, гонг, треножник, бич, прорицание.

S. S. Kazarov

THE GONG OF DODONA

In Dodona, where one of the most ancient oracles of ancient Greece was located, various methods of divination were used. One of them was the use of gong in the form of bronze boilers. The use of bronze was not accidental: it was a symbol of purity and played an important role in purifying rituals. Originally the sanctuary had no walls, but was surrounded by a ring of tripods with boilers hanging on them. The sounds they emitted were treated as the message of Zeus himself. It is possible that the sound of the gong served also as a kind of protection against evil forces, being a shield of Zeus. This tradition was preserved in the Middle Ages, when the boiler was replaced with a bell. Despite the skepticism of a number of researchers, the

presence of such boilers and a tripod is confirmed by the results of archaeological excavations conducted in Dodon. Currently, the remains of these boilers and a tripod are stored in the National Museum of Athens. The gong device itself, as can be concluded from sources, has been improved, as evidenced by the gift of Corfu inhabitants. Over time, the permanent sound of the Dodong gong came from the ancient Greeks in the proverb. The ancient Greek prophecy in Dodon, with the help of sound, was expressed in two phrases: the bronze of Dodona and the whip of Kerkyra.

Key words: sanctuary, Dodona, gong, tripod, scourge, divination.

Святилище Зевса в Додоне с находящимся здесь оракулом по праву заслужило славу древнейшего прорицалища в Древней Греции. Известная нам символика Додонского оракула весьма разнообразна: это священный дуб, бронзовые котлы, священные голуби, и, наконец, бьющий из-под корней священного дуба источник с ледяной водой. Не случайно известный российский антиковед В. В. Латышев назвал Додонское святилище «оракулом символов или знаков» [1, с. 178]. Из всех этих

символов (которые одновременно являлись и средствами прорицания) наименее изученным является гонг (под ним обычно понимается бронзовый котел), значению и функциям которого будет посвящена данная статья.

У древних греков к IV в. до н. э. болтливый человек обычно ассоциировался с додонским гонгом. Наиболее наглядно это отразилось в литературной традиции, особенно в комедиях. Можно согласиться с мнением С. Джонсон, что ситуация с письменными источниками здесь

запутана более, чем обычно, и наиболее подробно и обстоятельно здесь именно более поздние авторы [6, p. 66].

Так, Менандр (342–291 гг. до н. э.) в одной из своих комедий, сравнивая болтовню некой кормилицы с непрерывно звучащим звуком додонского гонга, писал, что остановить звучащий гонг с помощью пальца гораздо легче, чем остановить язык этой персоны, который может работать все ночь (Men. Arryph. = Steph. Byz. s.v. Dodona).

Подобную трактовку мы находим в одном из выражений поэта Александрийской школы Каллимаха (310–240 гг. до н. э.), который, по его словам, однажды «был разбужен эхом бронзы из Додоны» (Steph. Byz. s.v. Dodona).

Элий Аристид (II в. н. э.) в своем энкомии, посвященном четырем выдающимся государственным деятелям Афин, на этот счет добавляет: «когда становится необходимым нападать на своих оппонентов и поносить их, противников сравнивают с додонским гонгом» (Arist. 309). И в более поздние времена, в конце V в. софист Прокопий (450–513 гг.) писал: «мы становимся подлинным гонгом из Додоны» (Procor. ep. 99, p. 269). Сюда же можно добавить содержащуюся в сборнике анекдотов из издания Крамера весьма показательную фразу анонимного грамматика: «ваша болтовня заглушает гонг из Додоны» (Gram. An. 3, 225).

Но наиболее важным нам представляется пассаж из Страбона, в котором, объясняя выражение «додонский бронзовый котел», автор дает описание вотивного дара жителей Керкиры – держащей бич человеческой фигуры. Сам бич был тройной в виде цепочки со свисающими вниз наконечниками, которые во время колебания ветра ударяли о сосуд, тем самым производя протяжные звуки. Отсюда же, по его словам, произошло выражение «бич керкирян» (Strab. VII. Frg. 4).

Одним словом, это выражение сохранялось в течение тысячелетия. Несмотря на сведения, представленные античными авторами, его существование ставилось современными историками под сомнение. И причиной тому была необычность и экзотичность его описания [10, s. 53]. Однако благодаря археологическим исследованиям, проводившимся греческими археологами Д. Эвангелидесом и С. Дакарисом с середины XX века на территории Додоны, и обнаружившим фрагменты этих котлов и треног, их существование стало очевидным. По словам С. Дакариса, многочисленные фрагменты железных и бронзовых треножников, которые были здесь обнаружены, датируются

VIII в. до н. э., что позволяет сделать вывод о том, что святилище начало функционировать не позднее этого времени [4, p. 13; см. также: 3, p. 57–58].

Идентичные находки обнаруживаются и в других частях Греции. Так, подобную картину мы наблюдаем на золотом кольце из Микен, датируемого XV в. до н. э. с изображением храма на лицевой стороне. Мы видим здесь Великую богиню, сидящую под священным деревом, а три жрицы (подобно числу голубок на монетах из Эпира) подносят ей цветы. Сверху изображено небо с солнцем и луной, ниже от которых следует фигура с копьем. Головы львов, расположенные по окружности, по-видимому, служат, подобно треножникам в Додоне, защитой святилища [4, p. 14].

По словам греческого археолога Янниса Милонопулоса, додонский треножник занял выдающееся положение в археологической дискуссии относительно святилища Зевса в «качестве предполагаемого компонента псевдо-архитектурного оформления раннего культового места» [7, s. 189].

И это ставит перед нами вопрос о внешнем виде упомянутого гонга и его функциях. Особенно запутанным представляется вопрос о форме додонского гонга.

В Древней Греции было два выражения, обозначающих форму прорицания с помощью звука: *Dodonaion xalkeion* и *Kerkuraion mastiks* (в переводе с древнегреч. – «Додонская медь» и «Керкирский бич» – С. К.). Каждому из выражений в соответствии с формой прорицания придавалось свое особое значение [8, p. 139]. Имеющаяся в нашем распоряжении историческая традиция указывает на то, что первоначально святилище Зевса в Додоне, не имея стен, было окружено треножниками и котлами, которые настолько тесно примыкали друг к другу, что в случае удара по одному из них вибрация эхом охватывала и все остальные. Это описание относят к аттическому автору Демону, жившему примерно в конце IV в. до н. э. (к сожалению, никакими подробностями биографии или трудах этого автора мы не располагаем). Человек, вступая на священную территорию Зевса, неизбежно касался находящегося слева или справа от входа гонга-котла, при этом раздавался звук, который приводил к раскачиванию других котлов, производя затем целую гармонию подобных звуков. Используя современное выражение, срабатывал некий принцип домино.

Что вкладывали античные авторы в понятие *Dodonaion xalkeion* – взгроможденный на

колонну гонг или серию треног? Наличие гонга мы можем проследить до окончания II в. н. э. (сведения Аристида), начало же описания относится к IV в. до н. э. (описание Аристотеля). Однако эта версия опровергается сообщением Менандра о том, что звучащий весь день гонг мог остановить любой прохожий с помощью пальца. К гонгу, взгроможденному на высокую колонну, едва ли можно было дотянуться с земли и руками остановить его звучание [2, р. 13]. Интерпретация фрагмента Каллимаха также позволяет понять, что речь идет о треноге, стоящей на земле, нежели о котле, находящимся на верхушке колонны. Наконец, более поздний автор, Климент Александрийский (II в. н. э.), нарочито разграничивает *Dodonaion xalkeion* от *Iebeta Thesproteion* – «додонскую бронзу» от «феспротского котла» (Clem. Al. *protr.* 11). Все эти приведенные в соответствие данные позволяют нам прийти к кажущемуся нам вполне обоснованному предположению, что первоначально *Dodonaion xalkeion* представлял из себя ряд резонирующих треножников, расположенных кольцом вокруг священной территории, а со временем, после IV в. до н. э., когда святилище было обнесено стенами, треноги были заменены искусно сооруженной конструкцией, состоящей из человеческой фигуры с бичом, помещенным на две расположенные рядом одна с другой колонны. Именно появление этой новой конструкции могло привести к рождению нового выражения, которое мы находим у Страбона: «Керкирский бич» («*Kercurian mastiks*»). При этом не может не возникнуть вопрос: зачем эту конструкцию нужно было взгромождать на эти колонны? Ответ на первый взгляд кажется очевидным: во-первых, труднодоступность должна была уберечь его от возможных повреждений, а во-вторых, звук находящегося на возвышенности гонга был слышим на более далеком расстоянии. Но к вышесказанному А. Б. Кук добавляет ещё один важный штрих: человек или даже какая-то статуя, поднятая на высоту (в данном случае на колонну) и оторванная от земли, приближала его к божествам и придавала ей ореол некой святости. Так, на острове Кри (Юго-Запад Новой Гвинеи) злых духов умиротворяли посредством гонгов, подвешенных на перекладине между двух столбов, а боевые гонги Маори подвешивали на брус, лежащий на двух подпорках, в который ударял сидевший на лесах человек. Но наиболее близкий и характерный пример – храм в Гиерополе, где на пропилеи храма, высотой в тридцать локтей, поднимался человек, проводя там непрерыв-

ные семидневные бдения, сопровождавшиеся молитвами и ударами в гонг [2, р. 27].

В принципе, подобная ситуация, когда в ранние времена территория святилища не имела стен, которые заменяли расставленные по окружности многочисленные votивные посвященные Зевсу треножки, не кажется нам невозможной. Как справедливо заметил Ф. Ванденберг, для обычного человека мелодичный звук додонских котлов был гораздо понятнее, чем шелест дуба и вызывал больше доверия [10, s. 55].

Использование бронзовых котлов в Додоне в качестве средства прорицания неизбежно ставит перед нами вопрос о порядке и времени их использования. Речь идет о том, использовались ли они наряду с другими средствами прорицания (шелестом священного дуба, полетом додонских голубей) или же на каком-то из этапов истории оракула. Вопрос является дискуссионным и единой точки зрения здесь пока не достигнуто.

С. Дакарис, долгое время возглавлявший археологические раскопки в Додоне, считает, что жрецы делали свои предсказания в соответствии со звуками, издаваемые от ударов в котел [4, р. 14].

Приблизительно с середины IV в. до н. э. территория святилища с опоясывающим его ранее кольцом треножников было окружено каменными стенами, которые четко очертили священную территорию с небольшим храмом и священным дубом, вход на которую располагался на южной стороне святилища. Бронзовые котлы были заменены на сложную конструкцию, якобы являющуюся подарком, преподнесенным жителями острова Керкиры Додонскому святилищу. Описание этой конструкции мы находим у малоизвестного автора Полемона из Илиона, посетившего Додону в начале II в. до н. э. и, таким образом, передавшего самую древнюю традицию (FHG. III. 124). Конструкция представляла из себя стоящего на вершине одной из колонн юноши, держащего в руке плет с несколькими бронзовыми наконечниками, которые нависали над медным котлом, стоящим на вершине соседней колонны. Порывы ветра приводили в движение бронзовые наконечники, которые ударяли в стоящий рядом котел и таким образом чисто механически производили соответствующий звон. Отсюда же родилось известное в Греции высказывание: «ты говоришь, как керкирская плет» [10, s. 55; 6, р. 66]. Фрагменты этой конструкции ныне хранятся в Национальном Музее Афин [4, р. 14]. Кстати, в том же Национальном Музее хранятся и упомянутые выше многочисленные остат-

ки додонских треножников, котлов и других предметов из бронзы [3, р. 58–59].

Но был ли производящий звук бронзовый котел один или их было несколько? Как сообщает Евстафий (Eustath. Comment. ad Hom. Od. XIV. 327), котлов было несколько и они располагались рядом друг с другом. Действительно, один котел едва ли мог бы издавать такой звук, который бы не только долго звучал, но и был слышим на достаточно удаленном расстоянии.

Довольно важным является вопрос о значении издаваемых бронзовым котлами звуков. По мнению американского исследователя Д. Никола, использование бронзовых котлов имело некий апотропический (в переводе с древнегреч. «отводящий порчу») смысл: производимый ими длительный звон должен был отводить всяческое зло от священной территории. Однако, по мнению ученого, это не исключает того, звуки звенящих котлов могли иметь и некоторое мантическое значение: они могли быть своеобразным подражанием грому, который часто слышался в этом регионе и мог идентифицироваться с озвучиванием воли великого Зевса [8, р. 140].

Идею об апотропическом смысле додонского гонга разделяют и некоторые другие зарубежные исследователи. По мнению же французского исследователя Г. Раше, звук, издаваемый от удара в бронзу, мог не только сойти за почитаемый здесь раскат грома, но и обладал ритуальным смыслом: он служил для изгнания злой силы. Именно поэтому различные церемонии в античную эпоху сопровождались звуками ударов о бронзу. Так, танец куретов и корибантов, сопровождавшийся ударами в щиты, считался апотропическим, отвлекая злые силы от младенца Зевса [2, р. 17]. Далекие отзвуки этих традиций нашли свое отражение в христианстве, что привело к установке колоколов в церквях [9, р. 97], ибо в средние века котел был заменен колоколом [2, р. 16].

При этом нельзя также игнорировать вопрос о том значении бронзы, которую она имела сначала в античную эпоху, а затем – и в Средние века. Бронза являлась символом чистоты и играла важную роль во всех очищающих ритуалах (Apolod. Fragm. 36). Но здесь необходима одна оговорка: не бронза сама по себе, а именно удары в бронзу, которые происходили в двух особых случаях: во время похорон и во время затмения луны [2, р. 14]. Но не только.

Некоторые характерные примеры на сей счет можно почерпнуть и из мифологии: когда Геракл не мог додуматься, как выманить из своего убежища Стимфалийских птиц, богиня Афина дала ему изготовленные Гефестом бронзовые тре-

щотки. С помощью произведенного ими шума, он напугал птиц, заставив вылететь из укрытия, а затем перестрелял их из лука.

Подобный обычай – бить в бронзу – перешел от греков к римлянам: о том, что во время лунного затмения били в бронзу известно из текстов ряда римских авторов (Liv. XXVI. 5.9; Plin. Nat. hist. II.12; Plut. Aem.Paul. 17). Однако отцы раннехристианской церкви активно выступали против этой процедуры, и она сохранилась лишь до эпохи утверждения христианства.

Но почему именно удар в бронзу считался предохраняющим? Можно предположить, что металлический звон или лязг вселял страх или даже ужас в тех, для ушей которых он предназначался. Яркий тому пример – накануне сражений подобным образом, ударяя в щиты, воины стремились вызвать страх у противника. Что же касается самой бронзы, то она считалась особенно эффективной при отвращении зла, ибо это был металл был освящен для религиозных целей ещё с незапамятных времен: боги не любили новшеств и задержались в бронзовом веке надолго даже после того, как их почитатели вступили на более высокий уровень цивилизации [2, р. 25].

Приведенные выше примеры, явно свидетельствующие об апотропическом значении додонского гонга, на первый взгляд могут отрицать его другую важную функцию – пророческую. Но так ли это? Думается, что нет. Додонский гонг, первоначально выполняя предохранительную функцию, использовался и как средство прорицания. И убеждает нас в этом именно то значение звука, которое оно имело место в греческой мантике. Шелест листьев, журчанье родника, воркованье голубей – и сюда же в этот ряд удачно вписывается мелодичный звон бронзовых котлов.

Относительно функций и значения додонского гонга нетрадиционную точку зрения высказала греческая исследовательница из Университета Янины А. Гарциу-Татти. По её мнению, обнаружение бронзовых котлов на территории Додоны открывает новые перспективы интерпретации функций оракула. Как считает исследовательница, назначение котлов не могло ограничиваться исключительно их акустическими функциями (с чем мы, естественно, согласны), на что обычно указывают античные авторы и их более поздние схолиасты. Речь идет об используемой людьми посуде, которые использовали при помощи огня и для жертвоприношений, и для приготовления пищи. И здесь автор проводит параллели с религиозными обрядами сбрасывания жриц в кипяток,

которые были «частью ритуалов, относящихся к омоложению и бессмертию», точнее говоря, обрядов, которые характеризуют усилия человека к преодолению своей человеческой природы, преодолению смерти с целью сближения с миром бессмертных [5, р. 182]. На наш взгляд, мнение довольно необычное и требующее не только своего осмысления, но и поиска возможных аналогий в истории античности.

Подводя итоги рассматриваемой темы, отметим следующее. Гонг из Додоны, а точнее, додонские бронзовые котлы, в ряду других символов из древнейшего святилища Зевса

(священные голуби, родник-источник, священный дуб) занимал важное место. Он определенно имел апотропическое значение, отгоняя злых духов от священной территории, а также служил одним из средств выражения интерпретируемой жрецами божественной воли. Но что немаловажно отметить – наличие этого символа Додоны имеет «материальное выражение» в виде остатков бронзовых треножников, в значительном количестве обнаруженных на территории святилища, что однозначно указывает на реальность его существования.

Литература и источники

1. Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Ч. 1. СПб: Тип. В. Безобразова и Комп., 1888. 355 с.
2. Cook A. B. The Gong of Dodona // Journal of Hellenic Studies. Vol. XXII. 1902. P. 5–28.
3. Curnov T. The oracles of the Ancient World. London, 2004. 189 p.
4. Dakaris S. Dodona. Athens, 1996. 48 p.
5. Gartzou-Tatti A. L'oracle de Dodone. Mythe et ritual // Kernos, 1990. P. 175–184.
6. Jonston S. I. Ancient Greek Divination. Oxford, 2008. 193 p.
7. Mylonopoulos J. Das Heiligtum des Zeus in Dodona // Archäologien und Ritual. Auf der Suche nach der Ritualen Handlung in den Antiken Kulturen Agyptens und Griechenlands / herausgegeben von Joannis Mylonopoulos – Hubert Roeder. Wien, 2006. S.185–214.
8. Nicol D. M. The oracle of Dodona // Greece and Rome. 1958. Vol. 5. P. 128–143.
9. Raschet G. L'sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de l'Association Guillaume Bude, 1962. P. 86–99.
10. Wandenberg A. Das Geheimnis der Orakel. Munchen, 1979. 352 s.

References

1. Latyshev V. V. Ocherk grecheskich drevnostej (*Essay On Greek Antiquities*). Part.I. St.Petersburg: Bezobrazov and Co printing office, 1888. 355 p. (In Russian).
2. Cook A. B. The Gong of Dodona // Journal of Hellenic Studies. Vol. XXII. 1902. P. 5–28.
3. Curnov T. The oracles of the Ancient World. London, 2004. 189 p.
4. Dakaris S. Dodona. Athens, 1996. 48 p.
5. Gartzou-Tatti A. L'oracle de Dodone. Mythe et ritual // Kernos, 1990. P. 175–184.
6. Jonston S.I. Ancient Greek Divination. Oxford, 2008. 193 p.
7. Mylonopoulos J. Das Heiligtum des Zeus in Dodona // Archäologien und Ritual. Auf der Suche nach der Ritualen Handlung in den Antiken Kulturen Agyptens und Griechenlands / herausgegeben von Joannis Mylonopoulos – Hubert Roeder. Wien, 2006. S. 185–214.
8. Nicol D. M. The oracle of Dodona // Greece and Rome. 1958. Vol. 5. P. 128–143.
9. Raschet G. L'sanctuaire de Dodone origine et moyens de divination // Bulletin de l'Association Guillaume Bude, 1962. P. 86–99.
10. Wandenberg A. Das Geheimnis der Orakel. Munchen, 1979. 352 s.

УДК 94(470.63).084.8.378

И. В. Карташев

**К ВОПРОСУ О РАБОТЕ ВОРОШИЛОВСКОГО (СТАВРОПОЛЬСКОГО)
МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА В ПЕРИОД НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ
(1942–1943 гг.)**

В статье рассматриваются вопросы функционирования Ворошиловского (Ставропольского) государственного медицинского института во время немецко-фашистской оккупации, продолжившейся с августа 1942 по январь 1943 года. Молодой вуз, имевший в своем распоряжении к моменту начала оккупации хорошую материально-техническую базу, был полностью укомплектован необходимым персоналом и готов к выпуску довольно большого количества специалистов. Обусловлено это было, прежде всего, эвакуацией в Ворошиловск материальной базы, сотрудников и студентов Днепропетровского государственного медицинского института. В свою очередь немецкое командование, руководствуясь принципом практической необходимости и стремясь избежать вспышек различных заболеваний, после захвата города проявляло заинтересованность в подготовке медицинских специалистов соответствующей квалификации для всего Северного Кавказа. Тем не менее, учебный про-

цесс в институте был прерван, что было вызвано, в первую очередь, уничтожением значительной части профессорско-преподавательского состава, осуществленным преимущественно в августе и сентябре 1942 года в ходе карательных акций против мирного населения города. Несмотря на ряд подготовительных мероприятий попытки новых властей возобновить учебу в вузе успехом не увенчались, при этом в институте работал ряд подразделений, не связанных напрямую с организацией учебного процесса, а отдельные его сотрудники продолжали заниматься лечебной работой на клинических базах института. В статье предпринята попытка обобщить известную информацию, рассмотреть различные оценки данного периода истории института, а также определить характер деятельности вуза во время оккупации с учетом ранее неиспользованных источников.

Ключевые слова: Ворошиловский (Ставропольский) медицинский институт, Великая Отечественная война, оккупация, холокост.

I. V. Kartashev

**ON THE WORK OF THE VOROSHILOV (STAVROPOL) MEDICAL INSTITUTE
DURING GERMAN OCCUPATION (1942–1943)**

The article describes the functioning of Voroshilov (Stavropol) state medical Institute during the Nazi occupation that lasted from August 1942 to January 1943. The recently established University in possession of appropriate material and technical base at the time of the occupation was fully staffed and ready to train a large number of specialists. This was due to, first, the evacuation of material resources, employees and students of the Dnepropetrovsk state medical Institute to Voroshilovsk. In turn, the German command guided by the principle of practical necessity and seeking to avoid outbreaks of various diseases showed interest in training medical specialists with appropriate qualifications for the entire North Caucasus after the capture of the city. Nevertheless, the educational process at the Institute was interrupted. It was caused primarily by liquidation of a significant part of the teaching

staff carried out mainly in August and September 1942 during the punitive actions against the civilian population of the city. Despite a number of preparatory activities, the attempts of new authorities to resume their studies at the University failed. At the same time, there was a number of units in the Institute that did not directly relate to the organization of the educational process, and some of their employees continued to be engaged in medical work at the clinical sites of the Institute. The article attempts to summarize available information, consider various evaluations of the given historical period of the Institute, as well as specify the activity conducted in the University during the occupation with account of sources that have not been previously used.

Key words: Voroshilov (Stavropol) medical Institute, the Great Patriotic war, occupation, Holocaust.

В прошедшие после Великой Отечественной войны десятилетия события, связанные с оккупацией города Ставрополя немецко-фашистскими захватчиками, неоднократно освещались как в периодической печати, так и в различных научных изданиях. К вопросам работы органов здравоохранения в нашем регионе, функционирования медицинских учебных заведений в данный период неоднократно обращались в своих исследованиях В. М. Кононенко, С. И. Линец, А. В. Карташев, Н. Д. Судавцов и другие ученые. Существенный объем фактологического материала по данной проблематике содержит книга «Оккупация» Г. А. Беликова. В этих исследованиях в той или иной мере затрагиваются и вопросы, связанные с деятельностью Ставропольского (в 1938–1943 гг. – Ворошиловского) медицинского института. Однако следует заметить, что информация о нем в рассматриваемый период времени носит по большей части фрагментарный, а зачастую и противоречивый характер.

Так, например, исследователи по-разному описывают этот период истории Ставропольского медицинского института. В частности, В. М. Кононенко отмечает, что 3 августа 1942 г., после оккупации города, институт прекратил свое существование. Молодой, еще не окрепший вуз жестоко пострадал от бомбежек и грабежа фашистов, а судьба многих преподавателей сложилась трагически [25].

Авторы другой работы М. Д. Шамилева и С. И. Линец пишут, что в период немецко-фашистской оккупации Ставропольский медицинский институт возобновил свою работу. Оставшийся в краевом центре профессорско-преподавательский состав института приступил к проведению занятий со студентами. Благодаря усилиям преподавателей и сотрудников медицинского института, во время оккупации было сохранено практически все его имущество, за исключением мебели, которую немецкие власти вывезли из помещений института в свои оккупационные учреждения, в большом количестве находившиеся в Ставрополе [39, с. 148].

Директор института П. В. Полосин в исторической справке, довольно подробно описывая сложившуюся ситуацию, однозначно говорит о том, что «институт не работал в течение 6 месяцев, на протяжении которых город был временно оккупирован» [21, л. 37]. Противоречия налицо.

Целью настоящей статьи является систематизация известной информации, уточнение ряда спорных моментов и определение харак-

тера деятельности вуза с учетом ранее неиспользованных исторических источников.

Ворошиловский медицинский институт был основан в 1938 году, и к лету 1942 года студенты первого набора завершали обучение на четвертом курсе. С учетом сокращения сроков обучения ввиду военного времени они готовились к сдаче государственных экзаменов и выпуску в августе.

С июля 1941 года институт пополнился сотрудниками и студентами медицинских вузов Украины и западной части России. В августе 1941 года на основании телеграфного распоряжения от 21 августа 1941 г. НКЗ СССР и Председателя ВКВШ при СНК СССР в Ворошиловск со своей материальной базой был эвакуирован Днепропетровский медицинский институт, в составе которого прибыло 96 сотрудников и около 400 студентов [21, л. 37].

В связи с наплывом обучающихся в Ворошиловском медицинском институте в 1941–1942 учебном году на четырех курсах проходили обучение 1929 студентов, функционировали 33 кафедры [16, л. 16]. Что касается преподавательского состава института, то непосредственно к моменту эвакуации он состоял из: заведующих кафедрами – 33; профессоров, докторов наук – 28, профессоров кафедр – 7, доцентов кафедр – 16, ассистентов – 78 [21, л. 37].

Коллектив был сборным: основная часть профессорско-преподавательского состава была представлена преподавателями Ворошиловского и Днепропетровского медицинских институтов. Должность директора института сохранил П. В. Полосин, а его коллега М. М. Тростанецкий из Днепропетровского вуза стал его заместителем [23, с. 72].

Первый в истории института выпуск был осуществлен буквально перед оккупацией города. Согласно Справке о состоянии и работе Ставропольского медицинского института за время Отечественной войны за подписью директора института П. В. Полосина, составленной в сентябре 1944 года, говорится о том, что первый выпуск врачей институт произвел без государственных экзаменов накануне эвакуации 2 августа 1942 года в количестве 319 человек [21, л. 37].

Иные данные на этот счет приводятся в учебном пособии «Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны», один из разделов которого посвящен работе Ставропольского медицинского института. В частности, указывается, что «1 августа 1942 года из стен вуза вышло 389 молодых врачей из числа студентов 4-го курса, получивших без сдачи

государственных экзаменов документ военного образца, который впоследствии подлежал обязательному обмену на диплом установленного образца» [35, с. 58]. Автор материала А. В. Карташев при подсчете числа выпускников руководствовался документами из архива Ставропольского государственного медицинского университета: согласно приказу по институту № 205-А от 27.07.1942 г. 341 студент, сдавший все экзамены и зачеты за 4-й курс, был допущен к государственным экзаменам, которые затем не состоялись (следовательно, все они автоматически стали выпускниками). Кроме того, в архиве СтГМУ хранится отдельный список из 48 студентов – выпускников 1942 года, не включенных в приказ № 205-А.

Отсутствие более достоверной информации о количестве выпущенных врачей Ворошиловским медицинским институтом в 1942 году объясняется тем, что при эвакуации вуза погибли списки студентов, окончивших институт в 1942 году и получивших дипломы, а также картотека на них, что подтверждается Актом обследования архива института после оккупации от 31.05.1944 [20, л. 6].

Характеризуя материально-техническую базу института, необходимо отметить, что к началу войны институт располагал тремя учебными корпусами, в которых располагались теоретические кафедры трех первых курсов и библиотека. Клинической базой служили соответствующие отделения городской больницы, родильный дом, краевая венерологическая больница, краевая туберкулезная больница и психиатрическая больница. В течение первого года войны институт получил дополнительный двухэтажный учебный корпус, а клиническая база существенно расширилась за счет эвакуогоспиталей, в которых располагалась клиника госпитальной терапии, хирургическая клиника и инфекционная больница. В это же время произошли некоторые изменения в коммунально-бытовой сфере. В частности, институт развернул общежитие на 25 мест, арендовал 330 углов для студентов, организовал питание студентов и сотрудников института в закрытой столовой Треста общественного питания [21, л. 37].

Таким образом, до начала оккупации Ворошиловский медицинский институт был практически полностью укомплектован преподавательским составом, имел в своем распоряжении обширную материально-техническую базу, был способен обеспечить учебный процесс и готов к выпуску довольно большого количества специалистов.

В связи с наступлением немецко-фашистских войск на южном фланге фронта летом

1942 года ряд медицинских вузов юга России и Северного Кавказа были эвакуированы из районов ведения боевых действий. В их числе были Кубанский, Ростовский, Сталинградский, Астраханский институты, которые продолжили свою деятельность в других городах СССР. Иначе сложилась судьба Ворошиловского медицинского института.

По решению местных властей Ворошиловский медицинский институт должен был эвакуироваться на станцию Аполлонскую Орджоникидзевского (с 1943 г. – Ставропольского) края. По воспоминаниям очевидцев, по плану для эвакуации вуза выделялось два железнодорожных состава. Семьям преподавателей выдавались соответствующие предписания. В частности, предписание на эвакуацию во втором эшелоне было выдано семье профессора А. Н. Полонского, однако воспользоваться им она не смогла [27, с. 196].

Попытка организованной эвакуации сотрудников института в условиях стремительно развивающегося наступления противника оказалась неудачной. Вся железнодорожная линия на Баку была переполнена эшелонами с оборудованием эвакуируемых предприятий и беженцами. Образовалась огромная пробка, которая одновременно препятствовала и подвозу войск и боеприпасов к линии фронта. Работая с предельным напряжением, железная дорога была не в состоянии пропустить все составы, и они стояли на запасных путях, дожидаясь своей очереди. Даже все самые маленькие полустанки были загромождены эшелонами с беженцами [37, с. 307].

Согласно архивным документам, железнодорожный состав для эвакуации преподавателей института был подан на вокзал 3 августа 1942 года. Однако вскоре после отправки он подвергся налету авиации врага и был остановлен под станцией Палагиада. Значительная часть сотрудников института после бомбардировки эшелона, побросав свои личные вещи, пешком вернулись в город, в который к тому времени уже входили немецкие войска. Некоторые все-таки смогли пробраться за линию фронта, значительной части это не удалось.

Трагедией закончилась попытка выйти своим ходом из города одной из групп сотрудников медицинского института. Эти люди попали в руки оккупантов в Пятигорске и Кисловодске и там были уничтожены. В их числе находились: В. В. Браиловский – профессор кафедры психиатрии с женой и сыном, Р. А. Булгач – доцент по курсу туберкулеза, И. А. Цымбалова – ассистент кафедры инфекционных болезней с ре-

бенком, Р. Р. Варшавская – ассистент кафедры глазных болезней с ребенком, Т. Г. Горовиц – лаборантка кафедры с сестрой, ребенком и отцом [19, л. 18].

Согласно докладной записке директора института П. В. Полосина, составленной в 1943 г., после окончания оккупации, из числа профессорско-преподавательского состава эвакуироваться смогли 25 человек: директор института П. В. Полосин, заместитель директора М. М. Тростанецкий, профессора М. Б. Голомб, И. С. Слуцкий, М. Т. Фридман, Б. Г. Векснер, И. С. Мильман, А. В. Заславский, И. Ф. Каплан, И. А. Бейлин, Я. А. Лазарис, Д. А. Цуверкалов, Ю. А. Петровский, С. С. Познанский, Б. М. Шкляр, И. Я. Штрум, доценты В. Л. Гербильский, М. П. Деревягин, Л. М. Кульберг, Ф. И. Трахтенберг, старшие преподаватели И. С. Файтельсон, И. С. Туркенич, ассистенты Н. Н. Савченко, Н. Г. Кондракова, А. А. Мирская [18, л. 11].

Из другого документа следует, что часть этих людей находилась в упомянутом выше поезде. В одной из справок об установлении ущерба институту указано, что все имущество потеряли в эшелоне следующие товарищи: профессора Цуверкалов, Каплан, Фридман, Векснер, Слуцкий, Шкляр, Шварцман, Падалка, Познанский, Штрум, Лазарис, доцент Кульберг и ассистенты ряда кафедр [19, л. 53]. Надо полагать, что эти лица, кроме профессора Я. С. Шварцмана, выходили из города пешком и им удалось пройти на неоккупированную территорию.

В момент захвата гитлеровцами Ворошиловска группа руководящих сотрудников института, согласно положению об эвакуации, покинула город на автомобильном транспорте. В задачи администрации в этот момент входила организация вывоза, а в случае невозможности – уничтожение текущей и архивной документации вуза.

Изучение биографических данных эвакуированных лиц позволило составить географию тех мест, где оказались представители Ворошиловского медицинского института в период оккупации. Так, профессор-эпидемиолог С. С. Познанский работал начальником городской противоэпидемической станции в Ташкенте, профессор М. Б. Голомб был заведующим кафедрой детских болезней в городе Кзыл-Орда в Крымском медицинском институте, а профессор Б. Г. Векснер в звании майора медицинской службы занимал должность старшего инспектора лечебного отделения МЭП № 60, расположенном в Ташкенте. Доцент М. П. Деревягин работал на кафедре патологической

физиологии Курского медицинского института, эвакуированного в Алма-Ату, доцент Л. М. Кульберг – на кафедре химии в Челябинске в Киевском медицинском институте. Значительная часть сотрудников обосновалась в Фергане, где они влились в состав 4-го Московского медицинского института. Среди них: директор института П. В. Полосин, заместитель директора М. М. Тростанецкий, профессор Я. А. Лазарис, доцент В. Л. Гербильский и некоторые другие.

Кроме того, по словам самого П. В. Полосина, часть сумевших эвакуироваться сотрудников института во время оккупации Ворошиловска работала в других институтах СССР и военных госпиталях [21, л. 37].

Следует отметить, что эвакуация учебно-вспомогательного персонала вуза, скорее всего, вообще не была организована. Так, лаборант кафедры микробиологии О. Н. Мушаилова с двумя сыновьями пыталась эвакуироваться из города на подводе. По воспоминаниям одного из сыновей, из района Невинномысска им пришлось вернуться в Ворошиловск, так как там уже были немцы [23, с. 75].

Что касается эвакуации студентов и выпускников института, то в сложившихся условиях она спланирована не была. Молодые люди принимали решение о выходе из города самостоятельно. Так, своим ходом покинули Ворошиловск студенты С. Я. Шварцман, И. Т. Виленский, выпускник института Х. Н. Хатламаджиев со своим товарищем [24, с. 87]. Единицы выпускников успели до оккупации города попасть в ряды РККА, будучи мобилизованными Ворошиловским городским военным комиссариатом. Они покинули город в составе воинских команд. Некоторые из них были призваны уже Моздокским РВК [36, с. 8–17]. Однако многие студенты и выпускники остались в оккупации. В первую очередь оставались в городе местные студенты. Среди них, например, были студенты 4 курса И. Я. Заболотный и С. А. Крылова, студентка 2 курса Н. М. Тер-Нерсисянц (в замужестве Бегларянц), выпускница С. С. Островская и другие.

Данных об эвакуации оборудования медицинского института в архивных документах обнаружить не удалось. Напротив, по косвенной информации, связанной с учетом убытков, понесенных вузом во время оккупации, можно сделать вывод, что основная часть оборудования на момент захвата города немцами продолжала находиться на территории института.

В одном из актов по установлению ущерба институту говорится, что 3 августа 1942 г. после длительной непрерывной бомбардировки

города с воздуха немцы заняли город. Территория медицинского института и его учебного корпуса, находящегося на ул. Кагановича под № 6–8 со всеми вспомогательными служебными помещениями, 3 августа 1942 года были заняты немецкими танковыми частями [19, л. 60]. Таким образом, в оккупированном Ворошиловске осталась значительная часть сотрудников и студентов, а также материальная база медицинского института.

Захватив город, немцы в первую очередь взяли на учет лиц, владеющих определенными специальностями, в том числе связанными с медициной. Так, уже 4 августа 1942 года, на следующий день после начала оккупации, комендант города издал приказ №1 о том, что в городскую управу для регистрации должны явиться: инженеры, техники, мастера, слесари, механики, врачи, фельдшеры, младший медицинский персонал, лица, владеющие немецким языком, все несущие какую-либо ответственность за сохранность государственного имущества [34, с. 2]. Затем немцы обязали всех граждан в возрасте от 18 до 55 лет, проживающих и находящихся в городе, явиться на биржу труда для регистрации [30, с. 2]. Имеющим работу предписывалось явиться на свои рабочие места, а тем, кто ее не имел, в зависимости от их специальности на бирже могла быть предложена работа. Одновременно немецкими властями был организован «учет» еврейского населения. Но делалось это не в интересах трудоустройства, а в карательных целях. 6 августа 1942 г. в газете «Русская правда» и на афишных тумбах появились объявления, а также были транслированы радиообращения следующего содержания: все без исключения евреи, прибывшие в Ворошиловск после 22 июня 1941 г., обязаны собраться 12 августа в 7 часов утра на Ярмарочной площади для дальнейшей отправки на поселение в свободные от населения места. Только 12 августа на площади недалеко от железнодорожного вокзала собралось более 3,5 тысяч «иногородних» евреев, которые вместо отправки на Украину вывозились в лес и расстреливались. Основная масса эвакуированных из других регионов страны евреев была уничтожена в районе Казенного леса. 14 августа гитлеровцы обязали явиться к зданию гестапо местных граждан еврейской национальности якобы для регистрации и получения нарукавных повязок. Более 600 человек следующим утром были вывезены в район аэродрома и Таманского леса и расстреляны [14, с. 64, 68].

Наиболее крупные карательные акции в городе прошли в августе и сентябре 1942 г.

Именно в этот период преимущественно пострадали и сотрудники медицинского института. Согласно Акту комиссии по учету убытков, причиненных немецко-фашистскими оккупантами Ворошиловскому медицинскому институту, в числе лиц, уничтоженных при «эвакуации» и «регистрации» еврейского населения, были следующие сотрудники вуза: профессор кафедры нормальной анатомии Р. И. Полонская с отцом и матерью, доцент кафедры биологии Л. Б. Каменко с дочерью, доцент кафедры госпитальной терапии Р. М. Майзелиш, ассистент кафедры общей химии Э. А. Блехман с отцом, ассистент кафедры оперативной хирургии С. И. Идашкина, ассистент кафедры факультетской терапии Э. М. Гаркави с мужем и сыном, ассистент кафедры нервных болезней М. И. Лидерман с женой, матерью и ребенком, сестра ассистента кафедры глазных болезней Ц. И. Линецкой, ординатор факультетской кафедры терапии Р. М. Гуревич с ребенком, старший лаборант кафедры гистологии П. Г. Каменко, лаборантка кафедры физики Л. И. Жукова с двумя детьми, препаратор кафедры биохимии Э. С. Якобсон. При тех же обстоятельствах погибли члены семей сотрудников института: мать жены профессора И. А. Бейлина; жена, сын, отец и мать ассистента В. М. Левина; жена профессора С. К. Соловьева; жена ассистента С. Г. Горовиц с ребенком и матерью; мать доцента В. Л. Гербильского; отец преподавателя И. С. Туркенич. Несколько человек, неявившихся на «регистрацию», скрывались в окрестностях города, но позже были схвачены гестапо и уничтожены: профессор кафедры глазных болезней Я. Г. Замковский, ассистент кафедры терапии М. М. Гойхман, доцент кафедры биохимии Я. И. Бляхер, ассистент кафедры гинекологии А. И. Равикович, председатель студенческого профкома института И. Я. Заболотный.

Группе научных работников института, взятых на учет в гестапо и уже обреченных, была дана отсрочка, и предложено под «дамокловым мечом» заниматься лечебной работой по специальности, а двум профессорам – Ф. М. Бриккеру и Я. С. Шварцману – даже научной работой. По всей видимости, немцев заинтересовали вопросы лечения онкологических заболеваний и изготовления миоля – лекарства для лечения болезней сердца. 19 сентября 1942 года вся эта группа научных работников была схвачена гестапо, одни – на службе, другие – дома. В их число вошли: профессор кафедры патологической физиологии Ф. М. Бриккер с женой и дочерью, профессор кафедры факультетской терапии Я. С. Шварцман с

женой, профессор кафедры микробиологии Г. С. Барг с женой и дочерью, профессор по курсу рентгенологии Н. М. Безчинская, профессор кафедры госпитальной хирургии А. Б. Френкель с женой, доцент кафедры факультетской хирургии И. М. Фишельсон с женой и дочерью, доцент кафедры психиатрии Т. М. Виленский, доцент кафедры кожно-венерических болезней И. А. Люблинский с матерью, ассистент кафедры госпитальной терапии Х. А. Люблинская. Все указанные лица были уничтожены гестапо 20 сентября 1942 г. путем удушения ядовитым газом по дороге в лес, где закапывались трупы. Дольше всех в застенках гестапо находился профессор Ф. М. Бриккер. Он был удушен газом в промежутке между 25 и 28 ноября 1942 г. [19, л. 17–20].

Сведения о количестве погибших сотрудников и студентов института, содержащиеся в различных документах, разнятся между собой. Так, например, в Справке о состоянии и работе Ставропольского медицинского института за время Отечественной войны за подписью директора института П. В. Полосина, подготовленной в сентябре 1944 г., указано, что «в результате временной оккупации институт потерял 26 человек профессорско-преподавательского персонала и 38 человек их семейств», кроме того, «один профессор (Д. Ф. Окунев) умер в оккупации, в эвакуации умер один профессор (М. Т. Фридман)» [21, л. 37]. В составленном 12 июля 1943 г. Акте комиссии по учету убытков, причиненных немецко-фашистскими оккупантами Ставропольскому медицинскому институту, говорится, что за период оккупации «замучены 33 человека сотрудников и 39 человек членов их семейств, всего 72 человека» [19, л. 17–20]. В других архивных документах в числе погибших указываются 68 работников института и членов их семей, из них: профессоров – 8, доцентов 7, ассистентов – 18, других сотрудников – 3, членов семей – 25 [17, л. 6].

Разброс информации, представленной в различных периоды, объясняется уточнением некоторых данных с течением времени, а также разными подходами к подсчету. Так, в некоторых документах среди погибших была указана проживавшая с сестрой и дочерью ассистент кафедры глазных болезней Ц. И. Линецкая, в то время как оккупантами была уничтожена ее сестра. Кроме того, в некоторых подсчетах не учитывались погибшие студенты вуза.

Рассматривая вопрос о функционировании вуза в период оккупации, необходимо отметить, что попытки возобновить учебный процесс предпринимались оккупационными

властями дважды. Впервые о скором возобновлении учебного процесса немцы заявили практически сразу после захвата города. Уже 11 августа 1942 г. в газете «Русская правда» была размещена следующая информация: «Городское Управление разрешило вопрос о финансировании Ставропольского медицинского института. Учебный год в нем предполагается начать с 1 сентября. Сейчас работники института приводят в порядок оборудование и имущество кафедр и клиник» [15, с. 2].

Для руководства вузом в августе 1942 г. оккупационная власть назначила исполняющим обязанности директора медицинского института профессора А. Н. Полонского, ранее заведовавшего кафедрой общей химии. Под его руководством в вузе работала канцелярия, что подтверждается рядом документов, хранящихся в архиве Ставропольского государственного медицинского университета. В качестве примера приведем цитаты из заявления ординатора клиники инфекционных болезней К. А. Огородниковой: «Директору медицинского института. Прошу освободить меня от занимаемой должности с первого сентября с.г. в связи с моим переходом на другую работу. Ставрополь. 29.VIII.1942». На заявление наложена резолюция руководителя: «В приказ. А. Н. Полонский. 29.VIII.1942» [8, л. 14].

Тем не менее, учебный процесс с 1 сентября 1942 г. возобновлен не был. Вероятно, основной причиной этого явились карательные акции в отношении еврейского населения, в результате проведения которых кадровый потенциал института был заметно подорван. Согласно архивным данным в Ворошиловске в период оккупации оставались всего лишь 7 заведующих кафедрами медицинского института, 3 доцента и старших преподавателя, 40 преподавателей и ассистентов [21, л. 42]. Этого количества преподавателей оказалось явно недостаточно для проведения в короткий срок всех необходимых для восстановления учебного процесса мероприятий. В результате подготовительный период вместо нескольких недель занял несколько месяцев.

Говоря о мотивации немцев при решении вопроса об открытии медицинского института, необходимо отметить следующее. Руководствуясь принципом практической необходимости, немцы прекрасно понимали, что без нормального функционирования органов здравоохранения повседневная жизнь, как их собственная, так и местного населения будет просто невозможной. Кроме того, уже в ближайшем будущем гитлеровцы намеревались

сделать на Северном Кавказе зону отдыха и туризма для немецкого населения. В этой связи оккупационные власти не могли не озаботиться подготовкой медицинских кадров [26, с. 336–337]. Косвенным подтверждением того, что немцы вскоре рассчитывали открыть Ворошиловский медицинский институт, является их отказ от открытия в Пятигорске на базе эвакуированных сюда ранее Днепропетровского фармацевтического и Ленинградского медицинского институтов единого вуза медицинской направленности. А занятия со студентами, которые начали проводиться в период оккупации в Кисловодске на базе эвакуированного туда 1-го Ленинградского медицинского института, были в большей степени инициативой самих преподавателей во главе с профессором В. А. Шааком [22, с. 76].

О второй попытке открытия института, а также объеме подготовительных работ становится известно из размещенной 11 декабря 1942 года в газете «Утро Кавказа» информации: «В начале будущего года, по распоряжению Германского Командования возобновляет свою работу Ставропольский медицинский институт. В институте приведены в порядок библиотека, анатомический музей и ряд научных кабинетов. Производится учет оставшихся студентов на первый курс» [33, с. 4].

Вскоре в нескольких номерах той же газеты были помещены объявления: «Медицинский институт в г. Ставрополе с начала 1943 г. возобновляет занятия. Бывшие студенты всех курсов, желающие продолжать свое медицинское образование, приглашены к явке в институт для регистрации. Желающие поступить на 1-й курс, приглашаются к подаче соответствующих прошений с представлением документов о законченном среднем образовании. Лица, желающие работать в Мединституте как из числа бывших сотрудников, так и не служившие в нем, приглашаются к подаче заявлений с приложением соответствующих документов. Прием прошений и заявлений ежедневно в канцелярии Мединститута (Гимназическая, 8) от 10 до 12 часов. Подробные условия о приеме студентов будут объявлены дополнительно. И.о. директора, профессор Полонский» [31, с. 4].

В архиве Ставропольского государственного медицинского университета сохранился ряд заявлений этого периода от преподавателей, вспомогательного персонала и студентов института о приеме на работу или учебу: заявление Р. А. Поморцевой от 14.12.1942 г. о приеме на службу преподавателем английского языка [2, л. 1], заявление Т.Г. Волковой от 15.12.1942 г.

о приеме на работу в качестве лаборанта [6, л. 8], заявление О. Е. Гаглазовой от 15.12.1942 г. о приеме на работу на должность лаборанта или библиотекаря [3, л. 7], заявление А. И. Суровикиной от 02.01.1943 о приеме на работу в качестве технички [4, л. 1], заявление З. С. Леперт от 15.12.1942 с просьбой зачислить ее в число студентов для продолжения образования [13, л. 6].

Ввиду того, что профессор А. Н. Полонский погиб в период оккупации, при этом точная дата его гибели не известна, стоит обратить внимание на то, что ряд заявлений написан на имя и.о. директора института, в которых имя руководителя не указано. Судя по всему, это связано с неопределенностью, возникшей после ареста немцами Алексея Николаевича. Пытаясь спасти ассистента своей кафедры И. И. Эрлих и ее мать от уничтожения как лиц еврейской национальности, А. Н. Полонский перешел жить в их семью в качестве фиктивного мужа, но через некоторое время этот обман немцами был раскрыт, все трое арестованы и расстреляны, судя по всему, во второй половине декабря 1942 г. Информация о смерти профессора А. Н. Полонского стала известна семье уже после освобождения города. 31 марта 1943 г. родственникам профессора в связи с его гибелью была выдана справка за подписью директора института П. В. Полосина: «Настоящим Мединститут подтверждает, что, по имеющимся в Мединституте сведениям, исполнявший обязанности Директора Мединститута во время немецкой оккупации с 3-го августа 1942 г. по 21 января 1943 г. профессор Полонский Алексей Николаевич погиб от фашистских зверств» [36, с. 189].

Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что в двух заявлениях указывается 1 сентября 1942 г. как некая промежуточная дата в трудовой карьере сотрудников, а, соответственно, и в жизни института. Так, в своем заявлении Р. А. Поморцева указывает, что она служила в институте старшим преподавателем английского языка с момента основания до 1 сентября 1942 г., а О. Е. Гаглазова пишет, что работала в институте в качестве библиотекаря с 4 октября 1941 г. до 1 сентября 1942 г.. Можно предположить, что немцы, не сумев обеспечить с 01.09.1942 г. возобновление учебного процесса, официальным образом приостанавливали работу подразделений вуза, непосредственно связанных с обеспечением учебного процесса.

Несмотря на объявленное новыми властями начало работы вуза, занятия и в январе 1943 г.

возобновлены не были. Наиболее вероятным представляется то, что на планы оккупантов повлияло начавшееся 1 января 1943 г. наступление войск Южного фронта на Ростовском и Сальском направлениях. В дневниках немецкого офицера и писателя Э. Юнгера, находившегося в конце 1942 – начале 1943 гг. на Кавказе, говорится, что уже 6 января 1943 г. по пути из Теберды в Ворошиловск дорога была загружена потоками отступающих колонн. 7 января в штабе немецких войск в Ворошиловске царило подавленное настроение, чувствовалась неизбежность разгрома. 8 января распространились слухи, что сообщение с Ростовом прервано [40, с. 281–285]. В результате наступления Красной Армии 21 января 1943 г. войсками 44-й армии при поддержке партизанских соединений город был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В связи с переименованием Ворошиловска в Ставрополь с января 1943 г. институт стал официально именоваться Ставропольским государственным медицинским институтом. В довольно короткий срок, 8 февраля 1943 г., в вузе начались занятия.

Признавая тот факт, что учебный процесс в вузе в период оккупации так и не был налажен, следует подчеркнуть, что по ряду направлений институт продолжал функционировать. Восстановление полной картины работы вуза во время оккупации затруднено по причине отсутствия соответствующей документации – в частности, штатных расписаний – как на момент начала оккупации, так и на момент освобождения города войсками Красной Армии. Однако сведения о работе отдельных структур вуза во время оккупации сохранились.

Помимо канцелярии под руководством А. Н. Полонского работала инвентаризационная комиссия, в задачи которой входил учет материальных активов вуза. В данном случае немцы преследовали две цели. Во-первых, отбор наиболее ценного оборудования, литературы, научной документации для вывоза в Германию. Такая возможность у немцев появилась уже 15 августа 1942 г., когда из Германии к Ворошиловску стали прибывать немецкие эшелоны по отремонтированной железнодорожной дороге [14, с. 73]. Во-вторых, инвентаризация была необходима и для организации будущего учебного процесса.

Кроме того, на базе вуза была создана медико-аналитическая лаборатория, являвшаяся одним из органов санитарного надзора города, функционировавших с первых дней оккупации. Учитывая имеющийся к этому времени опыт управления захваченными территориями, не-

мецкое командование пыталось использовать медицинские кадры для создания надежной преграды на пути распространения эпидемий. Медики должны были следить за санитарным состоянием города и проводить, в случае острой необходимости, вакцинацию его жителей [26, с. 336–337]. Формально в структуре новой власти за проведение противоэпидемических мероприятий, медосмотр определенных категорий граждан, санитарный надзор за объектами, анализ состояния воды в водопроводе и ряда продуктов на рынках и в магазинах отвечал санитарно-эпидемический отдел. Отдел регулярно составлял отчеты о санитарном состоянии города и о проделанной работе [32, с. 213–220]. По всей видимости, отдел планировал использовать в своей работе результаты мониторинга, проведенного медико-аналитической лабораторией, которую возглавлял специалист в области химии профессор А. Н. Полонский.

Информация об открытии лаборатории, размещенная 2 октября 1942 г. в газете «Ставропольское слово», не только раскрывает некоторые подробности ее работы, но и отражает неопределенность судьбы медицинского института в данный период времени: «Группа ученых – бывших работников медицинского института – открыла в главном здании института медико-аналитическую санитарно-гигиеническую и производственную лабораторию. Она будет обслуживать предприятия, лечебные учреждения, а также врачей и граждан путем проведения медицинских, санитарно-гигиенических и химических анализов. Из санитарно-гигиенических и технологических исследований лаборатория будет производить исследования воды, пищевых продуктов, напитков, топлива, исследование минерального сырья, железа, стали, чугуна, руды, горных пород, посуды, красок, удобрений и т. д. Намечается также в текущем году выпустить витаминные экстракты и лекарства» [28, с. 4]. Примечательно, что месяцем ранее, 4 сентября 1942 г., в той же газете была напечатана заметка о намерении открыть на базе вуза новую поликлинику: «Группа профессорско-преподавательского состава медицинского института наметила открыть на базе института поликлинику. Она будет иметь отделения неотложной помощи, помощи на дому, хирургическое, терапевтическое, акушерско-гинекологическое и глазное» [29, с. 4]. Кроме того, в этот период прозвучало предложение, наиболее ярко характеризующее ситуацию неопределенности вокруг медицинского института. От имени главного редактора газеты «Ставропольское

слово» Б. Ширяева прозвучала настойчивая рекомендация о соединении трех существующих институтов в «единое учебное заведение университетского типа». При этом, по словам автора, «медицинский институт был бы представлен в нем медицинским факультетом» [38, с. 3].

Сотрудниками инвентаризационной комиссии, а также медико-аналитической лаборатории, которым были положены хлебные карточки по 4-й категории, по состоянию на ноябрь 1942 года помимо А. Н. Полонского были: М. И. Захаров (старший инвентаризатор), Е. М. Скублевский (старший инвентаризатор), М. В. Донич (зам. директора), А. Т. Петряева (профессор), Г. Е. Батрак (инвентаризатор), И. Н. Сухотеплый (инвентаризатор), Т. А. Лобова (доцент лаборатории), А. Ф. Платонова-Петровская (доцент лаборатории), А. Т. Салата (доцент лаборатории). После гибели профессора Полонского лабораторию возглавил профессор М. В. Донич [23, с. 72].

Помимо этого следует отметить наличие в вузе службы, отвечающей за пропускной режим и охрану зданий, что подтверждается рядом документов, хранящихся в архиве университета. Так, в написанной через несколько месяцев после освобождения города автобиографии Н. Г. Соколова, работавшего комендантом зданий института по адресу пер. Зоотехнический, 15, указано: «В Мединститут поступил 15/X-1941 и работал непрерывно до сего времени. 6/IV-1943. Соколов» [5, л. 8]. В заявлении ассистента кафедры патологической физиологии В. Н. Жмаева от 02.02.1943 г. говорится, что накануне освобождения города, в ночь на 20.01.1943 и 21.01.1943, он нес дежурство по институту. Показательно, что функционирование вуза во время оккупации он называет «консервацией института» [1, л. 21–22].

О работе клинической базы института во время оккупации следует сказать отдельно. По воспоминаниям очевидцев, во время бомбардировок, еще до захвата Ворошиловска немцами приемный покой городской больницы был переполнен ранеными, привозимыми из разных его районов [14, с. 39]. Больница функционировала весь период оккупации, оставшиеся в городе сотрудники клинических кафедр института продолжали свою работу. Так, из-за невозможности эвакуироваться находился в городе в период оккупации и продолжал заведовать хирургическим отделением горбольницы заведующий кафедрой общей хирургии института профессор П. М. Ковалевский [9, л. 59]. Заведовал терапевтическим отделением горбольницы ассистент терапевтической кли-

ники медицинского института Е. Ф. Симфоров [7, л. 6]. В архивной справке от 09.04.1943 г., уточняющей списки выбывших по различным причинам в период оккупации сотрудников и студентов института, содержится информация, подтверждающая работу операционного отделения городской больницы (заведующий – профессор В. В. Лауэр), инфекционного отделения больницы (заведующий – профессор Б. Я. Падалка), родильного отделения больницы (кафедра акушерства и гинекологии) и ряда других клинических кафедр института [12, л. 3–5]. В ортопедическом отделении детского интерната продолжал работать будущий заведующий кафедрой ортопедии и травматологии профессор М. С. Макаров [10, л. 18].

Таким образом, все «благие» намерения немецких властей об открытии медицинского института с отступлением оккупантов остались нереализованными. Более того, уходя из Ворошиловска, немцы причинили всему городу, в том числе и медицинскому институту, колоссальные убытки.

После освобождения города для выяснения и учета убытков, нанесенных Ставропольскому медицинскому институту и его сотрудникам в период оккупации, была организована специальная комиссия под председательством профессора А. Т. Петряевой, составившая соответствующие акты об убытках в денежном выражении [11, л. 45]. Кроме того, ввиду важности проблемы лечения онкологических заболеваний и ценности разрабатываемого в лаборатории института препарата из авторитетных ученых была создана комиссия для выявления научного наследства, оставшегося после смерти профессора Ф. М. Бриккера [11, л. 86, 114].

Общий ущерб, нанесенный немецко-фашистскими захватчиками Ставропольскому медицинскому институту, составил 3 401 100 руб. Стоимость уничтоженного хозяйственного инвентаря и оборудования составила 1 890 025 руб., учебного оборудования и аппаратуры – 279 300 руб., стоимость похищенного личного имущества научных работников – 1 231 680 руб. [23, с. 78]. В составленной уже после эвакуации Днепропетровского медицинского института справке о состоянии и работе Ставропольского медицинского института за время войны за подписью П. В. Полосина внесены некоторые уточнения и дополнения к информации, содержащейся в актах комиссии. В частности отмечалось, что общие материальные потери института за вычетом потерь Днепропетровского вуза, составили 1 143 550 руб. [21, л. 37–38]. В документах отмечался

ущерб, нанесенный клинической базе института. Так, полному разрушению подверглось здание городского родильного дома, где размещались клиники акушерства и гинекологии, нервных болезней и факультетской терапии. Частично было расхищено специальное имущество хирургических и терапевтических клиник, располагавшихся в городской больнице, отмечалась пропажа бумаги, наглядных пособий, учебников и учебных пособий.

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно функционирования Ворошиловского медицинского института во время оккупации города немецко-фашистскими захватчиками.

К моменту оккупации вуз, имея в своем распоряжении обширную материально-техническую базу, был полностью укомплектован необходимыми кадрами и готов к выпуску довольно большого количества специалистов.

Прерванный учебный процесс в Ворошиловском медицинском институте в период оккупации города восстановлен не был. Одной из причин, по которой институт не смог возоб-

новить свою работу, стало уничтожение значительной части профессорско-преподавательского состава.

Тем не менее, в вузе в период оккупации на базе института была создана медико-аналитическая лаборатория, обеспечивавшая проведение медицинских, санитарно-гигиенических и химических анализов. Функционировала инвентаризационная комиссия, проводившая учет имущества. Продолжали вести лечебную работу на клинических базах института отдельные его сотрудники.

Начавшееся в первых числах января 1943 года наступление советских войск окончательно поставило точку в вопросе открытия вуза немецкими властями. Ставропольский медицинский институт открыл свои двери для сотен студентов после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков в феврале 1943 года. При этом он стал первым медицинским вузом на Северном Кавказе, возобновившим свою деятельность после оккупации и принявшим в своих стенах студентов и преподавателей из многих регионов нашей страны.

Источники и литература

1. Архив Ставропольского государственного медицинского университета (далее – СтГМУ). Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 67.
2. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 74.
3. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 92.
4. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 123.
5. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 125.
6. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 134.
7. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 516.
8. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 980.
9. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 1680.
10. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 3553.
11. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 1.
12. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 350.
13. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 500.
14. Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. 151 с.
15. Городская жизнь // Русская правда. 1942. 11 августа.
16. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 26.
17. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 243.
18. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 6.
19. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 858.
20. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 862.
21. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13.
22. Карташев А. В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С. 73–80.
23. Карташев А. В., Пахомов В. Н. Ставропольский медицинский институт в годы войны // На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМА, 2010. 194 с.
24. Ключникова Л. Г. Академия в воспоминаниях первого выпускника // На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМА, 2010. 194 с.
25. Кононенко В. М. Вузы Юга России в годы Великой Отечественной войны // Учебные материалы по истории URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5295 (Дата обращения: 05.02.2018).
26. Линец С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: Состояние и особенности развития, июль 1942 – октябрь 1943 гг. М.: РГБ, 2003. 657 с.
27. Мир Кавказу: общая Память – общая Судьба // Материалы Ставропольской городской научно-практической конференции. Ставрополь: СтГМА, 2011. 283 с.

28. Новая лаборатория // Ставропольское слово. 1942. 2 октября.
29. Новая поликлиника // Ставропольское слово. 1942. 4 сентября.
30. Объявления // Русская правда. 1942. 16 августа.
31. Объявление // Утро Кавказа. 1942. 16 декабря; 18 декабря.
32. Ованесов Б. Т., Судацов Н. Д. Здравоохранение Ставрополя (1918–2005 гг.). Ставрополь: Стройиздат-Грант-строй, 2007. 544 с.
33. Открытие медицинского института // Утро Кавказа. 1942. 11 декабря.
34. Приказы и распоряжения // Русская правда. 1942. 7 августа.
35. Склярова Е. К., Гутиева М. А., Карташев А. В., Камалова О. Н. Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов н /Д: СКНЦ ВШ ЮФУ АПСН, 2016. 122 с.
36. Ставропольский медицинский: дорогами войны: биографический справочник / сост.: А. В. Карташев, А. К. Курьянов, С. М. Дугинев, Р. С. Слевак, К. В. Теплякова, О. А. Гейко. Ставрополь: СтГМУ, 2015. 232 с.
37. Тюленев И. В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2007. 399 с.
38. Университет или 3 института? // Ставропольское слово. 1942. 23 августа.
39. Шамилева М. Д., Линец С. И. Состояние органов здравоохранения Ставропольского края в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.) // Университетские чтения. Часть 11. Пятигорск: ПГУ, 2014. С.148–152.
40. Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / пер. с нем. Н. О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. 784 с.

References

1. Archive of the Stavropol State Medical University (StGMU). F. R-2431. Inv. 2a. D. 67. (In Russian).
2. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 74. (In Russian).
3. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 92. (In Russian).
4. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 123. (In Russian).
5. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 125. (In Russian).
6. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 134. (In Russian).
7. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 516. (In Russian).
8. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 980. (In Russian).
9. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 1680. (In Russian).
10. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 2a. D. 3553. (In Russian).
11. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 3. D. 1. (In Russian).
12. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 3. D. 350. (In Russian).
13. Arkhiv StGMU. F. R-2431. Inv. 3. D. 500. (In Russian).
14. Belikov G. A. Okkupatsiya (*Occupation*). Stavropol': Fond dukhovnogo prosveshcheniya, 1998. 151 p. (In Russian).
15. Gorodskaya zhizn' (*City life*) // Russkaya pravda. 1942. August 11. (In Russian).
16. State archive of Stavropol territory (GASK). F. R-2431. Inv. 1. D. 26. (In Russian).
17. GASK. F. R-2431. Inv. 1. D. 243. (In Russian).
18. GASK. F. R-2431. Inv. 3. D. 6. (In Russian).
19. GASK. F. R-2431. Inv. 3. D. 858. (In Russian).
20. GASK. F. R-2431. Inv. 3. D. 862. (In Russian).
21. GASK. F. R-2431. Inv. 4. D. 13. (In Russian).
22. Kartashev A. V. Rabota vysshikh uchebnykh zavedenii na Stavropol'e v period Velikoi Otechestvennoi voyny (*The Work Of Higher Education Institutions In The Stavropol Region During The Great Patriotic War*) // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2016. No. 2. P. 73–80. (In Russian).
23. Kartashev A. V., Pakhomov V. N. Stavropol'skii meditsinskii institut v gody voyny (*Stavropol Medical Institute During The War*) // Na rubezhakh Kavkaza: sbornik dokladov, vystuplenii, nauchnykh statei po materialam nauchno-prakticheskikh konferentsii StGMA, posvyashchennykh 65-i godovshchine Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine. Stavropol': StSMA publ., 2010. 194 p. (In Russian).
24. Klyuchnikova L. G. Akademiya v vospominaniyakh pervogo vypusknika (*Academy In Memories Of The First Graduate*) // Na rubezhakh Kavkaza: sbornik dokladov, vystuplenii, nauchnykh statei po materialam nauchno-prakticheskikh konferentsii StGMA, posvyashchennykh 65-i godovshchine Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine. Stavropol': StSMA publ., 2010. 194 p. (In Russian).
25. Kononenko V. M. Vuzы Yuga Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (*The Universities Of South Russia During The Great Patriotic War*) // Uchebnye materialy po istorii URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=5295 (Accessed: 05.02.2018). (In Russian).
26. Linets S. I. Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: Sostoyanie i osobennosti razvitiya, iyul' 1942 – oktyabr' 1943 gg. (*The North Caucasus Before And During The Nazi Occupation: The Status And Features Of Development, July 1942 – October 1943*). Moscow: Russian State Library publ., 2003. 657 p. (In Russian).
27. Mir Kavkazu: obshchaya Pamyat' – obshchaya Sud'ba (*Peace To The Caucasus: Common Memory – Common Destiny*) // Materialy Stavropol'skoi gorodskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Stavropol': StSMA publ., 2011. 283 p. (In Russian).
28. Novaya laboratoriya (*New Laboratory*) // Stavropol'skoe slovo. 1942. October 2. (In Russian).
29. Novaya poliklinika (*New Polyclinic*) // Stavropol'skoe slovo. 1942. September 4. (In Russian).
30. Ob'yavleniya (*Announcement*) // Russkaya pravda. 1942. August 16. (In Russian).

31. Ob»yavlenie (*Announcement*) // Utro Kavkaza. 1942. December 16, December 18. (In Russian).
32. Ovanesov B. T., Sudavtsov N. D. Zdravookhranenie Stavropol'ya (1918–2005 gg.) (*Health Care Of The Stavropol Region (1918–2005)*). Stavropol': Stroiizdat-Grantstroi, 2007. 544 p. (In Russian).
33. Otkrytie meditsinskogo instituta (*The Opening Of The Medical Institute*) // Utro Kavkaza. 1942. December 11. (In Russian).
34. Prikazy i rasporyazheniya (*Orders*) // Russkaya pravda. 1942. August 7. (In Russian).
35. Sklyarova E. K., Gutieva M. A., Kartashev A. V., Kamalova O. N. Vuzy Severnogo Kavkaza v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (*The Universities Of The North Caucasus During The Great Patriotic War*). Rostov on Don: SFU publ., 2016. 122 p. (In Russian).
36. Stavropol'skii meditsinskii: dorogami voyny: biograficheskii spravochnik (*Stavropol Medical Institute: Roads Of War: A Biographical Dictionary*) / sost.: A. V. Kartashev, A. K. Kur'yanov, S. M. Duginets, R. S. Spevak, K. V. Teplyakova, O. A. Geiko. Stavropol': StSMU publ., 2015. 232 p. (In Russian).
37. Tyulenev I. V. Cherez tri voyny. Vospominaniya komanduyushchego Yuzhnym i Zakavkazskim frontami. 1941–1945 (*Through Three Wars. Memories of the Commander of the Southern and Transcaucasian Fronts. 1941–1945*). Moscow: Tsentrpoligraf, 2007. 399 p. (In Russian).
38. Universitet ili 3 instituta? (*One University Or 3 Institutes?*) // Stavropol'skoe slovo. 1942. August 23. (In Russian).
39. Shamileva M. D., Linets S. I. Sostoyanie organov zdravookhraneniya Stavropol'skogo kraia v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii (avgust 1942 g. – yanvar' 1943 g.) (*The State Health Authorities Of The Stavropol Territory during Nazi Occupation (August 1942 – January 1943)*) // Universitetskie chteniya. Part 11. Pyatigorsk: PSLU, 2014. P. 148–152. (In Russian).
40. Yunger E. Izlucheniya (fevral' 1941 – aprel' 1945) (*Strahlungen*) / translated by N. O. Guchinskoi, V. G. Notkinoi. St.Petersburg: Vladimir Dal', 2002. 784 s. (In Russian).

УДК 94 (438).081

И. К. Ким

**БОРЬБА ЛАГЕРЯ САНАЦИИ ЗА ПРИНЯТИЕ
АПРЕЛЬСКОЙ КОНСТИТУЦИИ 1935 г. В ПОЛЬШЕ**

В данной статье рассматривается важная проблема польской истории межвоенного периода не нашедшая пока специального и должного отражения в отечественной историографии, в исследованиях, посвящённых сфере внутривнутриполитических отношений: трансформации в первой половине 1930-х годов конституционных основ государственного устройства Второй республики в Польше (1918–1939 гг.). Представляются обстоятельства, в условиях которых происходил процесс разработки новой конституции, концептуальные основы государственного строительства правящего в Польше санационного лагеря, роль Ю. Пилсудского в этом процессе. Выделяются этапы разработки этим лагерем как инициатором данного процесса конституции, представляются дискуссии по отдельным конституционным положениям внутри лагеря и окончательное утверждение согласованного проекта. Рассматривается ход политического противоборства между санационным лагерем и оппозицией, негативно воспринявшей стремление правящего лагеря пересмотреть конституцию в соответствии со своими взглядами. Обращается

внимание на различие в подходах ведущих партий польской оппозиции на трансформацию конституционных основ: авторитарные устремления правонационалистического Стронництво народowego, не без участия санации вступали в противоречие со стремлениями центристских и левых партий демократического крыла польской оппозиции сохранить основы парламентско-демократического строя. К последним относились Польское стронництво христианской демократии, Национальная рабочая партия, крестьянское Стронництво людowe и Польская социалистическая партия. Показывается, каким образом санации, вопреки противодействию оппозиции, удалось добиться принятия конституции. Дается характеристика конституции как авторитарной, что предопределило последующую политическую эволюцию государственного строя и политических отношений в последние годы существования межвоенной Польши.

Ключевые слова: история Польши, режим санации, лагерь санации, конституции Польши, Апрельская конституция 1935 г. в Польше.

I. K. Kim

**STRUGGLE OF SANACJA CAMP FOR ACCEPTANCE
OF THE 1935 APRIL CONSTITUTION IN POLAND**

This article deals with an important problem of the Polish history during the interwar period, which has not yet found a special and proper reflection in domestic historiography. It studies the sphere of internal political relations: transformation of the constitutional foundations of the state structure in the Second Republic in Poland in the first half of the 1930s (1918–1939). The article highlights the circumstances accompanying the process of developing a new constitution, the conceptual basis for the state construction of the sanacja camp in Poland, the role of J. Piłsudski in the process under consideration. The camp is viewed as the initiator of the process. The stages of constitution development are singled out, discussions on individual constitutional provisions within the camp are presented and the final approval of the agreed draft is made. The study follows the course of political confrontation

between the sanacja camp and the opposition, which negatively perceived the desire of the ruling camp to review the constitution in accordance with their views. Attention is drawn to the difference in the approaches of the leading parties of the Polish opposition to the transformation of the constitutional foundations: the authoritarian aspirations of the nationalist Stronnictwo Narodowe, not without participation of sanacja, contradicted the aspirations of the centrist and leftist parties of the democratic wing of the Polish opposition to preserve the foundations of the parliamentary-democratic system. The latter included the Polish Stronnictwo of Christian Democracy, the National Workers' Party, the peasant Stronnictwo Ludowe, and the Polish Socialist Party. It shows how sanacja, in spite of opposing the opposition, managed to achieve the adoption of the constitution. The characteristic of the

constitution is described as authoritarian, which predetermined the subsequent political evolution of the state system and political relations in the final years of the interwar Poland.

Пришедший к власти после майского переворота 1926 г. в Польше лагерь санации во главе с Ю. Пилсудским для закрепления у власти стремился изменить парламентско-демократический строй, основанный на Мартовской конституции 1921 г. «Августовская новелла» 1926 г., принятая по инициативе санации, расширив полномочия президента, лишь частично удовлетворила её. После выборов 1928 г., принесших относительное большинство в Сейме санационному Беспартийному блоку сотрудничества с правительством (ББВР) им были предприняты попытки изменения конституции. Этому противостояли оппозиционные партии: правонационалистическое Стронництво народове (СН), центристские Польское стронництво христианской демократии (ПСХД), Национальная рабочая партия (НПР) и людовский (крестьянский) «Пяст», левые людовские «Вызволене» и Стронництво хлопске (СХ), Польская социалистическая партия (ППС). Обострение борьбы санации с оппозицией в Сейме в 1929 – первой половине 1930 г. не позволило решить вопрос об изменении конституции [см. подробнее: 1], так как ни одна из сторон не имела преимуществ: в исполнительной власти доминировала санация, а в Сейме численный перевес был у оппозиционных партий.

В конце лета 1930 г. Пилсудский инициировал досрочный роспуск парламента. Предвыборная кампания сопровождалась репрессиями против оппозиции, включая заключение в тюрьму в Бресте почти двух десятков её лидеров [о кампании оппозиции и репрессиях против неё см.: 2–5]. В результате «брестских» выборов в ноябре ББВР получил абсолютное, но не квалифицированное, позволявшее изменять конституцию, большинство в Сейме. Относительного успеха добилось СН, а левые и центристские партии значительно уменьшили своё представительство там. В Сенате санация получила квалифицированное большинство. Маршалами (председателями) Сейма и Сената стали представители санации К. Свистальский и В. Рачкевич соответственно.

После выборов на совещании 18 ноября у президента Мосьцицкого лидеры санации Свистальского, Славека и Бека Пилсудский кратко высказался по проблеме конституции. Свистальский пересказывал: «...совет Коменданта был

Key words: history of Poland, sanacja regime, sanacja camp, Polish constitution, the 1935 April Constitution in Poland.

следующим: внести прежний проект ББВР], причём не упираться при формулировании каждого параграфа». Пилсудский предложил «сделать президента регулятором центральной жизни, т. е. в отношении к правительству и Сейму», он «должен разрешать возможные конфликты, и в это время Сейм каким-то образом должен бы подчиняться Президенту», но «не следует сбрасывать на президента ответственность за управление» [16, s. 528].

В интервью «Газете польской» 26 ноября и 13 декабря Пилсудский развил эти идеи. Главной для новоизбранного парламента он назвал задачу изменить конституцию, чтобы «три главных фактора в государстве – Пан Президент Республики, правительство и сейм – не будут ссориться между собой», и конституция должна представлять собой «только что-то вроде соглашения между тремя пружинами,двигающих государственный центр». Он потребовал отменить «бессмысленный судебный иммунитет для панов депутатов» и ограничить законодательные функции Сейма. Интервьюируемый предложил не делать президента главой правительства, поскольку его, «самого высшего из всех граждан государства, обременять делами техники управления, оставляя ему свободу в другой сфере государственного управления». Его роль должна быть сведена «к необходимости регулирования всей центральной машины государства», он должен заботиться «о равновесии и гармонии, несмотря на всяческие трения и даже борьбу». Конституция «не может не дать Президенту непосредственных прав в отношении каждого из министров, так же как в отношении сейма и сената». Пилсудский выступил за всеобщие выборы президента, что сделает его независимым от сейма и сената [13, s. 258–260, 264–267].

С рубежа 1931/1932 гг. начинается первый этап деятельности санационного лагеря по пересмотру конституции – подготовка её проекта, продолжавшийся до середины 1933 г. До конца марта 1931 г. руководство правящего лагеря вынуждено было это делать без Пилсудского из-за его пребывания на отдыхе на Мадейре. 26 января 1931 г. членам парламентского клуба ББВР был представлен проект конституции, который был внесён на рассмотрение Сейма. При внесении проекта говорилось, что «предметом рас-

смотрения и постановлений Сейма может быть целостность проблем, связанных с устройством Государства», поскольку «возникает потребность усиления власти Президента Республики, чтобы обеспечить Государству прочную и сильную исполнительную власть... свободную от переменчивого влияния партийных группировок» [18, 1931. № 9/160, s. 104–118].

На совещании ведущих деятелей санационного лагеря 26 февраля был расписан ход обсуждения проекта в Сейме. Запись Свитальского гласит: «Первым будет говорить Енджеевич, отмечая в своём выступлении, что пересмотр конституции является желанием большинства общества. Затем будет говорить Маковский... о незавершённости конституционного вопроса предыдущим Сеймом решения. Потом мы пустим оппозицию. Далее должны говорить Цар и Холушко. Этот последний – о политических последствиях плохой мартовской конституции. Резервом в случае возможных обвинений или аргументов оппозиции должны стать Ян Пилсудский и Медзильский» [16, s. 575].

Дебаты в Сейме 3 марта прошли по разработанному санационной верхушкой сценарию. Я. Енджеевич от имени клуба ББВР указал на возможность принятия конституции вследствие численного преобладания Блока в парламенте, но также пригласил оппозицию к дискуссии по проекту, и «каждая правильная и разумная мысль, каждая деловая критика наших взглядов будет принята нами со всей доброй волей» [18, 1931. № 15/164, s. 159–160]. Т. Холушко призвал оппозицию «к этой совместной работе, к этой великой работе, в которой каждому есть место», не спекулируя на отсутствии у санации квалифицированного большинства в Сейме [17, s. 284]. Маковский в выступлении указал, что реформа конституции обусловлена новыми условиями в Европе XX в.: большевистской революцией, фашистским переворотом в Италии, потребностями реформы парламентаризма в других странах. Докладчик высказался против концепции либерального государства Руссо, поскольку теперь не существует «голосования личностей», которое заменила классовая, национальная и прочая групповая солидарность. Государство становится «организационным звеном между группами, которые это государство составляют и далее совокупным интересом населения, и этим задачам современное государство должно соответствовать» [19, s. 138–149]. Цар раскритиковал действующую конституцию и позитивно оценил «августовскую новеллу» 1926 г. «Усиление исполнительной власти –

вот наше главное требование конституционной программы ББВР», – заявил Цар, добавив, что у авторов проекта нет стремления «уничтожить или унижить парламентаризм, борьба ведётся только за исключение из устройства Польши диктатуры парламентаризма» [15, s. 72].

Руководство парламентского клуба ББВР требовало от депутатов присутствия на заседаниях Сейма, где обсуждались конституционные вопросы. Эти требования содержались в циркулярах ББВР от 10 и 24 января и 6 октября 1931 г., 3 и 9 марта, 2 декабря 1932 г. В последнем из них говорилось, что на прошлой сессии имели место действия оппозиции, имевшие цель «дезорганизовать работу Сейма посредством злостного использования правил о кворуме, необходимых для принятия имеющих законную силу постановлений» [7, к. 21, 25–26, 30, 35–36, 37–38]. Оппозиционные клубы отказались от сотрудничества с ББВР в Сейме, но санационное большинство там провело решение о передаче проекта в конституционную комиссию нижней палаты.

В работе конституционной комиссии Сейма во главе с Маковским участвовали 18 членов представлявших ББВР (из 30). На первом её заседании 17 марта основные положения проекта ББВР представил Цар. Он предложил разбить проект на 18 «конституционных тезисов», по которым следовало провести отдельные дискуссии, заверив, что «мы не стремимся ни к диктатуре, ни к цезаризму» [6, s. 205]. Почти полгода обсуждение проекта в комиссии проходило неспешно, в форме теоретических дискуссий. Неучастие в них оппозиции отодвинуло вопрос о пересмотре конституции на задний план политической жизни. Пилсудский 31 августа упрекнул своё ближайшее окружение в забвении этой проблемы, согласившись с тем, что «только на комиссии следует конституцию трактовать, распространяя пропаганду этих проблем как можно шире», при этом «идти как можно дольше и вертеть общественным мнением» [16, s. 618–619].

Работа конституционной комиссии после этого активизировалась. Циркуляр председателя парламентского клуба ББВР Славека от 12 декабря 1931 г. требовал: желательно, чтобы члены парламентского клуба Блока, «насколько им позволят это другие занятия, ходили на заседание Конституционной Комиссии и тем самым знакомились с ходом её работы» [7, к. 31]. В последние месяцы 1931 г. на заседаниях комиссии дважды выступал Цар. 29 октября он докладывал о полномочиях президента, обосновывая увеличение его полномочий по созыву и роспуску парламента [15, s. 82–103].

17 декабря Цар представил положения о президенте, который в противовес разделённому на фракции парламенту, является фактором «консолидированным и сплочённым». Он должен быть «главой государства, представителем верховной государственной власти, которая является единой и неделимой, а в случае конфликтов – арбитром между высшими органами государственной власти: сеймом и правительством...». Широкие полномочия президента по Цару не противоречили республиканскому строю и демократии, а предложение избирать президента из двух кандидатов, одного из которых предлагает уходящий президент, характеризовалось как ограниченный плебисцит [15, s. 104–124].

В начале 1932 г. на конституционной комиссии Сейма выступили другие представители санации: Б. Перацкий 21 января докладывал о составе Сейма, Т. Сейдлер 11 февраля – о составе Сената, И. Чума 25 февраля – об ответственности президента. Ещё дважды выступил Цар: 16 марта он обосновывал ответственность правительства перед президентом и сокращение её перед Сеймом, включая право президента распустить Сейм при вынесении им вотума недоверия правительству; 27 марта Цар докладывал о подписи министров на документах, подписанных президентом [15, s. 125–143].

На рубеже июня-июля 1932 г. прошли совещания ведущих деятелей санации об итогах обсуждения проекта в конституционной комиссии. Славек откровенно заявил, что из «высказываний Коменданта нельзя сконструировать его конституционной программы», призвав участников высказаться, хотя «окончательное решение будет принято где-то не здесь» [8, s. 191]. Он имел смелость высказаться против мнения Пилсудского о всеобщих выборах президента, предложив даже перейти к монархии. Относительно Сената были высказаны разные мнения: от отрицания его необходимости до предложений половину состава Сената формировать из назначенцев, в том числе пожизненных. Славек настаивал на включение в конституцию своей концепции Легиона заслуженных – элитарной в правящем лагере группы граждан, которая либо заменила бы собой Сенат, либо имела право его выбирать. А. Гарлицкий замечал: собравшиеся «полностью отдавали себе отчёт, что окончательные решения будут приняты в Бельведере [резиденции Пилсудского – И. К.] и что их взгляды на эти решения влиять не будут» [10, s. 268].

На совещании лидеров санации 18 января 1933 г. рассматривался вопрос о темпах рабо-

ты над проектом конституции. Прыстор и Свигальский считали, что его следует на комиссии провести на ближайшей сессии и «устроить дебаты на пленуме Сейма по вопросу конституционных тезисов где-то в летний период на чрезвычайной сессии». Славек же выступал за затягивание пересмотра конституции, нацеливаясь по словам Свигальского, на «создание какого-то иного акта, который своей простотой и ясностью имел бы влияние на всё общество... и мог бы быть принятым как что-то вроде десяти заповедей государственной жизни». Прыстор сообщил, что Пилсудский окончательно не определился со сроком завершения работы над конституцией [16, s. 641].

Тем самым, до начала 1933 г. в верхах санации не было единства по ряду принципиальных вопросов содержания конституции, сроков и условий её принятия. Работа над проектом была затруднена ограниченностью контактов его разработчиков с Пилсудским из-за ухудшения состояния здоровья последнего. Создатели конституции были вынуждены ориентироваться на интервью Пилсудского и его краткие высказывания в узком кругу соратников.

В марте 1933 г. в статье «Ревизия общественного договора» в «Газете польской» Маковский доказывал несоответствие концепции общественного договора Руссо нынешней ситуации: «Человек не родится ни свободным, ни равным – свобода и равенство людей являются завоеванием длительной борьбы и работы общественной жизни, являются результатом усовершенствованного правового порядка». А государство является «обязательным и естественным, опирающимся на солидарность и взаимную зависимость гражданским объединением; целью государства является организация гражданского сотрудничества для удовлетворения потребностей коллективной жизни, для воплощения в жизнь правового порядка, расширения и совершенствования жизни и её условий». Из объединения людей в организационную целостность, «возникают нормы объективного права, которые связывают и охраняют, призывают человека к сотрудничеству и дают ему личные права, социальные права» [11. 1933. 24 marca], – заключал автор.

В первой половине 1933 г. работа над проектом конституции оживилась. Её непосредственно вели Цар и Подоский при участии Маковского, а координировал Славек. Два первых в середине лета 1933 г. выехали на месяц в президентскую резиденцию в Спале. Подоский вспоминал: «Проект редактировал Цар, дискутируя со мной по каждой предлагавшейся

им норме по очереди. Мы работали целыми днями...» В Варшаву они вернулись с готовым проектом, лишь раздел «Польская республика» был окончательно завершён уже в столице [Цит по: 10, s. 270].

С середины лета 1933 г. начинается завершающий этап деятельности санационного лагеря по изменению конституции: представление проекта и тезисов обществу, обсуждение и проведение тезисов через парламент. 1 августа президиум парламентского клуба ББВР утвердил основные положения конституции. Их на съезде легионеров 6 августа изложил Славек. В возрождённой Польше, отметил докладчик, «партии вели спор о разделе государственных благ», против чего был направлен переворот, усиливший власть президента и оздоровивший политическую среду. Реформа конституции предусматривает, чтобы «Президент Республики был истинно верховным», чтобы он «мог нести ответственность, которую на него возлагает история». «Власть является единой и неделимой и должна сосредотачиваться в руках Президента», – заявлял Славек. Он представил и свою концепцию Легиона заслуженных, которым следует «увеличить их право воздействовать на общественную жизнь», в частности формировать сенат [18. 1933. Nr 33/313, s. 595–599].

Осенью 1933 г. обсуждение проекта велось в конституционной комиссии Сената. В октябре конституционные группы депутатов и сенаторов ББВР ещё раз обсудили вопросы, касающиеся выбора президента, состава Сената и Легиона заслуженных. В это же время 20 депутатами и сенаторами от ББВР тайно был подготовлен окончательный текст проекта конституции, включавший и статьи о Легионе заслуженных. Одновременно Славек поручил Цару написать конституционные тезисы, кратко излагавшие уже одобренный верхами санации проект конституции, которые должны были стать «наиболее близкой формулировкой проекта новой конституции, а там где бы это было возможно, дословно её повторяли» [цит. по: 10, s. 272]. «Отсюда можно говорить о существовании двух течений деятельности, – замечал А. Айненкель. – Официально были подготовлены конституционные тезисы в целях представления их сейму. Вместе с ними существовал подготовленный конфиденциальный, редакционно завершённый проект закона» [6, s. 207].

14 декабря 1933 г. о принципах новой конституции докладывал на заседании парламентского клуба ББВР Цар. Критически высказавшись о Мартовской конституции, он

противопоставил ей новый проект, в котором подчёркивалась роль президента: «Мы считаем, что государственная власть едина и неделима и что эту власть представляет Президент Республики, который, прежде всего, является главой государства и наивысшим арбитром, разрешающим конфликты между органами государственной власти». В Сейме же авторы проекта хотели бы «видеть орган общественного мнения», выборы в который должны опираться на демократические принципы. Отказ от парламентской системы правления и не всеобщие выборы в Сенат, по мнению Цара, не противоречили демократии, которая трактовалась как «сплочение с государством широких слоёв общественности и обеспечение всем гражданам равных шансов в получении полномочий для влияния на ход общественных дел». Отвергая «как демолиберальные крайности, так и преувеличения властвующего государства... мы хотим, чтобы все граждане это поняли, что польское государство их общее благо» [15, s. 144–152], – заявлял Цар.

Тезисы конституции были одобрены клубом ББВР и отправлены в конституционную комиссию Сейма. Без участия оппозиции комиссия приняла постановление о подготовке окончательной версии конституционных тезисов. О существовании полного текста проекта новой конституции знал только узкий круг высших санационных деятелей. Для введения оппозиции в заблуждение проект и при внесении в Сейм был представлен как «конституционные тезисы». Он не имел названия, деления на статьи и разделы и в повестке дня пленарного заседания Сейма вопрос об отчёте конституционной комиссии Сейма по изменению конституции стоял лишь третьим пунктом.

26 января 1934 г. на заседании Сейма по конституционному вопросу оппозиция отказалась от дискуссии по существу, огласив декларацию против изменения конституции. Представитель СН Б. Винярский заявил: поскольку санационное большинство конституционной комиссии представило тезисы конституции, а не её проект, Сейм не может принять резолюцию по вопросу изменения конституции. Социалист К. Чапиньский сообщил, что оппозиционные депутаты не будут «участвовать в нынешних конституционных манёврах ББВР» [Цит. по: 8, s. 217]. После этого депутаты оппозиции покинули зал заседаний, оставив в качестве наблюдателя С. Строньского от СН.

С докладом в Сейме по конституционному вопросу выступил Цар. Он обрисовал принципиальные изменения в мире и положении

Польша, сделав вывод о завершении эпохи либерального государства и кризисе системы парламентаризма. Докладчик отверг возможность выхода из кризиса через диктатуру, утверждая, что «в Польше диктатуры нет и никогда её не было». Пилсудский же «никогда не был диктатором», а был «великим моральным авторитетом». Цар заявил об отказе в конституционных тезисах ББВР от парламентского правления, основанного на концепциях Руссо и Монтескье, оставляя парламент как орган, выражающий общественное мнение. В новом устройстве его создатели хотели видеть «соединение и гармонизацию двух основополагающих принципов: сильной власти со свободой гражданина». Государство трактовалось как собственность народа, «общее благо», опирающееся «на глубокие демократические основы», в нём должны господствовать «разумно понимаемое равенство» и «стремление выделить заслуги в пользу общего блага». И данное устройство не опирается «на чужие примеры и на подражание чужим экспериментам» [15, s. 153–176].

Маковский, выступая в Сейме, подчеркнул историческую обусловленность изменения конституционных основ государств в Европе из-за экономического кризиса и общественных перемен. Отказ от концепции либерального государства обосновывался трансформацией принципа свободы «в фактическую экономическую несвободу». Защита же либерального государства оппозицией, по мнению докладчика, является фарсом. Он высказался в пользу солидаристского государства, чего требуют его расширившиеся задачи, в частности, борьба с экономическим кризисом. «Государство, приспособленное к своим задачам, будет сильным государством, государство, неприспособленное к своим задачам, будет слабым государством», – заключал Маковский. Он заверил, что конституционная реформа не будет следовать примерам тоталитарных государств: «Мы хотим победно пройти над хилиазмом фашистским, большевистским, гитлеровским и хотим реализовать правду свободного человека в солидарном обществе» [19, s. 157–168].

О том, как далее развивались события 26 января в Сейме, вспоминал Подоский: «Сразу же после перерыва Цар обратил моё внимание на то, что оппозиция своим отсутствием даёт нам исключительный случай проведения в Сейме новой Конституции требуемым большинством голосов», и просил созвать совещание. На нём Свигальский, Цар и Подоский утверждали, что «регламент Сейма позволяет принимать в срочном порядке любой закон, не исключая конституционный. Цар предложил далее, чтобы Сейм,

после принятия формального предложения о срочности, взял за основу своего постановления кодифицированный им проект конституционного закона». Славек колебался, опасаясь обвинений оппозиции, и спросил Цара и Подоского, считают ли они возможным утверждение как новой конституции конституционных тезисов. Те ответили положительно, и это решение было признано лучшим. «Против него высказался только марш[ал] Свигальский, но принял его как решение большинства. Он тотчас также приказал привести в действие звонки, призывающие депутатов, находящихся в здании Сейма, прибыть в зал заседаний. ... Мы вернулись в зал заседаний» [цит. по: 6, s. 208–209], – завершал своё повествование Подоский.

На возобновившемся заседании Сейма Цар заявил: «Поскольку, как это следует из заявлений всех фракций оппозиции, оппозиция не интересуется проблемами совершенствования государственного устройства, поэтому я думаю, что нет препятствий, чтобы решить этот вопрос немедленно. Я вношу предложение, чтобы тезисы, которые сегодня мы предложили, и которые в течение 3 лет дискутировались в нашей комиссии, признать проектом конституции». Под громкие одобрительные возгласы депутатов от ББВР Цар также предложил заменить название документа с «Конституционных тезисов» на «Конституционный закон», а номера тезисов – на номера статей. Единственный представитель оппозиции в зале Строньский заявил, что предложение противоречит конституции и регламенту Сейма, на что Цар предложил дополнить повестку дня вопросом о конституционном законе и сокращённую процедуру принятия его проекта. Присутствовавшие в зале депутаты от ББВР приняли это предложение и проголосовали за проект сразу во втором и третьем чтении. Маршал Сейма Свигальский по итогам третьего голосования под несмолкающие аплодисменты и восторженные выкрики депутатов ББВР провозгласил: «Я заявляю, что Конституционный закон был принят Сеймом во втором и третьем чтении» [14].

В стенограмме заседания Сейма документ получил название «Проект закона, принятый сеймом на 108 заседании в день 26 января 1934 г. Конституционный закон». Принятые тезисы минимально отличались от конституционного закона: 62 тезиса были преобразованы в 62 статьи, к ним добавился последний абзац тезисов, ставший статьёй 63. Неофициальный орган ББВР «Газета польска» после голосования в Сейме утверждал: «По нашему мнению... связь между устройством государства

и количеством голосов, которыми распоряжалась в Сейме оппозиция, вообще не существовала. Это значит, что если бы оппозиция не была ленивой и небрежной, если бы старательно исполняла свои обязанности и провела все возможные мероприятия по регламенту, чтобы воспрепятствовать изменению устройства государства, то и тогда также это устройство было бы изменено. И именно на такое, на какое его изменили» [11. 1934. 28 stycznia].

Оппозиция после голосования пыталась оспорить его правомерность, апеллируя к действовавшей конституции. При принятии конституционного закона были нарушены: ст. 125 конституции требовавшая подписания предложения об изменении конституции четвертью состава палаты не менее чем за 15 дней; ст. 47 регламента Сейма, по которой докладчик от комиссии не имел права вносить предложение без полномочий на то комиссии; ст. 53 регламента Сейма, которая запрещала пересчёт голосов для определения квалифицированного большинства [12, s. 147–148]. «С помощью такой уловки санация преодолела самую большую трудность. Она провела изменение конституции в сейме, в котором не имела достаточного большинства, чтобы легально проголосовать соответствующий проект» [6, s. 210], – полагал А. Айненкель. А. Гарлицкий считал, что оппозиция совершила ошибку, покинув зал заседаний Сейма перед голосованием, так как там депутатов ББВР было достаточно для кворума, а после ухода оппозиции из зала заседаний Блок «получал требуемое большинство (2/3 от данных действительных голосов)», в противном случае ББВР «не мог бы получить квалифицированного большинства» [10, s. 274–275].

31 января Свитальский и Славек отчитались о принятии проекта конституции в Сейме перед Пилсудским, не выразившим восхищения способом решения конституционной проблемы. Свитальский вспоминал: «Он сразу признал мою правоту, что для конституционного закона принятие его остроумием и трюком не является здоровым, и перед лицом этого следует трюк прикрыть и нейтрализовать подробными дебатами и изменениями в Сенате». Пилсудский советовал внести поправки, которые могли бы изменить в благоприятную сторону мнение хотя бы части оппозиции. Критически он отнёсся к идее Славека о Легионе заслуженных, поскольку людям «на практике не удастся найти критерия для «заслуженных»» [16, s. 653–654]. Свитальский считал, что Славеку не стоит проявлять нелояльность Пилсудскому, который «может мягко формулировать свои советы, но может очень жёстко делать

выводы, когда его советам не следуют» [16, s. 657]. Спор Свитальского и Славека, как считал А. Гарлицкий, был спором «между прагматиком и идеалистом. Если говорить о демократии, то ничто их не разделяло» [10, s. 278].

В конце марта 1934 г. принятый Сеймом проект конституции был передан в Сенат. Представлявший там проект В. Ростворовский проводил конфиденциальные переговоры с сенаторами от оппозиции, что, однако, не изменило их отрицательного отношения к проекту. Поправки к проекту готовили для Сената Ростворовский, Цар и Подоский. Последний вспоминал: «В большинстве это были поправки кодификационного характера, восполняющие пробелы, которые появились из-за способа принятия новой Конституции в Сейме» [Цит. по: 6, s. 211]. Наиболее существенными изменениями стали: отказ от идеи Легиона заслуженных и определение категорий лиц, имевших право выбора в Сенат, уравнивание сроков полномочий Сейма и Сената, исключение принципа пропорциональности при выборах в Сейм.

Дискуссия над поправками в сенатской конституционной комиссии прошла на рубеже 1934/1935 гг. 14 декабря на её заседании выступил Цар, вновь подчеркнув, что творцы Мартовской конституции «почерпнули из чужого источника». Государство же не должно быть «ни либеральным государством, ставящим индивидуальные права личности над интересами государства, ни также властным государством, сверх меры ограничивающим свободу частной инициативы в пользу официального фактора». Нужно государство «понимаемое как общее благо всех граждан», но и оно должно быть «сильной властью». Для этого президент наделялся полномочиями, обеспечивавшими «действительное равновесие властей», чтобы «сильная власть не могла преобразоваться в абсолютную власть». Иерархическое устройство государства требует иметь его главу, каковой может быть только президент. Его наиболее важными полномочиями, прерогативами были: назначение одного кандидата в качестве преемника, а во время войны и верховного вождя, досрочный роспуск парламента, назначение трети сенаторов и другие. Расширяя права президента, по уверению Цара, авторами проекта руководила «умеренность и рассудительная осторожность». Отрицалось, что правам человека уделялось в конституции недостаточное внимание [15, s. 179–197].

Выступивший перед сенатской комиссией Маковский сосредоточил внимание на первых десяти статьях новой конституции, включая формулировку о государстве как «общем бла-

ге всех граждан». Оно требует «верховенства», персонифицируемого в лице президента: «Власть не принадлежит Нации, но принадлежит Президенту, сосредотачивается в его особе». Докладчик подчеркнул солидаристский характер реформы конституции, намерением которой является «сплочённое государственное гражданское единство, хорошо организованное и служащее совместной жизни граждан» [19, s. 169–185].

16 января Ростоворовский представил проект в Сенате, который, по его оценке, характеризует осторожность и умеренность, он не ограничивает права личности, и не будет конституцией тоталитарного государства, несмотря на расширение полномочий президента. Целью поправок Сената, по утверждению докладчика, было обеспечение гражданам защиты перед самоуправством администрации. Маршал Сената Рачкевич не дал возможности оппозиции поставить вопрос о способе принятия Сеймом проекта конституции. В своих выступлениях её представители были солидарны в том, что новая конституция даст санации диктаторские полномочия, ограничит полномочия парламента и гражданские права. Кроме того, Гломбинский (СН) обращал внимание на отсутствие в проекте понятия «нация», Макаревич (ПСХД) предлагал отказаться от принципа прямых выборов в Сейм, Клушинская (ППС) полагала, что новая конституция отвечает «интересам имущих классов в Польше, противоречит же интересам широких трудящихся масс городов и деревень». После дебатов в Сенате за принятие проекта было отдано 74 голоса, против проголосовали 24 представителя оппозиции [6, s. 212–213]. Поправки Сената без изменений приняла конституционная комиссия Сейма.

23 марта вопрос о сенатских поправках обсуждался на заседании Сейма. На нём оппозиционные депутаты резко критиковали конституционный проект. Строньский (СН) утверждал, что его создатели по многим вопросам отошли от принципов Пилсудского. Жулавский (ППС), обращаясь к депутатам от ББВР, сказал: «Ведь принятие новой конституции и уничтожение остатков этих свобод, которые формально остались, является для вас обязательным железным следствием вашего союза с реакцией. ... У вас в этот момент сила, а тем самым вы можете принять что хотите и как хотите, но помните, что у вас только физическая сила». Критикуя единовластие президента, оратор сказал, что нет человека, который смог бы «полностью встать над сегодняшней борьбой отдельных групп и социальных классов» [20, s. 183, 185].

Маковский от имени ББВР отверг все обвинения оппозиции, предложив ей отказаться «говорить от имени всех, общества, нации, народа...» Он доказывал, что при новой конституции Польша останется демократическим государством: «Контроль парламента выражается в праве Сейма вносить предложение о вотуме недоверия», а «значение Президента сводится к роли надзора над тем, что есть в каждом демократическом государстве... – к регулированию споров между Правительством и парламентом, к праву накладывать вето и парламентскому контролю» [19, s. 186–194].

После дискуссии маршал Сейма Свитальский поставил на голосование предложение конституционной комиссии принять целиком поправки Сената. В голосовании участвовало 399 депутатов (отсутствовали 42), за принятие поправок, а тем самым и конституции, проголосовало 260 депутатов, против 139 [6, s. 213]. Оппозиция заявила, что голосование не может иметь силы, поскольку для принятия решения по такому вопросу требуется квалифицированное большинство (266), с чем Свитальский не согласился. А. Айненкель отметил, что принятие конституции было «типичным проявлением конфликта между силой и законом. И в этот раз триумфовала сила» [6, s. 214].

Пилсудский как военный министр свою подпись под конституцией поставил лишь 12 апреля. В. Енджеевич писал: «...премьер Славек не мог получить подписи Маршала, который несколько раз переносил это на другой день. Используя пребывание Бека у Пилсудского, Славек дал Беку оригинал конституции в надежде, что может ему удастся получить необходимую подпись». Цитируя эти слова, А. Хойновский полагал, что «Маршал текста конституции никогда не прочитал», и поэтому нельзя ссылаться на конституцию как завещание Пилсудского [8, s. 222]. «Символическим можно признать обстоятельство, что конституция – это последний официальный документ, подписанный Пилсудским» [6, s. 225], – замечал А. Айненкель.

23 апреля 1935 г. конституционный закон, подписанный президентом Мосьцицким, вступил в силу. О характере новой конституции свидетельствовала её структура: на первом плане – президент как глава государства, на которого возлагалась «ответственность перед Богом и историей за судьбы государства», затем правительство, лишь далее шли статьи о сейме и сенате. 10 первых статей конституции, «декалог», определяли её основное содержание, начинавшийся со слов: «Польское государство является общим благом всех граждан». Вкла-

дом в это «общее благо» обуславливался объёмом прав граждан [9; о структуре и содержании конституции см.: 6, с. 214–224].

Усилия санации по преобразованию политического строя завершились принятием авторитарной Апрельской конституции, принципиально менявшей форму республики на

президентскую, с сокращением компетенций парламента в пользу правительства и ограничением прав граждан. Отсутствие единства в действиях оппозиции, её опасения повторения репрессий кануна выборов 1930 г. не позволили ей в этом деле противостоять санации.

Источники и литература

1. Ким И. К. Проблема пересмотра конституции в польском Сейме 1928–1930 годов // Российско-польский исторический альманах. Вып. VII. Ставрополь: СКФУ, 2014. С. 191–211.
2. Ким И. К. Польские оппозиционные партии в парламентских выборах 1930 г. в Польше // Известия ВГСПУ. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология. 2016. №5 (109). С. 157–164.
3. Ким И. К. Манифестации Центролева 14 сентября как эпизод предвыборной кампании 1930 года в Польше // Российско-польский исторический альманах. Вып. VIII. Ставрополь-Волгоград: СКФУ, 2016. С. 85–90.
4. Ким И. К. О пребывании в военной тюрьме в Бресте деятелей польской оппозиции в 1930 году // Известия ВГСПУ. Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки и археология. 2016. №1(105). С. 201–209.
5. Ким И. К. Общественно-политический резонанс заключения в Брестской тюрьме деятелей польской оппозиции в 1930 г. // Гуманитарные и юридические исследования. Ставрополь. 2016. №1. С. 39–44.
6. Ajnenkiel A. Konstytucje polskie. 1791–1997. Warszawa, 2001.
7. Archiwum Akt Nowych. Zesp. 62. Sygn. 52.
8. Chojnowski A. Piśsudczycy u władzy. Dzieje Bezpartyjnego Bloku Współpracy z Rządem. Wrocław e. a., 1986.
9. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1935. Nr 30. Poz. 227.
10. Garlicki A. Od Brzeźcia do maja. Warszawa, 1986.
11. Gazeta Polska.
12. Historia państwa i prawa Polski. 1918–1939. Warszawa, 1962.
13. Piśsudski J. Pisma zbiorowe. T. IX. Warszawa, 1991.
14. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Sprawozdanie stenograficzne z 108 posiedzenia z dnia 26 stycznia 1934 r. Ł. 55–56.
15. Stanisław Car – polska koncepcja autorytaryzmu. Warszawa, 1996.
16. Świtalski K. Dziennik. 1919–1935. Warszawa, 1992.
17. Tadeusz Hołówko o demokracji, polityce i moralności życia publicznego. Warszawa, 1999.
18. Warszawska Informacja Prasowa. Wszystkie stronnictwa.
19. Wacław Makowski o państwie społecznym. Warszawa, 1998.
20. Zygmunt Żuławski o ustroju społecznym i demokracji. Warszawa, 2000.

References

1. Kim I. K. Problema peresmotra konstitutsii v pol'skom Seime 1928–1930 godov (*The Problem Of The Constitution Revision In The Polish Seimas Of 1928–1930*) // Rossiysko-pol'skiy istoricheskii almanakh. Issue VII. Stavropol': NCFU publ., 2014. P. 191–211. (In Russian).
2. Kim I. K. Pol'skie oppozitsionnye partii v parlamentskikh vyborah 1930 g. V Pol'she (*Polish Opposition Parties In The 1930 Parliamentary Elections In Poland*) // Izvestiya VGSPU. Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki. Istoricheskie nauki i arkheologiya. 2016. No. 5 (109). P. 157–164. (In Russian).
3. Kim I. K. Manifestatsii Centrolewa 14 sentabrya kak epizod predvybornoi kampanii 1930 goda v Pol'she (*The Centrolew Manifestations September 14 As An Episode Of The Election Campaign Of 1930 In Poland*) // Rossiysko-pol'skiy istoricheskii almanakh. Issue VIII. Stavropol'-Volgograd: NCFU publ., 2016. P. 85–90. (In Russian).
4. Kim I. K. O prebyvanii v voennoi tyur'me v Breste deyatelei pol'skoi oppozitsii v 1930 godu (*Polish Opposition Activists In The Military Prison In Brest In 1930*) // Izvestiya VGSPU. Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki. Istoricheskie nauki i arkheologiya. No 1 (105). 2016. P. 201–209. (In Russian).
5. Kim I. K. Obschestvenno-politicheskiy rezonans zaklyucheniya v Brestskoi tyur'me deyatelei pol'skoi oppozitsii v 1930 g. (*Socio-Political Resonance Of Polish Opposition Activists Imprisonment In The Brest Prison In 1930*) // Gumanitarnye i yuridicheskii issledovaniya. 2016. No. 1. P. 39–44. (In Russian).
6. Ajnenkiel A. Konstytucje polskie. 1791–1997. Warszawa, 2001.
7. Archiwum Akt Nowych. Zesp. 62. Sygn. 52.
8. Chojnowski A. Piśsudczycy u władzy. Dzieje Bezpartyjnego Bloku Współpracy z Rządem. Wrocław e. a., 1986.
9. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. 1935. Nr 30. Poz. 227.
10. Garlicki A. Od Brzeźcia do maja. Warszawa, 1986.
11. Gazeta Polska.
12. Historia państwa i prawa Polski. 1918–1939. Warszawa, 1962.
13. Piśsudski J. Pisma zbiorowe. T. IX. Warszawa, 1991.
14. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. Sprawozdanie stenograficzne z 108 posiedzenia z dnia 26 stycznia 1934 r. Ł. 55–56.
15. Stanisław Car – polska koncepcja autorytaryzmu. Warszawa, 1996.
16. Świtalski K. Dziennik. 1919–1935. Warszawa, 1992.
17. Tadeusz Hołówko o demokracji, polityce i moralności życia publicznego. Warszawa, 1999.
18. Warszawska Informacja Prasowa. Wszystkie stronnictwa.
19. Wacław Makowski o państwie społecznym. Warszawa, 1998.
20. Zygmunt Żuławski o ustroju społecznym i demokracji. Warszawa, 2000.

УДК 94(470.6)

В. С. Клопихина

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. КАК ОСНОВА СОВЕТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ 1920-Х гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются механизмы создания исторического нарратива об Октябрьской революции 1917 г. как основы советской идеологии 1920-х годов. Автор анализирует деятельность истпартов Северного Кавказа с точки зрения их участия в формировании регионального исторического нарратива об Октябрьской революции 1917 г. Обращается внимание на активизацию работы истпартов по формированию концепции Октябрьской революции и ее трансляцию в историческую память в связи с юбилейными датами. Рассмотрен комплекс инструктивных материалов, регламентировавших написание истории Октябрьской революции, отражающий властную модель при создании ее концепции.

На основе изучения публикаций истпартов Северного Кавказа, изданных к десятилетнему

юбилею Октябрьской революции, автор приняла попытку определить ключевые теоретические положения, ставшие основой для формирования исторической памяти жителей макрорегиона. Отмечается превращение их в идеологическую концепцию трактовки «Великого Октября» как фундамента новой советской идентичности. В статье выявлена трансформация установок власти на содержание исторического нарратива, связанная с превращением истпартов с конца 1920-х гг. в инструмент утверждения нового политического курса И. В. Сталина.

Ключевые слова: Октябрьская революция 1917 г., истпарт, историческая память, исторический нарратив, советская идеология, Северный Кавказ.

V. S. Klopikhina

THE HISTORICAL NARRATIVE OF THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917 AS THE BASIS OF SOVIET IDEOLOGY IN 1920s: REGIONAL DIMENSION

The article deals with the mechanisms of creating the historical narrative of the October revolution of 1917 as the basis of the Soviet ideology of the 1920s. The author analyzes the activity of Histpart members in the North Caucasus from the point of view of their participation in forming regional historical narrative of the October revolution of 1917. The study highlights active work conducted by Histpart members to form the concept of the October revolution and transfer it to the historical memory in connection with the anniversaries. The author considers a set of guidance materials to regulate the writing of the history of the October revolution, reflecting the power model of concept creation.

With the reference to publications of Histpart members of the North Caucasus that were published

for the tenth anniversary of the October revolution, the author has made an attempt to identify the key theoretical positions that served the base to form the historical memory of the inhabitants of the macroregion. The author notes their transformation into an ideological concept of the "Great October" as the foundation of a new Soviet identity. The article reveals the transformation of attitudes of the authorities on the content of the historical narrative associated with the transformation of Histpart into an instrument to approve the new political course of Stalin since the end of the 1920s.

Key words: October Revolution of 1917, Histpart, historical memory, historical narrative, Soviet ideology, North Caucasus.

В современной России в историческое сознание внедряется новый концепт – «Великая российская революция», призванный по мысли разработчиков Историко-культурного стан-

дарта по отечественной истории (ИКС) снять наиболее острые противоречия в трактовке революционных событий 1917 г. [9]. ИКС – это не только методологическая концепция,

созданная ведущими учеными-историками, педагогами и методистами страны. Стандарт можно рассматривать в качестве инструмента формирования исторического сознания и исторической памяти как его основы в современных реалиях. Это актуализирует обращение к историческим примерам использования властного ресурса с целью конструирования исторической памяти. В частности, формирования в исторической памяти образа Октябрьской революции 1917 г., создания в 1920-е гг. исторического нарратива, посвященного этому событию, так как концепция революции стала основой идеологической трактовки «Великого Октября» и соответственно элементом советской идеологии и идентичности. Исследование истории формирования нарратива об Октябрьской революции 1917 г. позволяет изучить процесс и механизм трансформации фактов реальности в факты исторической памяти.

В начале 1920-х гг. была организована новая система научных, образовательных, общественных, просветительских центров, в числе которых был создан в 1920 г. Истпарт – комиссия, а с 1921 г. – отдел ЦК РКП(б). Истпарт являлся научно-исследовательской и пропагандистской организацией, занимавшейся сбором, хранением, научной обработкой и изданием материалов по истории Октябрьской революции, Гражданской войны и Коммунистической партии. Также была образована сеть региональных истпартов, в том числе на территории Северного Кавказа, принимавших активное участие в конструировании истории Октябрьской революции и Гражданской войны на местном уровне. В 1928 г. Истпарт был объединен с Институтом В.И. Ленина (функционировал с 1923 г.), а в 1931 г. на базе Института В. И. Ленина и Института К. Маркса и Ф. Энгельса (работал с 1921 г.) был создан Институт Маркса – Энгельса – Ленина (ИМЭЛ), включавший отдел местных истпартов до 1939 г.

Созданный региональными истпартами исторический нарратив дает возможность изучить способы повествования о прошлом, специфику организации текста, то есть исследовать дискурс памяти. При этом нужно учитывать, что идеологи истпартовского движения ставили перед истпартами как пропагандистские цели, так и задачи проведения научно-исследовательской работы.

Различные аспекты проблемы формирования исторического нарратива об Октябрьской революции 1917 г. нашли свое отражение в трудах современных исследователей. Например, С. Ю. Малышева показала, как создавал-

ся новый коммеморативный метанарратив в 1920-е гг. в процессе формирования советской праздничной культуры при непосредственном участии региональных истпартов. По словам исследовательницы, праздничный коммеморативный нарратив закреплял в коллективной памяти общества образ исторических событий, нередко стирая противоречащие ему индивидуальные воспоминания [13]. Британский исследователь Ф. Корни рассмотрел интерпретацию истории Октябрьской революции в качестве «нарратива основания» новой советской национальной идентичности. Исследователь показал процесс конструирования нарратива об Октябрьской революции 1917 г., уделив значительное внимание роли в нем Истпарта, имевшего, по мнению автора, функцию «институализации памяти» [27].

Особенно активно формирование концепции Октябрьской революции 1917 г. и ее трансляция в историческую память происходили в связи с юбилейными датами. По справедливому замечанию Т. А. Булыгиной, важной точкой конструирования коллективной памяти являются именно юбилейные даты, а мы в этом случае «сталкиваемся не только с активизацией научной деятельности по юбилейной проблеме, но и с манипуляцией массовым сознанием» [5, с. 10].

Наиболее широко отмечались в стране ежегодные годовщины Октябрьской революции, в организации которых принимали активное участие и местные истпарты. Первая «круглая» дата Октября – десятилетие революции – стала мощным стимулом для пропаганды советских идей. В частности, десятилетний юбилей в 1927 г. вызвал появление комплекса инструктивных материалов, регламентировавших написание истории Октябрьской революции, формирование ее концепции, в том числе и на региональном уровне.

Истпарты при подготовке к десятилетнему юбилею революции были нацелены на необходимость согласования всей научно-исследовательской работы с текущей политической работой партии и должны были использовать «революционное прошлое для революционного настоящего». Инструкции Истпарта ЦК ВКП(б) обращали внимание на важность применения истории революции для «воспитания новых слоев рабочих» [20, с. 265].

По указаниям из центра приоритетное место в публикациях региональных истпартов должна была занимать популярная литература. В частности, указывалось, что «лучше небольшая, яркая популярная брошюра, лучше яркое, боевое освещение этого вопроса, доступное

широким массам, чем какие-нибудь толстые монографии, написанные в прок, недостаточно проработанные, содержащие сырой, непроверенный, неувязанный между собой материал» [20, с. 265]. Подтверждалась идея связи исторических событий с современной идеологической конъюнктурой. Предстоящий юбилей должен был стать «боевым смотром сил», а изданная литература – необходимым для вооружения «духовным оружием».

В центре и регионах создавались комиссии по проведению десятилетней годовщины Октябрьской революции, в состав которых входили сотрудники истпартов. Подготовка к юбилею в течение целого года являлась основным содержанием пропагандистской работы истпартов. На местах выявляли павших и живых участников революционного движения и Гражданской войны. Организовывались выставки и публиковались работы с целью «пропагандистской реализации исторических документов» [19].

Создание историко-революционного нарратива требовало наличие источниковой базы, активным формированием которой занимались истпарты на местах. Одним из значимых факторов, способствовавших выработке единообразной модели истории революционных событий, внедряемой в историческую память, являлась регламентация источниковой базы для проведения исследовательской и популяризаторской работы. В частности, была конкретизирована возможность использования контрреволюционных и белогвардейских документов. Их важность ограничивалась наличием в них сведений «о наших организациях». Однако и эту информацию, согласно инструкциям Истпарта ЦК, необходимо было тщательно сверять и проверять.

Исследователям по рекомендации истпартов надо было опираться в своей работе в основном на архивы советских учреждений и партийных организаций. Со временем это стало традицией советских историков, когда «наши» материалы были окончательно засекречены вплоть до 1990-х годов. Широкое использование в качестве источников документов жандармского управления, судебных палат, охранных отделений рассматривалось как серьезная политическая ошибка.

Кроме того, прямо указывалось, что исследование истории Гражданской войны должно было проводиться «под углом зрения» борьбы за Советскую власть. Истпартовцам необходимо было изучать «красный фронт», Советское строительство, борьбу и роль в этой борьбе большевистской партии. Возможность же ис-

следования объемной картины Гражданской войны «со строительством и работой контрреволюционных сил, в частности» полностью исключалась [21, л. 5]. Таким образом, история революции 1917 г. и Гражданской войны была сведена к истории прихода большевиков к власти.

Попытка подготовить издания к юбилею Октябрьской революции в Северо-Кавказском крае выявила определенные проблемы на пути усилий истпартов. Частые административно-территориальные реформы в стране привели к тому, что материалы по истории революционного движения того или иного округа находились на другой территории, где ими никто не интересовался, так как в этих фондах не было материалов по истории другого округа, и источники «лежали без движения». Наряду с разбросанностью архивных материалов по всем округам Северо-Кавказского края краевой истпарт отмечал несогласованность действий окружных истпартов и архивных бюро, в результате чего местные архивные фонды использовались недостаточно [22, л. 29].

Запрос на историко-революционный нарратив способствовал активизации деятельности истпартов Северного Кавказа по сбору и систематизации исторических источников, о чем свидетельствует анализ их делопроизводственных материалов. Так, составлялись описи фондов архивов Октябрьской революции в крае, что способствовало решению проблемы разобщенности окружных архивов. Интенсивно происходило пополнение архивных фондов новыми документами, фотографиями, воспоминаниями и другими историческими источниками. Однако именно в это время был ограничен доступ к архивным материалам для работы над историко-революционной проблематикой в связи с тем, что на использование фондов местных архивных бюро требовалось разрешение истпартов [23, л. 3]. Тем самым создание историко-революционного нарратива было поставлено под контроль власти.

Издательский план Северо-Кавказского краевого истпарта достаточно наглядно демонстрирует механизм создания исторических нарративов, транслировавших определенные идеологемы, и в то же время показывает, сложности в реализации установок центра. Так, при подготовке краевым истпартом сборника об Октябрьской революции и Гражданской войне на Северном Кавказе план предусматривал переработку материала не только «с точки зрения исторической действительности», но и с позиций «классового подхода». В примечании

к плану указывалась главная задача издания – изображение «строительства и жизни революции». По содержанию отдельные очерки должны быть логически связаны друг с другом, а по форме их надо было воплотить в литературную оболочку, рассчитанную на массового читателя [22, л. 17]. Говорилось в плане и о том, что авторы предполагают уделить определенное место деятельности белогвардейцев, а также меньшевиков, эсеров и других буржуазных партий [22, л. 18].

В конечном итоге план не был реализован. Было решено сборник очерков не издавать, а вместо этого опубликовать отдельные выпуски по конкретным вопросам революционного движения [22, л. 1]. К десятилетнему юбилею Октябрьской революции на Северном Кавказе истпартами было выпущено ряд изданий, в большинстве своем это были популярные книги и брошюры. Например: издание Таганрогского истпарта об участии рабочих города в революционных событиях [15], воспоминания А. Лиманского в литературной обработке о некоторых эпизодах гражданской войны на Дону [12], сборник воспоминаний о революции в регионе Владикавказского истпарта [7], брошюра Е. Эшба о личности одного из революционных деятелей Чечни – Асланбеке Шерипове [26].

Издания Северо-Кавказского истпарта в связи с десятилетием Октябрьской революции дают представление о методах конструирования образов в исторической памяти. Например, дореволюционная история отдельных народов и районов Северного Кавказа изображалась исключительно в мрачных негативных тонах. Логика повествования показывает, что целью такого подхода была необходимость представить существование местных социально-экономических предпосылок революционных преобразований и показать, что революция в регион не была принесена «извне», то есть из центральной части России.

В частности, в повествовании Я. Раенко-Туранского о жизни адыгов при царской власти автор утверждал, что политическая инертность народа объясняется условиями их социального, экономического и культурного существования. Он писал, что национальная политика царского правительства «настолько убила жизнеспособность адыгов, что они из трудолюбивых, развитых превратились в мелко-хищнических, совершенно забытых, не интересующихся политическими событиями» [16, с. 41].

Анализ текста отчетливо показывает мотивы истпартовского сотрудника, пытавшегося реабилитировать адыгов перед властью, которые,

по его мнению, ввиду своей «невежественности» и неспособности разбираться в происшедших событиях совершенно «не поняли» «Октябрь» и во время Гражданской войны «очутились на стороне реакционного казачества» [16, с. 46, 50].

В заключении Я. Раенко-Туранский выдвинул положение, ставшее впоследствии типичным для советской идеологии. Он говорил, что в течение пятидесяти лет черкесский народ жил под игом царского режима, а с приходом Советской власти наступила свобода, равноправие, ключом забившее просвещение в аулах, возрождение народа, изживание национальной вражды [16, с. 179–180].

В изданиях о революции и Гражданской войне на Ставрополье, выпущенных Ставропольским истпартом [1; 8], события от Февраля к Октябрю располагались по заданной официальной модели логики. Первым звеном этой логической цепи обязательно была предреволюционная история России, которая под пером работника истпарта неизбежно должна была привести к социалистической революции, а затем к победе большевиков в Гражданской войне. Один из авторов, руководитель агитпропа Ф. Головенченко, будущий ученый-филолог и погромщик «безродных космополитов», был учителем-гуманитарием, что и позволило ему грамотно воплотить схему Истпарта ЦК.

В этих книгах внимание акцентировалось на тех событиях, которые были своего рода вехами в истории прихода большевиков к власти в Ставропольской губернии, а факты, не вписывавшиеся в эту схему, попросту игнорировались. Тем самым инструкции и схемы Истпарта конструировали сознание авторов публикаций, которые, в свою очередь оказывали влияние на формирование исторической памяти местного сообщества. Выводы этих публикаций носили четко идеологический оттенок. Так, Ф. Головенченко даже не задавался вопросом о возможном существовании комплекса причин отказа крестьян сдавать хлеб продовольственным комитетам после Февраля. Он указывал только одну причину – нежелание поддерживать «буржуазное Временное Правительство с его земством» [1, с. 51].

Автору важно было показать отрицательное отношение крестьян ко всему, что было до Октябрьской революции. Для этого он использовал имевшийся у него комплекс источников, односторонне его интерпретируя, чтобы подчеркнуть роль большевиков в революционных событиях и доверие к ним со стороны местных жителей. Тем не менее, в рассказе встречаются

ся и данные, не укладывавшиеся в упрощенную схему. Ведь физическая угроза жизни за «неверную» интерпретацию исторического процесса была еще впереди.

Изучение текста позволяет сделать вывод о наличии двойственности («двоемыслия») в сознании исследователя, которое сочетает в себе желание отразить классовый подход и идейную убежденность со стремлением к объективности. Марксистский подход, о необходимости которого постоянно говорилось Истпартом ЦК ВКП(б), на провинциальном уровне зачастую понимался исключительно как определенная идеологическая установка. Она проявлялась в местных исторических исследованиях, в том числе и в анализируемых работах, в виде терминологии и двухмерной интерпретации документов. К примеру, Ф. Головенченко в одном месте объявляет учителей и врачей «пособниками буржуазии», пишет об «угаре радости» от падения самодержавия [1, с. 15]. Одновременно в своей книге он приводит свидетельства о том, что свержение царя вызвало у местного населения растерянность.

Другим примером конструирования исторического нарратива может служить опубликованная в Грозном брошюра, выполненная по заданию истпарта и переиздававшаяся три раза [26]. Ее анализ показывает, как происходил процесс конструирования исторической памяти с учетом региональной специфики и менталитета. Так, значимым было формирование образа местных героев революции. Потому в ней история революционного движения в Чечне рассматривалась через призму анализа жизни и деятельности А. Шерипова. Она, по словам автора, «символизирует собою, ярко, в концентрированном виде... те глубокие сдвиги, которые произошли в массах трудового чеченского народа в течение революционных 17–18–19 гг. и вместе с тем указывает этому народу единственно правильный путь освобождения и культурно-экономического развития» [26, с. 11].

Трудности создания исторического нарратива об Октябрьской революции в регионах отражает отчет Северо-Кавказского краевого истпарта о работе за 1927 г. Основные проблемы истпартов заключались в отсутствии «сколько-нибудь серьезных марксистских работ по истории и экономике края, а также по отдельным наиболее важным вопросам – национальному, аграрному, казачьему». В связи с этим каждый, кто занимался изучением Октябрьской революции и Гражданской войны, был вынужден самостоятельно разработать вопрос о

социально-экономических предпосылках, либо брал за основу схему центральной России. Разработка социально-экономических проблем виделась краевому истпарту как вынужденная мера, приводившая к необходимости выходить за пределы чисто истпартовской работы [23, л. 3–4]. Такие положения свидетельствуют о желании представителей местного интеллектуального сообщества, чтобы работа истпартов рассматривалась не только в качестве идеологического инструмента власти, но имела научный характер.

Однако подобные суждения оставались лишь пожеланием, и в реалиях 1920-х гг. истпартами Северного Кавказа был издан комплекс популярной литературы. Так, серия популярных брошюр к юбилею Октября была опубликована во второй половине 1920-х гг. Таганрогским истпартом [3; 4; 6; 10]. В момент их публикации эти книжки получили позитивную оценку центра [17, л. 12]. Таганрогский истпарт за их выпуск был причислен к числу «активных» и «инициативных», и даже после присоединения Таганрогского истпарта к Северо-Кавказскому краевому истпарту, выпуск брошюр осуществлялся в Таганроге.

Обращая внимание на общедоступность брошюр и их большой тираж, который вдвое превышал тираж изданий центральных истпартов, центр подчеркнул как позитивный факт переиздания некоторых из них [14]. К 1930 г. было выпущено 17 таких брошюр общим тиражом свыше 50 тыс. экземпляров [11, с. 200]. В характеристике Истпарта ЦК 1928 г. работа укрупненного Северо-Кавказского истпарта получила положительную оценку. В частности, было отмечено, что истпарт выпускал «интересную и хорошо проработанную брошюрочную литературу». Учитывая тяжелые обстоятельства «как в отношении источников, так и в смысле издательских возможностей, истпарт дает продукцию достаточную» [18, л. 11].

Впоследствии центр резко изменил свое отношение к подобным публикациям. Это было связано со сменой политического курса. Несмотря на то, что издание популярных брошюр отвечало поставленным в 1927 г. задачам выпуска популярной литературы, в 1930 г. уже отмечалось, что, делая ударение на издании популярных брошюр, Северо-Кавказский истпарт отступал от плана работ в ущерб основной научно-исследовательской деятельности. Признавая за подобный вид литературой большое «культурно-воспитательное значение», было обозначено, что ее издание не является задачей истпартов. Более целесообразным считал-

ся выпуск ее государственным издательством, отделом народного образования или отделами культуры партийных или профессиональных организаций [11].

Замечание частного характера отражает попытку перевести работу истпартов на научные рельсы и определить непосредственные компетенции истпартов. Уже в 1928 г. в директивных письмах, предписаниях, в отзывах и рецензиях центра содержалась рекомендация региональным истпартам перейти от издания документально непроверенных сборников воспоминаний к исследовательской работе [25, с. 354].

Однако обозначенные методологические установки не были реализованы, ввиду того, что начиная со второй половины 1920-х гг. Истпарт стал орудием И. В. Сталина в утверждении нового политического курса и установлении единоличной власти вождя. Изданная литература не удовлетворяла новые идеологические потребности. Начавшаяся «борьба с уклонами» вызвала более пристальное внимание центра к содержанию изданий региональных истпартов. Необходимо было объяснить, почему в данных публикациях отсутствуют сведения об «ошибках и уклонах» в прошлом. Истпарты превратились из органов, призванных придать власти большевиков легитимность, в один из инструментов борьбы с оппозицией за власть сталинской группировки.

В отчете Центральной ревизионной комиссии на XV съезде ВКП(б) подчеркивалось отсутствие, несмотря на десятилетие Октябрьской революции, «сколько-нибудь научной, до конца доведенной истории... партии» [2, с. 120]. Основные претензии к изданной истпартовской литературе по результатам юбилейных мероприятий состояли в том, что в этой печатной продукции не было изучения «уклонов», имевших место в конкретной партийной организации. Было отмечено, что до 1928 г. «получалась какая-то выхолощенная история», в которой исчезли все разногласия, ошибки, искривления линий» [24, с. 193].

В отчете отдела местных истпартов Института В. И. Ленина (с которым в 1928 г. был объединен Истпарт ЦК) за 1927–1928 гг. конкретизировались эти ошибки. Основным недостатком «литературно-исторических» работ региональных истпартов было названо стремление некоторых истпартов «затушевать неправильную линию партийной организации в прошлом,

принципиальные и тактические разногласия». Ввиду этого было предложено выявлять и изучать все уклоны и разногласия, подробно освещать внутрипартийную борьбу на местах. Начиналась эпоха «борьбы с ошибками и искривлениями». Кроме того, указывалось на стремление некоторых истпартов «выпячивать роль отдельных личностей», когда социальные события служили фоном для деятельности отдельных героев [25, с. 354].

Дело в том, что на Северном Кавказе действительно до революции большевики не играли сколько-нибудь значительной роли в региональном революционном движении. Поэтому авторы опубликованных истпартами воспоминаний редко упоминали большевистские организации. Именно это обстоятельство и вызывало особое негодование Центра. Новые идеологи не могли смириться с тем, что в ряде вышедших истпартовских работ утверждалось, что «партии перед Февральской революцией не было, – и большевизм, как феникс из пепла, рождается внезапно после февраля» [25, с. 354].

Таким образом, истпарты Северного Кавказа принимали активное участие в формировании регионального исторического нарратива об Октябрьской революции 1917 г. Основой формируемой концепции на локальном уровне являлось расположение исторических событий по заданной официальной моделью логике. История отдельных народов макро-региона Северного Кавказа изображалась в мрачных негативных тонах для показа наличия местных предпосылок революционных преобразований. В публикациях была сделана попытка обоснования длительной истории большевиков в регионе и их ведущей роли в местном революционном движении. Во многих изданиях превозносилось революционное насилие как средство преобразования действительности. Однако, несмотря на изначально свойственную истпартовским изданиям идеологизированность, авторам не всегда удавалось вложить особенности революционного движения в регионе в предложенную центром схему развития революции, поэтому в них можно встретить отражение некоторых реалий северокавказской истории. Многие положения историко-революционного нарратива 1920-х гг., несмотря на последовавшую трансформацию в 1930-е гг., стали основой советской идеологии и идентичности.

Источники и литература

1. 1917 год в Ставропольской губернии / под ред. Ф. Головенченко. Ставрополь: Издание истпарта окрком ВКП(б) и юбилейной комиссии, 1927. 103 с.

2. XV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., Л.: Гос. изд-во, 1928. 1416 с.
3. Борьба с Врангелем. Сентябрьское наступление: Документы Истпарта. Таганрог: [б.и.], 1928. 40 с.
4. Борьба с калединщиной (декабрь 1917 – январь 1918 г.): По документам белых / Истпарт Донкома ВКП(б). Доно-кратхбюро ДИКа. Таганрог: [б.и.], 1929. 31 с.
5. Булыгина Т. А. Модели исторической памяти и изучение локуса в исторической науке // Гуманитарные и юриди-ческие исследования. 2017. №1. С. 8–12.
6. В дни власти Деникина (1919 год): Документы Истпарта Донкома ВКП(б). Таганрог: [б.и.], 1929. 48 с.
7. Владикавказ в Октябрьские дни / под ред. и с поправкой Б. Гофман, М. Шаусен. Владикавказ: Истпарт Владокр-кома, 1927. 56 с.
8. Головенченко Ф., Емельянов Ф. Гражданская война в Ставропольской губернии (1918–1920). Исторический очерк. Ставрополь: Ставропольская Окружная Октябрьская комиссия и истпарт окркома ВКП(б), 1928. 226 с.
9. Историко-культурный стандарт по Отечественной истории. URL: <http://school.historians.ru/wp-content/uploads/2013/08/Историко-культурный-стандарт.pdf> (Дата обращения: 17.01.2018).
10. Казнь крестьянки Ефросины Голда (Эпизод борьбы с белыми – революционного крестьянства Таганрогского округа в 1919 г.) / под ред. К. В. Губарева. Таганрог: Издание Истпарта Тагокружка ВКП(б), 1928. 32 с.
11. Каюров В. Популярные брошюры Таганрогского (ныне Донского) истпарта // Пролетарская революция. 1930. №2-3. С. 200–202.
12. Лиманский А. Заложники у белых. Ростов-на-Дону: Севкавказ, 1927. 97 с.
13. Малышева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005. 400 с.
14. Об одном опыте Истпартрботы в 1927 году // Пролетарская революция. 1928. №2. С. 198.
15. Октябрь в Таганроге. (Из истории пролетарской борьбы в Таганроге) (1917 и нач. 1918 г.) / под ред. К. В. Губа-рева и Д. И. Боброва. Таганрог: Издание Тагистпарта окружка ВКП(б), 1927. 56 с.
16. Раенко-Туранский Я. Н. Адыге до и после Октября. Ростов-на-Дону, Краснодар: Крайнаиздат, 1927. 186 с.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 70. Оп. 2. Д. 16.
18. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 18.
19. РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 31.
20. Резолюции и постановления IV совещания заведующих истпартотделами 4–8 января 1927 г, утвержденные Ист-партом ЦК ВКП(б) // Пролетарская революция. 1927. №1. С. 265–267.
21. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 173.
22. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 343.
23. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 825.
24. Эссен М. О ближайших перспективах работы местных истпартов // Пролетарская революция. 1928. №1. С. 193–194.
25. Эссен М. Отчет отдела местных истпартов Института Ленина и обзор истпартрботы на местах за 1927/28 гг. // Пролетарская революция. 1928. №11-12. С. 354–361.
26. Эшба Е. Асланбек Шерипов (опыт характеристики личности и деятельности А. Шерипова, в связи с народно-ре-волюционным движением в Чечне). К 10-летию Октябрьской революции. 2-е изд. Грозный: «Серио», 1929. 156 с.
27. Corney F. C. Telling October: memory and the making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, London : Cornell University Press, 2004. 301 p.

References

1. 1917 god v Stavropol'skoj gubernii (1917 In Stavropol Province) / ed. by F. Golovenchenko. Stavropol: Istpart of the VKP (b) Committee of the People's Commissars and the Jubilee Commission, 103 p. (In Russian).
2. XV s#ezd VKP(b). Stenograficheskij otchet (XV Congress Of The CPSU (b). Verbatim record). Moscow, Leningrad: Gos. izd-vo, 1928. 1416 p. (In Russian).
3. Bor'ba s Vrangelem. Sentjabr'skoe nastuplenie: Dokumenty Istparta (The Fight Against Wrangel. The September Attack: Documents Of Histpart). Taganrog, 1928. 40 p. (In Russian).
4. Bor'ba s kaledinshinoj (dekabr' 1917 – janvar' 1918 g.): Po dokumentam belyh / Istpart Donkoma VKP(b) (Fight with Kaledinshina (December 1917 – January 1918). Donokrathbjuro DIKa. Taganrog, 1929. 31 p. (In Russian).
5. Bulygina T. A. Modeli istoricheskoy pamjati i izuchenie lokusa v istoricheskoy nauke (Models Of Historical Memory And The Study Of Locus In Historical Science) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2017. No. 1. P. 8–12. (In Russian).
6. V dni vlasti Denikina (1919 god): Dokumenty Istparta Donkoma VKP(b) (In The Days Of The Power Of Denikin). Taganrog, 1929. 48 p. (In Russian).
7. Vladikavkaz v Oktjabr'skie dni (Vladikavkaz In The October Days) / pod red. i s popravkoj B. Gofman, M. Shausen. Vladikavkaz: Istpart Vladokrkom, 1927. 56 p. (In Russian).
8. Golovenchenko F., Emel'janov F. Grazhdanskaja vojna v Stavropol'skoj gubernii (1918–1920). Istoricheskij ocherk (The Civil War In The Stavropol Province (1918–1920). Historical Essay.) / Stavropol: Stavropol'skaja Okruzhnaja Oktjabr'skaja komissija i istpart okrkoma VKP (b), 1928. 226 p. (In Russian).
9. Istoriko-kul'turnyj standart po Otechestvennoj istorii (Historical And Cultural Standard Of National History). URL: <http://school.historians.ru/wp-content/uploads/2013/08/Istoriko-kul'turnyj-standart.pdf> (Accessed: 17.01.2018). (In Russian).
10. Kazn' krest'janki Efrosin'i Golda (Jepizod bor'by s belymi – revoljucionnogo krest'janstva Taganrogsckogo okruga v 1919 g.) (The Execution Of A Peasant Woman Euphrosyne Golda (The Episode Of The Fight Against White – Revolutionary Peasantry Of Taganrog District In 1919)) / Ed by K. V. Gubareva. Taganrog: Izdanie Istparta Tagokruzhkoma VKP(b), 1928. 32 p. (In Russian).

11. Kajurov V. Populjarnye brochjury Taganrogskogo (nyne Donskogo) istparta (*Brochures Of Taganrog Histpart*) // Proletarskaja revoljucija. 1930. No. 2–3. P. 200–202. (In Russian).
12. Limanskij A. Zalozhniki u belyh (*White's hostages*). Rostov-on-Don: Sevkavkniga, 1927. 97 p. (In Russian).
13. Malysheva S. Yu. Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provincii: prostranstvo, simvolj, istoricheskie mify (1917–1927) (*Soviet Holiday Culture In Province: Space, Symbols, Historical Myths (1917–1927)*). Kazan': Ruten, 2005. 400 p. (In Russian).
14. Ob odnom opyte Istpartraboty v 1927 godu (*On One Experience Of Histpart Activity In 1927*) // Proletarskaja revoljucija. 1928. No. 2. P. 198. (In Russian).
15. Oktjabr' v Taganroge. (Iz istorii proletarskoj bor'by v Taganroge) (1917 i nach. 1918 g.) (*The October in Taganrog. (From The History Of Proletarian Struggle In Taganrog)*). / ed by K. V. Gubarev and i D. I. Bobrov. Taganrog: Izdanie Tagistparta okruzhkoma VKP(b), 1927. 56 p. (In Russian).
16. Raenko-Turanskij Ja. N. Adyge do i posle Oktjabrja (*Adyge Before And After The October*). Rostov-na-Donu, Krasnodar: Krajnacizdat, 1927. 186 p. (In Russian).
17. Russian state archive of socio-political history (RGASPI). F. 70. Inv. 2. D. 16. (In Russian).
18. RGASPI. F. 70. Inv. 2. D. 18. (In Russian).
19. RGASPI. F. 70. Inv. 2. D. 31. (In Russian).
20. Rezoljucii i postanovlenija IV soveshhanija zav.istpartotdelami 4–8 janvarja 1927 g, utverzhdennye Istpartom CK VKP(b) // Proletarskaja revoljucija. 1927. No. 1. P. 265–267. (In Russian).
21. Documentation center of the modern history of the Rostov region (CDNIRO). F. 7. Op. 1. D. 173. (In Russian).
22. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 343. (In Russian).
23. CDNIRO. F. 7. Inv. 1. D. 825. (In Russian).
24. Jessen M. O blizhajshih perspektivah raboty mestnyh istpartov (*On Future Prospects Of Local Histpart activity*) // Proletarskaja revoljucija. 1928. No. 1. P. 193–194. (In Russian).
25. Jessen M. Otchet otdela mestnyh istpartov Instituta Lenina i obzor istpartraboty na mestah za 1927/28 gg. (*Report Of Local Histpart Division Of The Lenin Institute And A Review Of Histpart Activity On The Ground During 1927/28*) // Proletarskaja revoljucija. 1928. No. 11–12. P. 354–361. (In Russian).
26. Jeshba E. Aslanbek Sheripov (opyt harakteristiki lichnosti i dejatel'nosti A. Sheripova, v svjazi s narodno-revoljucionnym dvizheniem v Chechne). K 10-letiju Oktjabr'skoj revoljucii. 2-e izd. (Aslanbek Sheripov (*Experience Of Characterization Of A. Sharipov's Personality And Activity, In Connection With The People's Revolutionary Movement In Chechnya*). Groznyj: Serio, 1929. 156 p. (In Russian).
27. Corney F. C. Telling October: memory and the making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, London: Cornell University Press, 2004. 301 p.

УДК 347.97/99+34.07

Е. И. Кобахидзе, А. А. Дзотцоева

СУДОУСТРОЙСТВО НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ 1850-х гг. В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОСУДИЯ

В статье анализируется система судоустройства на Центральном Кавказе, сложившаяся к концу 1850-х гг. на основе законодательных актов предшествующих десятилетий. Показано, что региональная система правосудия строилась по аналогии с общероссийской, но имела при этом свою специфику, обусловленную особенностями административного управления краем. Принципы управления и судопроизводства различались в зависимости от категории населения, при этом для гражданских лиц функционировала общероссий-

ская судебная система, адаптированная к условиям Кавказского наместничества, а для горского населения постепенно разрабатывались особые механизмы судоустройства и судопроизводства, в соответствии с которыми общегосударственное право в определенной мере было соотносено с местной юридической практикой.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, судоустройство, судопроизводство, российская судебная система, административное управление, народный суд.

E. I. Kobakhidze, A. A. Dzotsoeva

JUDICATURE IN THE CENTRAL CAUCASUS IN THE END OF THE 1850S IN THE CONTEXT OF RUSSIAN JUSTICE SYSTEM

The article analyses judicature in the Central Caucasus as formed by the end of the 1850s on the basis of legal acts of the previous decades. The article shows that the regional justice system evolved by analogy with the Russian one, but had its own features that were determined by the peculiarities of regional administering. The principles of administering and legal proceedings differed according to the category of population. Russian justice system adapted

to the conditions of the Caucasus vicegerency was valid for civilians, while for mountain dwellers specific mechanisms of judicature and legal proceedings were gradually developed. In accordance with them, the state law was brought into correlation with local juridical practice.

Key words: Central Caucasus, judicature, legal proceedings, Russian justice system, administering, Public Court.

Проблемы судоустройства на Центральном Кавказе в XIX в. тесно связаны с практикой его политико-административного освоения. В течение всего этого периода в процессе становления в регионе судебной системы выделяется несколько этапов, определяемых в первую очередь административными преобразованиями и конкретными социально-политическими обстоятельствами вхождения Кавказа в состав Российской империи. Изменения в административно-управленческой сфере влекли за собой переустройство судебной системы региона, определяя как ее организационные формы, так и функциональные особенности.

Вопросы судоустройства на Северном Кавказе в период его вхождения в административную систему Российской империи подни-

мались как историками, так и правоведами (Ж. Калмыков, Л. Гатагова, З. Блиева, Г. Малахова, И. Зозуля, А. Дзидзоев и др.). При этом в центре внимания исследователей оказывались проблемы административного освоения региона и формирования здесь государственной системы управления, частью которой рассматривалась судебная система. Характерно, что и те, и другие фокусировались в первую очередь на проблемах, связанных с организацией правосудия в горских обществах, населяющих регион, и возникающих при этом феноменах взаимодействия традиционных правовых норм и российского законодательства (З. Мисроков, Е. Кобахидзе, А. Абазов). Наиболее проработанными эти вопросы оказались для второй половины XIX в., когда Российское государ-

ство вступило в эпоху Великих реформ, одно из центральных мест среди которых заняла судебная реформа 1864 г.

На наш взгляд, акцентуация «горской» проблематики в определенной мере затушевывает реальную сложность процесса создания системы правосудия в регионе, поскольку ограничивает представление о региональной судебной системе в ее целостном виде, не позволяя в полной мере оценить специфику судостроительства и судопроизводства и его генетические связи с организационной структурой судебной сферы в Российской империи. В предлагаемой статье сделана попытка уйти от узконаправленного взгляда на эти процессы и показать эволюцию региональной судебной системы в общероссийском контексте в пределах небольшого хронологического отрезка 20–50-х гг. XIX в. – периода, когда закладывались основы будущего судостроительства Северо-Кавказского региона и специфика правоприменительной практики.

Уже в первых официально принятых актах об управлении Кавказом намечались контуры сложившейся впоследствии многоуровневой иерархии судебной системы в крае [1, с. 108]. Сложность ее организации и структуры была вызвана особенностями административного управления: гражданского – для жителей городов, военного – для казачества и воинских подразделений, военно-народного – для горцев.

Для гражданского населения Кавказа в рассматриваемый период действовала общероссийская судебная система, адаптированная к условиям региона. Ее устройство регламентировалось введенным еще 6 февраля 1827 г. Учреждением для управления Кавказской областью, утвержденным императором Николаем I.

Чтобы оценить специфику первого закона, разработанного для управления Кавказом и надолго определившего очертания региональной системы судостроительства и судопроизводства, необходимо представить в общих чертах основные характеристики российской системы правосудия. В организационном отношении она представляла собой достаточно громоздкую иерархию судебных установлений, куда входили суды общей юрисдикции и «особенные» суды, появившиеся после судебной реформы Екатерины II. Начало XIX в. внесло некоторые изменения в судостроительство, однако в целом судебная система в Российской империи сохраняла свои общие черты вплоть до введения новых судебных уставов 1864 г.

В соответствии с Учреждениями для управления губерниями 1775 и 1780 гг. в Российской

империи была создана система параллельно действующих систем местных административных и судебных органов, основанных на принципе сословности. В качестве судов первой инстанции в системе общей юрисдикции действовали т. н. «верхние» (в губернских городах) и «нижние» (в уездах) сословные суды для дворян, городских обывателей и крестьян. Апелляционной и ревизионной инстанцией для «верхних» судов являлись губернские палаты уголовного и гражданского суда, являвшиеся уже судами всесословными. Коронный элемент в уездных судах был представлен председателем и членами суда; помимо них в судейский состав входили заседатели (два – от дворянского сословия и два – от купеческого). Нижние земские суды выполняли также административно-полицейские функции.

Верхний земский суд являлся апелляционной и ревизионной инстанцией по отношению к уездному суду и состоял из двух департаментов, один из которых ведал делами уголовными, другой – гражданскими. Два председателя суда назначались высшей властью по представлению Сената. В состав суда входили 10 заседателей, избираемых губернским дворянством на три года.

Система «особенных» судов была представлена совестными судами, которые предполагалось создать во всех губерниях, а также Верхним и Нижним надворными судами (в Москве и Санкт-Петербурге). Юрисдикции совестных судов подлежали гражданские дела, которые могли быть рассмотрены в примирительном порядке, и споры, не предусмотренные законом (см. подробнее: [3, с. 43–45]). Совестный суд как судебная инстанция был поставлен на один уровень с губернскими палатами, и высшей инстанцией для него, как и для палат, являлся Сенат и император.

Для городского населения также учреждалось две судебные инстанции: городской магистрат (в посадах – ратуша) и губернский магистрат. Члены городского магистрата, как и ратуши, избирались городским купечеством и мещанством раз в три года. Высшей апелляционной и ревизионной инстанцией для городских судов являлся Губернский магистрат, два председателя которого назначались Сенатом по представлению губернского правления. Шесть заседателей губернского суда избирались от купеческого и мещанского сословий города. Как и верхний земский суд, губернский магистрат также состоял из двух отделений – уголовного и гражданского.

В уездных городах система судебных органов дополнялась управами благочиния, куда

входили городничий, приставы по уголовным и гражданским делам и два ратмана, избираемых горожанами. В управах, помимо полицейского надзора, велось рассмотрение маловажных уголовных и гражданских дел и производство следствия. Кроме того, в городах продолжали действовать словесные суды, члены которых избирались городским населением ежегодно.

Учреждение для управления Кавказской области от 6 февраля 1827 г. [7] формировало региональный судебно-административный аппарат, несколько отличающийся от общероссийского. В кавказской судебной системе были представлены только суды общей юрисдикции и военные суды, что объяснялось военными условиями Кавказа. Иерархия общих судов в определенной степени дублировала общероссийскую структуру.

В связи с тем, что Учреждение разделило бывшую Кавказскую губернию на четыре округа, утвердив в качестве окружных городов Ставрополь, Георгиевск, Моздок и Кизляр, уездные судебно-административные органы приобрели статус окружных, а губернские – областных. Высшей судебной инстанцией стал Областной суд в г. Ставрополе. Председателем Областного суда являлся начальник области – «воинский чиновник», командир Кавказской линии и дивизионный начальник; в состав суда входили три советника (один из них – старший), заседатель от дворянского сословия, а также один депутат «для присутствия» – в случаях разбора дел представителей купеческого и мещанского сословий, избираемый купечеством областного города или назначаемый из членов городского суда.

Областной суд являлся высшей апелляционной инстанцией в сфере гражданского судопроизводства, высшей ревизионной инстанцией – в сфере уголовного судопроизводства и первой инстанцией для разбора должностных преступлений [7, с. 114]. Апелляции, исходящие из Областного суда по гражданским делам, передавались в Сенат, по уголовным и следственным – к начальнику области, а в случае несогласия с принятым решением – главноуправляющему в Грузии или в Сенат [7, с. 124].

Совестный суд как самостоятельная судебная инстанция в Кавказской области отсутствовал – его компетенция передавалась Областному суду, причем для рассмотрения дел, находящихся в юрисдикции совестных судов, предполагалось издание специальных узаконений; при разбирательстве в Областном суде «случаев суда совестного» необходимо было присутствие областного предводителя дворянства.

По аналогии с уездными судами российских губерний в Кавказской области создавались окружные и земские суды. Первой инстанцией для разбора уголовных и гражданских дел становились окружные суды, в состав которых, помимо председателя, входили также два заседателя из чиновников и депутаты от сословий. Уголовные преступления, совершаемые в среде военных и казаков, передавались на рассмотрение военного суда.

Учреждаемые в Кавказской области земские суды, как и в других частях империи, осуществляли административно-полицейские функции [7, с. 116–117] и отчасти брали на себя заботы волостного управления, занимаясь раскладкой повинностей, сбором и обработкой статистических данных, исполнением судебных решений и судопроизводством «по маловажным делам» [7, с. 121]. В составе земского суда находились земский исправник и пять заседателей, один из которых назначался специально «для разбора споров между обывателями и кочующими инородцами» [8, с. 23].

В городах Кавказской области учреждалось городское управление, в его составе находился городской суд, заменивший собой городской магистрат, отсутствие которого объяснялось «малолюдностью» городов региона. В законе указывалось, что городские суды создаются исключительно для разбирательства словесных жалоб по гражданским делам, поскольку письменные жалобы должны были подаваться в окружные суды. Соответственно, в состав городского суда входили словесные суды каждого из народов, населяющих Кавказскую область: русский, армянский, «татарский» и другие, действующие «отдельно и совокупно» [7, с. 120]. В случаях разбирательства дел тяжущихся, принадлежавших одному обществу, словесные суды действовали отдельно; если же стороны представляли разные общества, собирався смешанный состав суда. Узаконивалось смешанное положение, по которому «инородные» словесные суды действовали «по правилам, обычаям и законам инородных» [7, с. 120]. Число городских словесных судов определялось главноуправляющим в зависимости от «соразмерности дел и рода населения» [8, с. 24]; каждый словесный суд действовал в составе одного судьи и двух заседателей.

Военное население крепостей, расположенных на Кавказской военной линии, подчинялось общему комендантскому управлению округа, которое осуществлялось окружным начальником – будучи воинским чиновником, он являлся также и комендантом крепости, находящейся

в окружном городе. Окружному начальнику предписывался надзор за ходом текущей административной деятельности во вверенном ему округе; следственные и уголовные дела, рассматриваемые в окружных судах, подлежали его ежемесячной ревизии [7, с. 114–115]. Как комендант крепости, окружной начальник по комендантскому управлению подчинялся линейному командиру и имел право пересмотра приговоров военного суда.

Что касается местного горского населения, то Учреждение для управления Кавказской области дифференцировало его на «внутренних» и «внешних» («залинейных») инородцев, и для каждой из этих категорий вводились свои порядки, в том числе и в области судопроизводства и судопроизводства.

По отношению к «внутренним инородцам» судопроизводство велось в зависимости от рода дел: общественных (т.е. государственных преступлений: измена, возмущение в народе, побег за границу с злым умыслом, подвод хищников заграничных), частных (убийство, грабеж и насилие, поджог, фальшивомонетничество, скотокрадство), исковых [7, с. 122]. Все дела по общественным преступлениям подлежали рассмотрению военным судом; частные дела рассматривались и решались в окружных судах и в порядке ревизии могли передаваться в областной суд. Исковые дела разбирались в самих обществах в соответствии с традиционными юридическими нормами и в случае несогласия с вынесенным решением на основании жалобы поступали в окружной суд в следственном порядке (если сумма иска превышала 100 руб., причем для подачи жалобы определялся годовой срок [7, с. 124]) и далее, уже в порядке апелляции, передавались в высшие судебные инстанции. Однако законодатель подчеркивал, что во всех случаях решения должны выноситься на основании местных «законов и обычаев» [7, с. 122].

Новые административные порядки не распространялись на «залинейных инородцев», которые состояли в ведении линейных воинских начальников – комендантов окружных городов [7, с. 111–112, 122], причем безотносительно к созданному в области административно-управленческому аппарату. Все преступления, совершаемые в обществах, рассматривались в воинских судах; по исковым делам «внешним инородцам» предоставлялось право разбирательства на основании бытующих в местной среде правовых обычаев. Линейное начальство могло вмешиваться в судебный процесс, только если сами жители обратятся к нему с подобной просьбой [7, с. 122].

Права пересмотра вынесенных решений в официальных судебных инстанциях «внешние инородцы» не имели.

Несмотря на строгую иерархию судебных установлений, Учреждение закрепляло порядок, при котором судебные и собственно административные функции переплетались на каждом из уровней управления. Так, председательствовать в судах различных инстанций надлежало начальникам соответствующих управленческих структур, занимавших высшие офицерские должности; окружным управлением осуществлялся надзор за окружными и земскими судами, областное управление выполняло аналогичные функции по отношению к окружным судам. Областному начальнику поручалось пересматривать и утверждать решения по уголовным делам, принятые Областным судом, или, в случае несогласия, передавать их высшему начальству, он же утверждал кандидатуры членов городских судов. Окружные советы и окружные начальники имели право ревизии следственных и уголовных дел, рассматриваемых в местных судах. Наверху пирамиды исполнительной власти в Кавказской области стоял главноуправляющий в Грузии, который наделялся и надзорными функциями в сфере отправления правосудия.

В целом принятая в регионе система управления и судопроизводства для гражданского населения действовала вплоть до введения новых судебных уставов 1864 г. с незначительными изменениями, связанными с подвижками в административной сфере. Так, по высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 9 декабря 1842 г. была частично реорганизована система управления Кавказской областью: как лишняя административная инстанция упразднялись окружные советы с передачей их функций окружным начальникам – комендантам крепостей; Моздок был переведен в статус заштатного города и вместо упраздненных окружного суда и полицейского управления в городе появилась Ратуша (по аналогии с посадами российских губерний); создан городской магистрат в областном центре – г. Ставрополе и т. п. [9]

Некоторые незначительные подвижки в устоявшейся судебной системе региона произошли в связи с учреждением Кавказского наместничества и назначением наместника в качестве высшего должностного лица. В управлении краем был реанимирован губернский принцип: Кавказ делился на губернии, а его округа вновь стали уездами. В соответствии с этим принципом несколько видоизменялась и

система судоустройства на Северном Кавказе: переименование Кавказской области в Ставропольскую губернию (2 мая 1847 г. [10]) повлекло за собой трансформацию Ставропольского областного суда в Палату Уголовного и Гражданского суда, а окружных судов – в уездные. Общее управление в губернии строилось на основании прежнего Учреждения для управления Кавказской области с той лишь разницей, что все бывшие кавказские, областные и окружные должности и правительственные места стали именоваться соответственно Ставропольскими, губернскими и уездными.

Состав и предметы ведения судебных установлений Ставропольской губернии оставались прежними, однако позже были несколько расширены: так, например, в конце 40-х гг. в компетенцию Ставропольской палаты вошли дела, касающиеся отношений крестьян и их владельцев.

В конце 50-х гг. XIX в. на Северном Кавказе происходят события, определившие его дальнейшую судьбу в составе Российской империи. Близившееся окончание Кавказской войны, в течение десятилетий отнимавшей и силы, и средства противоборствующих сторон, определило пересмотр ориентиров в кавказской политике правительства, вплотную приступившего к глубоким административно-судебным преобразованиям в крае. Необходимость в реформе управления, проведенной наместником А. И. Барятинским в 1857–1858 гг., была вызвана потребностями «гражданского развития» региона, а «краеугольным камнем русского владычества на Кавказе» Барятинский считал «устройство окончательного управления горскими племенами» [2, с. 1278]. Поэтому основное внимание кавказской администрации было сосредоточено на решении именно этих задач. При этом под управлением понималось создание для горцев не только институтов управления, но и судебных органов, зачастую исполнявших еще и сугубо административные функции.

Главным в преобразованиях наместника стал отказ от прежней системы приставских управлений, сформированных на территориях проживания горцев, и создание совершенно новой для региона административной системы военно-народных округов. В соответствии с Положением Кавказского комитета от 10 декабря 1857 г. «О некоторых изменениях в управлении покорными племенами Кавказа» на Правом крыле Кавказской военной линии вместо прежних шести приставств образовывалось четыре (Нижне-Прикубанское, Закубанских ногайцев, Тахтамышевское и Карачаевское), а на Левом –

четыре округа: Военно-Осетинский, Кабардинский, Чеченский и Кумыкский [12]. Начальниками округов назначались высшие военные офицеры в чине полковника или генерал-майора, которые находились в непосредственном подчинении у командующего войсками Левого крыла [2, с. 646]. При начальнике округа состоял помощник, назначаемый из русских штаб-или обер-офицеров, а также штат помощников, управляющих частями округа, причем на эти должности могли назначаться как русские офицеры (например, в Военно-Осетинском округе), так и представители местного населения (в Кабардинском округе) [13, с. 502].

Главное приставство горских народов бывшего Владикавказского военного округа вошло в состав нового Военно-Осетинского округа, который делился теперь на пять участков: приставства Куртатинское, Алагирское, Назрановское, Нагорное, карабулаков и галашевцев [2, с. 645].

Одновременно с выстраиванием окружной административной модели управления упорядочивалась и организационная структура судебной системы, при этом основные изменения происходили в судоустройстве, предназначенном для горского населения края. Так, в том же Положении устанавливалась необходимость создания в каждом из округов народного суда «для судопроизводства, разбора жалоб и тяжб, обсуждения вопросов о нуждах и потребностях племени» [12, с. 995]. Членство в суде предполагалось постоянным, а председательствовать назначалось начальнику округа. Народные суды состояли из главного кадия и нескольких депутатов от каждого из обществ, входящих в состав округа. Делопроизводство в суде должен был вести адъютант окружного начальника. Окружной народный суд являлся высшей судебной инстанцией в округе.

Штат Народного суда, учреждаемого в Военно-Осетинском округе и располагавшегося во Владикавказе, состоял, помимо председателя и главного кадия, из 11 депутатов и двух переводчиков – «письменного» и «словесного» [13, с. 502]. Среди депутатов окружного суда числились: «от назрановцев – 2, от галгаевцев – 1, от джераховцев и кистинцев – 1, от ингуш – 1, от тагаурцев – 2, от алагирцев и куртатинцев – 2, от горских осетин – 1, от галашевцев и карабулаков – 1 и впоследствии еще один от дигорцев» [2, с. 647].

Судопроизводство для местных народов, населяющих Военно-Осетинский округ, регламентировали «Первоначальные правила для управления участками Осетинского округа»,

утвержденные главнокомандующим войсками Левого крыла Кавказской военной линии 18 сентября 1858 г. [4, с. 237–238; 6, л. 11–12] Правила унифицировали процессуальную деятельность окружного суда и определяли юрисдикцию начальников участков. В сфере правоприменения усиливались репрессии в отношении тех лиц, которые скрывались в непокорных обществах. Изначально «Правила» вводились как временная мера до того момента, когда будут изданы более подробные инструкции.

Документ определял порядок судопроизводства и подсудность дел, подлежащих рассмотрению как в окружном народном суде, так и в участковых управлениях как судах первой инстанции. Разбирательство «немногосложных жалоб» по гражданским делам проводилось в устной форме помощниками начальника округа по участкам, но вместе с тем предполагалась и некоторая формализация процесса: в специально заведенных во всех участковых управлениях журналах следовало фиксировать суть жалобы и кратко излагать ход дознания; определяемое помощником решение фиксировалось как его подписью, так и подписями истца и ответчика. В случае если одна из сторон не соглашалась с вынесенным решением, копия журнальной записи вместе с письменным изложением причин несогласия и собственными доказательствами представлялись начальнику округа как председателю народного суда.

В системе наказаний за незначительные правонарушения предусматривалось наложение штрафа «по народному обычаю» в присутствии трех старшин, но на сумму не свыше 15 рублей серебром. «Более важные» тяжбы и разбирательства надлежало рассматривать в народном суде. Так, если сумма штрафа по словесной жалобе превышала установленный предел, то участковый начальник сообщал об этом начальнику округа, который в свою очередь передавал дело на рассмотрение в окружной народный суд.

Для более значительных правонарушений применялся «законный порядок» рассмотрения; наказания за них налагались по решению суда или «определению окружного начальства». Вводилась такая мера пресечения, как содержание под стражей.

Особо оговаривались действия, которые следовало предпринять участковым начальникам в тех случаях, когда виновные или подозреваемые скрывались от ответственности в «непокорных обществах»: тогда их семьи следовало арестовать и передать старшинам обществ «под поручительные подписи»,

а имущество – конфисковать и в присутствии понятых составить его опись. Дальнейший ход разбирательства оставлялся на усмотрение окружного начальства.

Принципы административного управления и судостроительства, введенные наместником, составили основу т. н. военно-народного управления, применяемого по отношению к горцам, которое постепенно складывалось на Северном Кавказе по мере вовлечения региона в административную систему Российской империи. Официально военно-народное управление для горцев Центрального Кавказа закрепляло Положение о Кавказской армии от 1 апреля 1858 г. [см. 11; 2, с. 1276].

Таким образом, в ходе утверждения на Центральном Кавказе системы военно-народного управления узаконивался принцип полиюридизма, отличавший процессуальную деятельность народных судов при рассмотрении дел, касающихся горского населения. Как отмечает З. Х. Мисроков, особенностью юридического плюрализма на Северном Кавказе являлась свобода выбора способа разрешения спора или конфликта при сохранении за государством монополии в правосудии, что в случае с окружными народными судами подтверждалось фактом назначения на должность председателя «своего» военного чиновника. Несмотря на влияние экзогенных правовых ценностей, традиционное обычное право горцев не утрачивало своих изначальных качеств и использовалось наряду с российским правом при условии непротиворечия имперскому стандарту [5, с. 92–93].

Как видно, система отправления правосудия на Кавказе до конца 50-х гг. XIX в. строилась по аналогии с общероссийской, но отражала при этом местную специфику, обусловленную пограничным положением региона и условиями военных действий, ведущихся в ходе Кавказской войны. Здесь не были учреждены т. н. «особенные» суды, в системе общих судов при сохранении ее основных структурных элементов отмечалась некоторая упрощенность по сравнению с общероссийской, отдельное место было отведено судостроительству и судопроизводству в среде «иностранцев», для которых долгое время не создавалось официальных судебных учреждений. (Исключение составляли Кабардинский временный суд, созданный еще в 1822 г., т. е. до принятия Учреждения для управления Кавказом, для решения судебно-административных задач среди кабардинцев [см. подробнее 1, с. 66–77], и просуществовавший менее десяти лет Владикавказский

инородный суд, открытый в 1828 г. для разбора дел осетин и ингушей и в 1830 г. преобразованный в окружной после карательной экспедиции генерала Абхазова в Осетию.) Изменение социально-политической обстановки в крае в связи с близившимся окончанием Кавказской войны актуализировало задачу интеграции Северного Кавказа в политико-правовое поле империи, выдвинув на первый план вопросы судостроительства для горцев. Они разрешались путем правового оформления как организационной структуры, так и процессуальных аспектов деятельности формируемой для местного населения судебной системы. И как уже отмечалось, к особенностям региональной системы правосудия следует отнести совмещение судебных и собственно административных

функций в одной инстанции и наделение судебными полномочиями руководителей территориально-административных органов управления, бывших военными чиновниками.

Коренные изменения на административной карте Северного Кавказа и создание в январе 1860 г. из Левого и Правого флангов Кавказской линии Терской и Кубанской областей повлекло за собой качественные сдвиги как в организации региональной судебной системы, так и в правоприменительной деятельности. Однако уже в конце 1850-х гг. определились принципы будущего судостроительства региона, в соответствии с которыми все более и более расширялось поле действия российского государственного права, сочетающегося в определенной степени с местной юридической практикой.

Источники и литература

1. Абазов А. Х. Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 264 с.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис: Тип. гл. упр. Наместника Кавк., 1904. Т. XII (1856–1862). 1552 с.
3. Ефремова Н. Н. Эволюция отечественного правосудия (судебные реформы XVIII–XIX вв.) // Право. Журнал высшей школы экономики. 2008. № 2. С. 34–50.
4. Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. Т. II. Орджоникидзе: Государственное издательство СОАССР, 1942. 361 с.
5. Мисроков З. Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М.: МГУ, 2002. 256 с.
6. Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗ-II). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. II. К №878.
8. ПСЗ-II. Т. II. Штаты и табели. №878.
9. ПСЗ-II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1843. Т. XVII. Ч. 2. №16316.
10. ПСЗ-II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1848. Т. XXII. Ч. 1. №21164.
11. ПСЗ-II. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1858. Т. XXXII. Ч. 1. №32529.
12. ПСЗ-II. Т. XXXII. Ч. 1. №32541.
13. ПСЗ-II. Т. XXXII. Ч. 2. Штаты и табели. К №32541.

References

1. Abazov A. Kh. Narody Central'nogo Kavkaza v sudebnoj sisteme Rossijskoj imperii v konce XVIII – nachale XX v. (*The Peoples Of The Central Caucasus In The Juridical System Of The Russian Empire In The Late 18 – Early 20 Century*). Nalchik: Pechatnyj dvor Publ., 2016. 264 p. (In Russian).
2. Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoj komissiej (*Acts Collected By The Caucasian Archaeographic Committee*). Tiflis: Caucasian General-Lieutenant Head-Office Printing house, 1904. Vol. XII (1856–1862). 1552 p. (In Russian).
3. Efremova N. N. Jevoljucija otechestvennogo pravosudija (sudebnye reformy XVIII–XIX vv.) (*Evolution Of Russian Justice (Judicial Reforms Of The 18–19 c.)*). Pravo. Zhurnal vysshej shkoly jekonomiki (*Law. Journal of Higher School of Economics*). 2008. No. 2. P. 34–50. (In Russian).
4. Materialy po istorii osetinskogo naroda: Sbornik dokumentov po istorii zavoevanija Osetii russkim carizmom (*Materials On The History Of Ossetian People: Collected Documents On History Of Conquest Of Ossetia By Russian Tsarism*). Ordzhonikidze: State Publishing house of the North Ossetian ASSR, 1942. Vol. II. 361 p. (In Russian).
5. Misrokov Z. Kh. Adat i shariat v rossijskoj pravovoj sisteme: Istoricheskie sud'by juridicheskogo pljuralizma na Severnom Kavkaze (*Adat And Shariah In The Russian Legal System: Historical Fates Of Juridical Pluralism In The North Caucasus*). Moscow: Moscow State University Publ., 2002. 256 p. (In Russian).
6. Nauchnyj arhiv SOIGSI (*Scientific Archive Of The North Ossetian Institute For Humanitarian And Social Studies*). F. 5. Inv. 1. D. 1. (In Russian).

7. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e (PSZ-II) (*Complete Collection Of Laws Of The Russian Empire (CCL)*). St. Petersburg: 2nd Department of Chancellery of His Imperial Majesty Printing house, 1830. Vol. II. No. 878. (In Russian).
8. PSZ-II (CCL). Vol. II. Staff and tables. To the no. 878. (In Russian).
9. PSZ-II (CCL). St. Petersburg: 2nd Department of Chancellery of His Imperial Majesty Printing house, 1843. Vol. XVII. Part 2. No. 16316. (In Russian).
10. PSZ-II (CCL). St. Petersburg: 2nd Department of Chancellery of His Imperial Majesty Printing house, 1848. Vol. XXII. Part 1. No. 21164. (In Russian).
11. PSZ-II (CCL). St. Petersburg: 2nd Department of Chancellery of His Imperial Majesty Printing house, 1858. Vol. XXXII. Part 1. No. 32529. (In Russian).
12. PSZ-II (CCL). Vol. XXXII. Part 1. No. 32541. (In Russian).
13. PSZ-II (CCL). Vol. XXXII. Part 2. Staff and tables. To the no. 32541. (In Russian).

УДК 94 (470.6)"18"

Д. Ю. Коробейникова

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ПРИЧИНЫ РЕЦИДИВОВ ВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В РЕГИОНЕ

Статья раскрывает условия и причины рецидивов массового участия представителей горских обществ в вооруженном противоборстве с Российской империей после завершения активной фазы Кавказской войны. Несмотря на то, что к середине 60-х гг. XIX в. было положено начало мирному процессу инкорпорации Северного Кавказа в социокультурную систему России, время от времени намечавшийся диалог омрачался вспышками прежней вражды. Новые параметры жизни и сама атмосфера этнополитических ре-

алий в регионе вызывала чувство тревоги и неуверенности своим будущим среди горцев. Под давлением российской государственной машины рушился привычный для местных народов уклад жизни. Сохранявшиеся между сторонами предубеждения также несли в себе угрозу конфликта.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, Российская империя, вооруженное противоборство, горские общества, диалог, рецидив, протестные настроения.

D. Yu. Korobeynikova

THE NORTH-EASTERN CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY: THE REASONS FOR RECURRENCE OF ARMED COUNTERACTIONS IN THE REGION

The article studies conditions and reasons for recurrence of the mass participation of the highlanders' societies in armed counteraction to the Russian Empire on completion of the active phase of the Caucasian war. In spite of the fact that by mid-1860s the process of peaceful incorporation of the North Caucasus in the sociocultural system of Russia was underway, occasional bursts of enmity overshadowed the dialog. New context of life and the atmosphere

of ethnic and political reality in the region caused anxiety and lack of confidence among highlanders. The usual mode of life of locals was gradually falling down under the pressure of Russian state machine. The prejudices of the parties against each other also caused a conflict risk.

Key words: North-Eastern Caucasus, Russian Empire, armed counteraction, highlanders' societies, dialogue, recurrence, protest aspirations.

Противоборство части горских обществ с российской властью в целом было преодолено к началу 1860-х гг., но это отнюдь не означало, что имеющиеся противоречия ушли в прошлое. Как писал один из неуставленных авторов, который неплохо разбирался в местной специфике, «Кавказ был покорён, но в населении его не могли сразу исчезнуть следы и привычки долгой борьбы и подчинения своим деспотам и фанатикам. Естественно, должны были происходить вспышки, устранение коих стало, однако, преимущественно зависеть уже от общих гражданских с нашей стороны мероприятий» [3, с. 139].

Необходимо было создать такие условия для жизни, при которых новое противостояние

стало бы невыгодным для народов, населяющих Северный Кавказ. Но даже самый оптимистический сценарий должен был учитывать возникновение рецидивов бывшего ожесточения, на которые следовало весьма оперативно и эффективно реагировать.

Кроме того, правительство должно было уделять внимание и тем проблемам, которые проявились в крае в связи с активной славянской колонизацией этих мест и вызвались социально-экономическими процессами, которые переживала Россия под влиянием буржуазно-демократических реформ. Между тем сама атмосфера формирующихся на Северном Кавказе этнополитических реалий не могла не вызывать чувство тревоги и неу-

верности в завтрашнем дне. И связано это было не с тем, что жизнь горцев изменилась в худшую сторону. Налицо были позитивные изменения и новые перспективы развития в условиях мира и стабильности. Но «нарушение привычного для горцев течения жизни, вызванного давлением российской государственной машины, серьёзно воздействовало на массовые настроения. Если театр Кавказской войны на Северо-Восточном Кавказе не выходил за пределы Чечни и Дагестана, а на Северо-Западном – ограничивался ареалом расселения адыгов, то после войны Россия получила возможность проникать повсюду. Население во всех уголках Кавказа проявляло нервозность по поводу своей дальнейшей судьбы. Многие жители региона испытывали страх перед будущим, поскольку не понимали сути происходивших перемен» [6, с. 130].

Первое десятилетие после пленения Шамиля ситуация на Северо-Восточном Кавказе, бывшим одним из главных очагов войны, внушала осторожный оптимизм. Местное население, уставшее от непрестанных испытаний и жертв, активно старалось использовать те возможности, которые давала им мирная жизнь. Современники отмечали, как менялись умонастроения в горских обществах, располагавшихся в непосредственной близости от российских поселений и активно взаимодействующих со своими вчерашними противниками. Совместная хозяйственная деятельность сближала представителей различных этносов, предоставляла им возможность добиться успехов на поприще сотрудничества.

Представляется весьма наглядной картина, которую нарисовал русский чиновник Н. С. Семёнов, долгое время контактировавший с чеченцами и не раз по служебной и личной надобности посещавший их селения. Он отмечал, как изменялся менталитет местных жителей под влиянием российского фактора, как прививались навыки созидательного труда, дающего необходимое материальное благополучие. Теперь инициативный горец, почувствовавший все прелести достатка и благополучия, «нуждаясь для всего этого в средствах и лишенный возможности добывать их отцовским способом, т.е. грабежом, он вынужден прибегать к другим источникам дохода: сеять и продавать хлеб, косить сено, разводить овец, вообще, заниматься сельским хозяйством, а то и торговлю, или разными спекуляциями, или службою» [15, с. 17].

Но этот автор был далёк от идеализации происходивших трансформаций. Видел он и

негативные стороны выстраивавшегося диалога, понимая, насколько хрупким может быть новый, пока ещё формирующийся имперский социокультурный фундамент в местных условиях [4]. Сохраняющиеся предубеждения несли угрозу конфликта, и среди местных жителей было немало тех, кто готов был выступить против произошедших изменений, но пока опасался карательного ответа государства. Как показали дальнейшие события, изменившаяся внутренняя и внешнеполитическая конъюнктура подтолкнёт таких людей к активному противоборству и будет стоить немалой крови всем участникам столкновений.

Многие требования властей казались местным жителям произволом и не соответствовали привычному, а потому выглядевшему естественным укладу. Так, сохранилось немало жалоб властей на местах о незаконной вырубке леса. Угрозы наказания горцами игнорировались, а найти виновных было затруднительно. Действовал принцип круговой поруки, и предлагаемые администрацией варианты урегулирования таких конфликтов успехом не увенчались. Так, предложение собирать хворост и осуществлять заготовку древесины на основании выдаваемых билетов поддержки не нашло. Лесная стража, охранявшая угодья, подвергалась непрестанным нападениям, хотя до убийств дело доходило редко.

Как и прежде, возникали разногласия вокруг определения размеров арендной платы за пользование земельными наделами, принадлежавшими местной старшинской верхушке. Она нередко получала их от казны за свою верную службу и предпочитала не обрабатывать самостоятельно, а отдавать односельчанам, получая взамен деньги или производимую продукцию. Например, за право сенокоса владелец угодий требовал по одному возу сена с каждого двора; за выпас скота – по одной овце с ягнёнком со ста голов и т.п. [17, л. 48–49].

Аренда существовала в горском миросоциуме давно, и возникающие в процессе таких хозяйственных взаимоотношений споры регулировались ещё на основании адата. Но произошедшее под влиянием России перераспределение земельной собственности, появление новых владельцев воспринималось неоднозначно. Права новой элиты нередко оспаривались, при этом недовольные апеллировали к старине и обвиняли своих соотечественников в ренегатстве.

Любые вмешательства в земельные вопросы вызывали весьма болезненную реакцию, т. к. касались той стороны жизни автохтонов,

которая была связана с проблемой выживания. В условиях хронического малоземелья сложившиеся горские коллективы не желали появления возле себя чужаков, а уж тем более не терпели, когда их пытались включить в их число. Практикуемое властями подселение новых жителей в аулы приводило к протестам, а чужаки не получали тех прав, которые имели старожилы. Судя по многочисленным петициям, это была не единичная проблема, и заложниками таких противоречий становились абсолютно все участники [13, л. 369–369об.].

Была непривычной и раздражающей прививаемая обязанность платить налоги. В Дагестане они колебались в размере от 50 копеек до 6 рублей 75 копеек на один дым, в зависимости от уровня благосостояния жителей. Назвать эти суммы запредельными нельзя, т.к. судя по стоимости товаров на местных рынках, доходы отдельной семьи были гораздо выше. Только продав один пуд марены, которая оценивалась в 4 рубля и до открытия ализарина пользовалась устойчивым спросом, можно было не только рассчитаться с государством, но и остаться с выручкой [16, с. 69–70, 120].

Но такие правила многим казались унизительными. Горцы и раньше должны были выплачивать определённые суммы местным владельцам, но это воспринималось как дань уважения, подарок. Налоги государству походили на дань, что в северокавказском миросоциуме трактовалось как слабость и «потеря лица».

Следовало проявлять особую деликатность в вопросах, затрагивающих религиозные чувства местных народов. Так, «весной же 1863 г., вследствие неосторожных мероприятий, имевших в виду распространение христианства, произошли беспорядки в Закатальском округе. Белоканский житель Хаджи-Муртуз, провозгласив себя имамом, собрал скопище в 3 тыс. человек и обложил Закаталы, где стояли гарнизоном лишь две роты. Возмущение было, однако, подавлено, причём на помощь нашему отряду явились сами же жители, именно аварцы и другие жители Дагестана» [3, с. 139].

Таким образом, в горской среде поддерживался достаточно высокий градус напряжённости, и всегда можно было найти людей, которые готовы были взяться за оружие ради установления справедливости в том виде, которую они сами считали правильной.

Эти протестные настроения облекались в религиозную форму и, получив необходимое оправдание своими действиями, носители таких идей позиционировали себя выразителями неких высших духовно-нравственных ценностей,

которые должны были искоренить существующий произвол. На практике всё это заканчивалось кровопролитием, что мы видим на примере движения проповедника Кунта Кишиева, сумевшего увлечь за собой немало сторонников среди чеченцев. Он стал родоначальником «зикризма» в Чечне, который представлял собой вариант учения кадирийского тариката. Обряды «зикризма» сопровождались групповыми движениями, во время которых молящиеся впадали в религиозную экзальтацию. Его выступления и призывы стали пользоваться всё большей популярностью среди тех, кто плохо встраивался в новые порядки.

Проповеди шейха вызывали тревогу не только у русской администрации, но и у представителей официального духовенства, которое понимало, что получило в лице Кунта Кишиева серьёзного соперника. За призывами к духовному самосовершенствованию скрывались весьма опасные политические идеи, которые могли вызвать новую волну насилия в крае и расколоть чеченское общество. Недаром местные религиозные авторитеты принялись активно развенчивать взгляды Кунта-Хаджи, причём делали это весьма эффективно. Они зачастую использовали для порицания «зикризма» не проповеди в мечетях, а личные беседы со своей паствой, разговаривая с ней доступным языком [8, с. 696–697].

Власти, в свою очередь, усилили военные гарнизоны, располагавшиеся в разных местах Чечни. Было принято решение изолировать строптивого предводителя, которого арестовали вместе с ближайшим окружением и отправили в Новочеркасск. Это спровоцировало вооружённое нападение на русский гарнизон в селении Шали в январе 1864 г. Нападавшие были уверены, что ружья солдат не принесут им никакого вреда и бросились в атаку с одним холодным оружием. Всё закономерно закончилось истреблением наиболее фанатично настроенных горцев. Виновные в происшедших событиях были отправлены на каторжные работы, что привело к недолгому успокоению Чечни, хотя латентное недовольство продолжало сохраняться [12, с. 128].

Оценивая произошедшие события, следует отметить, что не только на Северном Кавказе, но и по всей России наблюдаются примеры проявления социального недовольства, вызванного тем системным кризисом, который разразился в империи во второй половине XIX столетия. Подготовка и проведение реформ далеко не однозначно воспринимались различными слоями населения, и находились

люди, готовые сопротивляться происходящим переменам. Региональная специфика заключалась в том, что местный миросоциум ещё не оправился от недавних военных катаклизмов и реагировал на свою трансформацию наиболее радикальными шагами. Социальному протесту придавалось религиозное звучание, что добавляло ему ожесточённость и непримиримость. Это мы видим и на примере волны насилия, которая захлестнула северо-восточные районы края, вновь ставшие очагом дестабилизации в 1877–1878 гг.

Катализатором выступления стала война между Россией и Турцией, которая возродила у части горцев надежды на помощь в обретении независимости от власти «царя гяуров». Перед началом войны десятки османских агентов под различными предлогами проникали в местные общества и вели свою пропаганду. Они призывали к «священной войне» и обещали незамедлительную военную и материальную поддержку от султана [18, с. 41].

Сказывался и тот факт, что многие выходцы из числа северокавказских народов в результате мухаджирства оказались подданными Османской империи, и их активно использовали для агитационной работы с бывшими земляками. И хотя власти старались осуществлять тщательный контроль за приезжавшими на Кавказ людьми, выдворяли тех, чья благонадежность вызывала сомнения, но полностью закрыть регион от враждебной пропаганды так и не смогли [7, л. 109–110 об.].

Но причины эскалации скрываются не во внешнем влиянии, а в реакции горского миросоциума на произошедшее за годы преобразований. Они несли угрозу самой сути сложившегося уклада, который пусть и сдерживал поступательное развитие местных обществ, но зато гарантировал стабильность и предсказуемость.

Горцев встраивали во властную вертикаль, которая была характерна для российского государственного устройства, между тем они привыкли жить в общине, «которая спонтанно, самодовлеюще развилась в самоуправляемое микрополитическое образование, являющееся звеном, а не низшей ячейкой общества. Такая община целиком генерировала военные, правовые и политические функции, как и классы, включая общинную знать, а иногда и военные сословия» [1, с. 206].

Вновь базой для сопротивления стали районы, которые были хорошо известны своей непримиримостью к преобразованиям эпохи имамата. Сам по себе этот факт говорит о

многом. Именно здесь новации империи приживались с большим трудом, а их положительный результат был далеко не очевиден. Это обеспечило поборникам «старины» массовую поддержку, когда на их сторону перешло 441 селение Чечни и Дагестана. Социальный облик противников империи был неоднороден. Здесь встречались как представители старой элиты, так и рядовые общинники. Каждый из них имел свои основания быть недовольным теми новациями, которые несла их миру Россия.

Лидером горского протеста стал житель хутора Симсир, относящегося к Зандаковскому обществу Веденского округа, – Алибек-хаджи Алданов. Незадолго перед этим он вернулся из паломничества в Мекку, где, видимо, имел контакты с представителями турецкой администрации. Во всяком случае «в горную страну этот чеченец Алибек-хаджи заявился с намерением посеять в ней смуту-фитна. Поэтому-то, оказавшись в своей области, он вскоре устроил совет с лучшими из мужей, на котором сообщил им о начале войны между падишахом ислама и падишахом русских» [5, с. 49].

Вместе с ним против властей выступил и другой предводитель – Дада Залмаев, который проживал в селении Чобахкеной в Аргунском округе. Действовали они достаточно согласовано, что позволяет предположить о наличии у них совместного плана действий и предварительной договорённости.

Выступление началось 13 апреля 1877 г., и вскоре под знамёна новоявленных мюридов встало уже около 18 тысяч человек. Данные цифры, возможно, преувеличены, но в любом случае речь идёт о массовой поддержке восстания. Тех, кто открыто решался противостоять выступлению, сторонники Алданова и Залмаева убивали, а их имущество раздавалось своим приверженцам. Так, «первым делом хаджи Алибек убил старшину (раис) своего селения, который, между прочим, был одним из его родственников. Затем хаджи Алибек и те, кто были тогда вместе с ним, захватили из [окрестностей] крепости Хасав-Юрт (Хасай-юрт) табун лошадей в качестве добычи. Большинство чеченцев подчинялись тут хаджи Алибеку и вступили они в большие сражения, которые стали происходить во многих местах» [5, с. 51]. В такой ситуации люди, не желавшие принимать участия в восстании, сохраняя нейтралитет, предпочитали не перечить своим решительным землякам и скрывали до времени собственные взгляды. Они присоединялись к сильнейшему, чтобы спасти свои жизни и имущество.

Но и тех, кто искренне разделял идеи начавшегося джихада, было немало. Произошёл возврат к набеговой практике, которую так и не смогла искоренить имперская власть [11, с. 53]. Сказывалась и привычная для горского миросоциума традиция групповой поруки и родственных связей. Семейно-клановые узы заставляли весь коллектив принимать участие в борьбе, даже если её целесообразность вызвала серьёзные сомнения.

Нашлось и немало тех, кто не пожелал вступать на путь конфронтации с властями. Они достаточно успешно встраивались в имперский миросоциум, и им было, что терять в случае поражения восстания. Как правило, это были состоятельные горцы, причём не обязательно состоявшие на службе в российской администрации. Повстанцы нередко обвиняли их в отступничестве от веры и, прикрываясь такими словами, грабили их имущество. Такие люди брали в руки оружие, записывались в отряды милиции и сражались на стороне царской армии, которая оказалась им в данной ситуации ближе, нежели собственные земляки [10, с. 51].

Российское командование достаточно быстро стало реагировать на произошедшие события. На Северо-Восточный Кавказ были переброшены дополнительные силы, само появление которых сыграло стабилизирующую роль в крае. Ещё до начала активных боевых действий часть местной элиты поспешила заверить командование в своей верности, а по мере того, как войска начали теснить повстанцев, число верноподданнических заверений только увеличивалось. Горский миросоциум, всегда ценивший силу, готов был поддержать власть, обеспечивавшую стабильность и порядок. Для многих горцев, которые успели заработать достаток и опасались его лишиться, были неприемлемы заявления о его перераспределении с помощью «овеянных заветами старины» методов, т. е. грабежа.

У чеченских повстанцев нашлись единомышленники в Дагестане. Здесь во главе оппонентов империи первыми выступили жители Гунибского округа во главе с имамом Гаджи-Магомедом. Они также использовали религиозные лозунги и наряду с требованиями решить земельный вопрос, не прочь были заняться «богоугодным» грабежом. Одной из главных задач повстанцев было прорваться на равнины, где можно было найти себе новых сторонников. Кроме того, мятежники рассчитывали получить трофеи и компенсировать те материальные потери, которые были неминуемы вследствие прекращения хозяйственной деятельности.

Первые успехи впечатляли и внушали оптимизм. Русские гарнизоны в горах были блокированы и не могли помешать повстанцам распространять своё влияние на новые округа. В осаде оказался даже Дербент, в окрестностях которого были разорены дома русских рабочих, а сами они, кто не успел скрыться, были убиты. В самом городе жители по собственной инициативе возводили баррикады и готовились к уличным боям. Общая опасность сплотила христиан, евреев, мусульман-шиитов, которые прекрасно понимали, что рассчитывать на пощаду со стороны религиозных фанатиков им не приходится [2, с. 487].

В результате предпринятых царскими войсками экспедиций в горы, восставшие были выбиты из Чечни, а затем наступил черёд Дагестана. Сказывался накопленный опыт ведения боевых действий в горно-лесистой местности, который приобрела армия в прошедшие десятилетия. Среди ветеранов, продолжавших службу, было немало тех, кто ещё помнил сражения с мюридами имама Шамиля и знал наиболее эффективные способы противодействия неуловимому и мобильному противнику. Имперский миросоциум, поглощая Северный Кавказ, по крайней мере, с военной точки зрения уже не воспринимал его как нечто чуждое и непонятное. Это был привычный театр военных действий, причём царские командиры разбирались уже не только в особенностях ландшафта, но и понимали особенности менталитета своего противника. Всё это обеспечило достаточно быструю победу, а остатки отрядов восставших, заблокированные в высокогорных селениях, вынуждены были капитулировать.

В начале ноября 1877 г. пал аул Согратль, который считался столицей несостоявшегося имамата Гаджи-Магомедом. Власти казнили попавших в их руки зачинщиков выступления, а приближённые горских предводителей оказались на каторге, без права возвращаться на родину. Часть местных жителей была переселена на равнину и должна была выплатить денежный штраф, чтобы компенсировать ущерб, который они нанесли своими действиями [14, с. 221–222].

Чтобы произвести впечатление на местное население, власти собрали в Дербенте и Гунибе представителей от местных джамаатов и на их глазах произвели казни зачинщиков восстания. Ни о каком «почётном пленении», как это было в случае с имамом Шамилем, речь не шла [9, с. 32]. Необходимо было добиться «десакрализации» поступков мятежников и их идеологии. Власти наглядно демонстрирова-

ли, что видят в них обычных разбойников, виновных в массовой гибели людей.

Подобные волнения, хотя и были опасны своей массовостью и всплеском насилия, но в целом являлись привычной реакцией горского мира на происходящие в крае процессы. Сложив массовое вооружённое сопротивление северокавказского социума в первой половине XIX столетия, Российская империя приступила к его системной адаптации к собственным порядкам. Однако имперский социум был во

многом чужд и даже враждебен местным реалиям, представлял собой набор элементов иного геофизического и социокультурного происхождения. Народы края весьма болезненно реагировали на кардинальную трансформацию своего привычного уклада и встраивание их существования в инокультурную систему координат. Это не могло не породить латентную или открытую враждебность, преодоление которой не могло не затянуться на достаточно долгий период.

Источники и литература

1. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). М.: Наука, 1988. 240 с.
2. Богуславский Л. История Апшеронского полка 1700–1892. СПб.: Тип. Министерства Путей Сообщения, 1892. Т. II. 556 с.
3. Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX – середина XX в.) / авт. Коллектив. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 1094 с.
4. Виноградов В. Б. Н. С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 года / под ред. С. Л. Дударева. Армавир: АГПИ, 2002. 24 с.
5. Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилёвскую эпоху и имамат 1877 года (материалы) / сост.: Т. М. Айтберов, Ю. У. Дадаев, Х. А. Омаров. Махачкала: Фонд Шамиля, 2001. Кн. I. 280 с.
6. Гатагова Л. С. Северный Кавказ в эпоху поздней империи: природа насилия. 1860–1917. М.: Новый хронограф, 2016. 448 с.
7. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 1. Д. 392.
8. История Чечни с древнейших времён до наших дней: В 2 т. Т. I. История Чечни с древнейших времён до конца XIX века. 2-е изд., испр., доп. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 828 с.
9. Кисриев Э. Ф. Ислам и власть в Дагестане. М.: ОГИ, 2004. 224 с.
10. Клычников Ю. Ю., Линец С. И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки) / под ред. В. Б. Виноградова. Пятигорск: РИА-КМВ, 2006. 211 с.
11. Клычников Ю. Ю. Северный Кавказ: старые проблемы в новом измерении (Историко-политологические очерки) / под ред. и с предисловием С. Л. Дударева. Известия научно-педагогической Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова. Вып. 1. Пятигорск: ПГЛУ, 2016. 99 с.
12. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. Т. I. 316 с.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1300. Оп. 7. Д. 3.
14. Северный Кавказ с древнейших времён до начала XX столетия (историко-этнографические очерки) / под ред. и с предисловием В. Б. Виноградова. Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 318 с.
15. Семенов Н. С. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народцев). СПб.: Тип. А. Хомского и К., 1895. 488 с.
16. Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: АН СССР, 1961. 262 с.
17. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 256. Оп. 1. Д. 33.
18. Чернявский А. С. Кавказ в течении 25-летнего царствования государя императора Александра II. СПб.: Военная типография, 1898. 61 с.

References

1. Aglarov M. A. Sel'skaja obshhina v Nagornom Dagestane v XVII – nachale XIX v. (Issledovanie vzaimootnoshenija form hozjajstva, social'nyh struktur i jetnosa) (*The Rural Commune In Highland Dagestan In The XVII – The Beginning Of The XIX century (The Study Of Economic Relations, Social Structures And Ethnos)*). Moscow: Nauka, 1988. 240 p. (In Russian).
2. Boguslavskij L. Istorija Apsheronского polka 1700–1892. (*The History Of Apsheron Regiment In 1700–1892*). St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Railways, 1892. Vol. II. 556 p. (In Russian).
3. Vajnahi i imperskaja vlast': problema Chechni i Ingushetii vo vnutrennej politike Rossii i SSSR (nachalo XIX – seredina XX v.) (*The Vainachs And Imperial Authorities: The Problem Of Chechnya And Ingushetia In Domestic Policy Of Russia And The Ussr (The Beginning Of The XIX – The Middle Of The XX Century)*). Moscow: Russian Political Encyclopedia; B.N. Yeltsin Presidential Center, 2011. 1094 p. (In Russian).
4. Vinogradov V. B. N. S. Semenov i ego ocherk «Den' v aule» 1869 goda (*N. S. Semenov And His Essay "The Day In The Aul" 1869*) / ed. by S. L. Dudarev. Armavir: ASPI publ., 2002. 24 p. (In Russian).
5. Vosstaniya dagestancev i chechencev v posleshamil'ovskuju jepohu i imamat 1877 goda (materialy) (*The Uprisings Of The Dagestans And The Chechens After Shamil And Imamat In 1877 (Materials)*) / composers T. M. Ajtberov, Ju. U. Dadaev, H. A. Omarov. Mahachkala: Shamil Foundation, 2001. Book. I. 280 p. (In Russian).
6. Gataгова L. S. Severnyj Kavkaz v jepohu pozdnej imperii: priroda nasiliya. 1860–1917. (*The North Caucasus In The Epoch Of The Late Empire. 1860–1917*). Moscow: Novyj hronograf, 2016. 448 p. (In Russian).

7. Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja. (*The State Archive Of The Krasnodar Region*). F. 774. Inv. 1. D. 392. (In Russian).
8. Istorija Chechni s drevnejshih vremjon do nashih dnei: V 2 t. T.I. Istorija Chechni s drevnejshih vremjon do konca XIX veka. (*The History Of Chechnya From Ancient Times To The Present Day: In 2 Volumes. V.1. The History Of Chechnya From The Ancient Times Till The End Of The XIX Century*). Groznyj: Knizhnoe izdatel'stvo, 2008. 828 p. (In Russian).
9. Kisriev Je. F. Islam i vlast' v Dagestane (*Islam And Dagestan Authorities*). MOSCOW: OGI, 2004. 224 P. (In Russian).
10. Klychnikov Yu. Yu., Linec S. I. Severokavkazskij uzel: osobennosti konfliktного potencijala (istoricheskie očerki) (*The North-Caucasian Knot: Peculiarities Of Conflict Potential (Historical Essays)*) / ed. by V. B. Vinogradov. Pjatigorsk: RIA-KMV, 2006. 211 p. (In Russian).
11. Klychnikov Ju. Ju. Severnyj Kavkaz: starye problemy v novom izmerenii (Istoriko-politologicheskie očerki) (*The North Caucasus: Old Problems In A New Dimension (Historical And Political Essays)*) / ed. by S. L. Dudarev. Izvestija nauchno-pedagogičeskoj Kavkazovedčeskoj shkoly V. B. Vinogradova. Issue.1. Pjatigorsk: PSLU publ., 2016. 99 p. (In Russian).
12. Očerki istorii Čečeno-Ingušskoj ASSR. (*The Essays On The History Of Chechen-Ingush ASSR*). Groznyj: Čečeno-Ingušskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. Vol. I. 316 p. (In Russian).
13. Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoričeskij arhiv (*The Russian State Military-Historical Archive*) F. 1300. Inv. 7. D. 3. (In Russian).
14. Severnyj Kavkaz s drevnejshih vremjon do nachala HH stoletija (istoriko-jeťnograficheskie očerki) (*The North Caucasus From Ancient Times Till The Beginning Of The XX Century (Historical And Ethnographical Essays)*) / ed. By V. B. Vinogradov. Pjatigorsk: PSLU publ., 2010. 318 p. (In Russian).
15. Semenov N. S. Tuzemcy Severo-Vostočnogo Kavkaza (Rasskazy, očerki, issledovanija, zametki o čečencah, kumykah i nogajcah i obrazcy poezii jetih narodcev) (*Natives Of The North-Eastern Caucasus (Stories, Essays, Studies, Notes About Chechens, Kumyks, Nogais And Their Poetry)*). St.Petersburg, 1895. 488 p. (In Russian).
16. Hashaev H.-M. Obščhestvennyj stroj Dagestana v XIX veke. (*The Social System Of Dagestan In The XIX Century*). Moscow: SA USSR publ., 1961. 262 p. (In Russian).
17. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaja Osetija-Alanija. (*The Central State Archives Of The Northern Ossetia-Alania Republic*). F. 256. Inv. 1. D. 33. (In Russian).
18. Černjavskij A. S. Kavkaz v tečenie 25-letnego carstvovanija gosudarja imperatora Aleksandra II. (*The Caucasus During The 25-th Reign Of The Emperor Alexander II*). St.Petersburg, 1898. 61 p. (In Russian).

УДК 364.054 : 930.253 (470.6) "18"

П. Г. Немашкалов

**ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЦЕРКОВНО-КАДРОВОЙ РЕФОРМЫ
В 1845 г. В ПРИХОДАХ КАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ**

В статье определяется необходимость церковной реформы в кадровом вопросе. Материальная обеспеченность приходского духовенства церковью Русской Православной Церкви отличалась резким контрастом. В больших городах существовали богатые приходы, где церковный клир получал хорошее вознаграждение за выполнение установленных служб. Однако основная масса приходского духовенства, служившая в сельских приходах, в том числе и на Северном Кавказе, существовала за счет пожертвований прихожан, подсобного хозяйства и обработки земли. Получение подаяния и занятие земледелием было унижительно для священнослужителей, обличенных государством высоким правовым статусом в Российской империи.

Кроме того, на основе материалов, хранящихся в фондах Государственного архива Ставрополь-

ского края, в работе рассмотрены особенности реализации кадровой реформы, проводившейся с 1845 года в Кавказской епархии, и вскрыты порожденные переменами противоречия в церковных клирах и пути их преодоления. Для улучшения материального положения церковного клира государство проводило ряд преобразований, но все они не смогли преодолеть сложившуюся неблагоприятную ситуацию в деле материального обеспечения приходского духовенства даже к началу XX века, порожденную более глобальными проблемами.

Ключевые слова: История Русской Православной Церкви, Северный Кавказ, Кавказская епархия, приходское духовенство, реформа церковных штатов.

P. G. Nemashkalov

**PECULIARITIES OF THE CHURCH-PERSONNEL REFORM IN 1845
IN THE PARISHES OF THE CAUCASIAN DIOCESE**

The article highlights the need for church reform in human resources. The material security of the parish clergy of the Russian Orthodox Church was marked by sharp contrast. In large cities, there were rich parishes, where the church clergy received a good reward for the performance of the services. However, the bulk of the parish clergy, which served in rural parishes, including the North Caucasus, on parishioners' donations, part-time farming and land cultivation. Obtaining alms and farming was humiliating for the clergy endowed by high legal status in the Russian Empire.

In addition, with the reference to materials stored in the funds of the State Archives of the Stavropol

Krai, the article studies the peculiarities of human resources reform that was carried out in the Caucasian Diocese since 1845. It reveals contradictions among church clerics that were generated by changes and the ways to overcome them. To improve the financial situation of the church clergy, the state carried out a number of reforms, but they failed to overcome the unfavorable situation in the material provision of the parish clergy aggravated by more global problems, even by the beginning of the 20th century.

Key words: history of the Russian Orthodox Church, North Caucasus, Caucasian Diocese, parish clergy, reform of church staff.

Правивший в рассматриваемый период Николай I, будучи глубоко верующим человеком, не достаточно глубоко вникал в вопросы богословия и положения Русской Православной Церкви. Имперская политика в отношении РПЦ преследовала главную цель – увеличить влияние православия в общественной жизни стра-

ны. Несомненно, что в этом случае на сельское духовенство, помимо выполнения повседневных обязанностей по ведению дел прихода, возлагались дополнительные «государственные» функции. Для того, чтобы повысить их социальный статус, как слугам Империи, государство предприняло ряд попыток улучшения

их материального положения. Одной из таких попыток и стала реформа церковных штатов 1842 г., реализация которой в силу объективных причин была начата на Северном Кавказе только в 1845 г. Прежде всего, ими были проблемы обустройство только образованной самостоятельной Кавказской епархии и шедшая не первое десятилетие Кавказская война.

За период её проведения в 1842–1844 гг. по утвержденным нормальным штатам сельские причты в Литовской, Могилевской, Минской, Полоцкой, Волынской, Киевской, Подольской, Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Черниговской, Полтавской, Олонецкой епархиях, и двух уездах Архангельской епархии, а также причты городских церквей в Курляндской и Лифляндской губерниях стали получать содержание. На выплату жалования сельскому приходскому духовенству в этих епархиях в 1842 году из казны империи было выделено 415 тыс. рублей серебром [1].

В зависимости от числа душ прихожан устанавливалась придельная численность штатного духовенства прихода. На 2–3 тыс. чел. приходился 1-й класс, а на 5–2 тыс. чел. – 2-й класс.

От полутора тысяч до тысячи душ прихожан приходилось на 3-й класс, а от тысячи до 700 душ – 4-й класс. Остальные классы предусматривали состав прихожан меньше 700 чел.: 5-й класс – 400–700 чел.; 6-й – 300–400 чел.; 7-й – 100–300 человек. Церкви, в которых прихожан было меньше 100 душ мужского пола, и на существование которых местное руководство епархией не предоставляло в Синод ходатайства, в штаты не вводились, и церковный клир упразднялся, а прихожане приписывались к ближайшему приходу.

В последующие годы охват реформой епархий, а, следовательно, расходы государства на эти цели только увеличивались. Указом Синода 22 ноября 1845 года было назначено содержание сельским причтам в Казанской, Астраханской, Кавказской, Оренбургской епархиях, и в остальных уездах Архангельской епархии. Для этого из казны было выделено дополнительно 250 тыс. рублей серебром [5, л. 3–4]. Размер жалования в сельских приходах Кавказской епархии устанавливался по примеру Оренбургской епархии:

Церкви	Число лиц	Жалования в год	
		Одному	Всем
		Рублей серебром	
Первого класса (прихожан 3000–4000 душ)			
Священник старший	1	144	144
Священник младший	2	108	216
Дьякон	1	54	54
Дьячков	3	36	108
Пономарь	1	24	24
Итого на причт	8		546
Второго класса (прихожан 2000–3000 душ)			
Священник старший	1	144	144
Священник младший	1	108	108
Дьякон	1	54	54
Дьячков	2	36	72
Пономарь	1	24	24
Итого на причт	6		402
Третьего класса (прихожан 1500–2000 душ)			
Священник старший	1	144	144
Священник младший	1	108	108
Дьякон	1	54	54
Дьячок	1	36	36
Пономарь	1	24	24
Итого на причт			366

Четвертого класса (прихожан 1000–1500 душ)			
Священник	1	144	144
Дьякон	1	54	54
Дьячок	1	36	36
Пономарь	1	24	24
Итого на причт	4		258
Пятого класса (прихожан 500–1000 душ)			
Священник	1	108	108
Дьячок	1	36	36
Пономарь	1	24	24
Итого на причт	3		168
Шестого класса (прихожан 350–500 душ)			
Священник	1	90	90
Дьячок	1	36	36
Пономарь	1	24	24
Итого на причт	3		150
Седьмого класса (прихожан 100–350 душ)			
Священник	1	72	72
Дьячок	1	24	24
Итого на причт	2		96

Выплаты от казны некоторым беднейшим причтам Кавказской епархии, назначенные Синодом с момента образования епархии (на 1844 год таких было восемь) [9, л. 4–5], приостанавливались до введения их в штатное расписание. Пособия духовенству беднейших приходов были введены ещё Павлом I, их размер был незначительным, и едва удовлетворял минимальные потребности сельских священнослужителей. Ситуация в этих причтах осложнялась недостаточной комплектацией церковного клира, поскольку при назначении вспомогательного пособия дьяконы из клира исключались, а их обязанности перекладывались на священников [2, л. 122].

Процесс реализации реформы совпал с реорганизацией Кавказской епархии, начатой в регионе 19 июля 1845 года, когда из её состава были переданы в управление обер-священнику Кавказского отдельного корпуса 82 прихода, располагавшихся в Тифлисе [3, л. 16–32об.]. В епархиальном ведении остались 131 церковь, в том числе 12 молитвенных домов [4, л. 2]. Территория епархии включала Ставропольский и Екатеринодарский округа, часть Пятигорского, Моздокского и Кизлярского округов. Материальное обеспечение приходов Екатеринодарского округа сохранялось прежним,

там продолжала действовать прежняя система содержания причтов, которая обеспечивалась за счет собственного труда священнослужителей, а также пособий из сумм Черноморского войска и платы, взимаемой с прихожан при выполнении церковных обрядов.

Исполнение христианских обрядов согласно новому закону о введении в действие нормальных штатов, во всех получавших жалование приходах становилось бесплатным. До этого на территории епархии продолжал действовать указ Астраханской духовной консистории от 3 апреля 1801 года, основанный на положении Синода от 1765 года, которое устанавливало максимальные расценки за исполнение церковных обрядов [6, л. 1–1об.]. За прихожанами сохранялось право выражать благодарность в виде дополнительного поощрения священнослужителей. Несмотря на то, что в начале XIX в. эти взносы были увеличены вдвое, это никак не способствовало нормализации имущественного благополучия священнослужителей. Поэтому сохранялось прямое вымогательство от прихожан больших сумм за выполнение христианских обрядов.

В рамках проводимой реформы был изменен штат сельских приходов Кавказской епархии. В результате при 3-х-штатных церк-

вах вместо 2-х дьяконов и 6-и причетников оставили только 1 дьякона и 3-х причетников. При 2-х-штатных храмах вместо 4-х причетников остались 2 дьячка и 1 пономарь. При других же церквях оставили вообще 1-го дьячка и 1-го пономаря. Многие 3-х-штатные храмы были обращены в 2-х-штатные, а из 2-х-штатных в 1-штатные церкви. В результате многие священнослужители остались за штатом и не смогли пользоваться назначенным жалованием. По инициативе Кавказской духовной консистории, которая была поддержана епископом Иеремией, благочинные по каждому священнослужителю своего благочиния сделали отдельное заключение, на основании которого консисторией принималось решение относительно принятия в штат.

Оставленные за штатом священнослужители получали преимущественное право на открывавшиеся штатные вакансии, а до того момента за ними сохранили права пользования землей, домами и относившимся к церковному причту земельным наделом наравне с остальными священнослужителями. Из поступавших от прихожан добровольных денежных подаяний они получали двойную часть относительно тех, кто с ними в одинаковом звании состоял в штате.

Отдельно благочинные представляли именные списки просвирен при имевшихся церквях. До образования в 1843 г. самостоятельной епархии за выпечку просфор назначались самые разные суммы. Поскольку просвирни были не при каждом приходе, то и не был урегулирован размер вознаграждения за производство просфор. В среднем он составлял около 100 руб. ассигнациями в год. Поскольку закон не предусматривал фиксированной выплаты, епархиальная власть приняло решение – руководствоваться «ценой материалов и «усердием» самих прихожан» [7, л. 2–3]. Согласно реформе штата должность просвирни вводилась при каждой церкви, при этом первоочередное право их занятия отводилось вдовам и сиротам священнослужителей. Также устанавливалось фиксированное вознаграждение в размере 16 руб. серебром в год. Просфоры могли выпекать из муки, полученной от прихожан. Для церковных повседневных служб они выпекались на продажу от 3 до 5 копеек за штуку из собственной муки [8, л. 2–4]. В церквях станиц Кубанской области не существовало хлебных сборов для просфор, и поэтому они выпекались за счет жалования клира, отчего самим просвирням из-за расходов на муку и дрова едва оставались незначительные средства [10, л. 4–5].

По результатам проведенных преобразований штатов сельских приходов Кавказской

епархии в 47 из них 247 священнослужителям выплачивалась общая сумма жалования 14673 руб. серебром в год. Согласно штатному расписанию из сельских приходов Кавказской епархии только Николаевская церковь в селе Белая Глина была отнесена к 1-му классу, 10 были отнесены во 2-й класс, 13 – в 3-й, 9 – в 4-й, а 14 – в 5-й [5, л. 33–34об.].

Существенное значение при назначении жалования церковному штату имел размер имевшегося при церкви земельного участка и дополнительные источники дохода. Если имелся участок земли сверх указанной пропорции, достигая двойного размера, оклады жалования назначались за вычетом 1/3 от установленной суммы, а где при церкви земли было больше, там оклады жалования назначали притчу менее 1/2. Также учитывался получаемый доход церковью от любого рода движимого и недвижимого имущества, включая денежные капиталы. Если этот доход был больше 25 руб. серебром, то он полностью зачислялся в счет жалования, определяемого штатному священнику. По тому же принципу поступали и с процентными капиталами, внесенными в пользу церковью на вечное обращение.

С момента введения нормальных штатов по резолюции епископа Иеремии от 26 апреля 1846 г. указным причетникам, вошедшим в штат, жалование не выдавалось. Исполняющий должность секретаря Кавказской духовной консистории Ф. Потеряхин написал об этом грубом нарушении регламента в Синод. В своем объяснении епископ ссылался на то, что жалование причетникам не выдавалось для их же пользы, поскольку они были определены временно в церковный штат и еще не достигли высокого уровня знаний в церковной службе. Ограничение в выдаче жалования, по его мнению, должно было стимулировать их к профессиональному совершенствованию.

Под давлением Кавказской духовной консистории было решено выдавать причитавшееся жалование только тем причетникам, которые прошли посвящение в стихарь. Из-за этого в отчетной документации возникла путаница. Чтобы избежать её предложено было всем причетникам расписываться в ведомостях о получении жалования. При этом было решено из-за их бедности выдавать только половину жалования, а вторую половину хранить при церквях до особого распоряжения. Для воспитания высокого нравственного облика юных и бессемейных причетников, по мнению Иеремии, с их ведения и согласия, с чем согласилась и консистория, решено было выдавать вторую половину только в особых случаях, на-

пример, при вступлении в брак или на приобретение дома [5, л. 202–204].

Особое внимание епископ Кавказской епархии Иеремия уделял положению духовенства, не вошедшего в новые церковные штаты. Их участие в жизни прихода было строго регламентировано. Так, заштатные священнослужители сохранили право наравне со штатными участвовать в управлении церковной экономией, например, находиться при высылке церковных кружек, давать согласие на расходование средств, следить за целостностью церковного имущества и участвовать в его ревизии. При условии, если заштатный священник по чину был выше штатного, первый пользовался правами настоятеля церкви и мог распоряжаться причтом. В порядке священнического служения они должны были чередоваться со штатными, а христианские обряды исправлять отдельно по установленным границам прихода. За выполнение любых христианских обрядов сверхкомплектные священнослужители получали вознаграждение вдвое большее. Дьяконы, находившиеся на дьячковской вакансии в штате, при разделе кружечного сбора должны были получать дьяконскую часть, а не дьячковскую. Наконец, допускалось участие заштатных священнослужителей в выдаче и заверении метрических выписок [5, л. 152–153].

До этого сельский священник для содержания своей многочисленной семьи вынужденно вел такое же хозяйство, как и окружающие его крестьяне. По сути, этот священник был тем же крестьянином, только грамотным. Занятый этим, он отдалялся от своего прямого назначения, которое превращалось в побочное занятие, порой мешавшее ему.

Проведение реформы нормальных штатов было попыткой улучшения быта сельского духовенства Кавказской епархии, облегчения его существования и возвращения его от занятий сельским хозяйством к прямым обязанностям. Реформа была призвана сделать жизнь священнослужителей менее зависимой от материального положения прихожан, сконцентрировать основное внимание на религиозном просвещении вверенной им паствы. Начатая в церквях, располагавшихся на территории Ставропольской губернии, она не получила своего распространения в приходах станичного духовенства, часть которого была передана в подчинение обер-священника отдельного Кавказского корпуса. Сохраненная зависимость от занятия сельским хозяйством не позволила в полной мере развиваться начатым преобразованиям и распространить их на всю территорию Кавказской епархии и приходы Северного Кавказа.

Источники и литература

1. Полное собрание законов Российской империи (1825–1881). Т.17. №15470.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 1. Д. 877.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 3. Д. 388.
4. ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4. Д. 210.
6. ГАСК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 23.
7. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 203.
8. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 64.
9. ГАСК. Ф. 135. Оп. 1. Д. 890.
10. ГАСК. Ф. 361. Оп. 1. Д. 88.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (1825–1881) (*Complete Collection Of Laws Of The Russian Empire*). Vol.17. No.15470. (In Russian).
2. State archive of Stavropol Krai (GASK). F. 135. Inv. 1. D. 877. (In Russian).
3. GASK. F. 135. Inv. 3. D. 388. (In Russian).
4. GASK. F. 361. Inv. 1. D. 7. (In Russian).
5. GASK. F. 135. Inv. 4. D. 210. (In Russian).
6. GASK. F. 434. Inv. 1. D. 23. (In Russian).
7. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 203. (In Russian).
8. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 64. (In Russian).
9. GASK. F. 135. Inv. 1. D. 890. (In Russian).
10. GASK. F. 361. Inv. 1. D. 88. (In Russian).

УДК 94:930.1(470.63)

В. В. Ноздринов

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ В СТАВРОПОЛЬСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ В 1940–1960-е гг.

Статья посвящена исследованию становления исторической науки и образования в Ставрополе в контексте времени и оценке деятельности первых профессиональных историков Ставрополя на примере жизни профессоров В. А. Романовского и П. А. Шацкого. Автором изучены условия и характер становления научной исторической школы в Ставропольском педагогическом институте. Дан анализ состоянию исторического знания в первой половине XX века, а именно отсутствию академических центров изучения истории Северного Кавказа и Ставрополя и подготовки научных кадров. Рассмотрены причины создания исторического факультета в послевоенный период. До приезда В. А. Романовского историческое знание на Ставрополье находилось на донаучном уровне. Автор сознательно разделяет понятия

краеведение и историческая наука. Краю необходимо было основать собственную базу исторических исследований пока серьёзно не изученного региона Северного Кавказа и подготовки своих специалистов – историков не только – будущих учителей школ, но и учёных университетского уровня. Нами положительно оценён первый период становления исторического факультета (1946 – конец 1960-х.), как плодотворный этап в создании ставропольской исторической школы. Труды 50х – 60х годов XX века стали основой для дальнейшего изучения многих проблем политического, экономического, социального и культурного развития Северного Кавказа.

Ключевые слова: Историческая наука, Ставропольская историография, Ставропольский педагогический институт, подготовка научных кадров.

V. V. Nozdrinov

ESTABLISHMENT OF HISTORICAL EDUCATION AND SCIENCE IN THE STAVROPOL STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE IN THE 1940–1960s

The article studies the establishment of historical science and education in Stavropol in the context of time and attempts to assess the activities of first professional historians of Stavropol by the example of professors V. A. Romanovsky and P. A. Shatsky. The author studied the conditions and the peculiarities of scientific historical school development in the Stavropol Pedagogical Institute. The analysis of the state of historical knowledge in the first half of the 20th century is conducted, namely, the absence of academic centers to study the history of the North Caucasus and the Stavropol region and train scientific personnel. The article studies the reasons for the establishment of the historical faculty in the post-war period and the context of inviting a well-known all-Union level scientist Viktor Romanovsky that was fallen in disgrace that time. It is claimed that prior to V. A. Romanovsky the historical knowledge in the

Stavropol region was at the pre-scientific level. The author differentiates the concepts of local history and historical science. The region needed to establish its own database of historical studies while seriously exploring the North Caucasus region and training its history experts – not only school teachers but also university-level scientists who were supposed to study the history of the North Caucasus. The author views the first period of establishing the Faculty of History (1946 – the end of the 1960s) as a fruitful stage in the development of Stavropol historical school. The works of the 50s-60s of the XX century served the basis for further study of many problems of political, economic, social and cultural development of the North Caucasus.

Key words: historical science, Stavropol historiography, Stavropol Pedagogical Institute, training of scientific personnel.

Целью данной статьи является изучение процесса становления исторической науки в

Ставрополе. Задачами исследования считаем освещение деятельности одних первых про-

фессиональных историков В. А. Романовского и П. А. Шацкого. Источниковой базой статьи послужили документы фондов В. А. Романовского и Ставропольского государственного педагогического института, хранящиеся в Государственном архиве Ставропольского края, а также документы о работе и защите докторской диссертации П. А. Шацкого находящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Надо отметить узость историографической базы проблемы, она представляет собой круг проблемных и юбилейных статей и заметок ставропольских исследователей [1; 14; 16].

История становления исторической науки в Ставрополе имеет долгие традиции. В 2016 году кафедре истории России Северо-Кавказского Федерального Университета (бывшего Ставропольского государственного университета, бывшего педагогического института) исполнилось 70 лет, историческому факультету (одному из старейших в вузе) в 2018 исполнилось бы 74 года. За это время факультет воспитал целую плеяду учёных – историков, ставших гордостью науки не только Северного Кавказа, но и широко известных в стране. Также актуализирует выбранную тематику современное состояние исторической науки и гуманитарного знания. Поиск путей дальнейшего развития невозможен без переосмысления предыдущего опыта, особенно если он связан с созданием научной школы на «новом месте».

Исторический факультет Ставропольского государственного Педагогического института (СГПИ) был создан во время Великой Отечественной войны в 1944 г., когда повысилась востребованность в специалистах-историках, перед которыми ставились задачи научно-пропагандистской работы. Первая «историческая» кафедра была создана в июле 1946 г. и первоначально называлась кафедра истории СССР. Её заведующим стал декан исторического факультета А. С. Звенигородский [10]. В 1947 г. после 5 лет в Исправительно-Трудовом лагере, (куда он попал в 1935 г.), и 7 лет ссылки в Караганде, по итогам многочисленных ходатайств органы НКВД разрешили переезд на Ставрополье Виктору Александровичу Романовскому. В действительности В. А. Романовский переехал в Ставрополь уже в начале 1946 г., о чём говорят документы из фонда СГПИ [4]. На момент приезда в Ставрополь В. А. Романовскому было 57 лет, и он уже был известным учёным всесоюзного уровня. Это был известный украинский историк, профессор, у которого по итогам сфабрикованного уголовного дела о контрреволюционной агитации отобрали все

звания и награды, бывший директор Киевского Центрального архива древних актов, один из основоположников теории архивного дела в СССР [3]. Его учебник по архивоведению долгое время являлся единственным изданием такого рода в СССР и сохранял свою актуальность десятилетиями [24]. Поначалу В. А. Романовского, как политически неблагонадежного, взяли преподавать историю в Прасковейском винодельческом техникуме. Однако вскоре учёного перевели в Ставрополь, т. к. в СГПИ не хватало дипломированных преподавателей истории, и руководство института рискнуло пригласить на должность неблагонадежного ученого со статусом «врага народа» [1]. В. А. Романовский официально был принят на работу 17 ноября 1947 г., хотя повторимся, фактически работать стал значительно раньше [4].

Историческое знание на Ставрополье в середине XX в. существовало в рамках дореволюционного историописания и не вышло из его рамок к началу Великой Отечественной войны. Преподавание велось в рамках краткого курса истории ВПК(б). После освобождения Ставрополя в 1943 г. начинается новый этап в развитии исторической науки, в первую очередь связанный с необходимостью использования истории в пропагандистских целях. В первые послевоенные годы работа института кардинально перестраивалась. Мы можем считать В. А. Романовского одним из основателей исторического факультета. Сразу после приезда по его ходатайству на факультете была создана кафедра методики истории, которую он и возглавил. Кафедра стала первой такого рода базой для научной разработки принципов преподавания исторической науки. Долгое время на кафедре методики истории работало 2 преподавателя – Виктор Александрович Романовский и Татьяна Максимовна Минаева [4]. Анализ источников свидетельствует, что разделение кафедры методики и истории СССР было формальным. Помимо кафедры истории СССР и методики истории на факультете была создана кафедра всеобщей истории, до 1946 г. на ней работал 1 преподаватель [3].

Кафедра истории СССР в начале 1950-х годов состояла из трёх человек – 1 профессор, 1 доцент, 1 ассистент. Первую должность занял В. А. Романовский, официально повторно профессором ему удалось стать в 1950 г., вместе с вторичным присвоением степени доктора наук. До этого учёный также повторно защитил диссертацию на соискание кандидата исторических наук. В. А. Романовский утверждал, что наибольшее внимание в своей деятельности

он уделял науке. Со второй половины 1950-х годов он вплотную занялся научными исследованиями [11]. К этому времени работа кафедры и факультета была уже хорошо налажена. В этот период профессор В. А. Романовский создал ряд значительных работ, часть из которых была опубликована. Он активно отзывался на юбилеи различных исторических событий, создавал отдельные учебные пособия, писал работы по аграрной истории Ставрополя.

С приездом В. А. Романовского началась работа по подготовке изданий по истории Ставрополя. Реальность предъявляла свои требования, и, несмотря на увлеченность историей родной Украины XVI–XVII вв., он занялся историей Северного Кавказа. Однако его работы на всесоюзных форумах свидетельствовали, что и прежней научной проблематикой он продолжал заниматься [5].

Специалисты кафедры помимо педагогической работы в институте помогали учителям школ в преподавании истории и Конституции СССР в школах Ставропольского края. По специальным заданиям местного руководства они проводили лекции для педагогов, о чем свидетельствуют ежегодные отчеты работников кафедры директору института [22].

В октябре 1952 года на историческом факультете Ставропольского института было создано первое заочное отделение с нагрузкой всего 0,5 ставки, которую выполнял профессор В. А. Романовский. 14 июня этого же года профессора В. А. Романовского утвердили членом генеральной экзаменационной комиссии города Ставрополя. Тогда же исторический факультет начал налаживать научные связи с институтами и вузами разных регионов СССР, первый контакт установился с Ростовским-на-Дону Государственным университетом [5]. Немалую роль в этом сыграл В. А. Романовский, регулярно ездивший оппонентом и рецензентом на защиты кандидатских и докторских диссертаций.

С первых дней работы в Ставропольском педагогическом институте профессор пытается создать отделение аспирантуры на факультете. Несмотря на усилия В. А. Романовского, аспирантура официально была открыта только в 1961 г., когда уже у института и города возникла потребность готовить свои собственные научные кадры. Таким образом, от замысла до его реализации прошло практически 14 лет.

Безусловно, интересен опыт организации учебного процесса историков в педагогическом институте. Особое внимание на кафедре уделялось работе с историческими источниками, буквально с первого курса обучения. Такие

занятия происходили в читальном зале Государственного Архива Ставропольского края, который находился в здании современной картинной галереи П. Гречишкина, в здании бывшей мечети [14]. Аспиранты были обязаны при подготовке любой письменной работы опираться на архивные источники. Особый интерес в этом ключе представляет отчет В. А. Романовского «Научная работа исторических кафедр Ставропольского педагогического института в 1949–1950 учебном году» [22], которая посвящена методам научной и преподавательской работы в педагогическом институте. В отчете подчеркивалась значимость тщательной работы студентов с источниками как основы качественной подготовки будущих историков.

Доцент Ставропольского государственного университета Э. В. Кемпинский в 2004 назвал В. А. Романовского году «учителем учителей» [14], так как непосредственная задача СГПИ заключалась в подготовке учителей школ. Учителей истории и аспирантов (будущих работников вузов) готовили педагоги кафедры под руководством В. А. Романовского. Известный историк Т. А. Булыгина, встречавшейся с профессором В. А. Романовским лично, сделала вывод о том, что последние 20 лет его научного творчества не менее важны, чем киевские годы исторической карьеры. В Ставрополе он также смог сделать себе славное имя ученого и преподавателя высшей школы [1].

В. А. Романовский всегда выстраивал общение со студентами в сочетании с воспитательной работой. Он старался строить образовательный процесс исходя из классических принципов обучения – неотрывность образования от воспитания. Работа профессора как педагога не осталась незамеченной. С конца 1940-х до начала 1960-х годов учёный получил немало официальных наград [12] неофициальных благодарностей от студентов [9] и даже школьников [8].

В юбилейный сборник исторических трудов пединститута в 1957 г. профессор В. А. Романовский поместил фундаментальный обзор [23] всех диссертаций по истории Ставропольского края, написанных за последние 40 лет. Представляется, что этот обзор актуален и сегодня. Это было важным этапом в расширении научных интересов В. А. Романовского от истории Украинского феодализма к Ставропольскому краеведению и аграрной истории Ставрополя.

К 1960-м годам кафедра истории СССР Ставропольского педагогического института заметно выросла количественно и качествен-

но. Теперь на кафедре постоянно работали 6 человек, из них профессор В. А. Романовский, доценты Беликов Т. И., Шацкий П. А., Иванько Н. И., Чевелёв А. П. [4]. Резко увеличилось и число студентов в пединституте, что повлекло за собой увеличение академических часов, а значит и преподавателей. В результате в 1962 году кафедра столкнулась с проблемой нехватки специалистов. В соответствии с нормой коллектив кафедры мог выполнять 2340 часов в год, а надо было выполнять план в 3259 часов, т.е. не хватало трёх штатных единиц.

К этому периоду относится целый ряд [17, 18, 19, 20, 21, 22, 26] изданий, в которых профессор В. А. Романовский обратил свое внимание на новые сюжеты из истории края. Среди них как темы, к которым он обращался ещё на Украине: судьба Декабристов, восстание в селе Маслов Кут, аграрная история (только теперь Северного Кавказа), так и новые: история народов Северного Кавказа, Великие реформы на Ставрополье, методология исторической науки. Профессор основательно и по-научному, а самое главное первым, посмотрел на историю Ставрополя глазами академической науки.

В. А. Романовский сыграл огромную роль в становлении таких историков как: Ф.П. Тройно, А. В. Найдено, И. Я. Фроянов, В. А. Захаров, П. А. Шацкий. Пётр Александрович Шацкий сменил В. А. Романовского на посту заведующего кафедрой истории СССР и стал значимой фигурой в становлении научной исторической школы Ставрополя. П. А. Шацкий родился в простой крестьянской семье в Тульской губернии в 1908 году, работал заведующим избой-читальней в Чернском районе Тульской области и преподавателем школы подростков, затем заведовал культотделом райкома комсомола, читал лекции о международном положении, участвовал в коллективизации сельского хозяйства. В 1930 г. его призвали в Красную армию. Будущий известный историк П. А. Шацкий, воевавший с первых дней войны, оказался в Ставрополе в сентябре 1945 после демобилизации [16]. Поступив ассистентом-преподавателем в Ставропольский педагогический институт, он одновременно читал лекции в Университете марксизма-ленинизма и партийной школе. Долгий путь от ассистента до профессора и заведующего кафедрой прошёл в постоянных исканиях новых путей и методов преподавания исторического материала. Кроме общего курса истории СССР, который он читал 37 лет, П. А. Шацкий вёл спецсеминары и спецкурсы, практические занятия и курировал педагогические практики.

П. А. Шацкий всегда считал себя учеником и идейным продолжателем В. А. Романовского. Огромное место в обучении они уделяли практике и работе с источниками. В воспоминаниях студентов и учеников оба отмечены как профессионалы высокого класса, не позволявшие себе ни разу выйти за кафедру без предварительной, тщательной подготовки и ежегодного обновления материала курса. Профессора совмещали высокую научность преподавания с эмоциональностью, увлечённостью делом.

В 1960-е годы научные интересы кафедры в основном концентрировались на аграрной истории СССР, и в частности Ставрополья XVIII–XIX вв. Видимо, на выбор приоритетов повлияли научные интересы В. А. Романовского. Будучи постоянным членом всесоюзных и международных симпозиумов по аграрной истории, он выступал на них с докладами о появлении капитализма в городской Украине конца XVII в. а позже и по общим вопросам развития сельского хозяйства на юге России [11]. Он и «заразил» своего ученика интересом к аграрной истории России. П. А. Шацкий тоже был постоянным докладчиком на всесоюзных конференциях [12]. Его работы касались пореформенной колонизации Кубанской области и развития земледелия на Кубани, проблем возникновения частного землевладения у кубанских казаков во второй половине XIX в., а также аграрным вопросам Предкавказья [2, 27].

В 1960-е годы было завершено формирование факультета, разработана методическая база преподавания истории, была создана аспирантура. Учёные смогли заняться собственно исследованиями истории Ставрополья, ограничиваясь XVIII–XIX вв., т. к. научная разработка советского периода была делом трудным из-за идеологического давления. Исследовательские поля в этой области были абсолютно «непаханными» ни любителями, ни профессионалами, и исследователи буквально открывали неизведанный край. В эти годы была подготовлена масса исторических работ [20, 21, 24, 15, 27].

Таким образом, до конца 1940-х годов XX века как таковой академической исторической науки в Ставрополе не существовало. С окончанием Великой Отечественной войны, созданием исторического факультета в местном пединституте и приездом в Ставропольский педагогический институт профессора В. А. Романовского стало формироваться первое поколение Ставропольских историков – профессионалов. Труды историков 1950–60-х стали основой для дальнейшего изучения

многих проблем экономического, социально-го и культурного развития Северного Кавказа. Глубокая научность трудов этих историков дают возможность использовать их не только

в рамках разбора историографических очерков нашей науки, но и в процессе преподавания истории страны и региона.

Источники и литература

1. Булыгина И. А. Страницы жизни и творчества В. А. Романовского // Харківський історіографічний збірник. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2014. № 13. С. 134–144.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф. Р-9506. Оп. 70. Д. 537.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК) Ф. 1872. Оп. 1. Д. 77.
4. ГАСК Ф. 1872. Оп. 1. Д. 81.
5. ГАСК Ф. 6007. Оп. 1. Д. 224.
6. ГАСК Ф. 6007. Оп. 1. Д. 250.
7. ГАСК Ф. 6007. Оп. 1. Д. 253.
8. ГАСК Ф. 6007. Оп. 1. Д. 316.
9. ГАСК Ф. 6007. Оп. 1. Д. 497.
10. ГАСК Ф. 6007. Оп. 1. Д. 530.
11. ГАСК Ф. 6007. Оп. 1. Д. 537.
12. ГАСК Ф. 6007. Оп. 1. Д. 91.
13. История кафедры истории России. Северо-Кавказский федеральный университет. История кафедры истории России. URL: <http://www.ncfu.ru/istoriya-kafedry-istorii-rossii.html> (Дата обращения: 01.07.2017).
14. Кемпинский Э. Стрекалова Е. Учителей Учитель // Ставропольская правда. Ставрополь, 2004. 12 ноября. № 102. С. 15.
15. Наш край / под ред. В. А. Романовского. Ставрополь: Книжное издательство, 1969. 241 с.
16. Невская В. П. Пётр Александрович Шацкий // Российские исследователи Кавказа. Серия истории археологии, этнографии. Академия истории и политологии, международная академия информатизации. Армавир – Ставрополь: АГПИ, 1996. № 14. С. 1–12.
17. Романовский В. А. Солдаты-декабристы на Кавказе // Сб. трудов историко-филологического факультета Ставропольского государственного педагогического института под ред. доц. А. В. Попова. Ставрополь: СГПИ, 1958. 91 с.
18. Романовский В. А. Выступление крестьян против угнетателей // Ставропольский край в истории СССР Учебное пособие по краеведению для учащихся 7–8 классов. / под общ. ред. д-ра ист. наук В. А. Романовского. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1964. 89 с.
19. Романовский В. А. Восстание крестьян в с. Маслов Кут в 1853 г. // К вопросам политического, хозяйственного и культурного развития Северного Кавказа. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1969. С. 3–51.
20. Романовский В. А. К вопросам политического, хозяйственного и культурного развития Северного Кавказа // Сборник статей СГПИ. Редколлегия д-р пед. наук проф. В. А. Романовский и др. Ставрополь: СГПИ, 1959. С. 186–194.
21. Романовский В. А. К вопросу о положении крестьян села Маслов-Кут перед восстанием 1853 года // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь: СГПИ, 1971. № 12. С. 254–265.
22. Романовский В. А. Научная работа исторических кафедр Ставропольского педагогического института в 1949–1950 учебном году // Вопросы истории. М.: Правда, 1950. № 12. С. 2–4.
23. Романовский В. А. Обзор диссертаций по истории Ставрополья за 40 лет Советской власти. Юбилейный сборник трудов Ставропольского пединститута. Ставрополь: СГПИ, 1957. № 13. С. 19–24.
24. Романовский В. А. Ставропольский край в истории СССР (учебник по краеведению для 7–8 классов СШ). Ставрополь: Советская педагогика, 1964. 92 с.
25. Романовський В. О. Нариси з архівознавства. // Історія архівної справи на Україні та принципи порядкування в архівах. Харків: АС. 1927. 170 с.
26. Учебно-краеведческий атлас Ставропольского края / под ред. Романовского В. А. Ставрополь: Советская педагогика, 1957. 61 с.
27. Шацкий П. А. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кубани // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига: АН ЛССР, 1963. С. 57–69.

References

1. Bulygina I. A. Stranitsy zhizni i tvorchestva V. A. Romanovskogo. (*On Life And Work Of V.A. Romanovskiy*) // Kharkivskiy istoriografichnyi zbirnik. Kharkov: KHNU named after V. N. Karazin publ.. 2014. No. 13. P. 134–144. (In Russian).
2. State archive of the Russian Federation (GARF) F. R-9506. Inv. 70. D. 537. (In Russian).
3. State archive of the Stavropol kray (GASK) F. 1872. Inv. 1. D. 77. (In Russian).
4. GASK F. 1872. Inv. 1. D. 81. (In Russian).
5. GASK F. 6007. Inv. 1. D. 224. (In Russian).
6. GASK F. 6007. Inv. 1. D. 250. (In Russian).
7. GASK F. 6007. Inv. 1. D. 253. (In Russian).
8. GASK F. 6007. Inv. 1. D. 316. (In Russian).
9. GASK F. 6007. Inv. 1. D. 530. (In Russian).
10. GASK F. 6007. Inv. 1. D. 537. (In Russian).
11. GASK F. 6007. Inv. 1. D. 91. (In Russian).
12. GASK F. 6007. Inv. 1. D. 497. (In Russian).

13. Istoriya kafedry istorii Rossii. (*The History Of History Department. North-Caucasus Federal University The History Of History Department*) Severo-Kavkazskiy federalnyy universitet. Istoriya kafedry istorii Rossii. URL: <http://www.ncfu.ru/istoriya-kafedry-istorii-rossii.html> (Accessed: 01.07.2017). (In Russian).
14. Kempinskiy E. Strekalova E. Uchiteley Uchitel. (*The Teacher's Teacher*) // Stavropolskaya pravda. Stavropol, 2004. November 12. No. 102. P.15. (In Russian).
15. Nash kray. (*Our Region*) / ed. by V. A. Romanovskii. Stavropol: Knizhnoye izdatelstvo. 1969. 241 p. (In Russian).
16. Nevskaya V. P. Piotr Aleksandrovich Shatskiy (*P. A. Shatskiy. Russian Researchers Of The Caucasus. A Series Of Archeology And Ethnography History*) // Rossiyskiye issledovateli Kavkaza. Seriya istorii arkheologii. etnografii. No. 14. Akademiya istorii i politologii. mezhdunarodnaya akademiya informatizatsii. Armavir – Stavropol: ASPI publ., 1996. P. 1–12. (In Russian).
17. Romanovskiy V. A. Soldaty-dekabristy na Kavkaze (*Soldiers-Decembrists In The Caucasus*) // Sb. trudov istoriko-filologicheskogo fakulteta Stavropolskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Stavropol: SSPI publ., 1958. 91 p. (In Russian).
18. Romanovskiy V. A. Vystupleniye krestian protiv ugneteley (*Peasant Uprising Against Oppressors*) // Stavropolskiy kray v istorii SSSR Uchebnoye posobiye po krayevedeniyu dlya uchashchikhsya 7–8 klassov. Stavropol: Stavropolskoye knizhnoye izdatelstvo, 1964. 89 p. (In Russian).
19. Romanovskiy V. A. Vosstaniye krestian v P. Maslov Kut v 1853 g. (*Peasant Uprising In Village Maslov Kut in 1853*) // K voprosam politicheskogo. khozyaystvennogo i kulturnogo razvitiya Severnogo Kavkaza. Stavropol: Stavropolskoye knizhnoye izdatelstvo, 1969. P. 3–51. (In Russian).
20. Romanovskiy V. A. K voprosam politicheskogo. khozyaystvennogo i kulturnogo razvitiya Severnogo Kavkaza (*On Political, Household and Cultural Development Of The North Caucasus*) // Sbornik statey SGPI. Redkollegiya d-r ped. nauk prof. V. A. Romanovskiy i dr. Stavropol: SSPI publ., 1959. P. 186–194. (In Russian).
21. Romanovskiy V. A. K voprosu o polozhenii krestian sela Maslov-Kut pered vosstaniyem 1853 goda (*On The State Of Peasants in Maslov Kut Prior To Uprising In 1853*) // Materialy po izucheniyu Stavropolskogo kraya. Stavropol: SSPI publ., 1971. No. 12. P. 254–265. (In Russian).
22. Romanovskiy V. A. Nauchnaya rabota istoricheskikh kafedr Stavropolskogo pedagogicheskogo instituta v 1949–1950 uchebnom godu (*Scientific Work Of History Departments In Stavropol Pedagogical Institute in 1949–1950*) // Voprosy istorii. 1950. No. 12. P. 2–4. (In Russian).
23. Romanovskiy V. A. Obzor dissertatsiy po istorii Stavropolia za 40 let Sovetskoy vlasti. (*Review Of Dissertations On The History Of Stavropol Region Over 40 Years Of The Soviet Power*) // Yubileyny sbornik trudov Stavropolskogo pedinstituta. Stavropol: SSPI publ., 1957. No. 12. P. 19–24. (In Russian).
24. Romanovskiy V. A. Stavropolskiy kray v istorii SSSR (uchebnik po krayevedeniyu dlya 7–8 klassov SSH). (*Stavropol Territory in the history of the USSR (textbook on regional studies for grades 7–8 of the school)*). Stavropol: Sovetskaya pedagogika, 1964. 92 p. (In Russian).
25. Romanovskiy V. O. Narisi z arkhivovnavstva. (*Essays on archival studies*) // Istoriya arkhivnoy spravi na Ukraïni ta printsipi poryadkuvannya v arkhivakh. Kharkiv: AP, 1927. 170 p. (In Russian).
26. Uchebno-krayevedcheskiy atlas Stavropolskogo kraya (*Training Regional Atlas Of The Stavropol Krai*) / ed. by Romanovskii V.A. Stavropol: Sovetskaya pedagogika, 1957, 61 p. (In Russian).
27. Shatskiy P. A. Poreformennaya kolonizatsiya Kubanskoy oblasti i razvitiye zemledeliya na Kubani. (*Post-reform colonization of the Kuban region and development of agriculture in the Kuban*) // Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. Riga: AN LSSR, 1963. p. 57–69. (In Russian).

УДК 94 (47)

А. А. Панарин

ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВЬЮ И СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ В 1920-е гг. (НА МАТЕРИАЛАХ КУБАНИ)

В статье рассматривается эволюция взаимоотношений между Русской Православной Церковью и советским государством на протяжении 1920-х гг., с использованием материалов Кубани. Показано влияние коммунистической идеологии на формирование религиозной политики советского государства, определены основные ее принципы после победы Октябрьской революции и в условиях новой экономической политики. Дана оценка репрессивным мерам большевистской партии в отношении священнослужителей и православных верующих на Кубани в годы Гражданской войны и в начале 1920-х гг. при осуществлении кампании по изъятию церковных ценностей. Приведены примеры самоотверженного поведения защитников традиционной православной веры в обстановке насаждения на Кубани обновленческой церкви, деятельность которой сыграла негативную роль в ослаблении позиций РПЦ. Отражена противоречивость отношения советского государства к православной церкви в условиях кульминации НЭПа, наступившей в середине 1920-х гг.

Показано, что с одной стороны, наблюдался определенный спад репрессивных действий, с другой стороны, происходило усиление антирелигиозной пропаганды, предпринимались попытки замещения религиозной веры новым коммунистическим мировоззрением и советским образом жизни. Рассмотрено влияние процессов утверждения административно-командной системы и модернизации советского общества в конце 1920-х гг. на усиление наступательного характера антирелигиозной политики советского государства и существенно-го ограничения возможностей РПЦ. Приведены примеры закрытия церквей и осуществления репрессивных мер против священнослужителей на Кубани в ходе хлебозаготовок и коллективизации сельского хозяйства. Сделаны выводы о негативных последствиях этой политики для дальнейшей деятельности РПЦ и православной веры как на Кубани, так и в целом по стране.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, православная вера, советское государство, религиозная политика, Кубань.

А. А. Panarin

THE NATURE OF RELATIONSHIP BETWEEN THE ORTHODOX CHURCH AND THE SOVIET STATE IN 1920s ON MATERIALS OF THE KUBAN)

The article discusses the evolution of relations between the Russian Orthodox Church and the Soviet State during the 1920s with the reference to materials of the Kuban River. The paper highlights the influence of Communist ideology on the development of religious policy of the Soviet State, defines its basic principles after the victory of the October Revolution and under the conditions of a new economic policy. The repressive measures of the Bolshevik party against clerics and Orthodox believers in the Kuban region during the Civil war and the campaign to confiscate Church values in the early 1920s are estimated. Examples of selfless conduct of traditional Orthodox faith believers under conditions of imposing the renovationist Church in the Kuban region, which played a negative role in weakening the ROC. The article reflects the contradictory attitude of the Soviet Government to the Orthodox Church in the midst of the climax of the NEP in the middle of the 1920s. On

the one hand, there was a definite decline in repressive actions, on the other hand, there was certain strengthening of anti-religious propaganda, attempts to replace religious faith with new Communist ideology and the Soviet way of life. The author studies the influence of administrative-command system and the modernization of Soviet society in the late 1920s on strengthening the offensive nature of the anti-religious policy of the Soviet State and significant restrictions on opportunities available to the ROC. The article provides the examples of closure of churches and implementation of repressive measures against the clergy in the Kuban during grain procurement and collectivization of agriculture. Conclusions are drawn about the negative consequences of this policy for the future activities of the ROC and the Orthodox faith in the Kuban region and country on the whole.

Key words: Russian Orthodox Church, Orthodox faith, Soviet State, religious policy, Kuban.

Деятельность Русской Православной Церкви (РПЦ) в 1920-е гг. проходила в сложных условиях противостояния с коммунистической партией, фактически осуществляющей управление страной. Марксистско-ленинская идеология отвергала религию и не оставляла ей места в будущем коммунистическом обществе. Правовой основой этой установки стал Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», в соответствии с которым устанавливался светский характер советского государства, провозглашалась свобода вероисповедания, а церковь лишалась права собственности и юридического лица. Церковь лишалась своего имущества, которое объявлялось народным достоянием, за исключением зданий и предметов, предназначенных специально для богослужебных целей [14].

Как отмечает О. Ю. Васильева, «...при подготовке проекта Декрета, и особенно в ходе его проведения в жизнь, государственная власть не координировала свои действия с Русской Православной Церковью, отказываясь от всякого диалога с ней. В результате Церковь была лишена гарантий правовой защищенности, и церковная жизнь стала отделяться от общественной жизни страны» [2]. На местах реализация декрета вызвала произвол местных властей, который принял широкий размах в условиях Гражданской войны.

После окончания Гражданской войны отношение советского государства к церкви фактически не изменилось. Провозглашение руководством большевистской партии новой экономической политики слабо отразилось на положении православной церкви. В этом отношении НЭП в начале 1920-х гг. постепенно проявлял определенную либерализацию политики большевистской партии в области экономики, а в идеологической сфере эти тенденции ощущались очень слабо. В особенности это касалось церкви, как оплота противоположной большевистской идеологии религиозной веры.

Как отмечает Н. В. Кияшко, «окончательное установление советской власти на территории Кубанского края после победы над соединениями Добровольческой армии поставило точку в самостоятельном существовании Кубанской и Краснодарской епархий. 24 марта 1920 г. назначенный Реввоенсоветом Кавказского фронта Кубанский областной революционный комитет прибыл в г. Екатеринодар и начал проведение организационной работы по укреплению административного аппарата управления. Это событие следует считать полноценным на-

чалом действия советского религиозного законодательства на территории области» [12].

Кубанскую епархию вновь возглавил в конце 1920 г. отстраненный ранее Временным высшим церковным управлением на Юго-Востоке России от управления Кубанской епархией епископ Иоанн (Левицкий), не оказывавший сопротивления проводимым советской властью мероприятиям по ограничению деятельности православной церкви [12].

Новое наступление на православную церковь произошло во время страшного голода 1921–1922 гг., унесшего жизни, по разным данным, от 1 до 5 млн. человек. Несмотря на то, что РПЦ сразу же включилось в сбор средств для голодающих, 26 февраля 1922 г. в соответствии с постановлением ВЦИК был аннулирован добровольный характер пожертвований, местным органам власти было отдано распоряжение о изъятии у церквей всех драгоценностей, в том числе предметов, имеющих богослужебное значение [13].

Примененные в период кампании по сбору средств в помощь голодающим репрессии против священнослужителей были сопоставимы с годами Гражданской войны. По данным Свято-Тихоновского Богословского Института в 1922–1923 гг. в стране было репрессировано 10 тыс. человек, из них около 2 тыс. было расстреляно [3]. В Кубанской области и Черноморской губернии при изъятии церковных ценностей в 1922 г. было расстреляно и замучено соответственно 69 и 37 духовных лиц разного звания [4, с. 136].

Многие кубанские священнослужители пострадали в ходе утверждения на Кубани обновленческой церкви, начавшей свою деятельность с весны 1922 г. Поддержка обновленцев со стороны большевистской партии была связана с намерением внести раскол в ряды верующих и заручиться поддержкой отступников, заявлявших о своих симпатиях к Советской власти. Обновленческий журнал «Живая Церковь» в мае 1922 г. писал: «Несомненно, великая ответственность за сложившиеся отношения падает на иерархию православной Церкви... Высшие представители ее связали себя еще на Соборе с помещиками и капиталистами, воспользовавшись авторитетом патриарха для противодействия государственной политике Советской власти...» [17].

Стремясь к усилению позиций епархиального управления на местах, уполномоченный обновленческого Высшего церковного управления видел свои главные задачи в ликвидации подчинявшегося патриарху Тихону духо-

венства. На Кубани переход в обновленчество возглавил Кубанский архиерей Иоанн. Руководители обновленческого движения предлагали властям целую программу борьбы с «тихоновщиной». Например, выслать из пределов Кубани сторонников Патриарха, закрыть монастырские подворья и монастыри в Краснодаре, Армавире, Кропоткине [1, с. 46].

В Армавирском округе в сентябре 1922 г. под руководством «епископа» Михаила было сформировано Армавирское окружное церковное управление. 13 июля 1924 г. в г. Армавир с титулом «Армавирский и Майкопский» был назначен епископ Николай Чудновцев. Одновременно с назначением епископа Николая решением Синода в состав викариатства были включены населенные пункты Майкопского округа Северо-Кавказского края. Согласно данным ОГПУ за 1924 г., «тихоновское движение в Армавире было полностью ликвидировано», а господствующее положение заняли обновленцы. Это подтверждают статистические данные, согласно которым в 1926 г. в Армавирском округе насчитывалось 111 храмов и 293 священнослужителя. Для сравнения стоит заметить, что канонических храмов в округе было только 37 [10, с. 171].

Несмотря на государственную поддержку и количественный перевес, церкви обновленцев часто оставались пустыми. Обновленчество было слабо воспринято в казачьей среде. По мнению Н. Ю. Беликовой, к факторам, сдерживающим процесс модернизационных изменений в казачьей среде, можно отнести: общинную демократию, настороженное отношение к новой власти, многовековой союз казачества с РПЦ [1, с. 47].

Противостоявшие обновленцам священники со стороны власти зачастую обвинялись в контрреволюционной деятельности. Н. В. Кияшко приводит сведения об аресте в Краснодаре 16 декабря 1922 г. настоятеля Ильинского храма иерея Александра Макова и протоиерея Александра Пурлевского. Более пяти месяцев священники находились в тюрьме и летом 1923 г. были высланы в Среднюю Азию на два года. Получив досрочное освобождение, в ноябре 1924 г. священники вернулись в г. Краснодар, где продолжили организацию канонических приходов, добившись разрешения служить в Георгиевском храме [11, с. 77].

В августе 1923 г. местные власти пытались расправиться с известным священником г. Армавира, настоятелем Николаевского храма, протоиереем Леонидом Федоровичем Дмитриевским, который выступил перед верующими с

осуждением неканонической церкви. По обращению обновленческого епархиального управления, отец Леонид, псаломщик Жигулин и 6 человек мирян были арестованы, однако, благодаря протестам прихожан были освобождены из-под ареста в декабре 1923 г. [11, с. 78–79].

Несмотря на эти отдельные уступки, партийно-государственным органам удалось добиться ослабления канонической епархии Патриаршей Церкви на Кубани. К 1926 г. на Кубани насчитывалось 440 синодальных (обновленческих) церквей против 113 «тихоновских» (патриарших). В Краснодаре были закрыты практически все патриаршие храмы. Однако обновленческие церкви не пользовались симпатиями прихожан. Новые храмы они называли «еретическими и богохульными». В этот период на Кубани произошло более двухсот антисоветских выступлений на религиозной почве. Многие из них были противодействием обновленчеству [9, с. 119].

В условиях кульминации НЭПа в 1924–1927 гг., религиозная политика советского государства отличалась неустойчивостью. С одной стороны, либерализация политического курса большевистской партии привела к заметному спаду репрессий против церкви и священнослужителей, снижению динамики закрытия православных храмов. С другой стороны, советское государство не отказалось от попыток ослабить влияние церкви на окружающее население, всячески дискредитируя ее в глазах граждан с помощью активной антирелигиозной пропаганды.

Продолжались в это время и попытки закрытия церквей, с использованием различного рода предлогов. Например, 9 октября 1924 г. президиум Кубанского окрисполкома принял решение о закрытии церкви при окружной больнице Краснодара, мотивируя это нарушением декрета СНК об отделении церкви от государства, а также тем, что «нахождение церкви по соседству с психиатрическим отделением нарушает (колокольный звон) необходимый покой для этих больных» [5, с. 494].

Установившаяся в Армавире советская власть в апреле 1923 г. закрыла подворье Кавказского Николаевского миссионерского нештатного общежительного мужского монастыря якобы «за обнаруженные в нем творимые монахами безобразия». В 1926 г. постройки подворья были переданы дому патроната беспризорных – детдому №2, в начале 1930-х гг. была разобрана колокольня находящегося на подворье Александро-Невского храма, в 1936 г. на бывшем подворье разместился дом инвалидов [18, с. 55].

В 1924 г. в Армавире была снесена Николаевская часовня, построенная в честь коронации последнего русского императора. После того, как 21 января 1924 г. умер В. И. Ленин, уже 27 января в местной газете «Трудовой путь» был опубликован призыв партийной ячейки станции Армавир-I соорудить в Армавире памятник «вождю пролетариата тов. Ленину» на Первомайской площади, для чего предлагалось снести находящуюся там часовню [18, с. 57–58]. Эти факты свидетельствуют о продолжающемся в середине 1920-х гг. уничтожении православных храмов и святынь на Кубани.

Наиболее активную роль в осуществлении антирелигиозной пропаганды осуществляли члены «Общества безбожников», деятельность которого на Кубани началась с 1924 г. Так, 11 сентября 1924 г. при краснодарском клубе «Профинтерн» возникла одна из первых в городе ячеек «Общества безбожников», в которую вошло около 40 человек. К началу января 1925 г. в Краснодаре было зарегистрировано уже более 20 ячеек «Общества безбожников» [5, с. 493]. В 1925 г. в связи с возросшими требованиями к антирелигиозной агитации был сформирован «Союз безбожников», членами которого могли быть граждане старше 18 лет, не лишённые избирательных прав и желающие вести антирелигиозную работу.

Деятельность «Союза безбожников» на Кубани проходила непросто, ввиду активного противодействия со стороны верующих, доходящего до открытых столкновений. Так, в феврале 1927 г. в станице Титаровской Краснодарского района группа казачьей молодежи избивала двух членов кружка безбожников за антирелигиозную пропаганду [6, с. 516]. Ещё большее недовольство действиями безбожников высказывало старшее поколение, особенно из числа казачества.

Ввиду этого, а также общих партийных установок, характерных для периода кульминации НЭПа, местные органы пытались более гибко подходить к вопросам антирелигиозной пропаганды. Одним из примеров является борьба за умы и сердца людей, обостряющаяся в начале мая, ввиду частого совпадения празднования Пасхи и Первомая. Со стороны местных органов она велась различными партийными органами, периодической печатью, силами созданных общественных и антирелигиозных организаций, образовательными учреждениями и другими. Так, накануне Пасхи в 1926 г. Кубанским окружным комитетом ВКП (б) специально подчеркивалось, что «во всех выступлениях и первомайских докладах необходимо

провести отличия праздника 1 Мая и Пасхи» [19, с. 25].

Тем не менее, большинство кубанцев сохраняли верность вековым традициям, свыше 80 % из них считали себя верующими людьми. Многие дети школьного возраста ходили в церковь на богослужение, носили иконы по станице, прислуживали в церкви. Несмотря на атеистическое воспитание, 52 % краснодарских школьников в 1923 г. признались в вере в Бога, 48 % – в исполнении религиозных обрядов [9, с. 120].

В конце 1920-х гг. в религиозной политике советского государства произошли серьезные изменения, связанные с началом нового наступления на церковь. Борьба с религией становится в это время всеобъемлющей и является важным элементом государственной политики, направленной на строительство социалистического общества. Реализация религиозной политики стала проходить в рамках утверждающейся административно-командной системы и поэтому отличалась планомерностью и жестким характером выполнения принимаемых руководством большевиков решений. Дополнительные импульсы в русле борьбы с религией и церковью придавала коллективизация деревни и социалистическое наступление в идеологии и культуре с целью установления единомыслия.

Все это знаменует завершение периода относительно спокойного отношения к религиозным организациям, обозначившегося в середине 1920-х гг. В ситуации изменения общего направления политики усиливается давление и на религию. Основным двигателем этого процесса выступала концепция «обострения классовой борьбы», по которой церковь находилась в лагере врагов социализма. Этот тезис активно использовался в период хлебозаготовительного кризиса в конце 1920-х гг.

Многие представители духовенства на Кубани протестовали против преступных методов проведения хлебозаготовок. Например, в станице Зеленчукской Армавирского округа, по сведениям ОГПУ, «попы тихоновского толка начинают открыто выступать с проповедями и агитировать против хлебозаготовок» [7, с. 761]. В соответствии с другой сводкой, в феврале 1928 г. в станице Баталпашинской Армавирского округа поп агитировал верующих не сдавать хлеб государственным заготовителям [8, с. 696]. Таких фактов было достаточно много, что доказывает равнодушное отношение духовенства Кубани к чинимым властью беззакониям при проведении хлебозаготовок и других акций советского государства в деревне.

С целью дальнейшего ограничения деятельности церкви, 8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК принял постановление «О религиозных организациях», в соответствии с которым религиозные общества или группы могли приступать к своей деятельности лишь после регистрации общества или группы в подлежащем административном отделе местного исполнительного комитета или городского Совета. Религиозные съезды и избираемые ими исполнительные органы не имели прав юридического лица [15].

Значительно активизировалась в конце 1920-х гг. антирелигиозная пропаганда, проводимая членами Союза безбожников. На II съезде этого союза он был переименован в «Союз воинствующих безбожников», само название которого свидетельствовало об агрессивных намерениях его создателей.

Несмотря на размах антирелигиозной работы, численность безбожников в селах и станицах Кубани росла медленно, так как большинство населения не отказалось от традиционных форм религиозности. Это явилось одной из причин усиления репрессий против представителей духовенства. В конце 1920-х гг. кампанейщина в этом вопросе сменилась плановым подходом. Органы НКВД получили указания о борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных общин. Так, в марте 1927 г. в Краснодаре были арестованы священники Георгиевского храма Александр Маков, Александр Пурлевский и Василий Денисов за якобы имевшую место «антисоветскую деятельность». Через четыре месяца постановлением особого совещания при коллегии ОГПУ их выслали в Казахстан сроком на три года [5, с. 512].

Осенью 1929 г. большевики объявили о начале первой безбожной пятилетки, преследовавшей цель «полного обезбоживания страны» и «ликвидации всех остатков религиозного быта». С самого начала развернутая безбожниками кампания по закрытию монастырей и церквей характеризовалась масштабностью и подлинно общероссийским размахом. Так, например, только в 1928 г. было закрыто 534 церкви, а общее число приходов Русской Православной Церкви сократилось на одну треть. В 1929 г. было закрыто 1119 церквей [3].

Подобные процессы происходили и на Кубани. Так, 28 октября 1929 г. пленум Краснодарского горсовета принял решение «немедленно изъять Белый собор из ведения религиозной общины и передать его в распоряжение совпрофа для использования под культурное учреждение». Этому событию предшествовали многочисленные «наказы избирателей» и заключение специальной комиссии горсовета по обследованию собора, пришедшей к выводу: «В целях предотвращения дальнейшего разрушения здания необходимо принять серьезные меры к облегчению нагрузки на стены и своды здания путем разборки верхних надстроек, куполов, парапетов, колоколен и снятия колоколов...». Уже на следующий день собор был закрыт [5, с. 532].

Неприкрытое насилие советского государства по отношению к церкви вызывало активное противодействие верующих. Например, в мае 1929 г. в станице Засовской Майкопского округа прошел слух о том, что местную церковь обложили по хлебозаготовкам и с нее будут снимать колокола. В результате собралась толпа протестующих около 200 человек, которая после сделанных разъяснений разошлась. В это же время в станице Костромской на церковной площади собралось около 500 верующих, для того, чтобы оспрепятствовать закрытию церкви [16, с. 914]. Несмотря на попытки священнослужителей и православных верующих предотвратить закрытие церквей, сделать это было невозможно, ввиду использования советским государством всех возможных мер по разрушению православной веры.

Таким образом, религиозная политика советского государства в конце 1920-х гг. характеризовалась резким поворотом в сторону возобновления насильственных действий по отношению к православной церкви. На территории Кубани, как и в других аграрных районах, это происходило одновременно с проводимыми хлебозаготовками и форсированной коллективизацией сельского хозяйства, что придавало антирелигиозной кампании особенно ожесточенный характер. В 1930-е гг. эти процессы приобрели широкомасштабный характер, поставив под угрозу само существование РПЦ и православной веры.

Источники и литература

1. Беликова Н. Ю. Религиозная сторона жизни кубанского казачества после 1917 года // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития. К 320-й годовщине служения Отечеству казачества Кубани, 27–31 мая 1916 г. / отв. ред. В. П. Громов. Краснодар: Традиция, 2016. С. 44–49.
2. Васильева О. Ю. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/sovietstate-church.htm> (Дата обращения: 12.03.2018).

3. Гонения на русскую православную церковь 1920–1930-е гг. URL: <http://biofile.ru/his/27326.html> (Дата обращения: 05.03.2018).
4. Горожанина М. Ю. Православное духовенство Кубани в годы политических репрессий // Материалы X Международной научной конференции «Государство, Общество, Церковь в истории России XX века». Иваново: Ивановский государственный университет, 2011. С. 132–139.
5. Екатеринодар-Краснодар. Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. 1793–1993. Материалы к летописи. Краснодар: Книжное издательство, 1993. 798 с.
6. Из информационной сводки ОГПУ от 14 марта 1927 г. // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. В 4 т. Т.2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 512–516.
7. Из информационной сводки ОГПУ по Северо-Кавказскому краю о ходе весенней хлебозаготовительной кампании от 20 июня 1928 г. // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. В 4 т. Т.2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 754–763.
8. Из информационной сводки ОГПУ от 19 февраля 1928 г. // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. В 4 т. Т.2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 694–709.
9. История Кубани с древнейших времен до конца XX века: в 2 ч. Ч. 2. С 1917 года до конца XX века. Краснодар: ОИПЦ Перспективы образования, 2011. 272 с.
10. Кияшко Н. В. Обновленческий раскол в Армавирском округе Северо-Кавказского края в 1922–1930 гг. // Отраденские историко-краеведческие чтения. Вып. V: Материалы международной научной конференции, посвященной 160-летию основания станции Отрадной / науч. ред. С. Н. Малахов, составитель С. Г. Немченко. Армавир: Издатель Шурыгин В.Е., 2017. С. 168–173.
11. Кияшко Н. В. Репрессии как инструмент борьбы против духовенства и мирян в 1920-е годы // Церковь. Богословие. История: материалы V Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 2–4 февраля 2017 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017. С. 73–79.
12. Кияшко Н. В. Армавирское викариатство Кубанской и Краснодарской епархии: динамика институциональных процессов церковной жизни в первые годы Советской власти URL: <http://kanonkuban.ru/armavirskoe-vikariatstvo-kubanskoy-i-krasnodarskoj-eparxii-dinamika-institucionalnykh-processov-cerkovnoj-zhizni-v-pervye-gody-sovetskoj-vlasti/> (Дата обращения: 18.03.2018).
13. Об изъятии церковных ценностей: постановление ВЦИК от 26 февраля 1922 г. // Известия. 1922. 26 февраля.
14. Об отделении церкви от государства и школы от церкви: Декрет СНК РСФСР от 23 января 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1918. №18. Ст. 263.
15. О религиозных организациях: постановление Президиума ВЦИК от 8 апреля 1929 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1929. №35. Ст. 353.
16. Оперативная сводка информотдела ОГПУ о ходе хлебозаготовительной кампании от 20 июня 1929 г. // Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. В 4 т. Т.2. 1923–1929 / под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. С. 902–914.
17. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью / сост. Штриккер. М.: «Пропилеи», 1995. 400 с. URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/shtrikker_dokumenty.pdf (Дата обращения: 10.04.2018).
18. Селиверстов А.В. Все храмы края. В 2-х т. Т.1. Краснодар: Традиция, 2016. 334 с.
19. Шаповалов С.Н. Пасха и Первомай: борьба старого и нового быта на Кубани в 1920–1930-е гг. // Общество: философия, история, культура. Краснодар: ООО Издательский дом «ХОРС», 2015. С. 24–27.

References

1. Belikova N. Ju. Religioznaja storona zhizni kubanskogo kazachestva posle 1917 goda (*Religious Party Life Of The Kuban Cossacks After 1917*) // Rossijskoe kazachestvo: problemy istorii, vozrozhdenija i perspektivy razvitiia. K 320-j godovshhine sluzhenija Otechestva kazachestva Kubani, 27–31 maja 1916 g. / ed. by V. P. Gromov. Krasnodar: Tradicija, 2016. P.44–49. (In Russian).
2. Vasil'eva O. Yu. Gosudarstvenno-cerkovnye otnoshenija sovetskogo perioda: periodizacija i sodержание (*Public Ecclesiastical Relations Of The Soviet Period: Chronology And Content*). URL: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/sovietstate-church.htm> (Accessed: 12.03.2018). (In Russian).
3. Gonenija na russskuju pravoslavnuju cerkov' 1920–1930-e gg. (*Persecution Of The Russian Orthodox Church 1920–1930s*). URL: <http://biofile.ru/his/27326.html> (Data obrashhenija: 05.03.2018). (In Russian).
4. Gorozhanina M. Ju. Pravoslavnoe duhovenstvo Kubani v gody politicheskikh repressij (*Kuban Orthodox Clergy In Years Of Political Repression*) // Materialy H Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Gosudarstvo, Obshhestvo, Cerkov' v istorii Rossii HH veka». Ivanovo: ISU publ., 2011. P. 132–139. (In Russian).
5. Ekaterinodar-Krasnodar. Dva veka goroda v datah, sobytijah, vospominanijah. 1793–1993. Materialy k letopisi (*Ekaterinodar-Krasnodar. Two Centuries Of The City In Dates, Events, Memories. 1793–1993. Submissions To The Chronicle*). Krasnodar: Knizhnoe izdatel'stvo, 1993. 798 p. (In Russian).
6. Iz informacionnoj svodki OGPU ot 14 marta 1927 g. (*Summary Information From The OGPU Of March 14, 1927*) // Sovetskaja derevnja glazami VChK-OGPU-NKVD. Dokumenty i materialy. In 4 Vols. Vol.2. 1923–1929 / ed. by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPJeN, 2000. P. 512–516. (In Russian).
7. Iz informacionnoj svodki OGPU po Severo-Kavkazskomu kraju o hode vesennej hlebozagotovitel'noj kampanii ot 20 ijunya 1928 g. (*From The Information Summary Of The OGPU In The North-Caucasus region On The Progress Of The Spring Sowing Campaign Of June 20, 1928*) // Sovetskaja derevnja glazami VChK-OGPU-NKVD. Dokumenty i materialy. In 4 Vols. Vol. 2. 1923–1929 / ed. by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPJeN, 2000. P. 754–763. (In Russian).

8. Iz informacionnoj svodki OGPU ot 19 fevralja 1928 g. (*Summary Information From The OGPU Of February 19, 1928*) // Sovetskaja derevnja glazami VChK-OGPU-NKVD. Dokumenty i materialy. In 4 Vols. Vol.2. 1923-1929 / ed. by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPJeN, 2000. P. 694–709. (In Russian).
9. Istorija Kubani s drevnejshih vremen do konca XX veka: v 2 ch. Ch.2. S 1917 goda do konca XX veka (*The History Of Kuban From Ancient Times To The Late 20th Century: 2:00 h. 2. From 1917 Until The End Of The 20th Century*). Krasnodar: OIPC Perspektivy obrazovanija, 2011. 272 p. (In Russian).
10. Kijashko N. V. Obnovlencheskij raskol v Armavirskom okruge Severo-Kavkazskogo kraja v 1922–1930 gg. (*Renewal Split In The Armavir District Of The North Caucasus Region In 1922–1930*) Otradnenskie historical, regional reading // Otradnenskie istoriko-kraevedcheskie chtenija. Issue V: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhjonnoj 160-letiju osnovanija stanicy Otradnoj / ed. by S. N. Malahov, S. G. Nemchenko. Armavir: Shurygin's publishing office, 2017. P.168–173. (In Russian).
11. Kijashko N. V. Repressii kak instrument bor'by protiv duhovenstva i mirjan v 1920-e gody (*Repression As An Instrument Of Struggle Against The Clergy And Laity In 1920s*) // Cerkov'. Bogoslovie. Istorija: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-bogoslovskoj konferencii (Ekaterinburg, 2–4 fevralja 2017 g.). Ekaterinburg: Ekaterinburgskaja duhovnaja seminarija, 2017. P. 73–79. (In Russian).
12. Kijashko N. V. Armavirskoe vikariatstvo Kubanskoj i Krasnodarskoj eparhii: dinamika institucional'nyh processov cerkovnoj zhizni v pervye gody Sovetskoj vlasti (*Armavir Diocese Of Kuban And Krasnodar Diocese: Dynamics Of Institutional Processes Of Church Life During The First Years Of The Soviet Power*). URL: <http://kanonkuban.ru/armavirskoe-vikariatstvo-kubanskoj-i-krasnodarskoj-eparhii-dinamika-institucionalnyx-processov-cerkovnoj-zhizni-v-pervye-gody-sovetskoj-vlasti/> (Accessed: 18.03.2018). (In Russian).
13. Ob izjatii cerkovnyh cennostej: postanovlenie VTsIK ot 26 fevralja 1922 g. (*The Seizure Of Church Property: Decree Of VTsIK Of February 26, 1922*) // Izvestija. 1922. February 26. (In Russian).
14. Ob otdelenii cerkvi ot gosudarstva i shkoly ot cerkvi: Dekret SNK RSFSR ot 23 janvarja 1918 g. (*On The Separation Of Church From State And School From Church: Decree Of Council Of People's Commissars Of The RSFSR Of January 23, 1918*) // Sobranie zakonov i rasporjazhenij raboche-krest'janskogo pravitel'stva RSFSR. 1918. No. 18. Art.263. (In Russian).
15. O religioznyh organizacijah: postanovlenie Prezidiuma VTsIK ot 8 aprelja 1929 g. (*On Religious Organizations: Decision Of VTsIK Presidium Of April 8, 1929*) // Sobranie zakonov i rasporjazhenij raboche-krest'janskogo pravitel'stva RSFSR. 1929. No. 35. Art. 353. (In Russian).
16. Operativnaja svodka informotdela OGPU o hode hlebozagotovitel'noj kampanii ot 20 ijunja 1929 g. (*Operational Summary OGPU Information Department About Sowing Campaign Of June 20, 1929*) // Sovetskaja derevnja glazami VChK-OGPU-NKVD. Dokumenty i materialy. In 4 Vols. Vol.2. 1923-1929 / ed. by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPJeN, 2000. P. 902–914. (In Russian).
17. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v sovetskoe vremja (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnoshenij mezhdugosudarstvom i Cerkov'ju (*Russian Orthodox Church In The Soviet Times (1917–1991). Materials And Documents On The History Of Relations Between The State And The Church*) / sost. Shtrikker. Moscow: Propilei, 1995. 400 p. URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/shtrikker_dokumenty.pdf (Accessed: 10.04.2018). (In Russian).
18. Seliverstov A. V. Vse hramy kraja. (*All Temples Of The Province*). In 2 Vols. Vol.1. Krasnodar: Tradicija, 2016. 334 p. (In Russian).
19. Shapovalov S. N. Pasha i Pervomaj: bor'ba starogo i novogo byta na Kubani v 1920–1930-e gg. (*Easter And May Day: Old And New Life Confrontation On Kuban In 1920–1930s*) // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. Krasnodar: HORS, 2015. P. 24–27. (In Russian).

УДК 94(470.6).084.5

Е. Н. Стрекалова

**«СТЕРЕТЬ С ЛИЦА ЗЕМЛИ ВРЕДИТЕЛЕЙ И ШПИОНОВ»:
СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ
«БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»**

Статья посвящена одному из самых трагических периодов в истории нашей страны – «большому террору». Анализируются «вредительские» процессы 1930-ых гг. на Северном Кавказе на основе их отражение в региональной прессе за 1937г. Тема является весьма актуальной в отечественной и мировой историографии советского периода в истории России. Контент-анализ газет «Северо-Кавказский большевик» и «Орджоникидзевская правда» показал, что слова «враги» и «вредители» наиболее часто повторяющиеся как в заголовках, так и в содержании статей в 1937 г. Не было ни одной недели в 1937 г. без обнаружения аварий, крушений, отставаний по вине «враждебных элементов», «троцкистских саботажников», «классовых врагов». Выявлены прие-

мы воздействия на общественное сознание через освящение в прессе «вредительских процессов». Проанализировано сходство и отличие освещения в прессе громких общесоюзных и региональных процессов. Раскрыты устойчивые речевые практики их отражения на страницах прессы в целях манипулирования обществом. Применяются методологические приемы дискурсивного анализа текстов прессы в контексте влияния на массовое сознание. Показано значение печати для поддержки политического режима Сталина.

Ключевые слова: сталинизм, «большой террор», репрессии, Северный Кавказ, враги, вредители, интеллигенция, инженеры, управленцы, модернизация, общественное сознание, манипуляция, мифологизация.

Е. N. Strekalova

**“ERASE FROM THE PERSON OF THE GROUND OF PESTS AND SPIES”:
THE NORTH CAUCASIAN CHARACTERISTICS PROCESSES
OF “BIG TERROR”**

The article is devoted to one of the most tragic periods in the history of our country – “great terror”. The “harmful” processes of the 1930s in the North Caucasus are analyzed on the basis of their reflection in the regional press in 1937. The theme is very relevant in the national and world historiography of the Soviet period in the history of Russia. The content analysis of the Newspapers “North Caucasian Bolshevik” and “Ordzhonikidzevskaya Pravda” showed that the words “enemies” and “pests” most often repeated in the headlines and in the content of articles in 1937 there was not a single week in 1937 without detection of accidents, crashes, delays due to the fault of “hostile elements”, “Trotskyist saboteurs”, “class enemies”. The methods of influence

on public consciousness through the consecration of “harmful processes” in the press are revealed. The similarity and difference of the press coverage of high-profile all-Union and regional processes are analyzed. The stable speech practices of their reflection on the pages of the press in order to manipulate society are revealed. Methodological techniques of discourse analysis of press texts in the context of influence on mass consciousness are applied. The importance of the press to support Stalin’s political regime is shown.

Key words: Stalinism, “great terror”, repression, the North Caucasus, enemies, wreckers, intellectuals, engineers, managers, modernization, public consciousness, manipulation, mythologization.

Репрессии второй половины 1930-х гг. являются полем научных дискуссий и темой исключительной значимости, несмотря на то, что уже восемьдесят лет отделяют нас от трагических

событий «большого террора». Это обосновано, поскольку ракурс исследований смещается в сторону исторической психологии, социальной истории, истории повседневности, микро-

истории и исторической биографики ставя все больше вопрос о месте, роли, ответственности в репрессиях всего общества.

Антропологический ракурс разоблачений, арестов, обвинений по-иному позволяет поставить вопросы к эпохе. Феномен молчаливого вынужденного или осознанного одобрения наказания репрессированных заставляет под иным углом взглянуть на роль власти, высшего и среднего государственного и партийного руководства страны в раскручивании маховика репрессий. Именно в возможности проанализировать указанные процессы через региональную прессу 1930-х гг. и состоит цель настоящей работы, что позволит приблизиться к пониманию процессов формирования социальной базы сталинского режима. Выявление повторяемости и устойчивости речевых практик при анализе языка прессы «большого террора» также представляет особую значимость с позиции исторического дискурса [65].

Напомним, что пик репрессий сталинской эпохи пришелся именно на 1937–1938 гг. Одиозным наркомом внутренних дел этого периода стал Николай Ежов, сменивший обвиненного и впоследствии расстрелянного Генриха Ягоду. По отношению к этому времени закрепилось понятие «большого террора» после работы Р. Конквеста [16]. Трагические события «ежовщины» заняли прочное место сначала в коллективной памяти нашего общества и в литературной «оттепели» произведениями А. Рыбакова «Дети Арбата», А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и др., а с перестроечных времен и в научной историографии. Действительно, не смотря на XX съезд и развенчание культа личности Сталина, ранее Перестройки проблема изучения репрессий в научном плане не нашла практического отражения по понятным идеологическим причинам непогрешимости марксистско-ленинской теории. Гласность, на закате советской истории, позволила сначала публицистам, а затем и историкам приступить к масштабному изучению событий террора 1930-х гг. [6; 9; 15; 43; 63].

Постсоветская отечественная историография в рамках темы характеризуется изменением парадигмы не только изучения репрессий, но и самого феномена сталинизма, без чего не мыслимо понимание целей и механизмов государственного террора 1930-х годов. В. Роговин, О. Хлевнюк, И. Павлова, Г. Трукан, Е. Гимпельсон и др. на основе широкого круга архивных источников показали отношения тоталитарной власти и общества, механизмы «раскручивания» процессов над «врагами народа», при-

близились к пониманию причины репрессий через биографии личностей эпохи [10; 44; 46; 51; 64; 66; 67]. Подведение некоторых итогов изучения репрессивной политики 1930-х гг. в форме конференции уже в новом тысячелетии отражает остро дискуссионный характер проблемы и неутраченный интерес отечественных и зарубежных ученых [11; 46; 47]. Любопытен опыт анализа репрессий в партийной среде с позиции языка следственных дел, репрессивных дискурсивных практик, который представляет в своих работах И. Халфин [70].

При этом малоизученными остаются особенности репрессивной политики в регионах, в частности на Северном Кавказе. Исследователями выявлены отдельные аспекты причин и последствий репрессивных событий в крае, например, в отношении казачества, технической интеллигенции, дела нефтяников и Осоевяхима [1; 2, с. 63–70; 13, с. 64–73; 14; 18; 48, с. 55–60; 61, с. 94–108; 62, с. 133–139]. Однако проблема требует комплексного исследования. Многие события, особенности и последствия репрессивной политики 1930-х гг. до конца не осмыслены, в особенности с учетом влияния на массовое сознание.

В представленной работе мы обращаемся к специфике отражения репрессивных процессов на страницах газет «Северо-Кавказский большевик» и «Орджоникидзевская правда» за 1937 год: такие названия носила краевая газета. До марта 1937 г. она называлась «Северо-Кавказский большевик» и выходила в Пятигорске, который был центром Северо-Кавказского края включавшего все национальные республики региона и Ставрополье с 1934 по 1937 гг. Потом край переименовали по имени погибшего Серго Орджоникидзе, его центром стал город Ворошиловск (г. Ставрополь в 1935–1943 гг.), а краевой газетой стала «Орджоникидзевская правда» [17, с. 190–196; 19]. Газета сначала была органом Северо-Кавказского, а с марта 1937 г. Орджоникидзевского Крайкома ВКП(б).

При анализе источников учитывался комплексный, массовый и пропагандистский характер советской печати. Советское правительство уже 27 октября (9 ноября) 1917 г. инициировало «Декрет о печати», которым запрещались периодические издания, враждебные новой власти. Удивительно, но придя к власти на волне «свободы слова, собраний и печати» Декларации временного правительства 3 марта 1917г. большевики сразу запретили эту свободу. В. И. Ленин называл оружие печати не менее опасным, чем бомбы и пуле-

меты. Периодические издания подвергались строгой проверке, цензуре. Появление цензуры после революции ученые связывают с положением о военной цензуре от 1918 г. и с созданием Главлита в 1922 г. Кроме того, в начале 1921г. для усиления партийного влияния, для руководства, контроля и инструктирования органов печати был создан подраздел печати при агитационном пропагандистском Отделе ЦК РКП(б), с 1925 г. он стал отделом печати ЦК ВКП(б) [12, с. 29].

С формированием культа личности Сталина в целях поддержания политического режима пресса 1930-х годов все более превращается в средство манипулирования массовым сознанием. Согласно советской теории пресса должна была выполнять роль не только коллективного агитатора, но и организатора, являлась средством управления обществом. Поэтому не выдерживает никакой критике вывод советского источниковедения на основе идеологических штампов приписывающего печати роль «зеркала» исторической советской действительности, хотя и не лишённого тенденциозности в подаче материала. По образному выражению современного ученого Ю. П. Бокарева пресса тридцатых годов превратилась в «кривое зеркало» эпохи [45, с. 243].

Сравнительный анализ подачи материалов о громких всесоюзных вредительских процессах и региональных процессах о «подлом вредительском» подрыве советской экономики на Северном Кавказе, показал преследование прессой главной цели – добиться одобрения со стороны общества. Философ Н. И. Бердяев сказал, что коммунистическая система «не может жить без врага, без отрицательных чувств к этому врагу. И если врага нет, то врага нужно выдумать» [5, с. 150]. Власти было важно убедить общество в правоте обвинений, в наличии этого врага, подавить даже саму мысль о возможности сопротивления и этого добивались, в частности, и следующим образом.

Газета «Северо-Кавказский большевик» и «Орджоникидзевская правда» выходила 6 раз в неделю. В среднем в каждом третьем номере представлена информация о вредительских «вылазках врагов» стремящихся к разрушению СССР, советского строя и коммунистической партии. За 1937г. вышло 302 номера газеты и в них выявлено более 800 заметок разного формата о вредительстве [42, с. 1]. Во время весенних и осенних полевых работ, предвыборной компании и выборов в Верховный совет СССР осенью 1937г. «накал» вредительства на страницах газет ослабевал. От урожая

зависели результаты мобилизационного индустриального рывка. Зерно было практически единственным источником промышленной модернизации. Собственно, главной целью эпохи было построить «экономические основы социализма». В свою очередь первые выборы в Верховный совет СССР, согласно только принятой 5 декабря 1936г. конституции, были призваны показать демократизм первого в мире социалистического государства. Эти темы несколько потеснили репрессии со страниц газет.

При этом практически не было ни одной недели в 1937 г. без обнаружения прорывов, отставаний по вине «враждебных элементов», «троцкистских саботажников», «классовых врагов». Заголовки констатировали знаменитый по абсурдности тезис Сталина о неизбежности обострения классовой борьбы в процессе социалистического строительства [51, с. 29]. Расставляя акценты заголовки уверяли читателя в «Откровенных вылазках врага», «Врагах народа в судебных органах», «Врагах в театре», «Врагах в санаториях», «Вредителях в консервной промышленности», «Вредительстве в финансовой сфере» и др. [20; 34; 52; 59]. Рассказывали о том «Как враг орудует в Петровском районе», о «Буржуазных националистах на железной дороге», «Националистической организации в Туркменском районе», «Право-троцкистской вредительской организации в Труновском районе», «Контрреволюционной организацией в Курсавском районе», «Диверсионно-вредительской контрреволюционной организации в краевой конторе Заготзерно» и др. [21; 24; 32; 37]. Призывали «Выкорчевать вражеские дела», «Поднять классовую бдительность», «Беспоощадно громить и корчевать троцкистско-правых шпионов» [27; 28; 30; 31; 36]. Смысловой контент-анализ показал, что слова «враги» и «вредители» наиболее часто повторяющиеся как в заголовках, так и в содержании статей газеты в 1937 году.

Кроме этого потока «прямого доказательства вылазок врага», наблюдаются заметки о подозрительных ситуациях с точки зрения власти, находящихся на грани вредительства. Такие заголовки как «Плоды политической слепоты», «Серьезные недостатки», «Пора приглядеться», «Все предоставлено самотеку», «Плоды вопиющей беспечности» и др. на первый взгляд могли говорить о любых недостатках в хозяйственной работе региона. Однако в тексте находим отсылки к врагам народа [29; 32; 35; 37]. Так, в заметке «Серьезные недостатки Черкесского обкома ВКП(б)» говорилось, что пропагандистская работа здесь крайне запу-

щена, все делается для торможения «политического роста коммунистов, комсомольцев и сопутствующих». И это не что иное, как явные признаки врагов народа «троцкистско – бухаринских банд и буржуазных националистов» которые стремятся разрушить партийно-просветительскую работу в Черкесском обкоме. Размытый намек о личном составе пропагандистов, о том что обком не интересовался и не проверял их работу, говорит о подозрении на вредительские происки [42, с. 2]. Граница между ошибками в работе, нарушением трудовой дисциплины и вредительством была размытой. Можно было выбрать, происходящее квалифицировать как соответствующий выгодный в данной ситуации вариант.

Анализ прессы показал, что общесоюзные политические процессы подавались на передовицах газет, затем в следующих номерах на вторых разворотах публиковались материалы следствия и допросов. Создавалась видимость полной открытости, прозрачности следствия и суда. Материалы публиковались в течение ряда номеров, пары-тройки недель, растолковывая читателю суть обвинений. Затем печатались отзывы с мест, с разных предприятий, от промышленных и сельских коллективов, осуждающие проходивших по процессу людей и требующие для них расстрела. Подача информации о них похожа на круги в воде, образующиеся после упавшего камня, расходясь по обществу информацией о врагах и заставляя верить в «правоту» обвинений.

Представляется показательной публикация по громкому сфабрикованному судебному процессу января 1937г. по «Параллельному антисоветскому троцкистскому центру». Это был второй из трех так называемых Московских процессов над главными сталинскими противниками. Обвинялись видные большевики и соратники В. И. Ленина: Ю. Пятаков, Г. Сокольников, К. Радек, Л. Серебряков, Н. Муралов, Я. Дробнис. В газетных статьях «подлые предатели и изменники», «троцкистские бандиты» якобы преследовали цель отступления к капитализму, раздела СССР, готовили и проводили диверсии, вредительство, террористические подрывы на производстве. С 23 января по середину февраля «Северо-Кавказский большевик» печатал сведения о процессе, проходивших допросах, свидетельских показаниях, последние признательные речи подсудимых [52; 58].

Обвинения шокируют. Государственных деятелей называют «самой неприкрытой фашистской контрреволюцией», агентурой фашизма. «Из месяца в месяц, группа вредителей и ди-

версантов, сидевших на боевых участках промышленности» подрыва химическую, угольную промышленности, транспорт и строительство, железнодорожные пути и подвижный состав. Обвиняемые каялись (поскольку все они признали обвинение) в подготовке террористических групп для покушений на советских высокопоставленных лиц, шпионаже на немецкую и японскую разведку [53; 54; 55; 56; 57]. Шквал обвинений нагнетали обстановку недоверия и подозрительности. Однако подавалась информация, якобы подтвержденная следствием, признанием, судом, ЦК партии и все это влияло на общественное мнение.

После 1956 г. тщательная проверка и опрос свидетелей показал грубейшие нарушения уголовно-процессуального законодательства. В 1988 г. повторная проверка подтвердила нарушение норм судопроизводства в этом и многих других делах. Большое количество нестыковок, противоречий в следственных показаниях доказали абсурдность обвинения. Так, Ю. Пятаков, названный В. Лениным в своем завещании самым выдающимся из молодых большевиков наряду с Н. Бухариным, оказался создателем террористических групп по всей стране от Москвы до Урала. Однако он не мог назвать, кто туда входил, не назвал заданий для них. Троцкий, в связях с которым его обвиняли и от поддержки кого он отрекся еще в 1929г., давно выражал полное недоверие к Ю. Пятакову за границей. Все обвиненные были реабилитированы в 1988г. [50; с. 210–235].

Тем не менее, было публичное признание ими вины на открытых процессах в присутствии иностранцев. К подсудимым применялись меры физического воздействия, это подтверждено. Однако публичные самообвинения – это один из главных дискуссионных вопросов [66, с. 23]. Публикация процессов и признаний в прессе преследовала цель, на наш взгляд, убедить общество в действительном наличии «вредительских вылазок двурушников». Внушить чувства страха перед желанием «преступников» вернуть прежний строй, расколоть и уничтожить СССР. Более того, стране грозит война. Второй по значимости темой в прессе выделяется фашистская угроза, а на скамье подсудимых – внутренние пособники войны: «замаскировавшиеся цепные псы фашизма» [27, с. 2].

Очевидно, что без признания обществом действительности невероятных обвинений, репрессивное давление не возымели бы своего действия. Усилению эффекта служил один из признанных приемов манипулирования общественным мнением в СМИ – работа с пись-

мами и откликами [45, с. 251]. Для большей убедительности после публикации процессов, публиковались заметки-осуждения, возмущения, даже злобы рабочих и служащих отраслей и предприятий, учителей, студентов, школьников именно из Северного Кавказа и Ставрополя. Они содержали признания справедливости обвинения, требовали «справедливого, жесточайшего» приговора. Прямо требовали «расстрела», «смертной казни» обвиняемым [59; 60]. Репрессивная политика государства на страницах прессы как бы подтверждалась одобрением этих коллективов.

Заметен переход от громких, пафосных, гипертрофированных обвинительных заявлений по процессам к детализации обвинения по каждому из проходивших обвиняемых к обвинительным заявлениям со стороны представителей общества. Чем дольше шел процесс и ближе было вынесение приговора, тем больше было подобных обвинительных заметок «обратной связи с мест» и более резко звучали требования жесткого наказания.

Так, по второму трагичному общесоюзному процессу 1937 г. об «Антисоветской троцкистской военной организации в Красной Армии» заметки с названием «Всенародное одобрение приговора» с первой страницы сообщала о многочисленных резолюциях одобрения приговора над подлыми изменниками Родины Тухачевским, Якиром, Уборевичем. Железнодорожники слали «горячий привет боевым чекистам, сумевшим разоблачить врагов народа» и требуют уничтожить предателей. Горожане Микоян-Шахара и весь народ Карачая единодушно приветствовал приговор над пособниками «озверелого фашизма». Горячее одобрение в справедливости суда сообщали митингующие Черкесии. Затем учителя Минераловодских школ требовали железной рукой диктатуры пролетариата уничтожить «фашистских собак». Рабочие пятигорской электростанции требовали до конца раскрыть гнездо «презренных торговцев Родины» [25, с. 2].

Шквал обвинений нарастает «Осуждающий голос великого Советского народа» (название заметки): работники Пятигорской швейной фабрики требуют уничтожить «лазутчиков кровавого фашизма». Работники краевого комитета по делам физкультуры и спорта призывали всех обнаруживать и отыскивать «Щупальца и змеиные жала фашистской гадины». Колхозники восхищались славными чекистами во главе с товарищем Ежовым, уничтожившими «шпионскую сволочь» в лице Тухачевского, Уборевича, Якира, Корка. Требования этих «возму-

щенных» звучат предельно ясно «Нет места на советской земле врагам народа! Не дадим им жить!» [25; 26].

Заметка с говорящим названием «Приговор верховного суда – приговор миллионов» была призвана уничтожить последние остатки сомнений в обществе. Она отражала резолюцию проведенного митинга сотрудников, отдыхающих Ессентукиских санаториев и Комиссии содействия ученым при СНК СССР. Они называют обвиняемых «гнусными японо-германо-троцкистскими лазутчиками» желающими свернуть власть пролетариата и уничтожить величайшее достижение «Октябрьской революции». Интеллектуалы пытаются отмежеваться от преступников, обещая повысить большевистскую бдительность, усилить оборонную работу, сплотить теснее ряды «партийных и непартийных большевиков вокруг ленинско-сталинского ЦК ВКП(б)» [27, с. 2].

У советского человека 1930-х гг. читающего газету, вероятно, были и сомнения в том, что соратники В. И. Ленина или маршалы СССР были врагами, жаждущими «закабалить рабочих и крестьян в ярмо помещиков и капиталистов» [29]. Однако после прочтения заметок-обвинений, повторяющих в различных вариациях из номера в номер, могло возникнуть сомнение в правильности собственной сомневающейся позиции. Подкрепляло это «пассивное согласие» и чувство страха. Стать тем самым препятствием на пути «победоносного движения вперед», которому якобы мешали вредители, повторить их судьбу вряд ли кто-то хотел. Общественное мнение медленно «отравлялось» угаром этих разгромных публикаций и, тем самым, создавало поддержку власти.

Пропагандистско-идеологический аппарат власти в лице СМИ подчинял своей власти духовный мир людей, что было необходимо для функционирования партийно-государственной системы и культа личности Сталина [4, с. 157]. Тематическая линия «беспощадно громить врагов» продолжалась в прессе восхвалением вождя, с которым связывали и достижения и карающую функцию правосудия. Делегат Всероссийского чрезвычайного съезда советов заявлял, «как беспредельно наш народ предан великому Сталину - источнику света, счастья и радости для трудящихся всего мира» [26, с. 1; 36]. На всех заводах и фабриках Чечено-Ингушетии призывали проявлять «горячее любовь к отцу нашему Сталину» [30].

Налицо сакрализация власти Сталина. На страницах периодики эта тема подтверждает религиозную по сути, смысловую нагрузку

советской идеологии с политическим совершенно не религиозным содержанием [3, с. 79]. Однако от религиозного в формирующемся сакральном культе Сталина сохранился механизм, формирующие образы: источника счастья, всеобщих благ, отца отечества. Характер и стиль насаждения, прославление Сталина также демонстрируют закрепление сакрализации власти в прессе 1937 г.

Отметим, что важным элементом подачи информации являлось уничижительно-презрительное отношение к обвиняемым с использованием соответствующих слов. «Проклятые выродки рода человеческого», «озверелые бандиты троцкистской шайки», «убийцы с большой дороги», и др. [20; 33; 52]. Пресса в целях формирования образа врага использовала самые простые и доступные методы. Источниковеды говорят, что массовые СМИ не преследуют цель предоставлять правдивую информацию. Подать ее под нужным углом зрения – вот главная задача [45, с. 249]. В 1930-е гг. общество было малограмотным. Уничижительные слова способствовали формированию образа классового врага, который был необходим для существования командно-административной системы. К. Ясперс заметил, что если вера не является основой жизненных устремлений остается отрицание неспособных оказать сопротивление представителей отдельных социальных групп, становящихся «козлами отпущения» [69, с. 148–149]. Атеизм уничтожил первое на государственном уровне, поэтому политическому режиму был необходим фантом классового врага.

В содержании региональных вредительских процессов наблюдаем схожие приемы изложения и формирования мифа о «классовом враге». Материалы о вскрытых делах «контрреволюционеров, троцкистов, преступников, аферистов-врагов» располагались на вторых-четвертых страницах, что показывает их меньшую значимость по сравнению с указанными выше процессами. Сюжетные линии и механизмы воздействия на массовое сознание дублируются. Отличаются сами процессы региональным масштабом, хозяйственным «вредительством» и массовостью. «Агенты иностранных разведок» в регионе тоже были «выявлены», но они «орудовали» на транспорте, в нефтяной, пищевой промышленности, цветной металлургии и многих других сферах [30; 59]. На страницах прессы представлена «вредительская» география всего Северного Кавказа и практически все отрасли промышленности, сельского хозяйства, образования,

культуры, судопроизводства. Репрессиям подвергались все социальные группы, но чаще инженерно-технические и руководящие партийные кадры. Давления на «умеренных», выступающих за взвешенные темпы дальнейшего индустриального развития, главная цель процессов и их муссирования на страницах прессы [68, с. 308].

Так, в апреле 1937 г. в Северной Осетии обнаружилось «троцкистско-фашистские шпионы» на Садонском комбинате и он не выполнил план по свинцу. Враг законсервировал строительство Ардонской гидроэлектростанции, стал причиной отставаний на «Электроцинке» [34; 60]. Жертвами репрессий стали руководители и инженеры Орджоникидзевского, Минераловодского, Ставропольского отделений железной дороги, треста «Грознефтезаводы», Карачаево-Черкесского отделения краевого автотреста [38; 39; 40; 41]. В Карачаевской автономной области «диверсанты-геологи» тщательно скрывали богатства недр, срывали исследования и скрывала документы, адекватно оценивающие промышленное залегание цинка, свинца, серебра в горах Карачая. «Шайка вредителей» из профессора горного дела и инженера-геолога сделали все, чтобы скрыть богатства недр, способствовали расхищению технического оборудования. Выявлению «врагов-диверсантов» поспособствовал инженер-комсомолец и доложил в обком ВКП (б). Судебные органы, как свидетельствует «Орджоникидзевская правда», посчитали, что два инженера не могли самостоятельно провести такое вредительство и к обвиняемым прибавили председателя Карачаевского облисполкома и начальников отраслей местной промышленности [25, с. 3].

Процессы над «вредителями» приводили к дезорганизации всех отраслей и общества. Ворошиловску, каковым был тогда г. Ставрополь посвящен первый лист газеты 3 июня 1937 г. Враги «орудовали» на мясокомбинате, в консервной промышленности, на железной дороге, в высшей школе, разрушали сельское хозяйство и колхозы [23, с. 1]. Большевиков города журналисты призывали «выкорчевать до основания вредительские корни», тем самым усилить подозрительность и репрессии.

Разоблачения множатся, пресса показывает размах вредительской истерии. Заметка «Враг в театре» обвиняла художественный совет, режиссера единственного театра Налчика за постановку «Композиции» по произведениям А. С. Пушкина, где поэт выступал «мистиком, марионеткой, скачущей по сцене» [22, с. 2].

Очевидно, что обвинения в плохой постановке были подменены поиском врага с позволения партийных органов. Подобное коснулось и органов суда. Заметка «Враги народа в судебных органах» сообщала о «вражеской» задержке с затягиванием разбирательства 164 дел. Адвокаты, прокурор, судьи Северной Осетии обвинялись в сокрытии улик, выгораживании казнокрадства, хищений, растрат [24, с. 2]. Представляется, что такие факты должны были квалифицироваться иначе чем «махровое вредительство враждебных партии людей».

Причиной происходящего стало общее снижение культурного уровня советской интеллектуальной элиты и всего общества. Нежеланию власти мириться с инакомыслием на фоне формирующейся командно административной системы и мобилизационного индустриального рывка, требующего напряжения всех сил и ресурсов. Средства массовой информации играли в этом процессе важнейшую роль. Манипулируя сознанием, создавая соответствующее общественное мнение пресса доступными и одобренными методами «лепила» образ вну-

треннего классового врага. Используя фактор страха и мифотворчество, прославляя Сталина, партию и «славный НКВД», выявивший вредителей, «Северо-Кавказский большевик» и «Орджоникидзевская правда» возводили интеллектуальные подпорки командно-административному режиму в региональной перспективе.

Архивы подтверждают подавляющее и подчиняющее влияние на общество репрессивной политики. Интеллигенция на собраниях «клеяла презрением лакеев вражеских разведок», каялись, что мало работали в профсоюзных, общественных организациях, в вузах со студентами, обещала «слаженную работу по единому образцу» [7, л. 5; 49, л. 6]. Обычными явлениями стали самобичевание, самообвинения, клятвы в верности ради сохранения свободы и жизни. Участники секции профсоюзов инженеров и техников Северного Кавказа не просто «клеяли позором жалких героев вредительских организаций», но и выступали с инициативой о награждении орденом Ленина чекистов, избавивших страну от врагов [8, л. 20].

Источники и литература

1. Алексеев И. И. Репрессии на Кубани и Северном Кавказе в 30-е гг. XX в. Краснодар: [б.и.], 1993. 114 с.
2. Альтман М. М. Из истории судебного процесса над инженерами-нефтяниками // Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Самара: НТЦ, 2009. 340 с.
3. Аникин А. В. Элементы сакрального в русских революционных теориях (к истории формирования советской идеологии) // Отечественная история. 1995. №1. С. 78–92.
4. Барулин В. С. Российский человек в XX веке. Потери и обретения себя. СПб.: Алетейя, 2000. 431 с.
5. Бердяев Н. И. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
6. Бордюков Г. А., Козлов В. А. История и конъюнктура. М.: Политиздат, 1992. 352 с.
7. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф.Р-2287. Оп. 1. Д. 2049.
8. ГАРО. Ф. Р-3707. Оп. 1. Д. 143.
9. Гордон Л. А., Клопов Э. В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30–40-е годы. М.: Политиздат, 1989. 319 с.
10. Гимпельсон Е. Г. НЭП и советская политическая система: 20-е годы. М.: ИРИ РАН, 2000. 439 с.
11. История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Материалы международной конференции. М.: РОССПЭН, 2011. 790 с.
12. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М.: РОССПЭН, 1997. 679 с.
13. Карташев А. В. Репрессии в Орджоникидзевском краевом совете Осавиохима в 1937 году // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. №2. С. 64–72.
14. Кислицын С. А. Шахтинское дело. (Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР). Ростов-на-Дону: Логос, 1993. 109 с.
15. Козлов В. А. Хлевнюк О. В. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х гг. М.: Политиздат, 1988. 252 с.
16. Конквист Р. Большой террор. Рига: Ракстниекс, 1991. 416 с.
17. Корнеева М. Д. Одухотворенная история края // Ставропольский хронограф на 2007 год: краеведческий сборник. Ставрополь: СКУНБ им. М.Ю. Лермонтова, 2008. 353 с.
18. Кропачев С. А. Большой террор на Кубани. Драматические страницы истории Краснодарского края 30–40-е гг. Краснодар: [б.и.], 1993. 118 с.
19. О газете «Ставропольская правда» URL: Stavprvda.ru/newspaper/2002/07/05 (Дата обращения: 2.05.2018).
20. Орджоникидзевская правда. 1937. 12 мая. № 107.
21. Орджоникидзевская правда. 1937. 15 мая № 109.
22. Орджоникидзевская правда. 1937. 26 мая. № 118.
23. Орджоникидзевская правда. 1937. 3 июня №128.
24. Орджоникидзевская правда. 1937. 6 июня №131.
25. Орджоникидзевская правда. 1937. 11 июня №131.
26. Орджоникидзевская правда. 1937. 14 июня № 134.

27. Орджоникидзевская правда. 1937. 15 июня. № 135.
28. Орджоникидзевская правда. 1937. 29 июня. № 147.
29. Орджоникидзевская правда. 1937. 1 сентября. № 200.
30. Орджоникидзевская правда. 1937. 7 сентября. № 206.
31. Орджоникидзевская правда. 1937. 5 октября. № 228.
32. Орджоникидзевская правда. 1937. 9 октября. № 232.
33. Орджоникидзевская правда. 1937. 21 октября. № 241.
34. Орджоникидзевская правда. 1937. 4 ноября. № 254.
35. Орджоникидзевская правда. 1937. 18 ноября. № 265.
36. Орджоникидзевская правда. 1937. 20 ноября. № 268.
37. Орджоникидзевская правда. 1937. 20 ноября. № 268.
38. Орджоникидзевская правда. 1937. 14 декабря. № 287.
39. Орджоникидзевская правда. 1937. 21 декабря. № 293.
40. Орджоникидзевская правда. 1937. 23 декабря. № 295.
41. Орджоникидзевская правда. 1937. 29 декабря. № 300.
42. Орджоникидзевская правда. 1937. 31 декабря. № 302.
43. Осмыслить культ Сталина. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
44. Павлова И. В. Сталинизм: становление механизма власти. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. 250 с.
45. Периодическая печать // Источниковедении новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2006. 744 с.
46. Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Самара: НТЦ, 2009. 340 с.
47. Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства. Краснодар: Экоинвест, 2013. 420с.
48. Ракачев В. Н. Массовые политические репрессии 1930-х гг. и их влияние на численность и структуру народонаселения Кубани и Ставрополья // Общество и право. 2012. №3 (40). С. 55–61.
49. Российский Государственный архив экономики (РГАЭ), Ф.-4394, Оп. 1, Д. 41.
50. Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М.: Политиздат, 1991. 461 с.
51. Роговин В. З. Партия расстрелянных. М.: Московская типография РАН, 1997. 528 с.
52. Северо-Кавказский большевик. 1937. 24 января. №19.
53. Северо-Кавказский большевик. 1937. 26 января. №20.
54. Северо-Кавказский большевик. 1937. 27 января. №21.
55. Северо-Кавказский большевик. 1937. 28 января. №22.
56. Северо-Кавказский большевик. 1937. 30 января. №24.
57. Северо-Кавказский большевик. 1937. 1 февраля. №25.
58. Северо-Кавказский большевик. 1937. 3 февраля. №27.
59. Северо-Кавказский большевик. 1937. 3 апреля. №51.
60. Северо-Кавказский большевик. 1937. 23 апреля. №68.
61. Стрекалова Е. Н. Репрессиях в отношении технической интеллигенции Северного Кавказа в конце 20-х–30-е гг. XX века // Политические репрессии первой половины XX века в судьбах технической интеллигенции России. Самара: НТЦ, 2009. 340 с.
62. Стрекалова Е. Н. Влияние эпоха «великого перелома» на повседневность интеллигенции Северного Кавказа в 1930-е гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С. 133–138.
63. Суровая драма народа. М.: Политиздат, 1989. 512 с.
64. Трукан Г. А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929. М.: Наука, 1994. 166 с.
65. Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», 2004. 416 с.
66. Хлевнюк О. В. 1937 г. Сталин, НКВД и советское общество. М.: Республика, 1992. 268 с.
67. Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизм политической власти в 30-е гг. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
68. Шубин А. В. Вожди и заговорщики. М.: Вече, 2004. 400 с.
69. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
70. Halpin Igal. From Darkness to light: class, consciousness and salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh.: Pittsburgh Universiti Press, 2000. 474 p.

References

1. Alekseenko I. I. Repressii na Kubani i Severnom Kavkaze v 30-e gg. XX v. (*Repression in Kuban and North Caucasus in 30-ies of XX century*). Krasnodar, 1993. 114 p. (In Russian).
2. Al'tman M. M. Iz istorii sudebnogo processa nad inzhenerami-neftjanikami (*From the history of the trial of oil engineers*) // Politicheskie repressii pervoj poloviny HH veka v sud'bah tehničeskoj intelligencii Rossii. Samara: NTC, 2009. 340 p. (In Russian).
3. Anikin A. V. Jelementy sakral'nogo v russkikh revoljucionnyh teorijah (k istorii formirovanija sovetskoj ideologii) (*Elements of the sacred in the Russian revolutionary theories (the history of the formation of the Soviet ideology)*) // Otechestvennaja istorija. 1995. No. 1. P. 78–92. (In Russian).
4. Barulin V. S. Rossijskij chelovek v XX veke. Poteri i obretenija sebja (*Russian people in the twentieth century. Loss and finding yourself*). St.Petersburg: Aleteja, 2000. 431 p. (In Russian).
5. Berdjaev N. I. Istoki i smysl russkogo kommunizma (*The origins and meaning of Russian communism*). Moscow: Nauka, 1990. 224 p. (In Russian).

6. Bordjukov G. A., Kozlov V. A. *Istorija i kon#junktura (History and environment)*. Moscow: Politizdat, 1992. 352 p. (In Russian).
7. State archive of the Rostov region (GARO). F.R-2287. Inv. 1. D. 2049. (In Russian).
8. GARO. F. R-3707. Inv. 1. D. 143. (In Russian).
9. Gordon L. A., Klopov Je. V. *Chto jeto bylo? Razmyshlenija o predposylkah i itogah togo, chto sluchilos' s nami v 30–40-e gody (What was it? Reflections on the background and results of what happened to us in the 30–40s)*. Moscow: Politizdat, 1989. 319 p. (In Russian).
10. Gimpel'son E. G. *NJeP i sovetskaja politicheskaja sistema: 20-e gody (NEP and the Soviet political system: 20s)*. Moscow: IRI RAS publ., 2000. 439 p. (In Russian).
11. *Istorija stalinizma: itogi i problemy izuchenija. Materialy mezhdunarodnoj konferencii (History of Stalinism: results and problems of study. Materials of the international conference)*. Moscow: ROSSPJeN, 2011. 790 p. (In Russian).
12. *Istorija sovetskoj politicheskoy cenzury. Dokumenty i kommentarii (History of Soviet political censorship. Documents and comments)*. Moscow: ROSSPJeN, 1997. 679 p. (In Russian).
13. Kartashev A. V. *Repressii v Ordzhonikidzevskom kraevom sovete Osoaviahima v 1937 godu (Repression in Ordzhonikidze regional Council of Osoaviahima in 1937) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija*. 2017. No. 2. P.64–72. (In Russian).
14. Kislicyn S. A. *Shahtinskoe delo. (Nachalo stalinskih repressij protiv nauchno-tehnicheskoy intelligencii v SSSR) (The beginning of Stalin's repressions against scientific and technical intelligentsia in the USSR)*. Rostov-on-Don: Logos, 1993. 109 p. (In Russian).
15. Kozlov V. A. Hlevnjuk O. V. *Nachinaetsja s cheloveka. Chelovecheskij faktor v socialisticheskom stroitel'stve: itogi i uroki 30-h gg. (Begins with a man. The human factor in socialist development: results and lessons of the 30s)*. Moscow: Politizdat, 1988. 252 p. (In Russian).
16. Konkvest R. *Bol'shoj terror (The great terror)*. Riga: Rakstnieks, 1991. 416 p. (In Russian).
17. Korneeva M. D. *Oduhotvorennaja istorija kraja (Inspired history of the region) // Stavropol'skij hronograf na 2007 god: kraevedcheskij sbornik. Stavropol': Library named after M.Ju. Lermontov*, 2008. 353 p. (In Russian).
18. Kropachev S. A. *Bol'shoj terror na Kubani. Dramaticheskie stranicy istorii Krasnodarskogo kraja 30–40-ye gg. (The Great terror in the Kuban. Dramatic pages of history of Krasnodar region 30–40s)*. Krasnodar, 1993. 118 p. (In Russian).
19. O gazete «Stavropol'skaja pravda» (*About the newspaper «Stavropol truth»*). URL: stavprvda.ru/newspaper/2002/07/05 (Accessed: 2.05.2018). (In Russian).
20. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 107. (In Russian).
21. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 109. (In Russian).
22. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 118. (In Russian).
23. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. №128. (In Russian).
24. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. №131. (In Russian).
25. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. №131. (In Russian).
26. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 134. (In Russian).
27. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 135. (In Russian).
28. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 147. (In Russian).
29. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 200. (In Russian).
30. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 206. (In Russian).
31. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 228. (In Russian).
32. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 232. (In Russian).
33. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 241. (In Russian).
34. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 254. (In Russian).
35. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 265. (In Russian).
36. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 268. (In Russian).
37. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 268. (In Russian).
38. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 287. (In Russian).
39. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 293. (In Russian).
40. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 295. (In Russian).
41. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 300. (In Russian).
42. *Ordzhonikidzevskaja pravda*. 1937. № 302. (In Russian).
43. *Osmyslit' kul't Stalina (To understand the cult of Stalin)*. Moscow: Progress, 1988. 656 p. (In Russian).
44. Pavlova I. V. *Stalinizm: stanovlenie mehanizma vlasti (Stalinism: formation of the mechanism of power)*. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1993. 250 p. (In Russian).
45. *Periodicheskaja pečat' (Periodical press) // Istochnikovedenii novejshej istorii Rossii: teorija, metodologija i praktika / ed. by A.K. Sokolov*. Moscow: ROSSPJeN, 2006. 744 p. (In Russian).
46. *Politicheskie repressii pervoj poloviny HH veka v sud'bah tehničeskoy intelligencii Rossii (Political repression in the first half of the twentieth century in the fate of the technical intelligentsia of Russia)*. Samara: NTC, 2009. 340 p. (In Russian).
47. *Problemy istorii massovyh politicheskijh repressij v SSSR 1953–2013: 60 let bez Stalina. Osmyslenie proshlogo sovetskogo gosudarstva (Problems of history of mass political repressions in the USSR 1953–2013: 60 years without Stalin. Understanding the past of the Soviet state)*. Krasnodar: Jekoinvest, 2013. 420 p. (In Russian).
48. Rakachev V. N. *Massovyje politicheskie repressii 1930-h gg. i ih vlijanie na chislennost' i strukturu narodonaselenija Kubani i Stavropol'ja (Mass political repressions of the 1930s and their influence on the population size and structure of Kuban and Stavropol) // Obshhestvo i pravo*. 2012. №3 (40). P. 55–61. (In Russian).

49. Russian state archive of Economics (RGAE). F.-4394. Inv. 1. D. 41. (In Russian).
50. Reabilitacija: politicheskie processy 30–50-h godov (*Rehabilitation: political processes of the 30-50s.*). Moscow: Politizdat, 1991. 461 p. (In Russian).
51. Rogovin V. Z. Partija rasstreljannyh (*Rogovin Party shot*). Moscow: Moskovskaja tipografija RAS publ., 1997. 528 p. (In Russian).
52. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №19. (In Russian).
53. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №20. (In Russian).
54. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №21. (In Russian).
55. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №22. (In Russian).
56. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №24. (In Russian).
57. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №25. (In Russian).
58. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №27. (In Russian).
59. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №51. (In Russian).
60. Severo-Kavkazskij bol'shevik. 1937. №68. (In Russian).
61. Strekalova E. N. Repressijah v otnoshenii tehničeskoj intelligencii Severnogo Kavkaza v konce 20-h–30-e gg. XX veka (*The repression of the technical intelligentsia of the Northern Caucasus in the late 20-ies–30-ies of the twentieth century*) // Politicheskie repressii pervoj poloviny HH veka v sud'bah tehničeskoj intelligencii Rossii. Samara: NTC, 2009. 340 p. (In Russian).
62. Strekalova E. N. Vlijanie jepoha «velikogo pereloma» na povsednevnost' intelligencii Severnogo Kavkaza v 1930-e gg. (*The influence of the era of the «great break» in the daily life of the intelligentsia of the Northern Caucasus in the 1930s*) // Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija. 2016. №2. P. 133–138. (In Russian).
63. Surovaja drama naroda (*The harsh drama of the people*). Moscow: Politizdat, 1989. 512 p. (In Russian).
64. Trukan G. A. Put' k totalitarizmu. 1917–1929 (*The way to totalitarianism. 1917–1929*). Moscow: Nauka, 1994. 166 p. (In Russian).
65. Fuko M. Arheologija znanija (*Archaeology of knowledge*). St.Petersburg: IC«Gumanitarnaja akademija», 2004. 416 p. (In Russian).
66. Hlevnjuk O. V. 1937 g. Stalin, NKVD i sovetskoe obshhestvo (*1937 Stalin, NKVD and Soviet society*). Moscow: Respublika, 1992. 268 p. (In Russian).
67. Hlevnjuk O. V. Politburo. Mehanizm političeskoj vlasti v 30-e gg. (*Politburo. The mechanism of political power in the 30s*). Moscow: ROSSPJeN, 1996. 304 p. (In Russian).
68. Shubin A. V. Vozhdi i zagovorshhiki (*Leaders and conspirators*). Moscow: Veche, 2004. 400 p. (In Russian).
69. Jaspers K. Smysl i naznachenie istorii (*Meaning and purpose of the story*). Moscow: Politizdat, 1991. 527 p. (In Russian).
70. Halfin Igal. From Darkness to light: slass, sonsconsciousness and salvation in Revolutionary Russia. Pittsburgh.: Pittsburgh Universiti Press, 2000. 474 p.

УДК 94 (47)

А. В. Танцева

«ЖИЗНЬ БЕЗ БОГА»: АТЕИСТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА В 1920-е гг. ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК»

В статье на материалах массового советского еженедельника «Огонек» 1920-х годов, рассмотрены формы и методы атеистической пропаганды в печати. В 1920-е годы она являлась частью механизма создания новой социокультурной идентичности советского общества и выступала важной практикой советской власти. Религиозная система ценностей, присущая «старому обществу», заменялась на идеологию большевизма, ориентированную на ценности коллективизма и интернационализма. Борьба с религией была частью борьбы «за новый быт», распространение новых социальных практик, замену религиозной обрядности на гражданскую. Церковь представлялась в публикациях, как патриархальный институт общества, не соответствующий идущим процессам модернизации общества.

Конструирование в печати образа церкви было напрямую связано с политическими задачами власти в рассматриваемый исторический период. Показано, что посредством журнальной периодики власть внедряла в массовое сознание новые ценности и идеи.

Транслируемый образ церкви в 1920-е годы был неоднозначным: от суждений противопоставляющих церковь прогрессу и науке в начале десятилетия до жестко негативных оценок, представляющих священнослужителей как врагов Советского государства в конце 1920-х годов.

Ключевые слова: советская власть, идеология, атеистическая пропаганда, репрезентация власти, борьба с религией, журнал «Огонек», практики транслирования, визуальные формы пропаганды.

A. V. Tantsevova

“LIFE WITHOUT GOD”: ATHEISTIC PROPAGANDA IN OGONIOK MAGAZINE IN THE 1920s

The paper based on materials of mass Soviet weekly Ogoniok of the 1920s features forms and methods of atheistic propaganda that was an integral part of mechanism aimed at creating a new socio-cultural identity in the Soviet society as well as one of the important practices of the Soviet power. Religious moral values of “the old society” were being replaced by Bolshevik ideology focused on collectivism and internationalism. The fight against religion was a form of the fight for “a new lifestyle”, proliferation of new social practices and replacement of religious rites by civil ones. The magazine publications exposed the church as an outdated social institution that did not correspond with ongoing processes of modernization. The image of the church constructed

by the press was directly related to political purposes of the Soviet power in that historic period. The author comes to the conclusion that the power used the press to introduce new values and ideas into public consciousness.

In the 1920s the image of the church in publications was controversial. It ranged from allegations that the church was opposite to progress and science (in the early 1920s) to scathing invectives exposing clergymen as the enemies of the Soviet state (in the late 1920s).

Key words: Soviet power, ideology, atheistic propaganda, representation of power, fight against religion, Ogoniok magazine, publicizing practices, visual propaganda forms.

В 1920-е гг. происходит утверждение новой модели общественно-политического и экономического развития общества, меняется и социально-культурная идентичность социума. Начинается широкомасштабный социально-культурный проект по преобразованию

раннесоветского общества. Каждого члена общества необходимо было включить в новое культурное поле, сделать его активным участником социально-культурных процессов. Это было время трансформации старого общества в новое, в котором рождались новые ценност-

ные ориентиры. Составляющей частью этого большого проекта была атеистическая пропаганда 1920-х гг., так как религиозное мировоззрение, являющееся основным компонентом духовной культуры старого общества, не входило в новую систему координат марксистского мировоззрения. Религиозная система ценностей заменялась на идеологию большевизма, ориентированную на ценности коллективизма и интернационализма.

В начале 1920-х годов советская власть отходит от политики прямого наступления на церковь, что дало основание современным исследователям обозначить данный период, как «религиозный нэп» [8, с. 4]. В это время давление на церковь осуществлялось преимущественно за счет административных методов воздействия и активной атеистической пропаганды в печати. Репрессивная политика, выражавшаяся в применении насильственных методов воздействия на церковные организации, стала заменяться пропагандистской работой. Она включала в себя: тиражирование статей на антирелигиозные темы, проведение общественных лекций-диспутов, разъясняющих суть религии, создание различного рода антирелигиозных кружков и объединений. Внимание, прежде всего, уделялось антирелигиозному воспитанию. Важную роль в деле атеистической пропаганды играл созданный в 1925 г. Союз воинствующих безбожников, выпускавший периодические издания (газета «Безбожник», журналы «Безбожник», «Антирелигиозник», «Воинствующий атеизм», «Юные безбожники»).

Ключевая роль в репрезентации образа церкви, как образа «старого мира» отводилась периодической печати, обладающей в рассматриваемый период широким спектром возможностей воздействия на массовое сознание. Печать рассматривалась как главный инструмент новой государственной идеологии. В 1920-е гг. в универсальных еженедельниках на первый план выходят визуальные жанры, важнейшим компонентом которых являлась фотография как отдельный смысловой элемент в тексте или без него: фотоочерк, фоторепортаж, фотограмма, фотозаметка, фотообложка, фотоколлаж. Визуальный способ подачи информации рассматривался, как «особый путь реализации иерархически взаимосвязанных целей, для решения определенных задач, ... аудитория получает материал, способствующий как рациональному познанию действительности, так и эмоциональному сопереживанию отображаемых событий» [17, с. 5].

Визуальные образы, в период малограмотности населения, занимали важное место среди форм агитационно-пропагандистской работы. Фотография документирующая процесс строительства нового общества, не просто запечатлевала событие дня, но и выполняла «функции просвещения и воспитания политического сознания иными словами, речь шла об использовании фотографии в целях агитации и пропаганды, о направленном воздействии, о попытке оказать влияние на восприятие социальной действительности с помощью фотоизображения» [13, с. 146].

Новым массовым общественно-политическим и литературно-художественным еженедельником, активно использовавшим формы визуальной пропаганды в 1920-е гг., был журнал «Огонек». Подборка, расстановка изображений, фотографий, их комментирование стало неотъемлемым атрибутом в журнале «Огонек» и в ходе представления антирелигиозных материалов. Корреспонденты «Огонька» в форме фотозаметок описывали события, происходящие в различных регионах страны («снятие колоколов с церквей», «открытие музея безбожников», «новый быт без религии» и т. д.), которые объединяла общая тема антирелигиозная пропаганда. В ней образ церкви преподносился исключительно как пережиток прошлого, как «место вековой темноты и отсталости» для народа.

В первой половине 1920-х годов атеистическая пропаганда в печати возрастает, что было связано с необходимостью освещения процессов закрытия храмов и церквей, разъяснения причин, проводимых властью данных мероприятий. Разъяснение идущих процессов было важным элементом в строительстве нового общества и важным конструктом атеистической пропаганды в борьбе за идеологическую монополию. В период с 1922 по 1926 гг. церкви закрывались по разным причинам: за неуплату налогов, невыполнение ремонтных работ, «по просьбам трудящихся», «по наказам избирателей», «по постановлению общего собрания учеников школы семилетки», как помеха «движению общественного транспорта» [8, с. 148].

Подтверждение этому находим на страницах журнала «Огонек». Так в 1923 г. в журнале «Огонек» был напечатан фотоочерк «Неизбежное», иллюстрировавший процесс снятия крестов и куполов с церкви Спасителя в г. Пензе. Пензенский корреспондент журнала рассказывал о том, что Епархиальное управление официально обратилось в Губисполком с предложением взять Кафедральный собор

«для культурно-просветительных надобностей» [9, с. 6]. Интересно объяснение причин, по которой предлагается передача храма на культурно-бытовые нужды, которые ложатся в русло атеистической пропаганды: «нет средств содержать притч и покрывать ежемесячно возрастающий дефицит соборной кассы, ибо количество прихожан сильно сократилось, а посетителей служб – и совсем сошло на нет, 50 или 100 человек на службе – стало обычным явлением, тогда как во времена «православия и самодержавия» праздничные службы происходили при наличии двух или трех тысяч молящихся» [9, с. 6–7]. В здании собора планировалось разместить государственный кинематограф, центральную Лермонтовскую библиотеку и читальню. Заканчивался фотоочерк распространенным слоганом того времени: «Революция продолжается!».

Необходимо отметить, что в журнале «Огонек» материалы о борьбе с религией целенаправленно помешались параллельно с просветительскими материалами. Негативный образ служителей церкви, часто противопоставлялся позитивному образу ученых, как двигателей прогресса. Тем самым церковь представлялась в публикациях, как патриархальный институт общества, не соответствующий идущим процессам модернизации общества. Значительное место на страницах «Огонька» занимали научно-просветительские материалы из различных областей научного знания, авторами которых были ведущие советские ученые. Так, например, в 1923 г. в журнале были опубликованы статьи профессора П. Ю. Шмидта «Новые чудеса биологии» [21, с. 13], очерк профессора Кирхберга. «Молния как двигатель» [3, с. 11] и т. д.

В русле данных материалов, публиковались и достижения зарубежной науки, которые противопоставлялись религиозному мышлению. Так в №7 за 1925 г. в рубрике «Новые победы науки» был опубликован очерк Ильи Ренца «Вместо Бога» [11, с. 10] который был посвящен разработкам американского селекционера Лютера Бербанка. Автор эмоционально и ярко описывает процесс селекции: «Бербанк по своей воле меняет величину, цвет, вкус и запах растения... Бербанк делает то, что до него делать полагалось только господу-богу» [12, с. 10].

В борьбе с религией власть использовала революционную символику, в противовес церковной обрядности. Демонстрации трудящихся с яркой революционной символикой были аналогом церковного крестного хода, с его церковной атрибутикой. Именно с такого ракурса

освещалась антирелигиозная демонстрация рабочих в г. Минске в фоторепортаже Г. Петрусова «Долой духовную сивуху» [9, с. 3]. Подчеркивая масштаб антирелигиозной компании в стране, автор писал «на заводах и фабриках всего Союза рабочие на собраниях выносят постановления о работе в пасхальные дни» [10, с. 3]. Важно отметить, что атеистическая пропаганда сопровождалась распространением новой идеологизированной праздничной культуры, призванной заменить «старые религиозные праздники» на новые, революционные. Через организацию досуга внедрялись новые обычаи и ритуалы, с помощью которых власть выстраивала новые общественные отношения.

Борьба с религией была частью борьбы «за новый быт», распространение новых социальных практик, замену религиозной обрядности на гражданскую. В журнале «Огонек» постоянно освещались такие явления, как наречение детей новыми именами (Октябрина, Владлен, Ким, Рэм, Нинель и т. д.), «красные свадьбы», «гражданские крестины», «гражданские похороны» и др. Так, например, фотозаметка «Красная свадьба» описывает новый обряд, по которому проходила свадьба в Крыму [4, с. 6]. Об изменениях в традиционной обрядности и о новой форме похорон пишет Д. Маллори в фотоочерке «Огненные похороны» [5, с. 14], который, заканчивался словами: «Кремация – это гигиена и упрощение захоронения, это отвоение земли от мертвых для живых... Мы уходим от этого огненного кладбища. Мощным и легким видением встает радиовышка... Строятся заводы и фабрики. Дышит мощно земля под белым снежным покровом. Бегут трамваи. Идут экскурсии в Музей Донского монастыря. Ревут фабричные трубы... Жить, полной грудью жить!...» [5, с. 14]. С помощью подобных материалов в печати не только происходила пропаганда новых обрядов, призванных заменить в сознании социума религиозные, но транслировалась идея строительства нового общества, с иными ценностями и идеями.

В 1920-е гг. идея новой обрядности становится частью широких агитационных кампаний по антирелигиозной пропаганде. Новые обряды были необходимы для того, чтобы конституировать «не просто иной статус человека, но чтобы провозгласить создание нового, доселе невиданного человека – человека, порожденного революцией... Обряды использовались пропагандистским аппаратом в качестве своеобразной демаркационной линии между старым и новым миром, что хорошо бросается в глаза в публикациях 1920-х годов» [16, с. 86]

Фотоочерк Д. Маллори «Жизнь без Бога» знакомил читателя с новыми гражданскими ритуалами, в частности с тем, как по-новому заключаются и расторгаются браки: «При разводе муж дает подписку об уплате части своего заработка на содержание детей. Без волокиты, без бога и без лжи» [...] [6, с. 8–9]. Далее автор освещал работу фабричных ячеек, где «подлинное, сознательное, углубленное безбожие упрочняется», собрания безбожников «Мы не верим!», лекции «Был ли Христос» и «Зимние праздники народов», которые «собирают полные трамвайные парки» [6, с. 9]

О таком новом явлении в жизни общества как съезд безбожников повествует фоторепортаж С. Фридлянда «Против царей земных и небесных» [17, с. 1]. Автор отмечал, что «Союз безбожников является не только пропагандистской организацией, но и боевым отрядом по созданию новых форм быта» [18, с. 1]. Об уголках антирелигиозной пропаганды повествует заметка специального киевского корреспондента «Огонька» под характерным названием «Музей безбожников» [7, с. 14]. Фотоочерк А. Шайхета «Не в церковь, а в театр» рассказывает о том, что рабочие выбрали поход в театр на спектакль «Рельсы гудят», вместо празднования юбилея Ашитовской церкви (Московской губернии) [20, с. 14]. Статья Л. Рябиной «Нужны антирелигиозные стачки» была посвящена проблеме издания религиозной литературы в Москве [14, с. 7–8]. Теме антирелигиозного быта посвящены и фотозаметки «Церковь под школу» [19, с. 11]. «Без молебнов» [1, с. 13], отражающие быстро меняющийся уклад общества.

Отдельно уделялось в журнале «Огонек» место и освещению положения дел в самой церкви. Так, фотоочерк «Процесс князей церкви» освещал ход судебного процесса над патриархом Тихоном и его окружением за «контрреволюционную деятельность, сопротивление декретам власти, и использование религиозных верований и предрассудков для возбуждения в массах оппозиционного и мятежного настроения» [10, с. 6]. Через несколько номеров «Огонек» в том же 1923 г. поместил заметку «Покаяние Тихона», в которой отмечалось, что: «Василий Белавин, бывший патриарх Тихон, после своего покаяния в преступлениях против Советской власти возвращается из места своего заключения в Донской монастырь» [15, с. 10]. Так, с помощью печати власть показывала, что все преобразования проводятся во благо народа и даже бывшие враги признают советскую власть, как добродетель для общества. Это было особенно важно для советской власти в период нестабильной ситуации в стране.

Отдельным жанром в русле антирелигиозной пропаганды выступал народный фольклор. Частушка, как народная форма культуры, особенно удачно использовалась при трансляции новых идей и образов. В номере 29 журнала «Огонек» за 1927 г. были опубликованы «Современные частушки» из материалов собранных с разных уголков страны корреспондентами газеты «Беднота». В одной из частушек Балашевского уезда Саратовской губернии поется об отказе от религиозных обрядов:

«Нарожденного ребенка
Я к попу не понесу
Пусть по-новому живет
Путем Ленина идет!» [2, с. 11]

О замене старого религиозного культа, на новую революционную символику свидетельствует частушка из Алисовской волости Курской губернии:

«Бабка вышла провожать
В армию с иконами.
Иди, бабка, лучше спать, –
Мы с красными знаменами» [2, с. 11]

О новых формах быта и комсомольцах в деревне поется в частушке Минской губернии:

«По деревне поп идет
Ведет сборы с фигою,
У попа отбили хлеб
Комсомольцы с книгою» [2, с. 11].

Период 1926–1929 гг. вошел в историю как период «атеистической пятилетки» [8, с. 121], нового масштабного наступления на религию. Отсчет этому процессу был задан в 1926 г., когда был провозглашен тезис о возможности построения социализма. Противопоставление его религиозному мировоззрению спровоцировало переход от антирелигиозной пропаганды к классовой, «духовенство вновь было обвинено в контрреволюционной деятельности, что было выгодно власти в период построения мобилизационной экономики» [8, с. 149]. В этот период материалы в журнале «Огонек» начинают носить ярко выраженный пропагандистский характер, в котором уже четко представлены образы «Врага» и «Друга». Церковь и священнослужители были объявлены врагами нового государства, борьба с которыми должна была стать священным долгом каждого советского гражданина. Антирелигиозная пропаганда в печати с этого момента больше не разъясняет необходимость отказа от религии, противопоставляя ее науке, она напрямую «наступает на церковь», а сама власть переходит к репрессивным практикам «периода военного коммунизма».

Атеистическая пропаганда в рассматриваемый период являлась частью механизма

создания новой социокультурной идентичности советского общества и выступала важной практикой советской власти в период трансформации общества. Конструирование в печати образа церкви в 1920-е годы менялось от нейтральных оценок, противопоставляющих

церковь прогрессу и науке в первой половине 1920-х гг., до жестко негативных, рисующих священнослужителей как врагов Советского государства к концу 1920-х гг., что было напрямую связано с политическими задачами власти в конкретный исторический период.

Источники и литература

1. Горохов И. Без молебнов // Огонек. 1929. №40.
2. Захаров-Мэнский Н. Современные частушки // Огонек. 1927. №29.
3. Кирхберг. Молния как двигатель // Огонек. 1928. №24.
4. Красная свадьба // Огонек. 1926. № 15.
5. Маллори Д. Огненные похороны (фото С. Фридлянда) // Огонек. 1927. №50.
6. Маллори Д. Жизнь без бога // Огонек. 1927. №4.
7. Музей безбожников // Огонек. 1924. №8.
8. Неживых Н. А. Религиозный НЭП. Государственно-церковные отношения в 1920-е гг. (на материалах Зап. Сибири). Омск: Омский государственный технический университет, 2012. 160 с.
9. П. Н. Неизбежное // Огонек. 1923. №22.
10. Петрусов Г. Долой духовную сивуху // Огонек. 1929. №16.
11. Процесс князей церкви // Огонек. 1923. №5.
12. Ренц И. Вместо Бога // Огонек. 1925. №7.
13. Розалинде Сарторти. Фотокультура или «верное видение» // Советская власть и медиа. Сб. статей / под. ред. Х. Гюнтера и С. Хэнсген. СПб.: Академический проект, 2005. С.145–146.
14. Рябинин Л. Нужны антирелигиозные стачки // Огонек. 1929. №16.
15. Самсонов. Покаяние Тихона // Огонек. 1923. №15.
16. Табунщикова Л. В. «Красная обрядность» на территории Донобласти в 1923–1924 гг. // Вестник ПСТГУ. История. 2015. Вып. 6(67)
17. Тертычный А. А. Жанры периодической печати. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-пресс, 2011. 350 с.
18. Фридлянд С. Против царей земных и небесных // Огонек. № 24. 1929.
19. Церковь под школу // Огонек. 1924. №32.
20. Шайхет А. Не в церковь, а в театр // Огонек. 1929. №2.
21. Шмидт П. Ю. Новые чудеса биологии // Огонек. 1923. №3.

References

1. Gorokhov I. Bez molebnov (*Without Worships*) // Ogoniok. 1929. No. 40. (In Russian).
2. Zakharov-Menskii N. Sovremennye chastushki (*Modern Oral Satiric Poem*) // Ogoniok. 1927. No. 29. (In Russian).
3. Kirkhberg. Molniya kak dvigatel' (*Lightning As An Engine*) // Ogoniok. 1928. No. 24. (In Russian).
4. Krasnaya svad'ba (*Red Wedding*) // Ogoniok. 1926. No. 15. (In Russian).
5. Mallori D. Ognennye pokhorony (foto oS. Fridlyanda) (*Fire Funeral (Photo by S. Fridlyand)*) // Ogoniok. 1927. No. 50. (In Russian).
6. Mallori D. Zhizn' bez boga (*Life Without God*) // Ogoniok. 1927. No. 4. (In Russian).
7. Muzei bezbozhnikov (*Museum Of The Atheists*) // Ogoniok. 1924. No.8. (In Russian).
8. Nezhiviykh N. A. Religioznyi NEP. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v 1920-e gg. (na materialakh Zap. Sibiri) (*Religious NEP. State-Church Relations In The 1920s. (On The Materials Of Western Siberia)*). Omsk: Omskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, 2012. 160 p. (In Russian).
9. P. N. Neizbezhnoe (*Inevitable*) // Ogoniok. 1923. No.22. (In Russian).
10. Petrusov G. Doloj dukhovnyu sivukhu (*Down With Spiritual Booze*) // Ogoniok. 1929. No.16. (In Russian).
11. Protsess knyazei tserkvi (*The Process Of Church Princes*) // Ogoniok. 1923. No.5. (In Russian).
12. Rents I. Vmesto Boga (*Instead Of God*) // Ogoniok. 1925. No.7. (In Russian).
13. Rozalinde Sartorti. Fotokul'tura ili «vernoe videnie» (*Photoculture Or "True Vision"*) // Sovetskaya vlast' i media / ed. by Kh. Gyunter and i S. Khensgen. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 2005. P.145–146. (In Russian).
14. Ryabinin L. Nuzhny antireligioznye stachki (*In Need Of Anti-religious Strikes*) // Ogoniok. 1929. No. 16. (In Russian).
15. Samsonov. Pokayanie Tikhona (*Tikhon's Repentance*) // Ogoniok. 1923. No. 15. (In Russian).
16. Tabunshchikova L. V. «Krasnaya obryadnost'» na territorii Donoblasti v 1923–1924 gg. (*"Red Ritual" In The Territory Of Don Region In 1923–1924*) // Vestnik PSTGU. Istoriya. 2015. Issue 6(67). (In Russian).
17. Tertychnyi A. A. Zhanry periodicheskoi pechati (*Genres Of Periodicals*). Moscow: Aspekt-press, 2011. 350 p. (In Russian).
18. Fridlyand S. Protiv tsarei zemnykh i nebesnykh (*Against The Earthly And Heavenly Kings*) // Ogoniok. 1929. No. 24. (In Russian).
19. Tserkov' pod shkolu (*Church turned Into School*) // Ogoniok. 1924. No.32. (In Russian).
20. Shaikhet A. Ne v tserkov', a v teatr (*Not To The Church, But To The Theater*) // Ogoniok. 1929. No.2. (In Russian).
21. Shmidt P.Yu. Novye chudesa biologii (*New Miracles Of Biology*) // Ogoniok. 1923. No.3. (In Russian).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340.0. (09)

Л. В. Батиев

ВЫЗОВ В СУД И МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УЧАСТИЯ СТОРОН В ПРОЦЕССЕ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII вв.¹

Традиционные способы обеспечения участия ответчика в суде включали в себя вызов по «приставной памяти», «зазывной грамоте», «наказной памяти», «привод» ответчика истцом с помощью караульных, привод и задержание в приказе крестьян, задержание в приказе «правых», желательное «лучших» крестьян ответчика. В начале XVIII в. по «сыскным» и «наказным памятям» требовалось не только найти и дать на поруки ответчика, но и привести его в суд, либо получить «срочную сказку» и взять «правых» крестьян в обеспечение. Подозреваемых крестьян должны были представить в суд их помещики. В «розыском процессе» и в военных судах, обвиняемых изыскивали, арестовывали и препровождали в тюрьму всеми возможными военно-полицейскими средствами. Для дворянства допускались мягкие формы. Поручительство сопровождало все судопроизводство в

роли гаранта выполнения судебных решений и поступления пошлин в казну. При отсутствии поручителей истец или ответчик отдавались, несмотря на запрещение, на «добрую росписку» стороннему, или даже содержались под стражей. Выбор сроков судебного разбирательства зависел от воли сторон. Неявка в срок влекла обвинение (потерю иска) «без суда», во всех делах, кроме «крепостных». Средством регистрации участниками процесса была «ставочная» челобитная. В конце XVII – начале XVIII вв. наблюдается упрощение и ужесточение форм и средств вызова в суд, ограничение свободы ответчика (свободы избегать суда). Судопроизводство все более перестает быть исключительно частным делом сторон.

Ключевые слова: Приставная память, зазывная грамота, наказная память, сыскная память, поручительство, ставочная.

L. V. Batiev

SUMMONS TO COURT AND MEASURES TO ENSURE THE PARTICIPATION OF THE PARTIES IN THE JUDICIAL PROCESS IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF 17TH – BEGINNING OF THE 18TH CENTURIES

Traditional forms to ensure the participation of the defendant in court included summons according to “pristavnaya pamyat” (bailiff’s sheet), “zazyvnaaya gramota” (call charter), “nakaznaya pamyat” (call order), “privod” (summons) of the defendant by the plaintiff with the help of a guard, bringing in and detention of peasants in court, detention of “pravyykh” (not guilty) in court, preferably the best peasants of the defendant. At the beginning of the 18th century according to “sysknaya” and “nakaznaya pamyat” (search and call orders) it was necessary not only to find and provide the defendant on bail, but bring them to the court or to receive “srochnaya skazka” (urgent message) and put the “pravyykh” (not guilty) peasants on maintenance. Suspected peasants were supposed to be brought to

the court by their landlords. In the “investigative process”, including the military courts, the accused were sought after, arrested and escorted into the prison with the use of all possible military, police and other methods. Some soft forms were allowed for those of the upper classes or even for lower nobility. Guarantee (the main means of ensuring the participation of the parties in the court) accompanied all the proceedings in the role of guarantor of the execution of judgments and the admission of the tolls to the treasury. In the absence of guarantors the defendant or the plaintiff were transferred, despite the prohibition, upon “dobraya rospiska” (voluntary note) to a third party, or even detained. The timing of the trial (start, pause, resume, etc.) depended on the will of the parties. Failure to

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № госрегистрации проекта AAAA-A16-116012610051-6.

come in the time set or the period chosen by the parties, lead to a charge (claim loss) "bez suda" (without trial), in all cases, except for "krepostnykh" (serfs). The means of registration of participants' attendance upon a summoning was "stavochnaya" petition ("skazka", "stavka" or a note). At the end of 17th – beginning of the 18th centuries there was a simplification and tightening of forms and means of summons, restriction of

freedom of the defendant (the freedom to avoid the court). Legal proceedings was becoming even less a private matter of the parties.

Key words: "pristavnaya pamyat" (bailiff's sheet), "zazyvnaay gramota" (call charter), "nakaznaya pamyat" (call order), "sysknaya pamyat" (search order), guarantee, "stavochnaya" (note).

Реформы Петра Великого, и в том числе в судебной сфере, всегда привлекали к себе внимание исследователей. Основной упор при этом делался на реформу судостроительства, тогда как изменения процессуального права и судопроизводства оставались на периферии исследовательского интереса. Наибольший вклад в исследование судопроизводства конца XVII – начала XVIII в. внесла дореволюционная историко-правовая наука. Современные российские исследования не всегда самостоятельны. За рубежом авторов в большей степени данная тема интересует, прежде всего, с точки зрения заимствования Петром западных норм.

К концу XVII в. стала очевидной недостаточная эффективность всей системы судопроизводства в Московском государстве. Особенно это проявлялось в состязательном судопроизводстве. В частности, исторически сложившаяся громоздкая процедура вызова в суд и обеспечения участия в нем сторон гарантировала процессуальные права сторон, но слабо препятствовала уклонению от суда, и тем самым фактически способствовала знаменитой московской волоките.

Лейтмотивом процессуальной политики Петра Великого стало стремление жестко регламентировать, упростить и унифицировать судопроизводство, усилить публичное начало в суде, ограничить права и традиционные гарантии для сторон (которые воспринимались властью, как право избегать суда). Зачастую это делалось без достаточного учета сложившихся стереотипов, традиций и возможностей судебной системы. Спонтанная попытка реформы состязательного судопроизводства указом 21 февраля 1697 г., или гораздо более тщательно проработанный указ «О форме суда» 5 ноября 1723 г. – примеры такого активного вмешательства государства в организацию судопроизводства. Система мер по обеспечению участия сторон в процессе испытала на себе воздействие великого реформатора в меньшей степени. Но и здесь наблюдается сочетание эволюционного развития с реформаторской деятельностью.

Состязательный процесс («суд и сыск» в терминологии XVII в.) всецело зависел от воли сторон. Для нормального течения судебного процесса в XVII в. было обязательным постоянное «возбуждение» и поддержание активности суда сторонами (прежде всего истцом, в ряде случаев это требовалось от истца и в розыском процессе) и наличие ответчика. Без этого суд замирал, «засыпал» и мог вновь пробуждаться к жизни спустя годы, когда вновь проявляла инициативу одна из сторон.

Процедура вызова ответчика в «суде и сыске» была тщательно отработана с целью обеспечения материальных и процессуальных прав истца и ответчика и фискальных интересов государства. Размер стандартной пошлины по судному делу – одна гривна с рубля [72, гл. X, ст. 124.]. Помимо суммы иска в пользу выигравшей стороны взыскивались «проести и волокита». Стандартная сумма по Соборному уложению – 3 рубля [72, гл. X, ст. 114–115, 117–118, 155]. Сумма впоследствии менялась [73]. С учетом места нахождения ответчика, его социального статуса, степени активности истца и других конкретных обстоятельств практиковались следующие способы: вызов по «приставной памяти» и по «зазывной грамоте», «привод» ответчика истцом, вызов-привод по «наказной» или «сыскной памяти», привод ответчиков-крестьян, «поставка» крестьян-ответчиков их владельцами, задержание «правых» людей ответчика с целью принудить его явиться в суд или дать «срочную сказку».

«Приставная память» – распоряжение приставу, визированное дьяком, сыскать ответчика (не заходя в дом), ознакомить с иском (обычно приставная оформляется на исковой челобитной и визируется дьяком), обязать его собрать «поручную запись» в том, что он явится в указной срок (неделю) в суд [72, гл. X, ст. 100–101, 104, 114]. При отсутствии поручителей и неявке ответчика добровольно, пристав приводил его в приказ принудительно. Неявка в течение недели при наличии порук влекла обвинение ответчика «без суда». Истец обязан был под угрозой потери иска ходить в приказ

«по вся дни». Указной срок ожидания истцом (ответчиком) менялся: неделя по Соборному уложению, месяц по «Судным статьям» 1685 г., два месяца по именному указу с Боярским приговором 23 декабря 1685 г. [72, гл. X, ст. 109–110; 11; 20; 73; 38; 35; 39; 17; 6; 2, 2]. На практике продолжали руководствоваться Уложением 1649 г. [51, 20, 164].

«Зазывная грамота» составлялась в приказе по челобитью истца для вызова иногородних ответчиков, в том числе после неявки в «отсрочный срок». Получив посредством истца «зазывную», местная администрация обязывала (до трех раз) ответчиков представить соответствующее поручительство [72, гл. X, ст. 109, 114–117, 120, 156, 189]. За неявку по первым двум грамотам с ответчика взыскивались пошрины и «проесть», по третьей, при наличии «порук», его доставляли в приказ и обвиняли «без суда» (по «Судным статьям» 11 ноября 1685 г. [73] – уже после первой неявки). При отсутствии «порук» воеводы обеспечивали привод ответчика в город, сбор «поручной» и высылку его в Москву, где ему чинилось наказание батогами и давался «суд». «Наказная память» выдавалась в случае неявки иногороднего ответчика должностному лицу (приставу, «недельщику»). «Компетенция недельщика переплетается с обязанностями пристава, но недельщик стоял над приставом, о чем свидетельствует больший размер вознаграждения недельщику. Он мог иметь помощников – товарищей, хотя ему запрещалось посылать кого-либо вместо себя для исполнения обязанностей» [49, с. 152]) с тем, чтобы выехать по месту жительства ответчика, отыскать его и отдать на поруки, или привезти его «за поруками», чтобы обвинить «без суда» [72, гл. X, ст. 142, 148].

«Привод», не названный в Уложении 1649 г., был известен законодателю и широко применялся на практике в XVII–XVIII вв. Встретив ответчика (его поверенного) истец кричал «караул» и объявлял (не всегда), что у него на пойманного есть челобитная в суде. И истец, и ответчик приводились караульными в соответствующее полицейское ведомство, откуда их после допроса препровождали в соответствующий суд. Истец, как правило, еще до «привода» успевал возбудить дело в суде, о чем он и заявлял, и просил отправить их в соответствующий орган. Ответчик обычно отговаривался незнанием [51, с. 21, 27–29, 33, 41, 49, 75–77, 86, 69, 94 120, 135, 139, 140, 142–144].

В исках на крестьян, отвечавших порой самостоятельно, с ответчиками не церемо-

нились. Они, по возможности, просто приводились в приказ и задерживались там, либо с его владельца бралось письменное обязательство, под угрозой обращения на феодала штрафа и иска, представить в срок крестьян к суду. Эта практика достаточно характерна и для первой четверти XVIII в.

В XVII – начале XVIII в. во всех формах судопроизводства не самым действенным, но широко распространенным средством обеспечения участия в суде ответчиков была поимка и задержание в приказе «правых», желательнее «лучших» людей ответчика, иногда его домочадцев без его согласия и даже ведома. Порой ответчик в обеспечение письменного обязательства явиться «к суду» («допросу») сам давал своего человека. Приводные «правые» содержались как колодники, освобождались на поруки с тем, что они представят в срок хозяина (при отсутствии порук их могли позже отпустить «на росписку»). За неимением «роспищиков» и при отсутствии активности сторон и изворотливости крестьян, «правые» могли содержаться под арестом годы [72, гл. X, ст. 138–141; 50, с. 247–248; 51, с. 8, 10, 12–13, 23, 27–28, 44, 49, 76, 120, 136, 162; 10, с. 46].

Разработанная до мельчайших подробностей громоздкая процедура вызова в суд была малоэффективной. Она слабо препятствовала уклонению от суда и остановке на неопределенный срок всего судопроизводства. Особенно это проявлялось в состязательном судопроизводстве – начиная с вызова в суд и заканчивая исполнением судебного решения («правеж», который в XVII в. уже никого не пугал, лишь постепенно дополнялся обращением взыскания на движимое и недвижимое имущество, в том числе, поместья должника).

В начале XVIII в. в обеспечении участия сторон в процессе произошли заметные изменения. Функции приставов перешли к подьячим, рассыльным, солдатам. «Сыскные» и «наказные памяти», которые выдавались им вместо «приставной» или «зазывной», требовали не только найти и дать на поруки ответчика, но и привести его в суд или, по крайней мере, взять у иногороднего ответчика «срочную сказку» (письменное обязательство явиться в определенный срок в суд) и «правых» крестьян в обеспечение. Запрет в 1699 г. из фискальных соображений подобной практики не получился, так как «нарочная посылка», снаряжаемая «на челобитчиков езде и прогонах» была выгодным поручением, подьячие «накупались» на нее. Впрочем, сохранились и «зазывные грамоты», но и они требовали ответчика «сыскав,

выслать к Москве» [72, гл. X, с. 120, 140–142, Гл. XVIII. Ст. 46; 25; 73; 42; 19; 1, 45, 80; 50, с. 12–13, 27, 177, 247–248; 51, с. 12–13, 22–24, 27, 33, 46, 49, 70, 106, 120, 125–127, 129, 139, 172; 52, с. 94].

В целом в конце XVII – начале XVIII в. осуществлялось определенное ужесточение форм и средств вызова, ограничение свободы ответчика – свободы безнаказанно избегать суд. Тщательно разработанные, но громоздкие процедуры, которые должны были гарантировать соблюдение законных прав и интересов сторон, оказались недостаточно результативными. Поэтому вызов в суд как «по приставной памяти», так и по «зазывной грамоте» постепенно вытеснялся приводом, хотя и не был заменен им полностью. Выбор средств зависел от социального статуса истца (и его активности) и ответчика (его пассивности или активного сопротивления). Принудительный привод по общему правилу использовался после неявки по вызову для дачи «суда», но не для обвинения «без суда». Такой путь был выбран не случайно. Для обвинения «неявкой» необходима была уверенность в том, что ответчик знал о вызове, ознакомлен с иском. Это обеспечивалось «поручной записью» или многократными «доездами» должностных лиц. Привод же ответчика не только гарантировал осведомленность ответчика, но и давал возможность определить с его участием срок «суда» или сразу начать «суд» и собрать «поручную запись» (в обеспечение иска и судебных расходов).

В розыском процессе, в том числе и в военных судах, обвиняемых изыскивали, арестовывали и препровождали в тюрьму всеми возможными военно-полицейскими и иными методами. Для лиц высших сословий, или даже простых дворян допускались мягкие формы – привод по «наказной» или «сыскной памяти» («наказ» обычно жестче) и содержание не в тюрьме, а «за поруками». Поручители под большую личную и имущественную ответственность гарантировали ежедневную явку обвиняемого в суд. Особенно жесткой была практика по «слову и делу государевым» [74, с. 218–230].

Сравнительное разнообразие мер пресечения, характерное для XVII в., в начале XVIII в. сменилось тюремным заключением во всех формах розыска. Тяжесть заключения, от которой «с немалой нуждою и от тесноты, духоты и голоду помирают» (это постоянная тема в истории тюрьмы), обычно соизмерялась с важностью преступления, статусом обвиняемого, степенью доказанности преступления, наличи-

ем оснований для ареста и могла быть отягощена оковами, кандалами, колодой и т.п. Однако в одинаково тяжких условиях находились и закоренелые преступники, и «правые» или даже случайные люди [55, л. 115; 54, с. 253–254; 56, л. 3.; 57, л. 2 об.; 58, л. 12–12об.; 74, с. 218–230; 71, с. 236–283]. Для малозначимых преступлений допускалось освобождение «на знатные росписки» с обычным обязательством представить по первому требованию.

Подозреваемых крестьян должны были представить в суд их помещики. Иначе арестовывали и даже пытали «лутчаго человека» о местонахождении подозреваемого. Любая форма невыдачи наказывалась. Причем и после взыскания помещик все равно должен был представить виновного. Государство не намерено было считать эти преступления частным делом между истцом и ответчиком (владельцем преступника) [72, гл. XXI. ст. 45–46, 74, 77, 81; 48, ст. 20, 26, 39–40, 45–47, 52; 15; 53; 33; 41; 11; 13; 70; 1, 60 л.10, 102; 50, с. 219–220; 51, с. 49, 56, 122, 131, 136, 140, 142].

Важнейшим инструментом процессуально-го права являлось поручительство, которое сопровождало все судопроизводство в роли «гаранта выполнения судебных решений и исправного поступления судебных пошлин в государственную казну» [44, с. 232; 47; 9, с. 376–385]. Поручительство было основным средством обеспечения явки ответчика «к суду», и в этом смысле вся деятельность по вызову ответчика была тщательно регламентированным процессом сбора «порук», их оформления, регистрации, удостоверения сторонами соответствия «порук» «приставной памяти». Уклонение от сбора «порук», и тем более сопротивление приставу наказывалось достаточно строго. «Поручная запись к суду» являлась обязательством ответчика и его поручителей (их число не определено) в том, что «ручаемый» явится «к суду» в указной срок.

При неявке каждый раз требовалась новая поручная. С момента составления (позже – регистрации в приказе) «поручной» начинался отсчет времени для обвинения неявкой в срок, взыскания пошлин, проестей и т. п. с ответчика, а в его отсутствие – поручителей. «Кто ручится, тот и мучится» – справедливо отметила народная мудрость. В свою очередь поручители имели право регрессного иска. Таким образом, поручительство являлось также обязательным универсальным средством обеспечения иска и судебных расходов. «Поручная запись» в процессе – свидетельство осведомленности ответчика об иске. Без поручных ответчик мог

быть обвинен только в случае упорного укрывательства [72, гл. X. Ст. 111, 114–122, 130, 131, 137–141, 154, 155, 229, гл. XVIII. ст. 43, 44; 20; 25; 73; 28; 32; 30; 35; 1, 89; 2, 209, 239; 51, с. 18, 63, 88–89, 136; 43, с. 84; 46, с. 136].

Порука «с суда» собиралась в отличие от поруки «к суду» и на истца, и на ответчика в том, что им «до вершения судебного дела без указа... не съезжати», «ставится во вся дни». Форма поручной записи варьировалась (от имени ручаемого, поручителей, на обороте «перечня», выписанного в суде). Пристав и подьячий несли материальную и личную ответственность за сбор и тщательно выверенную регистрацию «поручной записи» в приказе в течение трех дней после «суда». После указа 16 марта 1697 г., который обязал собирать поручительство за ответчика, прошло чуть больше года и 6 мая 1696 г. бояре приговорили «по истцах собирать поручные записи таковы же, каковы собираются по ответчиках, для того, что по многим делам бывают истцы виноваты». При отсутствии поручителей, или «для скудости» ручаемого (он должен был компенсировать материально неудобства, причиняемые поручителям) истец или ответчик отдавались, несмотря на запрещение, на «добрую росписку» стороннему (не всегда) человеку, что было «подобием домашнего ареста». В редких случаях предписывалось содержание под стражей до тех пор, пока не появлялись поручители или «роспищики» [72, гл. X. Ст. 112, 113, 116, 123; 39; 7; 40; 51, с. 5, 8, 11, 24, 33, 34, 43–46, 49, 51, 57, 61, 62, 67, 68, 76, 94, 98–99, 122, 124–126, 135–136; 50, с. 175; 46, с. 136–137; 59, л. 12; 60, л. 10; 62, л. 4 об.; 63, л. 3 об.; 64, л. 2; 65, л. 2–2 об.; 66, л. 3, 4.; 67, л. 4–4 об., 68, л. 4 об.–6; 69, л. 1–1 об.]. Таким образом, порука «с суда» вместе с ее заместителями являлась средством обеспечения иска и обязательного участия сторон в судопроизводстве вплоть до его полного окончания.

В «петербургский» период поручительство сохранилось преимущественно как средство обеспечения иска, а не явки ответчика, поскольку вызов ответчика постепенно заменялся его приводом. Вместо «поручной» при отсутствии поручителей могла быть взята «срочная сказка» за подписью ответчика с обязательством явиться в срок под угрозой взыскания иска; «для уверенья» за караул брались его люди. Поручительство в XVIII в. порой обеспечивало явку ответчика не с самого начала процесса, а после того как стороны договорились о сроках разбирательства. В указе «О форме суда» [22; 5] такой порядок стал правилом [50, с. 225–226; 51, с. 18, 33–34, 63, 122, 135–136].

В соответствии с этим указом поручная запись «по ответчике» собирается в течение недели в том, «что ему до вершения того дела не сеять» только «ежели усмотрено будет, что того ответчика» всего имущества меньше иска. Порядок такого «усмотрения» не определен. При невозможности обеспечения поручительства («а буде порук по ком не будет»), указ просто требует «держатъ его под арестом». После «суда» («допросов») велено и «по истцах брать поруки». Поручная «к суду» у ответчика слилась с «поручкой с суда» (что объясняется и изменением средств вызова), став средством обеспечения иска и «несъезда» до вершения дела. Как указывал Ф. М. Дмитриев, «неявка считается неповиновением закону, а не нарушением частного обязательства, и потому ведет к обвинению сама по себе, без поручной записи» [9, с. 542].

В розыском процессе поручительство было вспомогательной мерой охранительного характера, которое требовалось в отношении почти всех лиц, вовлеченных в розыск. Поручительство требовалось для лиц, вина которых не была доказана и поэтому они оставались в подозрении. Это лица, которых «одобрили в обыску», которые «очистились с пыток», а других доказательств вины кроме «языка» или заявления помещика нет; колодники, долгие годы, сидящие в тюрьме в ожидании истца-обвинителя; «бродящие», не уличенные в конкретном преступлении; лица, отбывшие наказания за менее тяжкие преступления. При отсутствии поручителей многолетние колодники освобождались «на росписку» или «с письмом». Средством обеспечения иска в розыском процессе (помимо мер личного характера и поручительства) явился арест имущества [72, гл. XX. ст. 35, 47; 1, 80; 74, с. 218–230; 51, с. 136].

Выбор сроков судебного разбирательства зависел от воли сторон: начать процесс, прервать на любой стадии, вновь продолжить производство, или не продолжать вовсе – все это решали стороны. Явка (привод) ответчика и истца не означала немедленного начала суда. Правилom, скорее, было обратное. Ответчик еще до ознакомления с исковой, давал «срочную сказку» (оставляя себе копию) о сроке, к которому он готов стать «к суду». Истец расписывался в том же и получал копию «срочной» [29; 14; 1, 89; 61; 59; 60, л. 10; 51, с. 18, 44, 94, 139–140, 150, 163, 164; 46, с. 130–132; 45, с. 115]. И в XVII в., и в начале XVIII в. сроки «суда» избирались сторонами (обычно ответчиком). Приставом в XVII в. определялся срок первого появления ответчика в приказе, но не

срок «суда». В 1685 г. а затем 1699 г. срок от первой явки до начала «допроса» был ограничен, как и в Уложении, недель, а в 1700 г. и вовсе отменен, однако, не видно, чтобы эти правила выполнялись. Назначение сроков судьями было исключением [28, 26; 27; 38; 17; 14; 24; 72, гл. X. Ст. 229; 51, с. 20, 24, 63].

Неявка в указной срок либо срок, избранный сторонами (неисполнение добровольно взятого обязательства), влекла обвинение (потерю иска) «без суда» независимо от того, оговорено это в срочной (обычный порядок) или нет, во всех делах, кроме «крепостных» (в практике это ограничение учитывалось не всегда). Льготный режим (обвинение после трех неявок) был установлен для иногородних ответчиков [72, гл. X. ст. 109–111; 31; 23; 51, с. 9, 20, 23, 44, 139–140, 160; 50, с. 206–207]. «На нет – и суда нет» (то есть истец или ответчик обвиняются без судебного разбирательства) – так лаконично выразился народ. Смысл этой поговорки прямо противоположен тому, который сегодня в него вкладывается. Виновная в отсутствии стороны не освобождалась от ответственности (от осуждения), а напротив, обвинялась без обязательной во всех прочих случаях процедуры, то есть без «суда». Под «судом» в узком процессуальном значении термина подразумевалась определенная стадия судопроизводства, на которой стороны перед судьей знакомились с иском (ответчик), определяли окончательно свои позиции и полный (дополнения после «суда» были запрещены законом) перечень доказательств по делу (истец и ответчик). После «суда» в узком процессуальном значении наступала стадия «сыск» – исследования доказательств – отсюда постоянное выражение в Соборном уложении и последующих актах: «по суду и сыску».

В розыском процессе выбор сроков зависел от судей, и только отсутствие истца вынуждало на некоторое время отложить производство. Вопрос о начале судопроизводства в армейских судах был отнесен к ведению суда.

Другой распространенной формой определения сроков судопроизводства были «любовные отсрочные (пересрочные) сказки». Они подавались на любой стадии процесса, чаще – до «суда» и представляли собой обычно совместное заявление сторон о переносе производства на определенный срок. Обычная цель – окончить дело миром, сохранив до этого право продолжить судебный процесс, «не убыточиться зря», если «вершение дела» затянулось. Количество отсрочек и их продолжительность зависела лишь от усмотрения сто-

рон. Ответственность за неявку в срок (обычно указываемая в «отсрочной», иногда в двойном размере) – обвинение «тем сроком», как по начатому делу, так и по делу, в котором еще не было даже «суда» («допроса» [4]), даже «в крепостных делах» (что было запрещено Уложением) [72, гл. X. ст. 108–109, 113, 114; 12; 18; 26; 36; 29; 2, 223; 3, 342; 51, с. 14–15, 21, 30–31, 33, 44, 46, 70, 93, 103, 115, 164; 46, с. 130–132].

Средством регистрации участниками процесса своего присутствия по вызову, после отсрочки и т.п. являлась «ставочная» челобитная («сказка», «ставка»). Она подавалась в суд с просьбой записать челобитие и «ставку», а при отсутствии соперника – обвинить его неявкой (вторая часть могла подаваться в виде отдельного челобития). Деятельность суда, и в том числе обвинение неявкой, начисление проести и волокиты за определенный срок напрямую зависела от активности сторон, одной из форм выражения которой являлись «ставки». Процедура их регистрации в связи с важным процессуальным значением так же тщательно разработана, как и для других документов [72, гл. X. ст. 130; 21; 20; 29; 37; 38; 30; 35; 34; 2, 209; 3, 369; 43, с. 88; 51, с. 6, 8, 9, 30, 44, 67, 69, 140, 164; 8, 360, 361].

Анализ средств обеспечения участия сторон в судопроизводстве во второй половине XVII в. показывает их недостаточную эффективность, массовые злоупотребления сторонами своим процессуальными гарантиями (жалобы об этом практически постоянно встречаются в документах эпохи) и неповоротливость приказной системы управления и суда. Знаменитая «московская волокита» помимо общих причин вызывалась также и особенностями судопроизводства, и в том числе обязательным постоянным присутствием сторон и поддержанием ими активности суда. Неудивительно, что общей тенденцией развития процессуального права и судебной практики второй половины XVII – начала XVIII вв. стало ужесточение средств обеспечения участия сторон в процессе, стремление ограничить свободу сторон в выборе сроков судебного разбирательства, усилить роль суда в процессе. Изменение роли поручительства, узаконенное в 1723 г., наиболее явно указывало на то, что не только розыскное, но и состязательное судопроизводство всё менее считается частным делом тяжущихся. Свою роль в этом сыграла и очевидная неприязнь Петра I ко всякого рода процессуальным «излишествам». В то же время, исследование истории судопроизводства показывает безу-

спешность попыток повысить эффективность судопроизводства за счет процессуальных прав сторон, за счет упрощения и унификации всего судопроизводства и, тем более, подгонки

всего многообразия дел под одну модель процесса без учета сложившейся на протяжении веков судебной практики.

Литература

1. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. I. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1857. 399 с.
2. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. II. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1864. 446 с.
3. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. III. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1884. 272 р.
4. Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России // Актуальные проблемы российского права. 2016. №11. С. 11–18.
5. Батиев Л. В. Указ 5 ноября 1723 г. и реформа судопроизводства в России // Вопросы правоведения. 2016. №2. С. 364–383.
6. Боярский приговор 3 ноября 1706 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). Т. Собрание первое. 1830. IV. №2122.
7. Боярский приговор 6 мая 1698 г. // ПСЗ. Т. III. №1631.
8. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. Т. I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. М.-Л.: АН СССР, 1945. 602 с.
9. Дмитриев Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях / Сочинения Ф. М. Дмитриева. Т. I. М.: Т-во Тип. А. И. Мамонтова, 1899. 588 с.
10. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого / под ред. Н. Ф. Дубровина. Т. 5. Кн. 1 (январь – июнь 1715 г.). СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1892. 584 с.
11. Именной указ 10 сентября 1691 г. // ПСЗ. Т. III. №1414.
12. Именной указ 10 января 1651 г. // ПСЗ. Т. I. №57.
13. Именной указ 16 февраля 1700 г. // ПСЗ. Т. IV. №1761.
14. Именной указ 19 июля 1700 г. // ПСЗ. Т. IV. №1806.
15. Именной указ 20 октября 1653 г. // ПСЗ. Т. I. №105.
16. Именной указ 21 февраля 1697 г. // ПСЗ. Т. III. №1572.
17. Именной указ 24 декабря 1699 г. // ПСЗ. Т. III. №1737.
18. Именной указ 25 октября 1682 г. // ПСЗ. Т. II. №962.
19. Именной указ 4 декабря 1699 г. // ПСЗ. Т. III. №1726.
20. Именной указ 4 ноября 1653 г. // ПСЗ. Т. I. №109.
21. Именной указ 4 февраля 1653 г. // ПСЗ. Т. I. №90.
22. Именной указ 5 ноября 1723 г. // ПСЗ. Т. VII. №4344.
23. Именной указ 7 октября 1697 г. // ПСЗ. Т. III. №1597.
24. Именной указ 8 декабря 1718 г. // ПСЗ. Т. V. №3251.
25. Именной указ с боярским приговором 17 ноября 1678 г. // ПСЗ. Т. II. №740.
26. Именной указ с боярским приговором 19 января 1686 г. // ПСЗ. Т. II. №1156.
27. Именной указ с боярским приговором 22 января 1686 г. // ПСЗ. Т. II. №1158.
28. Именной указ с боярским приговором 23 декабря 1685 г. // ПСЗ. Т. II. №1146.
29. Именной указ с боярским приговором 24 апреля 1686 г. // ПСЗ. Т. II. №1185.
30. Именной указ с боярским приговором 26 мая 1690 г. // ПСЗ. Т. III. №1377.
31. Именной указ с боярским приговором 27 марта 1688 г. // ПСЗ. Т. II. №1290.
32. Именной указ с боярским приговором 27 января 1690 г. // ПСЗ. Т. III. №1363.
33. Именной указ с боярским приговором 28 ноября 1686 г. // ПСЗ. Т. II. №1222.
34. Именной указ с боярским приговором 3 января 1691 г. // ПСЗ. Т. III. №1393.
35. Именной указ с боярским приговором 30 ноября 1690 г. // ПСЗ. Т. III. №1386.
36. Именной указ с боярским приговором 4 марта 1686 г. // ПСЗ. Т. II. №1172.
37. Именной указ с боярским приговором 6 апреля 1690 г. // ПСЗ. Т. III. №1369.
38. Именной указ с боярским приговором 7 апреля 1690 г. // ПСЗ. Т. III. №1369.
39. Именной указ, данный Разряду 16 марта 1697 г. // ПСЗ. Т. III. №1576.
40. Именной указ, объявленный боярином Головиным 31 декабря 1704 г. // ПСЗ. Т. IV. №2006.
41. Именной указ, объявленный Разбойному приказу стольником Извольским 13 августа 1689 г. // ПСЗ. Т. II. №1345.
42. Именной указ, объявленный Разряду боярином Стрешневым 19 июля 1698 г. // ПСЗ. Т. III. №1638.
43. Лебедев Д. Собрание историко-юридических актов К. Д. Беляева. М.: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, 1881. 95 с.
44. Маньков А. Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1960. 271 с.
45. Михайлов М. М. Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов. СПб.: А. Смирдин (сын), 1856. 204 с.
46. Мрочек-Дроздовский П. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. М.: Университетская типография М. Н. Каткова, 1876. 350 с.
47. Никонов С. Поручительство в его историческом развитии по русскому праву. СПб.: Т-во экон. типо-лит. Панфилова и Палибина, 1895. 216 с.

48. Новоуказные статьи 22 января 1669 г. // ПСЗ. Т. I. № 431.
49. Памятники русского права. Выпуск VI. М.: Госюриздат, 1957. 512 с.
50. Победоносцев К. П. Историко-юридические акты. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1887. 294 с.
51. Победоносцев К. П. Материалы для истории приказного судопроизводства в России. М.: Университетская типография, 1890. 175 с.
52. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: АН СССР, 1951. 411 с.
53. Приговор окольничих и дьяков, апреля 1669 г. // ПСЗ. Т. I. № 448.
54. Розенгейм М. П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб.: Тип. М. Эттингера, 1878. 376 с.
55. Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 233. Д. 166.
56. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3790.
57. РГАДА. Ф. 900. Оп. 1. Д. 42.
58. РГАДА. Ф. 900. Оп. 1. Д. 64.
59. РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 4. Д. 21663.
60. РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 4. Д. 21649.
61. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3801. Л. 2;
62. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3792. Л. 4 об.
63. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3797. Л. 3 об.
64. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3799. Л. 2.
65. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3801. Л. 2-2 об.
66. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3806. Л. 3, 4.
67. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3795. Л. 4-4 об.
68. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3789. Л. 4 об.-6.
69. РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3791. Л. 1-1 об.
70. Сенатский указ 24 апреля 1713 г. // ПСЗ. Т. V. № 2670.
71. Смирнов А. Предварительный арест и заключение. Очерк из истории русского уголовного процессуального права // Юридический вестник. 1878. № 9. Сентябрь. С. 236–283.
72. Соборное уложение // ПСЗ. Т. I. № 1.
73. Судные статьи 11 ноября 1685 г. // ПСЗ. Т. II. № 1140.
74. Тельберг Г. Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в. М.: Тип. Моск. императорского ун-та, 1912. 342 с.

References

1. Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta drevnej Rossii (*Acts Relating To The Legal Life Of Ancient Russia*). Vol. I. St. Petersburg, 1857. 399 p. (In Russian).
2. Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta drevnej Rossii (*Acts Relating To The Legal Life Of Ancient Russia*). Vol. II. St. Petersburg, 1864. 446 p. (In Russian).
3. Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta drevnej Rossii (*Acts Relating To The Legal Life Of Ancient Russia*). Vol. III. St. Petersburg, 1884. 272 p. (In Russian).
4. Batiev L. V. Ukaz 21 fevralya 1697 g. i reforma sudoproizvodstva v Rossii (*Decree of February 21, 1697 And The Reform Of The Judicature In Russia*) // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. No. 11. P. 11–18. (In Russian).
5. Batiev L. V. Ukaz 5 noyabrya 1723 g. i reforma sudoproizvodstva v Rossii (*Decree of November 5, 1723 And The Reform Of The Judicial Procedure In Russia*) // Voprosy pravovedeniya. 2016. No. 2. P. 364–383. (In Russian).
6. Boyarskij prigovor 3 noyabrya 1706 g. (*Boyar Sentence On November 3, 1706*) // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ). Sobranie pervoe. St. Petersburg, 1830. Vol. IV. No. 2122. (In Russian).
7. Boyarskij prigovor 6 maya 1698 g. (*Boyar Sentence On May 6, 1698*) // PSZ. Vol. III. No. 1631. (In Russian).
8. Voskresenskij N. A. Zakonodatel'nye akty Petra I (*Legislative Acts Of Peter I*). Vol. I. Redakcii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostrannye istochniki. Moscow – Leningrad, 1945. 602 p. (In Russian).
9. Dmitriev F. M. Istoriya sudebnyh instancij i grazhdanskogo apellyacion-nogo sudoproizvodstva ot Sudebnika do Uchrezhdeniya o guberniyah (*The History Of Courts And Civil Appeals Court Proceedings From The Code Of Law To The Institution Of Provinces*) / Sochineniya F. M. Dmitrieva. Vol. I. Moscow, 1899. 588 p. (In Russian).
10. Doklady i prigovory, sostoyavshiesya v Pravitel'stvuyushchem Senate v carstvovanie Petra Velikogo (*Reports And Sentences Held In The Government Senate In The Reign Of Peter The Great*) / ed. by N. F. Dubrovin. St. Petersburg, 1892. Vol. 5. Book. 1. 584 p. (In Russian).
11. Imennoj ukaz 10 sentyabrya 1691 g. (*The Nominal Decree Of September 10, 1691*) // PSZ. Vol. III. No. 1414. (In Russian).
12. Imennoj ukaz 10 yanvarya 1651 g. (*The Nominal Decree Of January 10, 1651*) // PSZ. Vol. I. No. 57. (In Russian).
13. Imennoj ukaz 16 fevralya 1700 g. (*The Nominal Decree Of February 16, 1700*) // PSZ. Vol. IV. No. 1761. (In Russian).
14. Imennoj ukaz 19 iyulya 1700 g. (*The Nominal Decree Of July 19, 1700*) // PSZ. Vol. IV. No. 1806. (In Russian).
15. Imennoj ukaz 20 oktyabrya 1653 g. (*The Nominal Decree Of October 20, 1653*) // PSZ. Vol. I. No. 105. (In Russian).
16. Imennoj ukaz 21 fevralya 1697 g. (*The Nominal Decree Of February 21, 1697*) // PSZ. Vol. III. No. 1572. (In Russian).
17. Imennoj ukaz 24 dekabrya 1699 g. (*The Nominal Decree Of December 24, 1699*) // PSZ. Vol. III. No. 1737. (In Russian).
18. Imennoj ukaz 25 oktyabrya 1682 g. (*The Nominal Decree Of October 25, 1682*) // PSZ. Vol. II. No. 962. (In Russian).
19. Imennoj ukaz 4 dekabrya 1699 g. (*The Nominal Decree Of December 4, 1699*) // PSZ. Vol. III. No. 1726. (In Russian).
20. Imennoj ukaz 4 noyabrya 1653 g. (*The Nominal Decree Of November 4, 1653*) // PSZ. Vol. I. No. 109. (In Russian).

21. Imennoj ukaz 4 fevralya 1653 g. (*The Nominal Decree Of February 4, 1653*) // PSZ. Vol. I. No. 90. (In Russian).
22. Imennoj ukaz 5 noyabrya 1723 g. (*The Nominal Decree Of November 5, 1723*) // PSZ. Vol. VII. No. 4344. (In Russian).
23. Imennoj ukaz 7 oktyabrya 1697 g. (*The Nominal Decree Of November 5, 1723*) // PSZ. Vol. III. No. 1597. (In Russian).
24. Imennoj ukaz 8 dekabrya 1718 g. (*The Nominal Decree Of December 8, 1718*) // PSZ. Vol. V. No. 3251. (In Russian).
25. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 17 noyabrya 1678 g. (*The Nominal Decree Of December 8, 1718*) // PSZ. Vol. II. No. 740. (In Russian).
26. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 19 yanvarya 1686 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of January 19, 1686*) // PSZ. Vol. II. No. 1156. (In Russian).
27. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 22 yanvarya 1686 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of January 22, 1686*) // PSZ. Vol. II. No. 1158. (In Russian).
28. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 23 dekabrya 1685 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of December 23, 1685*) // PSZ. Vol. II. No. 1146. (In Russian).
29. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 24 aprelya 1686 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of April 24, 1686*) // PSZ. Vol. II. No. 1185. (In Russian).
30. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 26 maya 1690 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of May 26, 1690*) // PSZ. Vol. III. No. 1377. (In Russian).
31. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 27 marta 1688 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of March 27, 1688*) // PSZ. Vol. II. No. 1290. (In Russian).
32. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 27 yanvarya 1690 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of January 27, 1690*) // PSZ. Vol. III. No. 1363. (In Russian).
33. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 28 noyabrya 1686 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of November 28, 1686*) // PSZ. Vol. II. No. 1222. (In Russian).
34. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 3 yanvarya 1691 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of January 3, 1691*) // PSZ. Vol. III. No. 1393. (In Russian).
35. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 30 noyabrya 1690 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of November 30, 1690*) // PSZ. Vol. III. No. 1386. (In Russian).
36. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 4 marta 1686 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of March 4, 1686*) // PSZ. Vol. II. No. 1172. (In Russian).
37. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 6 aprelya 1690 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of April 6, 1690*) // PSZ. Vol. III. No. 1369. (In Russian).
38. Imennoj ukaz s boyarskim prigovorom 7 aprelya 1690 g. (*The Nominal Decree With A Boyar Sentence Of April 7, 1690*) // PSZ. Vol. III. No. 13692. (In Russian).
39. Imennoj ukaz, dannyj Razryadu 16 marta 1697 g. (*The Nominal Decree Given To The Razryad on March 16, 1697*) // PSZ. Vol. III. No. 1576. (In Russian).
40. Imennoj ukaz, ob»yavlenyj boyarinom Goloviny 31 dekabrya 1704 g. (*The Nominal Decree Issued By Boyar Golovin On December 31, 1704*) // PSZ. Vol. IV. No. 2006. (In Russian).
41. Imennoj ukaz, ob»yavlenyj Razbojnomu prikazu stol'nikom Izvol'skim 13 avgusta 1689 g. (*The Nominal Decree, Declared To The Robbery Order By The Stol'nik Izvol'sky On August 13, 1689*) // PSZ. Vol. II. No. 1345. (In Russian).
42. Imennoj ukaz, ob»yavlenyj Razryadu boyarinom Streshnevym 19 iyulya 1698 g. (*A Decree Issued By Boyar Streshnev To The Razryad On July 19, 1698*) // PSZ. Vol. III. No. 1638. (In Russian).
43. Lebedev D. Sobranie istoriko-yuridicheskikh aktov K. D. Belyaeva (*Collection Of Historical And Legal Acts Of K. D. Belyaeva*). Moscow, 1881. 95 p. (In Russian).
44. Man'kov A. G. Ulozhenie 1649 goda. Kodeks feodal'nogo prava Rossii (*The Code Of 1649. Code Of Feudal Law Of Russia*). Leningrad: Nauka, 1960. 271 p. (In Russian).
45. Mihajlov M. M. Russkoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo v istoricheskom ego razvitii ot Ulozheniya 1649 goda do izdaniya Svoda zakonov (*Russian Civil Legal Proceedings In Its Historical Development From The Code Of 1649 To The Publication Of The Code Of Laws*). St.Petersburg, 1856. 204p. (In Russian).
46. Mrochek-Drozdovskij P. Oblastnoe upravlenie Rossii XVIII veka do uchre-zhdeniya o guberniyah 7 noyabrya 1775 goda (*Regional Administration Of Russia Of The XVIII Century Before The Establishment Of The Provinces On November 7, 1775*). Moscow, 1876. 350 p. (In Russian).
47. Nikonov S. Poruchitel'stvo v ego istoricheskom razvitii po russkomu pravu (*Surety In Its Historical Development According To The Russian Law*). St.Petersburg, 1895. 216 p. (In Russian).
48. Novoukaznye stat'i 22 yanvarya 1669 g. (*New-Decree Articles Of January 22, 1669*) // PSZ. Vol. I. No. 431. (In Russian).
49. Pamyatniki russkogo prava (*Monuments Of Russian Law*). Issue. VI. Moscow, 1957. 512 p. (In Russian).
50. Pobedonoscev K. P. Istoriiko-yuridicheskie akty (*Historical And Legal Acts*). Moscow, 1887. 294 p. (In Russian).
51. Pobedonoscev K. P. Materialy dlya istorii prikaznogo sudoproizvodstva v Rossii (*Materials For The History Of Court Proceedings In Russia*). Moscow, 1890. 175 p. (In Russian).
52. Pososhkov I. T. Kniga o skudosti i bogatstve i drugie sochineniya (*A Book on Poverty And Wealth And Other Works*). Moscow, 1951. 411 p. (In Russian).
53. Prigovor okol'nichih i d'yakov, aprelya 1669 g. (*The Verdict Of The Okolnichi And Deacons, April 1669*) // PSZ. Vol. I. No. 448. (In Russian).
54. Rozengejm M. P. Ocherk istorii voenno-sudnyh uchrezhdenij v Rossii do konchiny Petra Velikogo (*Essay Of The History Of Military- Courts Institutions In Russia Until The Death Of Peter The Great*). SPb., 1878. 376 p. (In Russian).
55. The Russian State Archives of the Navy. F. 233. D. 166. (In Russian).
56. The Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 371. Inv. 1. CH. 2. D. 3790. (In Russian).

57. RGADA. F. 900. Inv. 1. D. 42. (In Russian).
58. RGADA. F. 900. Inv. 1. D. 64. (In Russian).
59. RGADA. F. 282. Inv.1. CH. 4. D. 21663. (In Russian).
60. RGADA. F. 282. Inv.1. CH. 4. D. 21649. (In Russian).
61. RGADA. F. 371. Inv. 1. CH. 2. D. 3801. (In Russian).
62. RGADA. F. 371. Inv. I. CH. 2. D. 3792. (In Russian).
63. RGADA. F. 371. Inv. I. CH. 2. D. 3797. (In Russian).
64. RGADA. F. 371. Inv. I. CH. 2. D. 3799. (In Russian).
65. RGADA. F. 371. Inv. I. CH. 2. D. 3801. (In Russian).
66. RGADA. F. 371. Inv. I. CH. 2. D. 3806. (In Russian).
67. RGADA. F. 371. Inv. I. CH. 2. D. 3795. (In Russian).
68. RGADA. F. 371. Inv. I. CH. 2. D. 3789. (In Russian).
69. RGADA. F. 371. Inv. I. CH. 2. D. 3791. (In Russian).
70. Senatskij ukaz 24 aprelya 1713 g. (*The Senate Decree of April 24, 1713*) // PSZ. Vol. V.No. 2670. (In Russian).
71. Smirnov A. Predvaritel'nyj arest i zaklyuchenie. Ocherk iz istorii russkogo ugovnogo processual'nogo prava (*Preliminary Arrest And Detention. An Essay From The History Of Russian Criminal Procedural Law*) // Yuridicheskij vestnik. 1878. No. 9. P.236 – 283. (In Russian).
72. Sobornoe ulozhenie (*The Sobor Code*) // PSZ. Vol. 1. No. 1. (In Russian).
73. Sudnye stat'i 11 noyabrya 1685 g. (*Judicial Articles Of November 11, 1685*) // PSZ. Vol. II. No. 1140. (In Russian).
74. Tel'berg G. G. Ocherki politicheskogo suda i politicheskikh prestuplenij v Moskovskom gosudarstve XVII v. (*Essays On Political Court And Political Crimes In The Moscow State Of The XVII Century*). Moscow, 1912. 342 p. (In Russian).

УДК 342.92

М. А. Вербицкая, Т. Б. Светличная

НЕЦЕЛЕВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Административная ответственность является самым распространенным видом юридической ответственности, применяемым за нарушения в области земельного законодательства; ее реализация на практике преследует цель поддержания в государстве должного земельного правопорядка и обеспечения тем самым рационального использования земель в Российской Федерации.

Одним из наиболее часто встречающихся нарушений в этой сфере является использование земельных участков не по целевому назначению, ответственность за которое законодателем определена в ст. 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Однако на сегодняшний день субъекты административной юрисдикции при осуществлении производства по данному правонарушению зачастую сталкиваются с такой ситуацией, когда законодательство в области административной ответственности «не успевает» за изменениями земельного законодательства. Следует отметить также и некоторое терминологическое несоответствие поло-

жений административного и земельного законодательства, что также приводит к определенным трудностям в правоприменительной практике.

В статье освещаются проблемные вопросы, связанные с осуществлением землепользования не в соответствии с правовым режимом (установленной категорией земель и разрешенным использованием), выявляются и анализируются «пробелы» административно-деликтного законодательства, с которыми сталкиваются правоприменители при привлечении к административной ответственности за использование земельных участков не по целевому назначению, и обосновывается необходимость совершенствования отдельных положений земельного законодательства и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: земельный участок, целевое назначение, разрешенное использование, Земельный кодекс Российской Федерации, административная ответственность, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

M. A. Verbitskaya, T. B. Svetlichnaya

MISUSE OF LAND: SOME CHALLENGES OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Administrative responsibility is the most common type of legal liability applied for violations in the field of land legislation; its implementation in practice aims to maintain the proper land law and order in the state and thereby ensure the rational use of land in the Russian Federation.

One of the most frequent violations in this sphere is the use of land plots for unauthorized purpose, the responsibility for which is defined by the legislator in Art. 8.8 of the code of the Russian Federation on administrative offences.

However, currently in the implementation of production on the offense the subjects of administrative jurisdiction often face the situation, when the legislation on administrative responsibility does to catch up with the changes introduced to land legislation. It should also be noted that there is some terminology

inconsistency between the provisions of administrative and land legislation that also leads to certain difficulties in law enforcement.

The article highlights the problematic issues related to the implementation of land use not in accordance with the legal regime (established category of land and permitted use), identifies and analyzes the gap in administrative-tort legislation faced by law enforcement officers in bringing to administrative responsibility for the use of land for other than its intended purpose, and substantiates the need to improve certain provisions of land legislation and the Code of the Russian Federation on administrative offences.

Key words: land plot, purpose, permitted use, Land code of the Russian Federation, administrative responsibility, Code of the Russian Federation on administrative offences.

На современном этапе развития российского общества одним из самых распространенных видов юридической ответственности, применяемым в связи с нарушениями земельного законодательства, является административная ответственность. Согласно официальной информации Росреестра, доля административных правонарушений в общем массиве нарушений земельного законодательства составляет 69 % [8]. К наиболее часто встречающемуся нарушению в области земельного законодательства следует отнести использование земельных участков не по целевому назначению, ответственность за которое законодательством определена в ст. 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

Указанное обстоятельство определяет повышенный интерес ученых к данной проблематике. Следует отметить, что исследованию области государственного регулирования земельных отношений посвятили свои труды такие ученые, как С. А. Боголюбов, А. А. Варламов, Г. А. Волков, Е. А. Галиновская, Б. В. Ерофеев, И. А. Иконицкая, Е. А. Сухова, Т. Т. Тагиров и многие другие.

Проблемные вопросы ответственности за экологические правонарушения освещались в работах В. Г. Абрамова, Ю. П. Амелина, Л. А. Деревянко, Э. Н. Жевлакова, В. С. Елисева, М. В. Кочерги, В. Д. Симухина, В. В. Федорова, Д. В. Якунина и других.

Вместе с тем, несмотря на достаточную теоретическую проработку различных аспектов государственного регулирования земельных отношений и института административной ответственности в целом, в отдельности вопрос об особенностях административной ответственности за использование земельных участков не по целевому назначению комплексно не рассматривался.

Ответственность за вышеуказанное правонарушение предусматривается в ч.ч. 1, 2, 2.1, 3 ст. 8.8 КоАП РФ.

Объектом всех незаконных деяний, содержащихся в ст. 8.8 КоАП РФ, являются общественные отношения, которые возникают в сфере рационального использования и охраны земель.

Объективная сторона правонарушения, указанного в ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ, представляет собой деяние, связанное с использованием земельного участка не по целевому назначению, т.е. по своей сути лицо осуществляет землепользование, не соблюдая правовой режим (установленную категорию земель и разрешенное использование), который определяется компетентным органом.

В ч. 1 ст. 7 Земельного Кодекса РФ (далее – ЗК РФ) [5] законодатель устанавливает, что в Российской Федерации (далее – РФ) все земли подразделены на определенные категории: сельскохозяйственного назначения; населенных пунктов, промышленности, энергетики, транспорта, связи, радиовещания, телевидения, информатики, для обеспечения космической деятельности, обороны, безопасности и иного специального назначения, особо охраняемых территорий и объектов; лесного фонда; водного фонда; запаса.

Согласно ч. 2 ст. 7 ЗК РФ эти земли используются в соответствии с установленным для них целевым назначением; их правовой режим земель определяется с учетом принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий. То есть, законодатель определил обязанность лиц использовать имеющиеся земли, во-первых, согласно целевого назначения, и во-вторых, одновременно в строгом соответствии с разрешенным использованием.

В этой связи обращаем внимание на следующую проблему. Как отмечает Е. А. Галиновская, нет оснований для привлечения к ответственности, когда в кадастровых (правоустанавливающих) документах не указана категория земель [2]. Также очевидно, что уточнить, к какой конкретно категории земель будут относиться многие земельные участки, предоставленные в пользование 30–50 лет назад, будет крайне затруднительно.

Параллельно с этим в некоторых регионах складывается мнение о том, что необязательно точно устанавливать категорию земель для земельного участка. Соответственно, процедуры, которые официально закреплены Федеральным законом от 21 декабря 2004 г. №172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» [14] и призваны обеспечить четкое определение категории земель, не всегда точно выполняются. Кроме того, согласно положений п.п. 3, 4 ч. 5 ст. 8 Федерального закона от 13 июля 2015 г. №218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [15] сведения о категории земель и виде (видах) разрешенного использования земельного участка являются дополнительными, и именно ввиду этого эти сведения зачастую не вносятся в учетные кадастровые документы или их категория устанавливается с различными нарушениями.

В этой связи следует обратить внимание на существующее противоречие между административно-деликтным законодательством

и законодательством о регистрации недвижимости: при существовании норм, позволяющих привлекать виновных к ответственности за пользование земельным участком, не учитывая его принадлежности к определенной категории, законодателем фактически допускается образование земельного участка без четкого установления категории земель.

Субъекту административной юрисдикции привлечь к ответственности за данное нарушение становится крайне затруднительно. Следует согласиться с мнением И. А. Елисеевой, что на сегодняшний день содержание понятия «разрешенное использование» ни в земельном законодательстве, ни в юридической науке не раскрыто [4, с. 26].

Однако, понятие «разрешенное использование земельных участков» содержится в Градостроительном кодексе РФ (далее – ГСР РФ) [3], но применительно к градостроительству. Так, если дать систематическое толкование п. 9 ст. 1, ч.ч. 2 и 6 ст. 30 ГСР РФ, то разрешенное использование земельных участков и иных объектов недвижимости в градостроительстве – это: использование названных объектов в соответствии с градостроительным регламентом; ограничения на их использование, установленные в соответствии с законодательством РФ, а также сервитуты.

В то же время ст. 7 ЗК РФ, как отмечают отдельные исследователи, сконструирована некорректно [6, с. 128]. Дело в том, что зонированию в настоящее время подлежат в основном земли населенных пунктов. На это еще 10 лет назад указывал А. П. Анисимов. В частности, он писал: «...Целевое назначение установлено земельным законодательством для всех категорий земель, которые указаны в ст. 7 ЗК РФ, а разрешенное использование земельных участков, конкретизирующее их целевое назначение в составе отдельных категорий и субкатегорий земель, определено правилами землепользования и застройки в порядке, который устанавливает градостроительное законодательство. Очевидно, что часть земельного фонда страны выпадает из сферы действия конструкции разрешенного использования» [1]. Относительно определенным оказывается и зонирование земель лесного фонда (Лесным кодексом РФ только предполагается разработка лесохозяйственных регламентов).

В этой связи на практике могут возникнуть определенные затруднения. В качестве примера можно назвать способ разрешенного использования земель сельскохозяйственного назначения и, в т.ч., сельскохозяйственных угодий,

т.к. перевести один вид в другой (к примеру, пашню – в пастбище и наоборот) нормами земельного законодательства не запрещается. Вместе с тем, в некоторых регионах нашей страны неурегулированность этой ситуации может привести к достаточно серьезным негативным экологическим последствиям.

К примеру, в восточных районах Ставропольского края, отмечает М. В. Кочерга, отдельными арендаторами пастбищ произведено распахивание их под посадку овощных культур, вследствие чего произошла ветровая эрозия и, следовательно, опустынивание земель. Но, т.к. к тому времени сроки аренды истекли, то самих арендаторов привлечь к ответственности не представилось возможным [6, с. 129–130].

Отсутствие дефиниции «разрешенное использование» в земельном законодательстве вызывает сложности даже у должностных лиц, осуществляющих земельный надзор. В данной связи интересна выдержка из судебного решения от 11.08.2014 г.: «...В материалах дела указывается, что земельные участки с кадастровыми номерами <данные изъяты> и <данные изъяты> отнесены к категории земель: земли населенных пунктов. Земельный участок № <данные изъяты> предназначен для использования под автостоянку. Земельный участок № <данные изъяты> предназначен для проектирования и реконструкции АЗС под автомойку с кафе.

Судом установлено, что указанные выше земельные участки расположены в территориальной зоне Р-2 «Зона городских территорий общего пользования». В соответствии со статьей 62 Решения Ставропольской городской Думы от 27.10.2010 г. № 97 «Об утверждении Правил землепользования и застройки города Ставрополя» одним из основных видов разрешенного использования недвижимости в такой зоне является обслуживание населения и мелкорозничной торговли. Одним из вспомогательных видов разрешенного использования являются: объекты, которые предназначены для обслуживания, эксплуатации и благоустройства территорий общего пользования, в т.ч. автостоянки, расположенные в границах земельного участка объекта. Заявитель представил в материалы дела разрешения на строительство здания автостоянки и на реконструкцию АЗС с кафе под автомойку с кафе. Указанные материалы доказывают факт использования земельных участков № <данные изъяты> и № <данные изъяты> в соответствии с разрешенным использованием. Кроме того, судом установлено, что данные земельные участки переданы заявителем в аренду с обя-

зыванием арендатора соблюдать правила использования земельных участков...

На основании изложенного суд приходит к выводу, что из представленных в материалах дела документов об административных правонарушениях заключение о допущенных заявителем нарушениях сделать невозможно. При таких обстоятельствах суд приходит к выводу о том, что инспектор не представил бесспорных доказательств, свидетельствующих о наличии в действиях заявителя правонарушения, которое предусматривается в ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ» [7].

Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.8 КоАП РФ, включает в себя деяние, связанное с неиспользованием земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, оборот которого регулируют нормы Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [12], для ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с названным производством деятельности в течение срока, определенного этим Законом, за исключением случая, предусмотренного частью 2.1 этой же статьи.

Признаки, по которым определяется факт неиспользования земельного участка, изложены в соответствующем Постановлении Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 369 [11]. Среди них перечисляются такие, как:

- на пашне не производятся работы по возделыванию сельскохозяйственных культур и обработке почвы;
- на сенокосах не производится сенокошение;
- на культурных сенокосах содержание сорных трав в структуре травостоя превышает 30 % площади земельного участка;
- на пастбищах не производится выпас скота и др.;

Очевидно, что вопрос установления критериев неиспользования сельскохозяйственных земель разрешен только частично, сами же признаки сформулированы весьма обобщенно.

Вместе с тем, указанные признаки учитываются субъектами административной юрисдикции при квалификации нарушений земельного законодательства по ч. 2 ст. 8.8 КоАП РФ.

Так, сотрудниками Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (далее – Россельхознадзор) по Ставропольскому краю и Карачаево-Черкесской Республике 24.08.2016 г. было вынесено постановление о привлечении ООО МФПО «Курсавское» к ответственности за выявленный факт неиспользования земельного участка сельскохозяйственного назначения [10].

Ранее государственным инспектором отдела государственного земельного надзора Управления Россельхознадзора по Ставропольскому краю и Карачаево-Черкесской Республике на части земельного участка сельскохозяйственного назначения с кадастровым номером 26:17:0:0097, находящегося в аренде у ООО МФПО «Курсавское», был установлен факт нарушения земельного законодательства.

В ходе осмотра установлено, что часть участка площадью 16,72 га не используется для сельскохозяйственного производства предположительно в течение 5 лет, о чем свидетельствует наличие древесно-кустарниковой растительности, а также плотного травяного покрова естественного происхождения.

По факту выявленных нарушений ст.ст. 13, 42 ЗК РФ в отношении ООО МФПО «Курсавское» был составлен протокол по ч. 2 ст. 8.8 КоАП РФ.

Аналогичное правонарушение ранее было выявлено этим же надзорным органом при проведении проверки 12.07.2016 г.: был установлен факт неиспользования земельного участка сельскохозяйственного назначения для сельскохозяйственного производства, площадью 3,84 га, расположенном в Советском районе Ставропольского края в 2 км на северо-восток от села Нины.

В результате осмотра территории установлено, что данный земельный участок длительное время не обрабатывается (предположительно более 5 лет), признаками чего является отсутствие следов механической обработки почвы, высокая засоренность участка сорными растениями. Выращивание сельскохозяйственных культур на земельном участке также не осуществляется, что свидетельствует о неиспользовании земельного участка.

По данному факту в отношении собственника – гражданина Язылова Э.Т. составлен протокол о правонарушении по ч. 2 ст. 8.8 КоАП РФ [10].

Предметом данного правонарушения является индивидуализированный земельный участок, состоящий из земель, имеющих сельскохозяйственное назначение. Примечательно, что положениями п. 2 ч. 1 ст. 1 ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» определяется: действие этого Закона не распространяется на относящиеся к землям сельскохозяйственного назначения садовые, огородные, дачные земельные участки, земельные участки, предназначенные для ведения личного подсобного хозяйства, гаражного строительства (в т.ч. и индивидуального га-

ражного строительства), а также на земельные участки, на которых расположены объекты недвижимого имущества. Оборот указанных земельных участков регулируется в ЗК РФ.

Эти положения приоритетны для осуществления квалификации деяний, которые совершаются в отношении земель сельскохозяйственного назначения. Дело в том, что относительно недавно большая часть земель находилась в общей долевой собственности собственников земельных долей, эти доли в натуре не выделялись, а право пользования этими условными долями было передано в аренду различным сельскохозяйственным предприятиям. Часть земель использована не была, но, привлечь конкретное лицо к ответственности не представлялось возможным. В соответствии с ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в настоящий период начался процесс, связанный с выделением отдельных земельных участков в счет земельных долей в натуральном виде (на местности) и, скорей всего, в дальнейшем эта норма ст. 8.8 КоАП РФ будет востребована. На данный момент по этому составу к административной ответственности в основном привлекают юридических лиц и фермеров, поскольку последние владеют конкретными (индивидуально-определенными) земельными участками.

Объективной стороной деяния, предусмотренного ч. 2.1 ст. 8.8 КоАП РФ, является неиспользование земельного участка из земель сельскохозяйственного назначения, оборот которого регулируют нормы Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», по целевому назначению в течение одного года с момента возникновения права собственности, если такой земельный участок приобретен по результатам публичных торгов на основании решения суда о его изъятии в связи с неиспользованием по целевому назначению или использованием с нарушением законодательства РФ и (или) если в отношении земельного участка у уполномоченного органа исполнительной власти по осуществлению государственного земельного надзора имеются сведения о его неиспользовании по целевому назначению или использовании с нарушением законодательства РФ в течение срока, указанного в п. 3 ст. 6 названного Федерального закона.

Очевидно, что данная норма призвана обеспечить надлежащее использование земель сельскохозяйственного назначения.

Объективная сторона административного правонарушения, указанная в ч. 3 ст. 8.8 КоАП

РФ, выражена в неиспользовании земельного участка, предназначенного для жилищного или иного строительства, садоводства, огородничества, в указанных целях в случае, если обязанность по использованию такого земельного участка в течение установленного срока предусмотрена федеральным законодательством.

В данном случае неясно, что следует считать «неиспользованием». Достаточно ли просто выявить факт правонарушения, если к освоению участка не приступали. А следует ли учитывать в этом случае дополнительные факторы, такие, как, к примеру, стихийное бедствие, какие-либо иные обстоятельства, которые будут вызывать определенные затруднения в использовании земельного участка.

На практике сложность привлечения к административной ответственности может возникнуть в том случае, если участок, предоставленный для индивидуально-жилищного строительства, был использован частично (к примеру, за 3 года пользователь возвел лишь фундамент). С проблемой частичного использования земельного участка на практике можно столкнуться и в том случае, если после того, как лицу был предоставлен земельный участок большой площади под коттеджное строительство, а в установленный срок этим лицом была освоена лишь его часть, т.к. в законодательстве не определяются различия в объемах строительства.

Хотелось бы рассмотреть еще один достаточно спорный вопрос. Статьей 8.8 КоАП РФ не предусматривается ответственность за неиспользование земельного участка, который предназначен для ведения личного подсобного хозяйства. В Федеральном законе от 07 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» (п. 2 ст. 4) [13] указано, что основным видом деятельности на земельных участках, которые предназначены для ведения личного подсобного хозяйства, является производство сельскохозяйственной продукции. Кроме того, законодатель в этом нормативно-правовом акте не устанавливает срок, в течение которого необходимо приступить к использованию земельного участка.

Вместе с тем, выявляются многочисленные факты неиспользования земельных участков, которые были предоставлены для личного подсобного хозяйства. Считаем, что следовало бы установить срок (например, 3 года), в течение которого необходимо приступить к использованию земельного участка этой категории, и ввести административную ответственность на неиспользование такого участка.

Проведенный анализ административно-юрисдикционной практики по ст. 8.8 КоАП РФ также показал, что к основным причинам прекращения производства по делам об административных правонарушениях следует отнести недоказанность события правонарушения; недоказанная причастность лица к совершению административного правонарушения; отсутствие в кадастре недвижимости документальных данных, подтверждающих принадлежность земельного участка к соответствующей категории земель; допущенные процессуальные нарушения при привлечении к административной ответственности (несоблюдение порядка привлечения к административной ответственности, несоблюдение сроков, ненадлежащее уведомление и извещение лиц, привлеченных к административной ответственности).

В рамках рассматриваемой проблематики также хотелось бы привести статистические данные, характеризующие субъектов анализируемых правонарушений. Так, согласно статистическим данным Управления Росреестра по Ставропольскому краю в 2015 году к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ были привлечены: 15 юридических лица, 179 граждан, 28 должностных лица; по ч. 3 ст. 8.8 КоАП РФ: 1 юридическое лицо, 30 граждан [9]. В первом полугодии 2016 года к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ были привлечены: 6 юридических лица, 97 граждан, 19 должностных лиц; по ч. 3 ст. 8.8 КоАП РФ: 18 граждан [9]. В 2017 году в результате плановых проверок к административной ответственности по ст. 8.8 КоАП РФ было привлечено 121 физическое лицо и 27 индивидуальных предпринимателей

и юридических лиц, в результате внеплановых проверок – 57 физических лиц и 2 индивидуальных предпринимателя [9].

С учетом приведенной статистики очевидно, что среди субъектов административных правонарушений, привлеченных к ответственности по ст. 8.8 КоАП РФ, выявляемых должностными лицами Управления Росреестра по Ставропольскому краю, существенно преобладают граждане.

Согласно данным Управления Россельхознадзора по Ставропольскому краю и Карачаево-Черкесской Республике за 2017 год при осуществлении государственного земельного надзора на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкесской Республики проведено 1231 контрольно-надзорное мероприятие, из них:

- плановых проверок – 308;
- внеплановых проверок – 197;
- административных расследований – 183;
- плановых (рейдовых) осмотров – 185;
- административных обследований объектов земельных отношений – 206;
- мероприятий в соответствии со ст. 28.1 КоАП РФ – 119;
- совместных проверок с прокуратурой и иными контролирующими органами – 33 [10].

В отношении нарушителей составлен 381 протокол об административных правонарушениях, из которых 8 протоколов по ч. 2 ст. 8.8 КоАП РФ [10].

Таким образом, подводя итог, следует сделать вывод, что привлечению к ответственности по ст. 8.8 КоАП РФ препятствуют не только проблемы осуществления земельного контроля и надзора, но и недостатки земельного законодательства в целом.

Литература

1. Анисимов А. П. Разрешенное использование земельных участков: вопросы теории // Гражданское право. 2006. № 4 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
2. Галиновская Е. А. Институт юридической ответственности как составляющая земельного правопорядка // Журнал Российского права. 2014. № 1 (205) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (ред. 31.12.2017 № 507-ФЗ) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 06.03.2018).
4. Елисеева И. А. Целевое назначение и разрешенное использование земельного участка: понятие, содержание, проблемы правового регулирования // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2013. №3. С. 25–27.
5. Земельный кодекс РФ от 25 октября 2001 г. №136-ФЗ (ред. 31.12.2017 № 507-ФЗ) // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
6. Кочерга М. В. Административная ответственность за земельные правонарушения: проблемы правового регулирования и практики правоприменения: дис. ... канд. юрид. СПб.: С.-Петербург. гос. инженер.-эконом. ун-т, 2008. 243 с.
7. Определение Промышленного районного суда г. Ставрополя по делу № 9-210/2018 URL: <http://promyshleny.stv.sudrf.ru> (Дата обращения: 06.03.2018).
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии URL: https://rosreestr.ru/site/press/#press_pub. (Дата обращения: 06.03.2018).
9. Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Ставропольскому краю // <http://www.stavreg.ru>.

10. Официальный сайт Управления Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Ставропольскому краю и Карачаево-Черкесской Республике URL: <http://www.rsn-sk-26.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
11. Постановление Правительства РФ от 23 апреля 2012 г. № 369 «О признаках неиспользования земельных участков с учетом особенностей ведения сельскохозяйственного производства или осуществления иной связанной с сельскохозяйственным производством деятельности в субъектах Российской Федерации» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
12. Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. 03.07.2016 № 361-ФЗ) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
13. Федеральный закон от 07 июля 2003 г. № 112-ФЗ (ред. 01.05.2016 № 119-ФЗ) «О личном подсобном хозяйстве» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
14. Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ (ред. 29.07.2017 № 280-ФЗ) «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
15. Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. 28.02.2018 № 36-ФЗ) «О государственной регистрации недвижимости» // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).

References

1. Anisimov A. P. Razreshennoe ispol'zovanie zemel'nyh uchastkov: voprosy teorii (*Permitted Use Of Land: Theory Issues*) // Grazhdanskoe pravo. 2006. No. 4 // Konsul'tant Pljus. URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
2. Galinovskaja E. A. Institut juridicheskoy otvetstvennosti kak sostav-ljajushhaja zemel'nogo pravoporyadka (*Institute Of Legal Responsibility As A Component Of Land Law And Order*) // Zhurnal Rossijskogo prava. 2014. No. 1 (205) // Konsul'tant Pljus. URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
3. Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29 dekabrja 2004 g. № 190-FZ (red. 31.12.2017 № 507-FZ) (*The Town-Planning Code Of The Russian Federation of 29 December 2004 n 190-FZ (ed. 31.12.2017 No. 507-FZ)*) // Konsul'tant Pljus. URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
4. Eliseeva I. A. Celevoe naznachenie i razreshennoe ispol'zovanie ze-mel'nogo uchastka: ponjatie, sodержanie, problemy pravovogo regulirovaniya (*Purpose And Permitted Use Of Land: Concept, Content, Problems Of Legal Regulation*) // Juridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. No.3. P.25 – 27. (In Russian).
5. Zemel'nyj kodeks RF ot 25 oktjabrja 2001 g. № 136-FZ (red. 31.12.2017 № 507-FZ) (*Land Code Of The Russian Federation of October 25, 2001 № 136-FZ (ed. 31.12.2017 № 507-FZ)*) // Konsul'tant Pljus. URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
6. Kocherga M. V. Administrativnaja otvetstvennost' za zemel'nye pravonarushenija: problemy pravovogo regulirovaniya i praktiki pravoprimenenija: (*Administrative Responsibility For Land Offences: Problems Of Legal Regulation And Law Enforcement Practices*): Thesis St.Petersburg, 2008. 243 p. (In Russian).
7. Opredelenie Promyshlennogo rajonnogo suda g. Stavropolja po delu № 9-210/2018 (*Determination Of Industrial District Court Of Stavropol In The Case № 9-210/2018*) URL: <http://promyshlenny.stv.sudrf.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
8. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj registra-cii, kadastra i kartografii (*Official Website Of The Federal Service For State Registration, Cadastre And Cartography*) URL: https://rosreestr.ru/site/press/#press_pub. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
9. Oficial'nyj sajt Upravlenija Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj registracii, kadastra i kartografii po Stavropol'skomu kraju (*The Official Site Of Management Of Federal Service Of State Registration, Cadastre And Cartography In The Stavropol Krai*) URL: <http://www.stavreg.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
10. Oficial'nyj sajt Upravlenija Federal'noj sluzhby po veterinarnomu i fitosanitarnomu nadzoru po Stavropol'skomu kraju i Karachaevo-Cherkesskoj Respublike (*Official Website Of The Office Of The Federal Service For Veterinary And Phytosanitary Surveillance In The Stavropol Krai And The Karachay-Cherkess Republic*) URL: <http://www.rsn-sk-26.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
11. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23 aprelja 2012 g. № 369 «O priznakah neispol'zovaniya zemel'nyh uchastkov s uchetom osobennostej vedenija sel'skohozjajstvennogo proizvodstva ili osushhestvlenija inoj svjazannoj s sel'skohozjajstvennym proizvodstvom dejatel'nosti v sub#ektah Rossijskoj Federacii» (*Resolution Of The Government Of The Russian Federation Of April 23, 2012 No. 369 "On Signs Of Non-Use Of Land Plots Taking Into Account Peculiarities Of Conducting Agricultural Production Or Implementation Of Other Activities Related To Agricultural Production In The Subjects Of The Russian Federation"*) // Konsul'tant Pljus. URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
12. Federal'nyj zakon ot 24 ijulja 2002 g. № 101-FZ (red. 03.07.2016 № 361-FZ) «Ob oborote zemel' sel'skohozjajstvennogo naznachenija» (*Federal Law of 24 July 2002 No. 101-FZ (ed. 03.07.2016 No. 361-FZ) "On Turnover Of Lands Of Agricultural Purpose"*) // Konsul'tant Pljus. URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
13. Federal'nyj zakon ot 07 ijulja 2003 g. № 112-FZ (red. 01.05.2016 № 119-FZ) «O lichnom podsobnom hozjajstve» (*Federal Law of July 07, 2003 No. 112-FZ (ed. 01.05.2016 № 119-FZ) "On Personal Part-Time Farm"*) // Konsul'tant Pljus. URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
14. Federal'nyj zakon ot 21 dekabrja 2004 g. № 172-FZ (red. 29.07.2017 № 280-FZ) «O perevode zemel' ili zemel'nyh uchastkov iz odnoj kategorii v druguju» (*Federal Law No. 172-FZ of 21 December 2004 (ed. 29.07.2017 No. 280-FZ) "On Transfer Of Lands Or Land Plots From One Category To Another"*) // Konsul'tant Pljus. URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
15. Federal'nyj zakon ot 13 ijulja 2015 g. № 218-FZ (red. 28.02.2018 № 36-FZ) «O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti» (*Federal Law Of July 13, 2015 № 218-FZ (ed. 28.02.2018 № 36-FZ) "On State Registration Of Real Estate"*) // Konsul'tant Pljus. URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).

УДК 340.1

И. Н. Клюковская, Р. К. Мелекаев

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ПРОВЕДЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для современной России укрепление антикоррупционной политики выступает одной из основных задач развития правового демократического государства, и первым барьером на пути проявления коррупции выступает эффективная система законодательства. Одним из механизмов процесса устранения коррупционности законодательства служит антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов.

Утверждается следующее: во-первых, что основная специфика процесса устранения коррупционности законодательства заключается в его сложности и многоаспектности, выражающихся в определенной целостности и своеобразном единстве в различиях; во-вторых, как и любой вид деятельности, правовая антикоррупционная экспертиза подразумевает применение специальной системы приемов и методов юридической техники (общелогического метода познания; опережения информации; интерпретации права; социологического метода и метода функционального анализа; экстраполяции и системного анализа; статистики и

экспертной оценки), направленных на обеспечение эффективности достижения поставленной цели; в-третьих, методика – это четкий план действий на основе конкретных методов, алгоритм выполнения определенной деятельности. Каждая методика имеет свою программу – общий контур, состоящий из методологического и процедурного разделов, на основе и в рамках которого производится сбор, анализ и толкование полученной информации с целью получения определенных выводов. Ключевая задача использования программы методики – проведение экспертизы нормативных и правовых актов и их проектов с целью выявления и исключения из анализируемых документов положений, создающих условия для коррупционных правонарушений. Также программа методики нацелена на устранение самой возможности появления в будущем таких положений в нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: юридическая техника, правотворчество, нормативный правовой акт, методы исследования, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы.

I. N. Klyukovskaya, R. K. Melekayev

THE ROLE OF LEGAL TECHNIQUE IN CONDUCTING ANTI-CORRUPTION EXAMINATION OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Strengthening of anti-corruption policy is one of the main tasks of the development of a jural and democratic state in modern Russia. The first barrier to the corruption is an effective legislation system. One of the mechanisms to eliminate corruption is the anti-corruption assessment of normative legal acts.

The following is asserted: firstly, the main specificity of the process of eliminating the corruption-related nature of legislation is its complexity and multidimensionality expressed in certain integrity and unique unity in differences. Secondly, as any type of activity, legal anti-corruption assessment implies the use of a special system of techniques and methods of legal technique (general method of cognition, information advance, interpretation of law, sociological method and functional analysis method, extrapolation and system analysis, statistics and peer review) aimed at ensuring the efficiency of achieving the goal. Thirdly,

the methodology is a clear plan of action based on specific methods, an algorithm for the performance of certain activities. Each methodology has its own programme – a general outline, consisting of methodological and procedural sections that serve the base for information collection, analysis and interpretation in order to obtain certain conclusions. The key task of using the methodology programme is to carry out an assessment of normative and legal acts and bills with the purpose of identifying and excluding the provisions that create conditions for corruption crimes. Also, the programme of the methodology is aimed at eliminating the very possibility of such provisions in prospective regulatory legal acts.

Key words: legal technique, law-making, regulatory legal act, research methods, anti-corruption assessment, corruptogenic factors.

Исследование современного законодательства в аспекте коррупционности является достаточно новым направлением теории права. Однако на сегодняшний день можно выделить целый ряд ученых-правоведов, сделавших данную проблематику основной темой своих работ. Изучением коррупционности законодательства занимались В. В. Астанин, М. С. Азаров, К. Е. Рыбак, А. И. Долгова, Ю. С. Избачков, А. В. Каменская, А. В. Кашанин, И. Н. Клюковская, А. В. Кудашкин, О. Н. Родионова, Е. Р. Россинская, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева и многие другие [15].

Под коррупционностью законодательства следует понимать состояние нормативно-правовых актов, при котором высока вероятность возникновения коррупционных правонарушений, причина которой – дефект одного или нескольких нормативно-правовых предписаний либо их системной взаимосвязи.

Выявление, изучение, ограничение и устранение несовершенств нормативных правовых актов, которые порождают правонарушения коррупционного характера, – основная суть деятельности субъектов антикоррупционной экспертизы, направленной на устранение коррупциогенных факторов в законодательстве.

Основная специфика процесса устранения коррупционности законодательства заключается в его сложности и многоаспектности, выражающихся в определенной целостности и своеобразном единстве в различиях. Вследствие этого важным представляется комплексное рассмотрение этого процесса, выявление и классификация по надлежащим основаниям его элементов, их оценка и качественное определение в рамках системного анализа. Так, по признаку целеполагания выделяют общий (общесоциальный) и специальный уровень предупреждения коррупционности законодательства [4, с. 340]. На общесоциальном уровне осуществляется деятельность институтов государства и общества, цель которой – разрешение и устранение противоречий в экономической, социальной, нравственно-духовной и других сферах общества. Успешное проведение целостной социально-экономической политики обеспечивает позитивный профилактический эффект в плане устранения коррупциогенных факторов [6, с. 278].

Направленное воздействие на факторы отдельных видов коррупционности законодательства происходит на специальном уровне предупреждения коррупционности, который представлен системой субъектов воздействия (законодательство Российской Федерации)

и субъектов, которые эту деятельность осуществляют. Последние делятся на две группы: первая группа – субъекты общесоциальной профилактики, вторая – субъекты специально-юридической профилактики.

К первой группе относятся органы власти и управления федерального, регионального и местного уровней и общественные объединения, не выполняющие непосредственных правоохранительных функций [13, с. 105]. Федеральный уровень субъектов общесоциальной профилактики представлен Президентом, Правительством и Федеральным Собранием Российской Федерации, а также другими органами власти и управления.

Вторую группу составляют субъекты, деятельность которых напрямую нацелена на осуществление антикоррупционной экспертизы нормативных и правовых актов. Круг этих субъектов достаточно широк, поскольку осуществляет разные виды антикоррупционной экспертизы: внутреннюю, внешнюю и независимую. Внутренняя экспертиза нормативных и правовых актов проводится органами и должностными лицами, которые принимают или издают данные документы. Внешняя экспертиза осуществляется органами прокуратуры и юстиции. Независимая антикоррупционная экспертиза по своей сути сходна с внешней экспертизой, является ее подвидом и проводится гражданами и негосударственными гражданскими объединениями. Было бы логичным назвать независимую антикоррупционную экспертизу общественной.

Подвидом внешней и независимой экспертизы также является научная антикоррупционная экспертиза законодательства Российской Федерации, основанная на приемах и методах юридической техники, применяемых при проведении правовой антикоррупционной экспертизы.

Как и любой вид деятельности, правовая антикоррупционная экспертиза подразумевает применение специальной системы приемов и методов, направленных на обеспечение эффективности достижения поставленной цели. Оценка коррупционности нормативно-правовых актов производится с помощью следующих методов юридической техники: общелогического метода познания; опережения информации; интерпретации права; социологического метода и метода функционального анализа; экстраполяции и системного анализа; статистики и экспертной оценки.

1. Общелогический метод познания, или нормативный анализ – базовый метод, основанный на переходе от общего к частному.

Исследование характеристик и свойств элементов необходимо для понимания закономерности их функционирования в рамках целостной системы. В связи с этим справедлива точка зрения И. С. Власова, предлагающего понимать под нормативным анализом весь перечень операций, цель которых – выработка правового механизма решения проблем общества и алгоритма действий лиц в правовых ситуациях [11, с. 98]. Цель экспертизы в целом и нормативного анализа как ее частного вида – максимальная нейтрализация коррупциогенности нормативно-правового акта на стадии проекта и принятия, которая достигается путем выявления, корректировки или исключения из текста документа заведомо коррупциогенных аспектов и позиций.

2. Методы опережающей информации – группа методов, имеющих «информационное основание» и дающих оптимальный результат на этапах подготовки проведения оценки правовых актов на коррупциогенность. Методы опережающей информации базированы на фактическом материале о социальных отношениях, которые регламентируются анализируемым на коррупциогенность правовым актом (либо его проектом), и сведениях об их развитии. Как правило, методы опережающей информации реализуются в определенном порядке:

а) сбор оптимального количества данных об объекте антикоррупционного анализа;

б) проведение правового мониторинга, мониторинга универсальных и спецбаз данных о законодательной и правоприменительной практике – сведений из органов суда и исполнительной власти, электронных справочных систем права, налоговых органов и СМИ, данных статистики и научных исследований – с целью установления источников данных об объекте антикоррупционного анализа;

в) экспертная оценка количественных и качественных данных об объекте антикоррупционного анализа.

Помимо знаний и личного опыта эксперта существует иная объективная информация о формировании общественных отношений в различных областях социума. Она представлена официальными и неофициальными данными – последние собираются посредством метода контент-анализа. Официальные информационные данные – это законодательство, публичная информация в печатном или электронном виде, данные статистики, официальные отчеты государственных и международных учреждений, судебная практика и материалы архивов.

Источниками неофициальных информационных данных можно считать печатные и электронные СМИ, издания частными и негосударственными учреждениями, интернет-ресурсы, не имеющие статуса официальных.

И официальные, и неофициальные информационные данные должны быть подвергнуты многоаспектному анализу, в ходе которого предпочтение следует отдавать официальным источникам информации [11, с. 101].

В современном научно-правовом сообществе стала весьма популярна концепция о том, что предметы будущих законов нужно не выискивать, а брать из конкретной практики применения права [14, с. 1062–1065].

3. Метод правовой интерпретации, или толкования права, суть которого – установление смыслового содержания правовых норм [9, с. 473]. Круг методов правовой интерпретации целесообразно включить и общенаучные методы познания – индуктивные и дедуктивные, абстрагирования и аналогии, моделирования, анализа и синтеза – и частнонаучные, к которым относятся методы догматического анализа, юридической компаративистики и прочие. Исходя из того, какие цели преследует правовая интерпретация, дополнительно могут применяться методы других наук – психологии, лингвистики, логики, социологии и даже экономики.

4. Социологический метод оценки коррупциогенности нормативно-правовых актов направлен на выявление характера гражданского восприятия нормотворчества и политики, проводимой государством, и общественного мнения об эффективности (или неэффективности) действующих или предлагаемых законов и правил. Современный уровень развития IT-технологий позволяет осуществлять онлайн-исследование общественного мнения по поводу принятия значимых законов и правовых норм.

5. Метод функционального анализа направлен на выявление эффективности функционирования публичных и специально созданных органов, в компетенции которых – применение положений нормативно-правовых актов и исполнение их в соответствии со строго установленным регламентом. Функциональный анализ позволяет установить следующие институциональные и практические характеристики органов управления:

– цели, юридически определенные предметы и сферы компетенции, объекты воздействия и властные полномочия;

– структура, специализация и территориальные филиалы;

– уровень ответственности;

- уровень контроля – внутренний, внешний, вышестоящий и общественный;
- степень открытости и прозрачности для общественного и властного контроля;
- уровень ресурсообеспеченности;
- уровень социальной защищенности и мотивированности служащих.

Результаты, полученные вследствие применения метода функционального анализа, позволят выявить недостатки в работе органа власти, такие, как дублированные полномочия, недостаток (или переизбыток) финансирования и другие.

6. Метод экстраполяции – проекция прошлого и настоящего состояния исследуемого объекта на его будущее состояние – весьма важен при оценке степени коррупциогенности нормативных и правовых актов [8] и предоставляет возможность построения нового знания о предмете исследования [2, с. 195].

В данном случае использование экстраполяции позволит предсказать и точно определить возможные коррупционные проявления и коррупционные стратегии, которые могут сформироваться вследствие дефектов оцениваемого нормативно-правового акта.

7. Для изучения системных связей норм и положений анализируемого акта используется метод системного анализа, под которым в данном случае понимается не один, а совокупность методов и средств исследования правового акта на предмет коррупциогенности: прежде всего, внимание обращается на методы выработки, обоснования и принятия решений. К указанным методам относятся общенаучные, экспериментальные, естественнонаучные, статистические и математические методы.

8. Метод экспертных оценок, основанный на результатах систематизации процедур выявления и обобщения экспертного мнения, также широко применяется при выявлении коррупциогенности нормативных и правовых актов. В деле прогнозирования эффективности конкретных правовых норм, определения состояния законности и политической и правовой активности населения компетентные оценки специалистов имеют важное значение не только в аспекте рассматриваемой проблематики, но и других отраслей теории права [11, с. 445].

Уровень компетентности экспертов оказывает особое влияние на качество использования метода экспертных оценок и определяет эффективность целостного анализа степени коррупциогенности нормативных актов и их проектов. Основываясь на собственном практическом и научном опыте, эксперты должны выявить определить следующие параметры:

- все возможные формы реализации коррупционного интереса;
- предполагаемые коррупционные стратегии;
- коррупционные факторы, которые могут воздействовать на общественные отношения, регламентированные конкретным нормативно-правовым актом;
- выполнимость предписаний, изложенных в нормативно-правовом акте;
- эффективность предписаний в плане обеспечения реализации закона в конкретных видах социальных отношений;
- возможные пути и действия, направленные на устранение коррупциогенных норм нормативно-правового акта и факторов, их формирующих.

Результат проверки нормативных и правовых актов на коррупциогенность может подвергаться влиянию субъективного мнения авторов и разработчиков анализируемых законопроектов, поэтому во избежание предвзятости и необъективности оценки к проведению антикоррупционной экспертизы следует привлекать независимых экспертов. Экспертная оценка должна осуществляться на всех этапах экспертизы.

9. Совокупность приемов обработки всей информации об объекте анализа на коррупциогенность определяется методами статистики. Их, как правило, используют на заключительном этапе оценки, одним из элементов которого является типологизирование коррупциогенных факторов. Типология этих факторов существенно расширилась с развитием концепции антикоррупционной экспертизы.

Обозначенная система методов не является всеобъемлющей и исчерпывающей, поскольку использование каждого из них обусловлено уровнем профессиональной квалификации эксперта, их применяющего. Тем не менее, изложенные теоретические положения представляются прочной основой для формирования экспертной методики криминологического анализа коррупциогенности нормативно-правовых актов и их проектов.

В широком философском смысле методика – это способ или средство познания социальной реальности. В узком же смысле методика – это система приемов и способов получения и анализа информации о правонарушениях, их причинах, личностях правонарушителей и мерах борьбы с ними [7, с. 198].

Иными словами, это четкий план действий на основе конкретных методов, алгоритм выполнения определенной деятельности [1]. По определению В. Н. Бурлакова, каждая методика имеет свою программу – общий контур, со-

стоящий из методологического и процедурного разделов, на основе и в рамках которого производится сбор, анализ и толкование полученной информации с целью получения определенных выводов [5, с. 150].

Ключевая задача использования программы методики – проведение экспертизы нормативных и правовых актов и их проектов с целью выявления и исключения из анализируемых документов положений, создающих условия для коррупционных правонарушений. Также программа методики нацелена на устранение самой возможности появления в будущем таких положений в нормативно-правовых актах.

В настоящее время в законодательстве Российской Федерации методика проведения экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов на коррупционность отсутствует. Методика, утвержденная Постановлением Правительства от 26 февраля 2010 г. № 96 [10], содержит лишь перечисление коррупционных факторов без алгоритма действий эксперта и регламента проведения непосредственно процедуры экспертизы, которая должна состоять из трех этапов:

1) подготовительного, на стадии которого должен осуществляться отбор нормативно-правовых актов и их проектов, в отношении которых проводится антикоррупционная экспертиза; проводится подготовка общей и специальной (нормативной, научной, справочной) литературы, необходимой для осуществления экспертного анализа, предпринимаются меры повышения эффективности проведения экспертизы;

2) рабочего – этапа непосредственного анализа нормативно-правовых актов и их проектов и экспликации правовых норм, обладающих признаками коррупционности и отвечающих коррупционным факторам;

3) заключительного, на стадии которого дается полная экспертная оценка коррупционности проанализированного нормативно-правового акта и его проекта. Экспертная оценка подается в форме заключения, содержащего описательную и табличную части, и отражает информацию по следующим обязательным позициям:

- официальное или рабочее наименование исследуемого документа (нормативно-правового акта);
- его тип;
- перечень коррупционных норм;
- описание коррупционных факторов;
- практические рекомендации по устранению или коррекции коррупционных норм и содержащихся в них коррупционных факторов;

- рекомендации по включению в анализируемый документ положений, снижающих возможность коррупционных проявлений;

- результаты оценки нормативно-правовых актов и сделанные на их основе выводы о коррупционности исследованных документов;

- коррупционные нормы, проявления и рекомендации по их устранению, систематизированные и изложенные в форме таблицы;

- дата проведения экспертизы и личная подпись эксперта [3, с. 51].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Во-первых, основная специфика процесса устранения коррупционности законодательства заключается в его сложности и многоаспектности, выражающихся в определенной целостности и своеобразном единстве в различиях.

Во-вторых, как и любой вид деятельности, правовая антикоррупционная экспертиза подразумевает применение специальной системы приемов и методов юридической техники, направленных на обеспечение эффективности достижения поставленной цели. Оценка коррупционности нормативно-правовых актов производится с помощью следующих методов юридической техники: общелогического метода познания; опережения информации; интерпретации права; социологического метода и метода функционального анализа; экстраполяции и системного анализа; статистики и экспертной оценки.

В-третьих, методика – это четкий план действий на основе конкретных методов, алгоритм выполнения определенной деятельности. Каждая методика имеет свою программу – общий контур, состоящий из методологического и процедурного разделов, на основе и в рамках которого производится сбор, анализ и толкование полученной информации с целью получения определенных выводов. Ключевая задача использования программы методики – проведение экспертизы нормативных и правовых актов и их проектов с целью выявления и исключения из анализируемых документов положений, создающих условия для коррупционных правонарушений. Также программа методики нацелена на устранение самой возможности появления в будущем таких положений в нормативно-правовых актах. В настоящее время в законодательстве Российской Федерации методика проведения экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов на коррупционность отсутствует. А Методика, утвержденная Постановлением Правитель-

ства от 26 февраля 2010 г. № 96 [10], содержит лишь перечисление коррупционных факторов без алгоритма действий эксперта и регламента проведения непосредственно процедуры экспертизы.

В-четвертых, на основании изложенных теоретических положений была разработана авторская экспертная Методика правового антикоррупционного анализа нормативно-правовых актов и их проектов.

Литература

1. Каменская Е. В., Рождествина А. А. Независимая антикоррупционная экспертиза: научно-практическое пособие URL: <http://textarchive.ru/c-2294577.html> (Дата обращения: 18.04.2018).
2. Кочергин А. А., Кочергин А. Н. Методологический арсенал науки: монография. Голицыно: ГПИ ФСБ России, 2004. 195 с.
3. Краснов М. А., Талапина Э. В., Тихомиров Ю. А., Головщинский К. И., Южаков В. Н. Памятка эксперту по первичному анализу коррупционности законодательного акта / под ред. В. Н. Южакова. М.: Статут, 2004. 64 с.
4. Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М.: Юрист, 1999. 512 с.
5. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Бурлакова, Н. М. Кропачева. СПб.: Питер, 2002. 432 с.
6. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Долговой. М.: Изд-во НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. 784 с.
7. Криминология: учебник для юридических вузов / под редакцией проф. В. Н. Бурлакова, проф., акад. В. П. Сальникова, проф., академика С. В. Степашина. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1999. 608 с.
8. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. 1455 с.
9. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. / отв. ред. проф. М. Н. Марченко. Том 2. М.: ИКД «Зерцало-М», 2001. 622 с.
10. Постановление Правительства РФ от 26.02.2010 г. № 96 (ред. от 10.07.2017) «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (вместе с «Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», «Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов») URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98088/ (Дата обращения: 18.04.2018).
11. Правовые акты: антикоррупционный анализ: научно-практическое пособие / И. С. Власов, А. А. Колесник, Т. О. Кошаева и др.; отв. ред. В. Н. Найдено, Ю. А. Тихомиров, Т. Я. Хабриева. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. 176 с.
12. Сырых В. М. Социология права. М.: Юстицинформ, 2002. 480 с.
13. Таможник Е. Л. Преступления против законной деятельности представителей власти: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 296 с.
14. Шиндяпина Е. Д. Судебная практика как источник законодательных инициатив // Научные труды РАЮН. Т. 3. М.: Юрист, 2006. С.1062–1065.
15. Klyukovskaya I. N., Galstyan I. S., Lauta O. N., Mayboroda E. T., Cherkashin E. Y. International organizations on fighting against corruption: legal means and methods of their implementation in national legal systems // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Vol.7. No. 7. P. 1734–1743.

References

1. Kamenskaya E. V., Rozhdestvina A. A. Nezavisimaya antikorrupsionnaya ehkspertiza: nauchno-prakticheskoe posobie (*Independent Anti-Corruption Examination: Scientific And Practical Grant*) URL: <http://textarchive.ru/c-2294577.html> (Accessed: 18.04.2018). (In Russian).
2. Kochergin A. A., Kochergin A. N. Metodologicheskij arsenal nauki: monografiya (*Methodological Arsenal Of Science: Monograph*). Golitsyno, 2004. 195 p. (In Russian).
3. Krasnov M. A., Talapina E. V., Tikhomirov YU. A., Golovshinskiy K. I., YUzhakov V. N. Pamyatka ehkspertu po pervichnomu analizu korruptsiogenosti zakonodatel'nogo akta (*a Guidebook For The Expert In Primary Analysis Of corruption Potential Of The Act*) / ed. by V. N. YUzhakov. Moscow: Statut, 2004. 64 p. (In Russian).
4. Kriminologiya (*Criminology*) / ed. by V. N. Kudryavtsev and V. E. EHminov. M.: Yurist, 1999. 512 p. (In Russian).
5. Kriminologiya: uchebnyk (*Criminology: The Textbook*) / ed. by V. N. Burlakov, N. M. Kropachev. St. Petersburg: Piter, 2002. 432 p. (In Russian).
6. Kriminologiya: uchebnyk dlya vuzov (*Criminology: The Textbook For Higher Education Institutions*) / ed. by A. I. Dolgova. Moscow: NORMA, 2001. 784 p. (In Russian).
7. Kriminologiya: uchebnyk dlya yuridicheskikh vuzov (*Criminology: The Textbook For Legal Higher Education Institutions*) / ed. by V. N. Burlakov, V. P. Sal'nikov, S. V. Stepashin. St. Petersburg: SPB Institute MIA publ., 1999. 608 p. (In Russian).
8. Novyj ehntsiklopedicheskij slovar'. (*New Encyclopedic Dictionary*). Moscow: Bol'shaya Rossijskaya ehntsiklopediya, 2002. 1455 p. (In Russian).
9. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Akademicheskij kurs v 3-kh tomakh. (*General Theory Of The State And Right. The Academic Course In 3 Volumes*) / ed. by M.N. Marchenko. Vol 2. Moscow: Zertsalo-M, 2001. 622 p. (In Russian).
10. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.02.2010 g. № 96 (red. ot 10.07.2017) «Ob antikorrupsionnoj ehkspertize normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov» (vmeste s «Pravilami provedeniya antikorrupsionnoj ehkspertizy normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov», «Metodikoj provedeniya antikorrupsionnoj ehkspertizy normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov») (*On Anti-Corruption Examination Of Regulations And Drafts Of Regulations*) (Together With "Rules Of Conducting Anti-Corruption Examination Of Regulations And Drafts Of Regulations", "A Technique Of Conducting Anti-Corruption Examination Of Regulations And Drafts Of Regulations") URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98088/ (Accessed: 18.04.2018). (In Russian).

11. Pravovye akty: antikorrupcionnyj analiz: nauchno-prakticheskoe posobie (*Legal Acts: Anti-Corruption Analysis: Scientific And Practical Grant*) / I. S. Vlasov, A. A. Kolesnik, T. O. Koshaeva ect.; ed. by V. N. Najdenko, Yu. A. Tikhomirov, T. Ya. KHabrieva. Moscow: Kontrakt, Volters Kluver, 2010. 176 p. (In Russian).
12. Syrykh V. M. Sotsiologiya prava (*Sociology Is Right*). Moscow: Yustitsinform, 2002. 480 p. (In Russian).
13. Tamozhnik E. L. Prestupleniya protiv zakonnoj deyatel'nosti predstavitelej vlasti: ugovovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty (*Crimes Against Lawful Activity Of Authorities: Criminal And Legal And Criminological Aspects*): thesis. Tambov, 2006. 296 p. (In Russian).
14. Shindyapina E. D. Sudebnaya praktika kak istochnik zakonodatel'nykh iniciativ (*Jurisprudence As Source Of Legislative Initiatives*) // Nauchnye trudy RAYUN. Vol. 3. Moscow: Yurist, 2006. P. 1062–1065. (In Russian).
15. Klyukovskaya I. N., Galstyan I. S., Lauta O. N., Mayboroda E. T., Cherkashin E. Y. International organizations on fighting against corruption: legal means AND methods of their implementation in national legal systems // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Vol.7. No.7. P. 1734–1743.

УДК 349.4

К. В. Колесникова

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ

В предлагаемой статье осуществлена попытка выявить правовую природу вещных прав в целом, и на землю, в частности. Автором изучены и проанализированы положения действующего гражданского, земельного, административного законодательства, регулирующего вопросы собственности и ограниченных вещных прав на землю. Подчеркивается специфичность российского законодательства в части указания на административный акт в качестве основания возникновения вещных прав на землю. В исследовании затронуты вопросы регулирования вещно-правовых отношений в римском частном праве. Актуализирован ряд не воспринятых практикой предложений Концепции

развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г. Автором предложены меры по реформированию действующего законодательства в части регулирования вещных прав на землю.

Ключевые слова: вещное право, земельный участок, право пожизненного наследуемого владения, право бессрочного пользования, право оперативного управления, право хозяйственного ведения имуществом, сервитут, право следования за вещью, право собственности, аренда.

K. V. Kolesnikova

ON LEGAL NATURE OF REAL RIGHTS TO LAND

The article attempts to reveal the legal nature of real rights in general, and the rights to land, in particular. The author has studied and analyzed the provisions of the existing civil, land, administrative legislation, regulating property rights and limited real rights to land. The concreteness of the Russian legislation with regard to the indication of an administrative act as the basis for the rights of corporeal rights to land is emphasized. The research investigates the issues and legal relations in Roman private law. A number of proposals of the Concept for the Development of

Civil Legislation of the Russian Federation, the approved decision of the Council under the President of the Russian Federation on coding and improving civil legislation of 07.10.2009, have been updated. The author proposes measures to reform current legislation on regulating real rights to land.

Key words: property law, land plot, right to lifetime inheritable possession, right to perpetual use, right to operative management, right to economic management of property, easement, right to follow the thing, the right of ownership, rent.

Вещное право представляет собой подотрасль гражданского права, формально-юридическими источниками которой выступают различные нормативные правовые акты. При этом на вещные отношения оказывают воздействие, наряду с нормами гражданского права, и нормы других отраслей, как управленческих, так и охранительных, что выражается в различных формах: защита субъективных вещных прав, предупредительное воздействие на поведение субъектов охранительных отношений, регулирование распорядительных действий органов власти и управления в отношении объектов вещных прав других субъектов правоотношений.

Теоретическое осмысление института вещных прав во многом «потеряло» из-за своего

вынужденного отсутствия в отечественном законодательстве многие десятилетия. Многие авторы с сомнением высказывались о необходимости такого института в отечественном законодательстве, ссылаясь на смешанную вещно-обязательственную природу многих имущественных прав [10].

Для определения правовой природы вещных прав требуется установление оснований их возникновения, ограничения и прекращения. Если обратиться к положениям римского права, то вещными признавались сервитут, эмпфитевзис, суперфиций и залог, а основанием их возникновения выступало соглашение с собственником земель.

И. А. Покровский отмечал, что «действие договорного отношения преобразовывалось в вещное посредством «практической прибавки» в виде вещных исков, которые претор присоединял к искам личного характера» [8]. Однако в римском праве договор был не только основанием, но и собственно самим отношением, в рамках которого реализовывалось вещное право, т.е. под вещным в древнеримском частном праве понимались не только иски с вещной содержанием, но и специфическое положение сторон обязательственного отношения по поводу вещи, поскольку несобственник в результате договора обретал соответствующий статус, позволяющий ему осуществлять правовую защиту имеющегося титула собственности наряду с собственником вещи. Такая специфика договорного партнерства обладала следующими отличительными признаками:

- право следования как независимостью права на чужую вещь от смены собственника;
- право на самостоятельную защиту принадлежащего на вещь титула, в том числе и против собственника вещи;
- длительность такого права, практически бесконечность, приближающую такое право по своей природе и характеру к праву собственности.

Вместе с тем, в целях создания новой вещно-правовой формы отношений судебная практика выработала конструкцию, которая впоследствии вместе с сервитутами и стала называться вещным правом в современном его понимании. Изначально черты вещных прав приобрели эфитевзис (аренда) и суперфиций (право застройки).

Отметим, что присущее римскому праву понимание вещного права квалифицирует право следование и петиторную правовую защиту субъекта вещного права в качестве элементов этого понятия, а не как внешние свойства данного права. Более того, судебная систематика включила право собственности в число вещных прав, придавая данному понятию более широкий, нежели был заложен в законодательстве, смысл.

Современная российская гражданско-правовая доктрина абстрагировалась как от римских источников, так и от пандектной систематики и базируется на понимании договора, как обстоятельства, исключающего вещное право и влекущего существование только обязательственных прав на вещь, а также на положении о публичном источнике производных от собственности вещных прав.

Содержащийся в российской гражданско-правовой доктрине концепт «обязательственное

право на вещь» означает лишь указание на то обстоятельство, что как владение (непосредственное фактическое физическое обладание вещью), так и пользование (отсутствие такового, например, сервитут), основаны на договоре. Именно такое положение и позволяет при аренде применять правила ст. 305 Гражданского кодекса РФ только по отношению к третьим лицам после получения вещи во владение, но не по отношению к собственнику, поскольку где есть обязательственная связь, не могут быть применимы вещно-правовые способы защиты. Внутренне противоречивой представляется и сама формулировка «обязательственное право на вещь», поскольку признание деления прав на вещные и обязательственные в таком случае логически недопустимо – вещь сама ничего совершить не может.

Специфической чертой российской правовой доктрины является и указание на административный акт, как источник вещного права. Более того, из предусмотренных в ст. 216 Гражданского кодекса РФ пяти вещных прав в результате административного акта, то есть акта волеизъявления публичного органа, возникают четыре, а именно право пожизненного наследуемого владения и право бессрочного пользования земельным участком, право оперативного управления и право хозяйственного ведения имуществом, находящимся в государственной или муниципальной собственности. Сервитут, в соответствии со ст. 274 Гражданского кодекса РФ, может устанавливаться и договором.

Отличительной особенностью отечественного подхода к исследованию вещных прав относится и внимание к такому формальному основанию, как законодательная рубрика, то есть размещение определенной модели правоотношения в Гражданском кодексе РФ.

Гражданский кодекс РФ в ст. 216 закрепляет исчерпывающий перечень вещных прав. В качестве таковых могут выступать: право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитут, право хозяйственного владения имуществом и право оперативного управления имуществом.

В этой связи необходимо выделить признаки вещного права:

- оно носит бессрочный характер;
- его объектом всегда является вещь;
- они пользуются абсолютной защитой;
- требования, вытекающие из них, подлежат приоритетному (преимущественному) удовлетворению относительно требований, вытекающих из обязательственных прав;
- ему присуще право следования.

Выделение таких признаков в различных интерпретациях присуще большинству авторов [2, 3] и может считаться практически общепринятым.

Вместе с тем, А. А. Иванов пишет: «Было бы разумно... зафиксировать в ГК легальные признаки вещных прав... Названные выше признаки могли бы с достаточной степенью четкости определять вещные права... Мне кажется, что вопрос о признаках вещных прав не только умозрительно научный, но и практический. С учетом постоянно принимаемых актов, которые вводят новые права, закрепление в законе четкого перечня признаков вещных прав освободило бы от многих споров. Напротив, подробное регулирование вещных прав в ГК позволило бы не перечислять все вещные права на недвижимость, которые подлежат государственной регистрации, а лишь указать, что регистрации подлежат все вещные права» [4].

Отметим, что к исследованию вещных прав в целом, а в особенности вещных прав на землю в частности, в современной отечественной правовой науке обращаются довольно редко, полагая, как справедливо заметил А. В. Копылов, что этот вопрос исчерпывающе разрешен еще в римском частном праве [6].

Однако законодательный отказ от господства исключительной публичной собственности на землю и вовлечение земель в гражданский оборот обуславливает признание необходимости научного осмысления данной правовой категории и ее четкого урегулирования как в гражданском, так и в специальном законодательстве [11]. Более того, недостаточными в данном свете видятся попытки юридического оформления земельных имущественных отношений посредством исключительно института собственности, поскольку, по дальновидному изречению И. А. Покровского, «одним правом собственности мог бы удовлетвориться только разве самый примитивный экономический быт» [9]. Советский исследователь А. В. Венедиктов в одной из своих работ, посвященных государственной социалистической собственности, отмечал, что «с развитием и усложнением имущественного оборота феодальная идея разделенной собственности, которая допускала существование у нескольких лиц прав собственности на одну и ту же вещь (прежде всего это касалось прав сюзерена и вассала на земельное владение), получила замену в виде разработанной германскими пандектистами теории ограниченных вещных прав, позволявших юридически удовлетворительно обеспечивать экономически необходимое участие одного лица в праве собственности другого» [1].

Указанные доводы и аргументы, по всей видимости, были положены в основу положений главы 17 Гражданского кодекса РФ, регулиющей вещные права на землю.

Оговоримся также, что Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г. отмечала неверную позицию законодателя по приданию нормам о вещных правах второстепенного значения в сравнении с нормами, посвященными праву собственности. Так, даже формально раздел II Гражданского кодекса называется «Право собственности и другие вещные права». Авторами Концепции предлагалось создать полноценную систему ограниченных вещных прав, которая могла бы реализовать потребности участников гражданско-правовых отношений в основанном на вещном праве режиме пользования чужим имуществом, в частности, чужим земельным участком. В Концепции было предложено назвать раздел II Гражданского кодекса РФ «Вещное право» и включить в него следующие подразделы: «Владение», «Общие положения о вещных правах», «Право собственности», «Ограниченные вещные права». Однако данные рекомендации не были должным образом восприняты законодателем. Наиболее масштабные и значимые изменения требуются в части:

- определения вещного права как субъективного права;
- выявление и закрепление общих для всех вещных прав правил, отражающих признаки всякого вещного права, среди которых:
 - а) возникновение и прекращение всякого вещного права исключительно по основаниям, установленным Гражданским кодексом РФ и соответствующими федеральными законами;
 - б) установление исчерпывающего перечня вещных прав в Гражданском кодексе РФ;
 - в) определение содержания и порядка осуществления вещных прав исключительно нормами Гражданского кодекса и соответствующих федеральных законов;
 - г) указание на обременение вещи какими-либо вещными правами, обеспечивающими обладателям этих прав господство (владение, держание) над вещью;
 - д) следование всякого вещного права за вещью;
 - е) преимущество вещных прав перед другими имущественными правами на вещь;
 - ж) возможность вещно-правовой защиты вещных прав;

з) закрепление в Гражданском кодексе РФ правил о соотношении правомочий собственника и обладателя ограниченного вещного права;

и) обязательность государственной регистрации всякого вещного права на недвижимое имущество;

к) момент возникновения всякого вещного права совпадает с моментом его государственной регистрации;

– закрепление исчерпывающего перечня вещных прав;

л) право пожизненного наследуемого владения земельным участком;

м) право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком;

н) эмпфитевзис;

о) суперфиций;

п) сервитут;

р) узуфрукт;

с) ипотека и иное зарегистрированное залоговое права;

т) право приобретения чужой недвижимой вещи;

у) право вещных выдач;

ф) право оперативного управления имуществом;

х) право хозяйственного ведения.

Обратимся к особенностям правового регулирования вещных прав на землю, как объект, регулирование которого осуществляется нормами одновременно двух отраслей права: гражданского и земельного. Сразу оговоримся, что если гражданское право регулирует отношения, возникающие в результате совершения сделок с землей, то такие вопросы, как отнесение земель к категориям, охрана земель, ведение мониторинга земель, землеустройство, перевод земель из одной категории в другую и иные, основанные на властеотношениях между физическими или юридическими лицами с одной стороны, и государственными или муниципальными органами с другой стороны, регулируются наряду с земельным правом, нормами административного права.

При этом отметим, что в доктрине существуют различные позиции о соотношении норм гражданского и земельного права в вопросах регулирования отношений по поводу земли.

В этой связи следует указать на то обстоятельство, что Земельным кодексом РФ установлено два принципиальных гражданско-правовых положения. Одно из них касается разграничения действия норм гражданского и земельного законодательства в вопросах регулирования отношений по поводу использования земель (абзац 2 подп. 11 п.1 ст. 1 Земельного кодекса), второе направлено на

ограничение свободы осуществления собственником земель своих правомочий, если это наносит ущерб окружающей среде.

Земельный кодекс РФ в статье 3 безоговорочно устанавливает следующее положение: «Имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками, а также по совершению сделок с ними регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено земельным, лесным, водным законодательством, законодательством о недрах, об охране окружающей среды, специальными федеральными законами», ограничивая тем самым действие гражданского законодательства в регулировании вещных отношений по поводу земли и сделок с ней посредством придания нормам гражданского законодательства статус субсидиарно применяемых институтов.

Подтверждением этому служат и нормы Гражданского кодекса РФ (ст. 815, ст. 970 и др.), указывающие на возможность применения Гражданского кодекса только в случае отсутствия его норм конкретному специальному закону.

Проведенный анализ главы 17 Гражданского кодекса РФ позволил выделить следующие группы норм:

– отсылающие к земельно-правовым нормам Земельного кодекса. К таковым относятся п. 3 ст. 129, п. 3 ст. 209, п. 2 ст. 214, п. 1 и п. 2 ст. 260, п. 1 ст. 261, п. 2 ст. 279, ст.ст. 285–287 Гражданского кодекса РФ;

– отсылающие к водному, лесному и законодательству о недрах. Это непосредственно п.п. 2–3 ст. 261, п. 1 ст. 262 Гражданского кодекса РФ;

– отсылающие к градостроительным нормам и правилам. К таким относится п. 1 ст. 263 Гражданского кодекса РФ;

– отсылающие к гражданско-правовым нормам, установленным Земельным кодексом и иными законами. Это самая многочисленная группа статей (ст. 258, п. 2 ст. 263; п. 2 ст. 264; ст. 265; п. 1 ст. 269; ч. 2 п. 1, п. 3 ст. 271; п. 5 ст. 274, ст. 287 ГК РФ).

Такое положение дел требует введения в главу 17 Гражданского кодекса РФ нормы, отражающей суть положения п. 3 ст. 3 Земельного кодекса РФ, например, в следующей редакции: «Положения настоящей главы могут применяться к вещным правам на земельные участки и сделки с ними только в части, не урегулированной Земельным кодексом Российской Федерации».

Конституция РФ в ст. 9 и ст. 36 закрепляет, а нормы ст. 129–130 Гражданского кодекса РФ

им корреспондируют, и возможность нахождения земли в собственности, и, соответственно, наличие у земельного участка всех гражданско-правовых признаков вещи. Вместе с тем, как справедливо отмечает ряд авторов, земля в естественном своем состоянии не обладает свойствами объекта вещного права собственности, в том числе в понимании его как полной власти над имуществом [5, 10]. В. Плохова называет земельный участок «носителем права пользования природными ресурсами», оговаривая свою позицию указанием на невозможность отделения земельного участка от остальной земли в натуре, отсутствие у него свойства дискретности, как основание признания несоответствия такому признаку объекта гражданских прав, как возможность нахождения в свободном гражданском обороте [7].

Сказанное позволяет говорить об условности и специфичности правомочий субъекта

права на землю. Повторимся, что гражданское законодательство (п. 3 ст. 209 ГК РФ с отсылкой на ст. 129 ГК РФ) определяет, что земля может находиться в гражданском обороте в той мере, в которой это допускается земельным законодательством. Законодатель ограничивает как право распоряжения землей, так и запрет произвольного изменения ее категории правообладателем.

В свете предложенных Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации изменений в вопросах регламентации ограниченных вещных прав и возникших на этой почве академических дискуссий, уместно говорить как о новом витке усовершенствования отечественного гражданского права, так и о развитии гражданско-правовой доктрины в данном направлении, что, безусловно, «ломает» сложившееся представление о статическом состоянии теории вещного права.

Литература

1. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: АН СССР, 1948. С. 114–120.
2. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.
3. Гражданское право: учебник: в 2 т. / О. Г. Алексеева, Е. Р. Аминов, М. В. Бандо и др.; под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 2. 528 с.
4. Иванов А. А. О системе изложения гражданского права // Преподавание гражданского права в современных условиях. Материалы конференции 23–26 марта 1999 г. СПб.: СПбГУ, 1999. 133 с.
5. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / С. А. Боголюбов, А. И. Бутовецкий, Е. Л. Ковалева и др.; под ред. С. А. Боголюбова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 784 с.
6. Копылов А. В. Вещные права на землю. М.: Статут, 2000. 255 с.
7. Плохова В. Особенности природных объектов и их отражение в правовом регулировании // Российская юстиция. 2002. №6.
8. Покровский И. А. История римского права. М.: Статут, 2004. 540 с.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
10. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
11. Суханов Е. А. Проблемы вещного права в современном российском праве // Журнал российского права. 2016. №4. С. 33–38.

References

1. Venediktov A. V. Gosudarstvennaya socialisticheskaya sobstvennost' (*State Socialist Property*). Moscow-Leningrad: SA USSR publ., 1948. P.114–120. (In Russian).
2. Vitryanskij V. V. Reforma rossijskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi (*Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results*). Moscow: Statut, 2018. 528 p. (In Russian).
3. Grazhdanskoe pravo (*Civil Law*): uchebnik: in 2 Vols / O. G. Alekseeva, E. R. Aminov, M. V. Bando ect. / ed. by B. M. Gongalo. Moscow: Statut, 2016. Vol. 2. 528 p. (In Russian).
4. Ivanov A. A. O sisteme izlozheniya grazhdanskogo prava (*On The System Of Presentation Of Civil Law*) // Prepodavanie grazhdanskogo prava v sovremennyh usloviyah. Materialy konferencii 23–26 marta 1999 g. St.Petersburg: SPbSU publ., 1999. 133 p. (In Russian).
5. Kommentarij k Zemel'nomu kodeksu Rossijskoj Federacii (postatejnyj) (*Commentary To The Land Code Of The Russian Federation (Article-By-Article)*) / S. A. Bogolyubov, A. I. Butoveckij, E. L. Kovaleva ect.; ed. by S. A. Bogolyubov. Moscow: Prospekt, 2017. 784 p. (In Russian).
6. Kopylov A. V. Veshchnye prava na zemlyu (*Property Rights To Land*). Moscow: Statut, 2000. (In Russian).
7. Plokhova V. Osobennosti prirodnyh ob'ektov i ih otrazhenie v pravovom regulirovanii (*Features Of Natural Objects And Their Reflection In Legal Regulation*) // Rossijskaya yusticiya. 2002. No.6. (In Russian).
8. Pokrovskij I. A. Istoriya rimskogo prava (*History of Roman Law*). Moscow: Statut, 2004. 540 p. (In Russian).
9. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava (*The Main Problems Of Civil Law*). Moscow: Statut, 1998. 353 p. (In Russian).
10. Suhanov E. A. Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyj ocherk (*Property Law: A Scientific And Educational Essay*). Moscow: Statut, 2017. 560 p. (In Russian).
11. Suhanov E. A. Problemy veshchnogo prava v sovremenном rossijskom prave (*Problems Of Corporeal Law In Modern Russian Law*) // ZHurnal rossijskogo prava. 2016. No.4. P. 33–38. (In Russian).

УДК 342.951

А. Я. Рыженков

ПРИНЦИП УЧАСТИЯ ГРАЖДАН И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В статье рассматривается теория и практика реализации межотраслевого принципа участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности, вопросы обеспечения свободы такого участия. Доказывается, что общественные обсуждения и публичные слушания в сфере градостроительства – это форма участия населения в решении вопросов местного значения в области градостроительной деятельности, состоящая в открытом обсуждении жителями муниципалитета (или его части) проектной документации либо иных градостроительных решений, реально или потенциально создающих угрозу для осуществления гражданами и/или правообладателями земельных участков своих конституционных прав, для публичной оценки представленных документов и выдачи рекомендаций органам власти по обсуждаемым местным вопросам.

Автором предлагается расширить область применения местного референдума по градостроительным вопросам, а также изменить имеющуюся тенденцию к сокращению сферы проведения общественных обсуждений и публичных слушаний в сфере градостроительной деятельности. При этом отмечается, что общественные обсуждения и публичные слушания – это родственные, но не тождественные процедуры, четкое разграничение которых еще предстоит осуществить. Однако уже сейчас можно сделать вывод, что с точки зрения предмета правового регулирования сфера общественных обсуждений шире, чем публичных слушаний, касающихся узкого круга указанных в законе вопросов.

Ключевые слова: градостроительная деятельность; принцип; объединения; проект; публичные слушания; общественные обсуждения; отрасль права.

A. Ya. Ryzhenkov

THE PRINCIPLE OF PARTICIPATION OF CITIZENS AND THEIR ASSOCIATIONS IN URBAN PLANNING: THEORY AND PRACTICE

The article examines the theory and practice of implementing the intersectoral principle of the participation of citizens and their associations in urban development activities, ensuring the freedom of such participation. It is proved that public discussions and public hearings in the sphere of town planning are a form of people's participation in addressing issues of local importance in the field of urban development, consisting in open discussion of project documentation by residents of the municipality (or a part of it) or other town-planning decisions that actually or potentially pose a threat to the exercise by citizens and / or land plot owners of their constitutional rights, for public evaluation of submitted documents and recommendations for local authorities on the issues discussed.

The author proposes to expand the scope of the local referendum on urban development issues, as well as change the existing tendency to reduce the scope of public discussions and public hearings in the sphere of urban development. It is noted that public discussions and public hearings are related but not identical procedures, a clear delineation of which is yet to be implemented. However, even now it can be concluded that, from the point of view of the subject of legal regulation, the sphere of public discussions is wider than the public hearings concerning a narrow range of issues specified in the law.

Key word: urban development, principle, enterprises, project, public hearing, public comment, branch of law.

Принципы права являются ядром правовой системы, и определяют вектор дальнейшего развития той или иной отрасли права. Именно

поэтому исследование правовых принципов, а при необходимости (в случае обнаружения недостатков юридической техники) и корректив-

ровка их содержания является одной из важнейших задач современной российской юридической науки.

Одной из наиболее распространенных классификаций принципов права является их подразделение на общеправовые, межотраслевые, отраслевые и институциональные (отдельных правовых институтов). Исследуемый принцип относится к числу межотраслевых, и его ядром выступают нормы конституционного права, регламентирующие участие общественности в принятии решений органами власти. Так, согласно ч. 1 ст. 32 Конституции РФ, граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей; в соответствии со ст. 30 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на объединение.

Непосредственное толкование понятия «объединение граждан» было произведено в Постановлении Конституционного Суда РФ от 24 октября 1996 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 7 марта 1996 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об акцизах». Как указал Конституционный Суд РФ, под «объединениями» следует понимать юридические лица, которые созданы гражданами для совместной реализации своих конституционных прав [3, с. 29].

В сфере градостроительной деятельности мы видим частный случай реализации принципа участия граждан в делах государства. Как отмечал С.С. Зенин, «группу правовых норм, регламентирующих конституционные основы организации и функционирования публичных слушаний с позиции системного характера конституционного права как отрасли российского права, необходимо рассматривать в качестве самостоятельного института» [9, с. 1132]. Исследуемый принцип, выражающий основную идею данного межотраслевого института конституционного права, проявляется в разных сферах общественных отношений. В частности, мы можем его обнаружить в сфере земельных отношений (участие граждан, общественных организаций (объединений) и религиозных организаций в решении вопросов, касающихся их прав на землю – ст. 1 Земельного кодекса РФ), в лесном законодательстве (участие граждан, общественных объединений в подготовке решений, реализация которых может оказать воздействие на леса при их использовании, охране, защите, воспроизводстве – ст. 1 Лесного кодекса РФ), в сфере охраны окружающей

среды (участие граждан, общественных объединений и некоммерческих организаций в решении задач охраны окружающей среды – ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ), а также в ряде иных законов.

В целях реализации данного принципа Градостроительный кодекс РФ, во-первых, разграничивает понятия «общественные обсуждения» и «публичные слушания», и, во-вторых, в ст. 5.1 определяет порядок реализации данных форм участия общественности в градостроительной деятельности. Как следует из данной статьи, общественность может принимать участие в обсуждении проектов генеральных планов, проектов правил землепользования и застройки, проектов планировки территории, проектов межевания территории, проектов правил благоустройства территорий, проектов решений о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка или объекта капитального строительства, проектов решений о предоставлении разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства. Градостроительный кодекс подробно регламентирует вопрос о том, кто может быть участником общественных обсуждений или публичных слушаний, решает ряд процедурных вопросов их организации и проведения, и разрешает вопрос об обязательности их результатов для органов публичной власти. Так, согласно п. 13 ст. 24 Градостроительного кодекса Российской Федерации, представительный орган местного самоуправления с учетом протокола общественных обсуждений или публичных слушаний, заключения о результатах общественных обсуждений или публичных слушаний принимает решение об утверждении генерального плана или об его отклонении и о направлении его на доработку. Таким образом, юридически обязательными для него результаты данных обсуждений не являются.

В юридической науке мнения относительно обязательности результатов публичных слушаний для органов публичной власти (и отношении к этому) достаточно сильно различаются. Так, одна группа авторов полагает, что публичные слушания проводятся в целях обеспечения гласности и соблюдения интересов населения муниципального образования при подготовке решений органами местного самоуправления по вопросам местного значения. Однако мнение граждан муниципалитета, выраженное в результате публичных слушаний,

носит для органов местного самоуправления лишь рекомендательный характер. Теоретически даже при единогласном возмущении против предлагаемого проекта генерального плана он может быть представлен на утверждение и затем утвержден представительным органом муниципального образования [15, с. 35–40].

В рамках этого направления ряд авторов считает необходимым уточнить, что рекомендательный характер публичных слушаний следует считать оправданным, так как «общественность не всегда объективна и способна компетентно судить о технических и прочих аспектах проектной документации» [13, с. 469]. Схожим образом сформулировал свою правовую позицию и Конституционный Суд РФ, указав, что публичные слушания по смыслу ст. 3 Конституции РФ и федерального законодательства, регулирующего их проведение, не являются формой осуществления публичной власти населением [12].

Другие авторы пишут, что реализация принципа народовластия и обеспечения реального, а не формального учета мнения населения по важным общественным вопросам требует «придать решениям, принятым по результатам публичных слушаний по вопросам, которые в обязательном порядке выносятся на публичные слушания, обязательный характер для соответствующих органов местного самоуправления. Именно данный фактор влияет, в первую очередь, на активность участия населения в публичных слушаниях» [5, с. 11–12].

С этим согласен и А. П. Анисимов, отмечая, что в странах с развитым гражданским обществом нормы о рекомендательном характере публичных слушаний имеют для органов публичной власти определяющее значение, однако в условиях отсутствия в России таких традиций необязательный характер результатов публичных слушаний для органов местной власти «едва ли будет способствовать повышению активности населения и усилению гарантий учета его мнения при осуществлении градостроительной деятельности» [2, с. 27].

С последней точкой зрения следует согласиться, поскольку отсутствие обязательности решений общественности для органов публичной власти по вопросам регулирования землепользования и застройки на территории муниципалитета в целом, либо отдельных его частей (вплоть до «точной застройки») влечет снижение активности населения в решении этих вопросов в правовых формах и может вызвать стихийный протест граждан. Однако более перспективным было бы даже не столь-

ко приращение любым результатам публичных слушаний обязательного для муниципальных властей характера, сколько расширение сферы действия местного референдума, создание правовых условий для его проведения по наиболее актуальным для общественности градостроительным вопросам. Гарантией от произвольного использования данной формы учета мнения населения является необходимость сбора подписей в пределах 5% от числа граждан, которые могут участвовать в таком референдуме (п. 4 ст. 22 Федерального закона от 06.10.2003 №131 – ФЗ (ред. от 19.02.2018) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). Местный референдум, являясь универсальной формой прямой демократии, может стать «одной из эффективных форм принятия решений по вопросам градостроительной деятельности, поскольку, во-первых, на местном референдуме может быть рассмотрен любой вопрос, касающийся градостроительной деятельности, а во-вторых, принятое на референдуме решение подлежит обязательному исполнению на территории муниципального образования» [8, с. 48].

Упомянутые в ст. 5.1 ГрК РФ «общественные обсуждения» и «публичные слушания» являются двумя проявлениями более широкой процедуры «общественного контроля», включающей в себя также общественный мониторинг, общественные проверки, общественные экспертизы и т.д. (ст. 18 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 24 июля 2014 г. №212 – ФЗ). При этом федеральный законодатель не проводит четкого размежевания данных категорий, указывая лишь, что общественное обсуждение есть «публичное обсуждение общественно значимых вопросов, а также проектов решений» органов власти, а публичные слушания – это «собрание граждан, организуемое субъектом общественного контроля», а в случаях, предусмотренных законодательством – органами государственной власти и органами местного самоуправления, а также некоторыми иными субъектами.

Таким образом, в первом случае речь идет о процессе (обсуждении), а во втором случае – о порядке и месте проведения обсуждений общественно значимых вопросов (ст. 24–25). Принципиальным отличием здесь можно считать то, что для тематики общественных обсуждений нет ограничений, тогда как публичные слушания проводятся в определенных сферах, указанных в законах и иных правовых актах. Применительно к общественным обсуждениям

в законе делается прямое указание на проекты правовых актов, в то время как для публичных слушаний об этом ничего не говорится. Если же мы обратимся непосредственно к сфере градостроительной деятельности, то обнаружим, что в ст. 5.1 ГрК РФ практически все правила и процедуры распространяются и на публичные слушания, и на общественные обсуждения. Одним из немногих исключений из этого правила являются пп.4-5, в которых отдельно излагаются процедуры проведения указанных процедур, хотя эти отличия и минимальны.

Соотношению указанных процедур уделяется много внимания в юридической литературе. Как отмечала Н. Н. Аверьянова, публичные слушания «нельзя путать с общественным обсуждением как отдельной формой участия населения в принятии решений в рамках регулирования земельных отношений. Общественное обсуждение также имеет целью выяснение мнения населения по тому или иному вопросу, но в отличие от первых оно им и ограничивается. Общественное обсуждение – это более творческий процесс, на него, как правило, не выносятся вопросы, требующие однозначного ответа. В результате общественного обсуждения появляются новые мнения, взгляды, критика предложенного органами власти варианта, которые носят рекомендательный характер. Поэтому на общественное обсуждение выносятся, как правило, проекты федеральных законов, и в настоящее время этот процесс даже регламентирован. В общественном обсуждении может принимать участие неограниченный круг лиц, публичные же слушания проводятся для обсуждения вопросов местного значения, то есть с участием жителей определенной территории» [1, с. 102].

В свою очередь, С. А. Васильев полагает, что общественные обсуждения и публичные слушания представляют собой «правовые процедуры различных областей права, национального и муниципального уровней. В этих процедурах выражен отличающийся общественный и частный интерес к различным аспектам территориального развития, градостроительной и хозяйственной деятельности и они не перекрывают друг друга» [7, с. 60]. Действительно, в течение длительного времени категория «общественные обсуждения» использовалась, в основном, в экологическом законодательстве (например, в рамках процедуры оценки воздействия на окружающую среду), и лишь несколько лет назад указанные категории стали использоваться одновременно, в т.ч. в ГрК РФ, что свидетельствует о намерениях законодателя сблизить сферу их действия.

При этом, несмотря на повышенное внимание законодателя к регламентации процедуры общественных обсуждений и публичных слушаний, продолжает сохраняться ряд проблем в реализации исследуемого принципа. Действительно, Градостроительный кодекс РФ провозглашает принцип участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности, гарантирует обеспечение свободы мнений граждан в ходе проведения ее обсуждения, однако практика показывает, что пока еще у местных властей сохраняются возможности по формализации участия населения в градостроительной деятельности. Есть и случаи серьезных конфликтов местных властей и населения муниципальных образований. Отдельную проблему составляет невозможность вынесения многих градостроительных вопросов на местный референдум (являющийся еще одной формой участия населения в решении градостроительных вопросов), что подтверждается рядом примеров из судебной практики [14].

К сожалению, до сих пор еще далеко не все документы и процедуры по разработке градостроительной документации попадают в сферу действия общественных обсуждений и публичных слушаний. Например, согласно п. 18 ст. 24 ГрК РФ, внесение в генеральный план изменений, предусматривающих изменение границ населенных пунктов в целях жилищного строительства или определения зон рекреационного назначения, осуществляется без проведения общественных обсуждений или публичных слушаний. Представляется, что данные изменения могут нарушать права граждан, и все же требуют обсуждения.

Однако в настоящий момент вместо расширения сферы публичных слушаний происходит ее сокращение. Так, Федеральный закон от 7 июня 2013 г. № 108-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «О подготовке и проведении в Российской Федерации чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепляет положение о том, что документация по планировке территории для размещения объектов инфраструктуры утверждается без проведения общественных обсуждений или публичных слушаний (ч. 9 ст. 27), что вызывает ряд вопросов о соответствии данной нормы рассматриваемому принципу градостроительного законодательства Российской Федерации.

Не менее острая проблема организации и проведения общественных обсуждений и пу-

бличных слушаний в России – это отсутствие требуемого финансирования организации данных мероприятий, проблемы с наличием помещений и их техническое оснащение, низкое качество материалов, предоставляемых на слушания, недостаточное участие разработчиков документации в процедурах их проведения. Как справедливо отмечалось в научной литературе, в основном, выявленные проблемы имеют «организационно-административный характер, что позволяет говорить о том, что органы публичной власти города Москвы не уделяли достаточного внимания институту публичных слушаний. Если органы власти сосредотачивают свои усилия на ключевых вопросах, прежде всего на нормативном регулировании, и недооценивают вопросы правоприменения, то есть организационные вопросы, то могут возникнуть проблемы, связанные с формированием института публичных слушаний и, как следствие, с формированием диалога между обществом и властью в целом. В этом случае органы власти могут спровоцировать рост протестных настроений» [10, с. 48–49].

Кроме того, причинами неэффективности публичных слушаний в России являются незаинтересованность органов местного самоуправления в их проведении; малоактивная позиция жителей муниципалитета, редко лично участвующих в решении вопросов местного значения; формальный характер проведения слушаний (размещение информационных сообщений о проведении публичных слушаний в средствах массовой информации маленьким тиражом; проведение публичных слушаний в рабочее время или в помещениях малой вместимости); коррумпированность отдельных муниципальных должностных лиц, а также лоббирование своих интересов недобросовестными инвесторами [6, с. 2–5]. Решение указанных проблем едва ли может сводиться к принятию новых законов или подзаконных актов – скорее речь должна идти о проведении комплексных мероприятий, включая меры по повышению правосознания граждан.

Большую роль в реализации рассматриваемого принципа градостроительного законодательства играют органы судебной власти. Так, по одному из дел суд указал, что право граждан на участие в градостроительных правоотношениях непосредственно реализуется через предусмотренную градостроительным законодательством процедуру проведения публичных слушаний при принятии государственными органами и органами местного самоуправления решений, затрагивающих права граждан,

в том числе при осуществлении ими мероприятий по планировке территорий. В соответствии с требованиями ч.5 ст. 46 ГрК РФ проекты планировки территории и проекты межевания территории до их утверждения подлежат обязательному рассмотрению на общественных обсуждениях или публичных слушаниях. Административные истцы Н., Ч. и Ш. являются жителями квартала 63, то есть участниками отношений по развитию указанной территории. Одним из оснований для оспаривания проекта планировки с проектом межевания территории квартала 63, ограниченной Яхтенной ул., ул. Савушкина, проектируемым проездом, проектируемой пешеходной улицей, проектируемым проездом в Приморском районе явилось то, что указанный проект не был предметом обсуждения на публичных слушаниях, и административные истцы полагают нарушенным свое право на публичное обсуждение общественно значимых вопросов, затрагивающих их интересы.

Рассмотрев апелляционную жалобу, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ определила: оставить без изменения решение Санкт-Петербургского городского суда от 18 августа 2017 г., частично удовлетворившего административное исковое заявление истцов, а апелляционную жалобу Правительства Санкт-Петербурга – оставить без удовлетворения [4].

В другом деле П. обратилась в суд с иском к четырем гражданам об устранении препятствий в осуществлении прав собственника земельного участка. В обоснование заявленных требований истица сослалась на то, что ей на праве собственности принадлежит земельный участок, на котором она изъявила желание построить здание с торгово-офисными помещениями, в связи с чем обратилась в администрацию Тихорецкого городского поселения Тихорецкого района о предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка в соответствии с Правилами землепользования и застройки Тихорецкого городского поселения Тихорецкого района, однако после проведения публичных слушаний постановлением от 7 июня 2012 г. ей было отказано в предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка для размещения здания с торгово-офисными помещениями.

Поскольку ответчики, являющиеся соседями смежных земельных участков, возражают против предоставления истице условно разрешенного вида использования земельного участка под размещение здания с торгово-офисными

помещениями, П. просила устранить данные нарушения со стороны ответчиков.

Как указал суд, предусмотренный ГрК РФ порядок предоставления разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка направлен на реализацию одного из общих принципов градостроительного законодательства, предполагающего участие граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности и обеспечение свободы такого участия (п. 5 ст. 2 ГрК РФ). Данный принцип включает в себя, в том числе, необходимость обязательного комплексного учета мнения населения при принятии градостроительных решений в целях согласования государственных, общественных и частных интересов в данной области для обеспечения благоприятных условий проживания. При этом наличие или отсутствие согласия участников публичных слушаний на предоставление разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка является одним из решающих факторов при принятии органом местного самоуправления соответствующего решения.

В связи с этим возражения граждан относительно предоставления разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка не могут подвергаться проверке в ходе судебного разбирательства на предмет их соответствия требованиям закона, поскольку они являются средством реализации этими гражданами предоставленного им законом права на выражение своего мнения по поводу изменения вида разрешенного использования земельного участка, граничащего с их участками. Предметом судебного разбирательства может быть только сама установленная законом процедура проведения публичных слушаний по вопросу об изменении вида разрешенного использования земельного участка. Использование ответчиками предоставленного им законом права на изъятие возражений относительно предоставления искице разрешения на условно разрешенный вид использования принадлежащего ей земельного участка не влечет нарушение прав истицы и не препятствует их осуществлению как собственником земельного участка. В результате Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ определила: принять по делу новое решение, которым в удовлетворении исковых требований П. отказать [11].

Таким образом, из проведенного исследования следуют четыре вывода:

1) общественные обсуждения и публичные слушания в сфере градостроительства – это форма участия населения в решении вопросов местного значения в области градостроительной деятельности, состоящая в открытом обсуждении жителями муниципалитета (или его части) проектной документации либо иных градостроительных решений, реально или потенциально создающих угрозу для осуществления гражданами и/или правообладателями земельных участков своих конституционных прав, для публичной оценки представленных документов и выдачи рекомендаций органам власти по обсуждаемым местным вопросам.

2) необходимо расширить область применения местного референдума по градостроительным вопросам, а также изменить имеющуюся тенденцию к сокращению сферы проведения общественных обсуждений и публичных слушаний в сфере градостроительной деятельности. При этом общественные обсуждения и публичные слушания – это родственные, но не тождественные процедуры, четкое разграничение которых еще предстоит осуществить. Однако уже сейчас можно сделать вывод о том, что с точки зрения предмета правового регулирования сфера общественных обсуждений значительно шире, чем публичных слушаний, касающихся узкого круга указанных в законе вопросов.

3) для создания надлежащих гарантий учета мнения граждан, высказанного на общественных обсуждениях и публичных слушаниях, необходимо нормативное закрепление обязанности создания согласительных комиссий из представителей муниципальной власти и общественности в случаях, когда орган местного самоуправления не согласен с результатами публичных слушаний, для дальнейшей доработки конкретных градостроительных документов.

4) реализация исследуемого принципа включает ряд проблем как правового (дефекты законодательства), так и неправового характера. К числу последних относится недостаточно высокая мотивация граждан к участию в общественных обсуждениях и публичных слушаниях, вызванная чувством отчуждения от решения проблем местного значения, низкий уровень правовой культуры, а также малоэффективность работы органов местного самоуправления с гражданами по вопросам разъяснения процедур участия населения в решении вопросов местного значения, в том числе градостроительного характера.

Литература

1. Аверьянова Н. Н. Публичные слушания как форма взаимодействия власти и общества в сфере регулирования земельных отношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т.13. №1–1. С. 101–104.
2. Анисимов А. П. О некоторых новеллах законодательства о порядке проведения публичных слушаний // Журнал российского права. 2006. №7. С. 23–27.
3. Анисимов А. П., Чикильдина А. Ю. Градостроительный кодекс Российской Федерации: правовые новации: поста-тейный научно-практический комментарий. М.: Библиотечка РГ, 2009. 544 с.
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 10 января 2018 г. № 78-АПГ17-20 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
5. Баулина Е. И. Публичные слушания как форма участия населения в принятии решений по вопросам местного значения // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. №29. С. 8–13.
6. Бровченко В. Н., Дегтярев О. Ю., Кириенко Г. С. О некоторых вопросах порядка организации и проведения публичных слушаний в России // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. №3. С. 2–5.
7. Васильев С. А. Общественные обсуждения и общественная экологическая экспертиза // Экология производства. 2006. №9. С. 58–63.
8. Гурнак Е. В. Формы реализации конституционных прав местного сообщества в сфере градостроительной деятельности // Юридический вестник ДГУ. 2013. №4. С. 46–50.
9. Зенин С. С. Публичные слушания как конституционно-правовой институт // Lex Russica. Том LXIX. №5. С. 1132–1134.
10. Крымов С. А. Сравнительный анализ подходов к организации и проведению публичных слушаний по вопросам градостроительной деятельности в российских городах-миллионниках // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2013. №7. С. 45–50.
11. Определение Верховного Суда РФ от 28 января 2014 г. № 18-КГ13-129 // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
12. Определение Конституционного суда РФ от 15.07.2010 г. № 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге», статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга «О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования населения при осуществлении градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. №2.
13. Очеретина М. А. Понятие и типология института публичных слушаний // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. №8. С. 466–476.
14. Павлушкин А. В., Мельник Т. Е. Вопросы защиты права на проведение местного референдума в судебной практике: Комментарий судебной практики // Консультант Плюс: комп. справ. правовая система URL: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 06.03.2018).
15. Помещикова С. А. Учет мнения населения в градостроительной деятельности // Конституционное и муниципальное право. 2007. №7. С. 35–40.

References

1. Averyanova N. N. Publichnye slushaniya kak forma vzaimodeystviya vlasti i obshchestva v sfere regulirovaniya zemel'nyh otnoshenij (*Public Hearings As A Form Of Interaction Between Authorities And Society In Sphere Of Land Relations Regulation*) // Izvestiya of Saratov University. Novaya seriya. Seriya: EHkonomika. Upravlenie. Pravo. 2013. Vol.13. No.1–1. P. 101–104. (In Russian).
2. Anisimov A. P. O nekotorykh novellah zakonodatel'stva o poryadke provedeniya publichnyh slushanij (Some Amendments To The Law On The Procedure For Conducting Public Hearing) // ZHurnal rossijskogo prava. 2006. No.7. P. 23–27. (In Russian).
3. Anisimov A. P., Chikildina A. Y. Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: pravovye novacii: postatejnyj nauchno-prakticheskij kommentarij (*Town-Planning Code Of The Russian Federation: Legal Innovations: itemized Scientific And Practical Commentary*). Moscow: Bibliotekhka RG, 2009. 544 p. (In Russian).
4. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 10 yanvarya 2018 g. № 78-APG17-20 (*Appeal Determination Of The Supreme Court Of The Russian Federation Of January 10, 2018 № 78-APG17-20*) URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
5. Baulina E. I. Publichnye slushaniya kak forma uchastiya naseleniya v prinyatii reshenij po voprosam mestnogo znacheniya (*Public Hearings As A Form Of Public Participation In Decision-Making On Issues Of Local Importance*) // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No.29. P. 8–13. (In Russian).
6. Brovchenko V. N., Degtyarev O. Yu., Kirienko G. S. O nekotorykh voprosah poryadka organizacii i provedeniya publichnyh slushanij v Rossii (On Some Issues Of Organizing And Holding Public Hearings In Russia) // Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom 2013. No.3. P. 2–5. (In Russian).
7. Vasiliev S. A. Obshchestvennye obsuzhdeniya i obshchestvennaya ehkologicheskaya ehkspertiza (*Public Discussion And Public Environmental Review*) // Ehkologiya proizvodstva. 2006. No.9. P. 58–63. (In Russian).
8. Gurnak E. V. Formy realizacii konstitucionnyh prav mestnogo soobshchestva v sfere gradostroitel'noj deyatel'nosti (*Forms Of Realizing Constitutional Rights Of Local Communities In The Field Of Urban Planning*) // YUridicheskij vestnik DGU. 2013. No.4. P. 46–50. (In Russian).
9. Zenin S. S. Publichnye slushaniya kak konstitucionno-pravovoj institut (*Public Hearings As Constitutional And Legal Institution*) // Lex Russica. Volume LXIX. No. 5. P. 1132–1134. (In Russian).

10. Krymov S. A. Sravnitel'nyj analiz podhodov k organizacii i provedeniyu publichnyh slushanij po voprosam gradostroitel'noj deyatel'nosti v rossijskih gorodah-millionnikah (*Comparative Analysis Of Approaches To The Organization And Carrying Out Public Hearings On Town-Planning Activity In Russian Metropolises*) // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2013. No.7. P. 45– 50. (In Russian).
11. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 28 yanvarya 2014 g. № 18-KG13-129 (*Determination of the Supreme Court of the Russian Federation of January 28, 2014 № 18-KG13-129*) URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
12. Opredelenie Konstitucionnogo suda RF ot 15.07.2010 g. № 931-O-O «Po zhalobe grazhdanki Andronovoj Ol'gi Olegovny na narushenie ee konstitucionnyh prav polozheniyami statej 39 i 40 Gradostroitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii, stat'i 13 Zakona Sankt-Peterburga «O gradostroitel'noj deyatel'nosti v Sankt-Peterburge», statej 7 i 8 Zakona Sankt-Peterburga «O poryadke organizacii i provedeniya publichnyh slushanij i informirovaniya naseleniya pri osushchestvlenii gradostroitel'noj deyatel'nosti v Sankt-Peterburge» (*Determination Of The Constitutional Court Of The Russian Federation Of 15.07.2010 № 931-O-O "On The Complaint Of Citizen Andronova Olga Olegovna On Violation Of Her Constitutional Rights By The Provisions Of Articles 39 and 40 Of The Town-Planning Code Of The Russian Federation, Article 13 Of The Law Of St. Petersburg "On Urban Development In St. Petersburg", Articles 7 And 8 Of The Law Of St. Petersburg "On The Procedure Of Organizing And Conducting Public Hearings And Informing The Public about Urban Development In St. Petersburg"*) // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. 2011. No.2. (In Russian).
13. Ocheretina M. A. Ponyatie i tipologiya instituta publichnyh slushanij (*The Concept And Typology Of The Institute Of Public Hearings*) // Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. 2008. No.8. P. 466–476. (In Russian).
14. Pavlushkin A. V., Melnik T. E. Voprosy zashchity prava na provedenie mestnogo referenduma v sudebnoj praktike: Kommentarij sudebnoj praktiki (*The Protection Of The Right To Hold A Local Referendum In The Judicial Practice: A Review Of Judicial Practice*) URL: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 06.03.2018). (In Russian).
15. Pomescikova S. A. Uchet mneniya naseleniya v gradostroitel'noj deyatel'nosti (*Taking Into Account The Views Of The Population In Urban Development Activities*) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2007. No.7. P. 35–40. (In Russian).

УДК 34.047

Д. А. Смирнов, М. С. Трофимов

**О ФОРМИРОВАНИИ ЮРИДИЧЕСКИМ ИНСТИТУТОМ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ФИНАНСОВОЙ КУЛЬТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ**

Правовая культура является важной составляющей общей культуры человека и гражданина. От уровня ее богатства и развития зависит общий культурный и правовой уровень общества. Как следствие, неразвитость правовой культуры приводит к повышению уровня и количества совершаемых правонарушений, низкой правовой грамотности, выражающейся в незнании закона и в отсутствии у граждан элементарных навыков защиты своих прав. Частью общей правовой культуры и грамотности человека, является финансовая культура и грамотность. В последние годы в Российской Федерации, как в западных странах десятилетия назад, уделяется огромное внимание формированию финансовой грамотности населения через реализацию различных общегосудар-

ственных программ. Важную роль в формировании финансовой культуры и финансовой грамотности играет Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета. В статье раскрывается понятие и структура финансовой культуры человека и общества в Российской Федерации, а также выявляются и описываются проблемы финансового правосознания участников финансовых правоотношений. Автор обращает внимание на проблемы формирования финансовой грамотности населения России на примере Ставропольского края и предлагает ряд мер по укреплению финансовой культуры.

Ключевые слова: финансовая культура, финансовая грамотность, грамотность населения, финансы и право.

D. A. Smirnov, M. S. Trofimov

**ON DEVELOPING FINANCIAL CULTURE OF THE POPULATION
BY THE INSTITUTE OF LAW OF THE NORTH-CAUCASUS FEDERAL
UNIVERSITY: THEORY AND PRACTICE OF IMPLEMENTATION**

Legal culture is an important component of the common culture of a man and a citizen. The level of its wealth and development depends on the overall cultural and legal level of society. Consequently, the underdevelopment of the legal culture leads to the increase in the level and number of offenses committed, low legal literacy manifested in ignorance of the law and the lack of basic skills for citizens to protect their rights. Part of the overall legal culture and literacy of a person is financial culture and literacy. In recent years, the Russian Federation, similar to western countries decades ago, pays great attention to the formation of the financial literacy of the population through the implementation of various na-

tional programs. An important role in the formation of financial culture and financial literacy is played by the Institute of Law of the North-Caucasus Federal University. The article reveals the concept and structure of the financial culture of a man and society in the Russian Federation, and also reveals and describes the problems of financial sense of justice of participants in financial legal relations. The authors draw attention to the problems of forming the financial literacy of the population of Russia by the example of the Stavropol Krai and offer a number of measures to strengthen the financial culture.

Key words: financial culture, financial literacy, literacy of the population, finance and law.

Культурологическим исследованиям в юриспруденции уделяется внимание в меньшей степени, чем в иных отраслях науки. Существует более 200 определений культуры, чего не скажешь в отношении финансовой культуры. С 2011 года законодатель обратил внима-

ние на необходимость повышения правовой грамотности и правосознания [3], а в 2017 году непосредственно определил стратегическую важность финансовой грамотности [5], от которой зависит состояние финансовой культуры.

Правовая культура занимает достойное место в трудах юристов, но финансовая культура выступает одним из самых малоизученных явлений. Как правило, в юридических трудах используется термин «финансовая культура» без раскрытия его содержания. Обычно ученые уделяли внимание лишь малой части финансовой культуры, а именно налоговой культуре [4, с. 1; 2, с. 362–377]. В то же время финансовая культура выступает составной частью правовой культуры.

Существует множество научных определений правовой культуры. При этом большинство ученых отмечают, что структура правовой культуры может быть представлена такими правовыми категориями как законность, правосознание, уровень развития законодательства и юридической практики [1, с. 179–180; 6, с. 21]. Некоторые указывают на связь с правовым режимом [7, с. 143].

Не углубляясь в общетеоретические проблемы, отметим, что наша цель состоит в изучении финансовой культуры как правовой категории. По нашему мнению, финансовая культура представляет часть общенациональной культуры государства, связанная с деятельностью участников отношений, регулируемых финансовым законодательством, отражающая уровень знания и соблюдения финансового и гражданского законодательства, знание своих прав, исполнение своих обязанностей, складывающаяся из понимания всеми гражданами важности для государства и общества повышения финансовой грамотности. В условиях цифровизации услуг, оказываемых населению государством и иными субъектами правоотношений состояние финансовой грамотности и финансовой культуры особенно актуальны.

Финансовая культура имеет гражданско-правовые и финансово-правовые аспекты. Гражданско-правовые основы финансовой культуры представлены нормами права, регулирующими договорные отношения между физическими лицами – гражданами России как потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями и учреждениями (банками, микрофинансовыми организациями, Пенсионным фондом России и др.). Финансово-правовые аспекты финансовой культуры представлены участием граждан России и иных физических лиц, проживающих на территории нашего государства, в финансовых правоотношениях, например, налоговых, банковских, страховых. Последний аспект финансовой культуры является публичным и характеризует, в том числе, уровень участия государства в регулировании финансовых рынков.

Представляется, что финансовая культура состоит из следующих элементов, которые следует рассматривать применительно к мировому уровню развития, используя, в том числе, сравнительно-правовой метод исследования: 1) финансовое правосознание населения и представителей государства (местного самоуправления), а также финансовых организаций и учреждений России; 2) финансовое законодательство; 3) юридическая практика; 4) законность и правопорядок.

Каждый из элементов финансовой культуры нуждается в совершенствовании. Однако особое внимание следует уделить формированию финансового правосознания.

Правосознание занимает особое место в юридической надстройке: «Оно не только ее, относительно самостоятельная, отличная от других частей надстройки, часть, но и всепроникающий ее элемент. В силу того, что право связано с сознательной деятельностью людей ... ни одна область юридической надстройки не обходится без правосознания, не существует и не может существовать без него» [8, с. 39]. Правосознание как сумма правовых идей предшествует и непосредственно определяет всю ту практическую деятельность, которая имеет юридическое значение. К тому же правосознание отражает юридическую практику, ее результаты, нормы права, правоотношения, законность и т.п. [8, с. 40]

Примитивное развитие финансовой культуры в России имеет свои исторические причины. В дореволюционной России уплата налогов рассматривалась как признак низкого сословного происхождения подданных и характеризовалась как «тягло». В советский период правосознание физического лица как налогоплательщик и участник финансовых правоотношений не имело представления о важности такого понятия как финансовая (налоговая) культура, поскольку основным участником подобных отношений выступало юридическое лицо. К концу 20-го века ситуация изменилась, возникла необходимость активного участия физических лиц в многочисленных финансовых правоотношениях, которые со временем усложнялись.

Современное финансовое правосознание нуждается в совершенствовании, что является результатом негативных факторов в правовом бытии, а также материальных и политических условий существования граждан России. Как известно, правосознание подразделяется на индивидуальное и общественное. В свою очередь правосознание делится на правовую

психологию и правовую идеологию. Индивидуальное финансовое правосознание находится в тесной связи с общественным. Индивидуальное финансовое правосознание меняется, но крайне медленно. В силу сложности финансового законодательства уровень финансовой грамотности населения России низок вне зависимости от пола. Возрастной критерий финансовой грамотности также имеет свое место: финансовая безграмотность возрастает вдвое у лиц старше 60 лет, а молодежь слабо разбирается в финансовой системе.

Общественная психология есть совокупность социальных чувств, настроений, переживаний, привычек, мыслей, иллюзий и т.д., вырабатывающихся стихийно, непосредственно под влиянием повседневных условий существования. Современная общественная психология в финансовой сфере отличается низким уровнем ответственности за свои действия.

Финансовая идеология вырабатывается образованными представителями экономической и юридической науки. Она складывается не стихийно, а является результатом предшествующего развития теоретической мысли. В современной российской финансовой идеологии присутствуют компоненты общепризнанных, прогрессивных форм понимания финансового права. Налоговые идеи, взгляды, теории, воззрения и доктрины известны из многочисленной литературы, учебников, диссертаций и докладов на научных конференциях, но знакомы они, прежде всего, ученым и юристам-практикам, а также студентам юридических учебных заведений. Обыденные потребители финансовых услуг с финансовой идеологией либо не знакомы, либо слабо знакомы.

Задача ученых и теоретиков как прогрессивных представителей общества сформировать достойный уровень общественной психологии и индивидуального финансового правосознания. Профессорско-преподавательский состав Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (далее СКФУ) принял активное участие в повышении финансовой грамотности населения России. Так, в 2014 году был выигран конкурс, объявленный Министерством финансов РФ, на тему «Подпроект «Просвещение, консультирование и юридическая помощь по вопросам защиты прав потребителей финансовых услуг в Северо-Кавказском федеральном округе «Финграмота СКФО» Проекта «Содействие повышению уровня финансовой грамотности населения и развитию финансового образования в Российской Федерации». В результа-

те реализации проекта в 2015–2016 гг. была проведена масса мероприятий по повышению финансовой грамотности и финансовой культуры населения России. В 2017–2018 гг. работа была продолжена в рамках нового проекта «Создание и распространение информационных материалов и проведение информационных мероприятий по актуальным вопросам защиты прав потребителей финансовых услуг в Ставропольском крае».

Работа коллектива Юридического института СКФУ была основана на предварительных результатах рассмотрения социально-экономической ситуации в Ставропольском крае, а также на исследовании судебной практики взаимоотношений потребителей с поставщиками финансовых услуг. Коллектив Юридического института, определяя формы проведения очных мероприятий, для лиц среднего и старшего возраста считал предпочтительнее использовать такие формы мероприятий, как консультации, мастер-классы, традиционные лекции, беседы в форме круглых столов. Из перечисленных форм самой эффективной оказалась беседа. Во время проведения мероприятий за очными консультациями обращались участники мероприятий, но подходили к специалисту уже кулуарно, после окончания мероприятия и не желали публично обсуждать свою проблему. Приглашенные специалисты вызвали интерес к тематике вопроса и такие формы были продуктивными. Заявленные лекции с такой возрастной группой неминуемо перерастали в беседы. Люди среднего, а тем более старшего возраста после первых 30 минут изложения материала обязательно начинают рассказывать ситуации, произошедшие с ними или знакомыми и родственниками, а некоторые пожилые люди, пользуясь возможностью общения, и дать советы окружающим (так, произошло при проведении мероприятия в с. Кочубеевском на тему «Как защититься от мошенничества в сфере финансовых услуг»). Очень важно не позволять увести беседу в другое нетематическое направление, но поддержать нужную тему.

Среди лиц старшего возраста чрезвычайно эффективно проходят информационные мероприятия в развлекательной форме. Подача материала проходит ненавязчиво, а информационной составляющей предшествует легкая игровая форма, исполнение песни, раздача призов за разгадывание тематической загадки или ребуса. Такую форму лучше приурочить к праздничному мероприятию (например, Вечер финансовой грамотности в так называемый

Старый новый год 13 января проведен в санатории «Москва» г. Кисловодск, санаторий является профсоюзным и путевки предоставляются по льготной цене или бесплатно как социальные путевки, соответственно, в большинстве своем участники принадлежат к группе лиц со средним или низким уровнем дохода).

Для лиц старшего возраста действительно важной оказалась тематика платежных услуг, безопасности пользования банковскими картами. Сельское население активно пользуется терминалами при оплате коммунальных услуг, зачислении денежных средств, оплачивают покупки в магазине. Представление о правилах безопасности достаточно слабое. Слабое представление о правилах безопасности имеют те лица, которые пользуются Интернет-услугами при осуществлении платежей и денежных переводов.

Данные факторы выявлены были Консультантом еще на этапе проведения фокус-групп и учитывались по тематике при формировании планов первой и второй волны информационных мероприятий.

При реализации проекта было выявлено также, что узкая направленность темы не всегда продуктивна. Например, тематика добровольных пенсионных накоплений сводилась к вопросам общего характера пенсионного обеспечения (например, мероприятие 22 сентября 2017 г. в учительской среде на тему «Порядок обращения, оформление и определение размера накопительной пенсии»), а узкая тема «автокредит» к правилам потребительского кредитования (Блиц-курс «Безопасный проезд по дороге автокредита 7 ноября 2017 г.). Специалисты, понимая возможность вопросов по смежной тематике, готовы были ответить на интересующие участников вопросы. При этом, поставленные задачи при проведении заявленного мероприятия не ущемлялись.

Информационные материалы, разработанные в рамках проекта, и направленные не только на аспекты правильного выбора и пользования финансовыми продуктами, но и на защиту прав потребителей в случае нарушения их прав со стороны финансовых организаций, вызывали интерес жителей. Пожилые люди просили дать им дополнительные комплекты для соседей, детей, знакомых. Специалисты, проводившие мероприятия в такой среде, благодарили участников за то, что они, по сути, являются своеобразными трансляторами информации.

Исходя из того, что население Ставропольского края имеет слабое представление

о действиях административного и юридического характера, которое потребитель должен предпринять в случае нарушения прав, важной составляющей при информировании населения Ставропольского края в первой и второй волне информационных мероприятий стало детальное описание механизма и алгоритма защиты прав потребителей финансовых услуг на территории Ставропольского края. Специалистами обращалось внимание участников на включение в информационные материалы ссылок на соответствующие органы государственной власти и местного самоуправления, общественные организации, в полномочия и компетенцию которых входит защита прав потребителей.

В среде молодежи эффективнее использовать такие источники, как мероприятия в сети Интернет (конкурс репостов, онлайн-конкурс информационных баннеров, Интернет-флешмоб). Просветительские массовые мероприятия с элементами развлекательного характера в молодежной среде показывают себя также успешными и, одновременно, содержательными (молодежная квест-игра, мировое кафе).

Верным оказалось привлечение для оказания правовой помощи населению структурного подразделения юридического института СКФУ – Юридическую клинику. Опыт оказания бесплатных консультаций по различным спорам, в том числе по защите прав потребителей финансовых услуг, оказался востребованным как на информационно-образовательном портале Финграмм СКФО, так и на портале краевой программы повышения финансового уровня населения Ставропольского края Финграмм26.

Наиболее подробно при проведении мероприятий обсуждались населением такие рекомендации и вопросы, как:

- Автоматически в большинстве случаев потребитель соглашается, что сеть Интернет не является безопасной средой, и принимает на себя все риски, связанные с подключением его оборудования (в том числе компьютерного) к сети Интернет.

- Потребитель-держатель кредитной карты должен понимать, что банк в большинстве случаев снимает с себя ответственность в следующих случаях:

- банк не несет ответственности за операции, сопровождающиеся правильным вводом ПИН;

- банк не несет ответственности за какие-либо сбои в обслуживании, связанные с оборудованием, системами подачи электроэнергии и/или линий связи или сетей, которые обеспечи-

ваются, эксплуатируются и/или обслуживаются третьими лицами. Банк не несет ответственности в ситуациях, находящихся вне сферы контроля Банка.

– Потребитель-держатель банковской карты обязан проявлять должную осмотрительность и разумность, ознакомиться с возможными мошенническими схемами, используемыми в целях завладения денежными средствами держателей банковских карт, имеющимися в том числе на официальных сайтах банков, и избегать возможной компрометации ПИН-кода или копирования карты третьими лицами. Проблема финансового просвещения в первую очередь возложена на плечи самого потребителя и требует высокой бдительности с его стороны.

– В случае, если потребитель-держатель карты соглашается с получением онлайн-услуги через сеть Интернет, он осознает возможность нарушения конфиденциальности информации при ее передаче через сеть Интернет.

– Возмещение сумм несанкционированных списаний крайне затруднительно. Держатель кредитной карты должен запомнить, что в случае утраты, компрометации карты или несанкционированной операции недостаточно проинформировать банк устно, при помощи телефонного звонка или смс уведомления. Правилами банка в большинстве случаев регламентировано, что для надлежащего уведомления Банка любое устное обращение необходимо подтверждать соответствующим письменным заявлением по установленной Банком форме, поданным в любом отделении Банка, указанном на Сайте Банка.

– Проблематика принудительного присоединения банком клиента к программам коллективного страхования или индивидуального страхования.

– Содержание кредитного договора, условия, права и обязанности заемщика, поручителя (их наследников), законодательные ограничения в коллекторской деятельности, порядок защиты прав потребителей финансовых услуг.

– Вопросы законодательства, которые помогут облегчить бремя выплат по ипотеке (материнским капиталом можно оплатить первоначальный взнос по ипотеке, право на имущественный вычет по НДФЛ).

– Особенности погашения кредита, действия при возникновении просроченной задолженности.

– Потребителю необходимо понимать, что при получении любой банковской карты обязательно открывается банковский счет, то есть он заключает договор банковского счета. Банк

обязан соблюдать условия договора банковского счета. Списание денежных сумм со счета владельца без его распоряжения свидетельствует о ненадлежащем качестве оказанной Банком услуги, в том случае если не имеется каких-либо оснований сомневаться в добросовестности потребителя.

– Суть механизма дополнительного пенсионного обеспечения, преимущества и риски.

– Способы обмана и кражи денег с банковских карт. Советы потребителю - банк не несет ответственности:

- за действия третьих лиц, связанные с разглашением банковской тайны, возникшие вследствие допущения потребителем – держателем карты третьих лиц к использованию мобильного телефона,

- компрометации логина (идентификатора пользователя), постоянного и/или одноразовых паролей;

- за ущерб, убытки или расходы, понесенные держателем карты в случае, когда реквизиты карты или ПИН-код держателя становятся известным третьим лицам;

- за негативные последствия, в том числе и ущерб, убытки, возникающие в результате раскрытия информации по банковским реквизитам держателя карты третьим лицам;

- за несанкционированное использование третьими лицами информации, указанной в SMS-уведомлении/3-D пароле, в случае если данная информация стала известна третьим лицами не по вине Банка.

– Продажа электронного ОСАГО.

– Новые изменения в закон об ОСАГО, новые правила о восстановительном ремонте

– и другие отдельные рекомендации и нормы.

В результате проведенной работы по повышению финансовой грамотности и правосознания следует отметить, что значительная масса населения России не имеет представления о порядке и правилах осуществления финансовых операций и предоставляемых им финансовых услугах, не понимает сущности последствий нарушения финансово-правовых и гражданско-правовых норм, направленных на регулирование финансовых рынков и услуг, связанных с функционированием последних. Государству требуется значительное количество финансовых и иных ресурсов для реализации стратегии по повышению финансовой грамотности и финансовой культуры, но замедлять и останавливать процесс, начатый еще в 2011 году совместно с Международным банком реконструкции, не допустимо. Цифровизация

жизни и права, следствием которой является появление новых финансовых категорий (криптовалюта, токен, смарт-контракт и др.) требует особого внимания со стороны государства к повышению финансовой грамотности и формированию достойного уровня финансовой культуры. Достичь высоких результатов возможно путем подготовки и проведения мероприятий, затрагивающих различные сферы

жизнедеятельности населения России. Государственную политику, в том числе и финансово-правовую, следует реализовывать с помощью долгосрочной федеральной целевой программы по воспитанию финансово-грамотного гражданина России, а также представителя государства, отличающегося высоким уровнем морали и правосознания.

Литература

1. Алексеев С. С. Проблемы теории государства и права: в 2-х т. Т.1. Свердловск: Свердл. юрид. ин-та, 1974. 352 с.
2. Гриценко В. В. Теория российского налогового права: современные проблемы. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2005. 440 с.
3. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168) // Российская газета. № 151. 14.07.2011.
4. Пансков В. Мы в политику играть не собираемся // Налоги. 2004. № 5. С. 21–32.
5. Распоряжение Правительства РФ от 25.09.2017 № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 годы» // СЗ РФ. 2017. № 40. Ст. 5894.
6. Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия, прогресс. Свердловск, Издательство Уральского ун-та. 1990. 176 с.
7. Сырых В. М. Теория государства и права: учебник для вузов. 5-е изд., стереотипное. М., Юстиц-Информ, 2006. 930 с.
8. Фарбер И. Е. Правосознание как форма общественного сознания. М.: Юридическая литература, 1963. 206 с.

References

1. Alekseev S. S. Problemy teorii gosudarstva i prava (*Problems Of The Theory Of State And Law*): v 2-h t. Vol.1. Sverdlovsk: Sverdlovsk law institute publ., 1974. 352 p. (In Russian).
2. Gricenko V. V. Teorija rossijskogo nalogovogo prava: sovremennye problem (*The Theory Of Russian Tax Law: Current Problems*). Saratov: Saratov State Academy of Law publ., 2005. 440 p. (In Russian).
3. Osnovy gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v sfere razvitija pravovoj gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan (*Bases Of RF State Policy In The Area Of Developing Legal Literacy And Legal Consciousness Of Citizens*) // Rossijskaja gazeta. No. 151. 14.07.2011. (In Russian).
4. Panskov V. My v politiku igrat' ne sobiraemsja (*We Are Not Going To Play Politics*) // Nalogi. 2004. No. 5. P. 21–32. (In Russian).
5. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 25.09.2017 № 2039-r «Ob utverzhdenii Strategii povyshenija finansovoj gramotnosti v Rossijskoj Federacii na 2017–2023 gody» (*Order Of The Government Of The Russian Federation No. 2039-r Of September 25, 2017 "On Approving The Strategy For Improving Financial Literacy In The Russian Federation For 2017–2023"*) // SZ RF. 2017. No. 40. Art. 5894. (In Russian).
6. Semitko A. P. Pravovaja kul'tura socialisticheskogo obshhestva: sushhnost', protivorechija, progress (*The Legal Culture Of A Socialist Society: Essence, Contradictions, Progress*). Sverdlovsk: Ural university publ., 1990. 176 p. (In Russian).
7. Syryh V. M. Teorija gosudarstva i prava (*Theory Of Government And Rights*). Moscow: Justic-Inform, 2006. 930 p. (In Russian).
8. Farber I. E. Pravosoznanie kak forma obshhestvennogo soznaniya (*Legal Awareness As A Form Of Public Consciousness*). Moscow: Juridicheskaja literatura, 1963. 206 p. (In Russian).

УДК 342.5

Г. В. Станкевич, Е. В. Касевич

БАНК РОССИИ КАК ОРГАН ВАЛЮТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ВАЛЮТНОГО КОНТРОЛЯ: ОТДЕЛЬНЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье анализируются такие публичные функции Банка России как валютное регулирование, валютный контроль и право нормотворчества в этой области. Особенность статуса Центрального Банка Российской Федерации в сфере валютных отношений определяется тем, что он одновременно является и органом валютного регулирования, и органом валютного контроля. Деятельность ЦБ РФ в валютной сфере тесно связана с его основными целями, в частности защитой и обеспечением устойчивости рубля, обеспечением стабильности и развития национальной платежной системы, обеспечением стабильности финансового рынка Российской Федерации. Даются авторские формулировки таких понятий как валютная интервенция,

валютный курс, валютные ограничения. Рассматриваются полномочия ЦБ РФ как органа валютного контроля. Поднимается вопрос о правовой природе нормативных актов ЦБ РФ в области регулирования валютных отношений.

В статье делается вывод о том, что в деятельности Банка России совмещены функции и организационно-правового, и правоустанавливающего, и правоприменительного характера, что может привести к возникновению проблем, связанных с конфликтом норм, полномочий и интересов.

Ключевые слова: Центральный Банк, валюта, валютное регулирование, валютный контроль, валютный курс, валютная интервенция, валютные ограничения.

G. V. Stankevich, E. V. Kasevich

THE BANK OF RUSSIA AS A BODY OF CURRENCY REGULATION AND CURRENCY CONTROL: SOME TOPICAL ASPECTS

The article analyzes such public functions of the Bank of Russia as currency regulation, currency control and the right to set standards in the relevant area. The peculiarity of the status held by the Central Bank of the Russian Federation in the sphere of currency relations is determined by the fact that it is both the body of currency regulation and a body of currency control. The activity of the Central Bank of Russia in the currency sphere is closely connected with its main objectives, in particular, protection and ensuring the stability of the ruble, ensuring the stability and development of the national payment system, ensuring the stability of the financial market of the Russian Federation. The author provides the definitions of such con-

cepts as currency intervention, exchange rate, currency restrictions. The powers of the CBR as a currency control body are considered. The question of the legal nature of regulatory acts of the Central Bank of the Russian Federation in the field of currency relations is raised.

The article concludes that in the activity of the Bank of Russia combines the functions of both organizational-legal and law-establishing and law-enforcement character that can lead to problems connected with the conflict of norms, powers and interests.

Key words: Central Bank, currency, currency regulation, exchange controls, exchange rate, currency intervention, currency restrictions.

Валютный контроль и валютное регулирование являются важными элементами государственной политики в области экономических отношений в любой стране. И Банк России выступает в роли одного из главных органов, осуществляющих данную деятельность. Но прежде чем рассматривать специфику этих функций Банка России, необходимо определить сущность этих процессов. По своей при-

роде валютное регулирование и валютный контроль являются административной составляющей механизма осуществления валютной политики государства, так же необходимой как и экономическая составляющая[6].

Правовой основой данных процессов является Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». Федеральный закон уста-

навливают основные принципы, полномочия органов валютного регулирования, правовой статус резидентов и нерезидентов в области владения, пользования и распоряжения валютными ценностями, а также права и обязанности агентов и органов валютного контроля.

Валютное регулирование можно определить как систему мер, применяемых уполномоченными органами государственной власти, и направленных на обеспечение порядка владения, пользования и распоряжения валютой и валютными ценностями. Валютное регулирование отдельными специалистами толкуется как вид государственного регулирования экономики, направление упорядочивания, соответствующих экономических отношений [2]. Валютное регулирование ставится в один ряд с валютной монополией и свободной конвертируемостью (отсутствием валютных ограничений) и понимается как один из видов правового режима осуществления валютных операций. Валютные ограничения воспринимаются при этом как одна из особенностей режима валютного регулирования [10]. Существует и точка зрения, которая рассматривает валютный контроль в разрезе с «правовым режимом». Согласно такой точке зрения возможно функционирование трех режимов валютного регулирования: валютная монополия, система валютных ограничений, отсутствие валютных ограничений (свободная конвертируемость валюты) [2]. По мнению Ж. У. Курмангалиева, валютное регулирование есть межотраслевой правовой институт, объектом которого выступают общественные отношения, складывающиеся в рамках осуществления валютных операций [4]. Данный подход предусматривает включение в понятие не только правомерное поведение субъектов, но противоправное.

Основополагающую роль в осуществлении валютного регулирования играют органы, осуществляющие его. Органами валютного регулирования в Российской Федерации являются Центральный Банк России и Правительство РФ. Данный перечень является исчерпывающим. Ранее действующий закон, регулирующий валютное регулирование в стране, определял в качестве органа валютного регулирования только Центральный Банк РФ. В целом нельзя говорить об абсолютной концентрации полномочий в области валютного регулирования в руках этих двух органов. В настоящих условиях актуальной становится и проблема организации надгосударственного валютного регулирования. На международном уровне действуют международные финансовые организации, ко-

торые занимаются решением проблем валютного регулирования и достижением наиболее оптимальных условий для осуществления валютных операций по всему миру. Среди таких организаций необходимо выделить Международный банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд, Международный банк Содружества Независимых Государств и т.д. Каждая из этих организаций вырабатывает как универсальные нормы, так и работает на двустороннем уровне, заключая международные договоры, регулирующие валютные операции, осуществляемые на мировых финансовых рынках. Тесное сотрудничество нашей страны с международными организациями в последнее время вызвано с политикой, направленной на достижение полной конвертируемости рубля, отмене валютных ограничений и в установлении режима управляемого курса рубля, который бы плавно реагировал на изменения в экономической ситуации. Все это достигается в рамках общей денежно-кредитной политики, проводимой Центральным Банком России как главным органом ее осуществления.

Говоря о методах, используемых Банком России при осуществлении валютного регулирования можно говорить об административных методах, выражающихся в издании специальных нормативных правовых актов, регулирующих отношения в данной сфере, и об экономических методах, связанных с непосредственным осуществлением операций валютной политики. По мнению М. С. Неретина, в качестве основных методов Банка России стоит выделять валютные интервенции и установление Банком официального курса валют.

Валютная интервенция – это метод государственного воздействия на процессы формирования курса национальной валюты, применяемый Центральным банком РФ на внутрисредствительном и международном валютном рынке. Они возможны путем совершения сделок купли-продажи национальной валюты с целью регулирования ее курса. Банк России покупая иностранную валюту, увеличивает государственный резерв иностранной валюты. Таким образом достигается основная цель валютной интервенции – оптимизация курса национальной валюты [7]. Как указывают эксперты, валютная интервенция проводится Центральным банком России с целью укрепить рубль и стабилизировать денежную систему. Для этого Банк России продает доллары, чтобы не дать упасть рублю на валютном рынке и тем самым воздействовать на покупательную силу денег, валютные курсы и на экономику страны в це-

лом. Если же Банк России начинает покупать доллары, то уже приводит к падению рубля. Обычно для интервенции Банком России используются официальные валютные резервы, поэтому политика в данной области должна быть осознанной и продуманной, поскольку любая ошибка может привести к истощению валютных резервов, а цель интервенции достигнута не будет.

Что касается, валютного курса, то его можно определить как соотношение двух валют при обмене. Цена денежной единицы одной страны, выраженная в денежных единицах другой страны – так определяют данное понятие толковые словари. Это очень важная часть деятельности Центрального банка, поскольку рубль до сих пор не является свободно конвертируемой валютой, хотя и пытается к этому приблизиться, а, следовательно, официальный курс валюты имеет значение и при расчете расходов и доходов государства, и при определении уровня инфляции, и для регулирования в области налогообложения и т.д. Валютный курс в настоящее время в России формируется за счет данных о соотношении спроса и предложения на конкретные валюты. Банк России ежедневно на основе информации о рыночном курсе рубля производит фиксирование его официального курса.

Разумеется, что кроме перечисленных методов Банк России использует и иные методы валютного регулирования. А именно, осуществляет действия по поддержанию курса рубля по отношению к иностранным валютам; определяет порядок движения капитала, устанавливает требования к операциям, совершаемым между резидентами и нерезидентами в порядке ст. 11 173-ФЗ и т.д.

Помимо валютного регулирования Банк России осуществляет и валютный контроль, который является важной частью финансового контроля государства. Он играет огромную роль, поскольку именно обеспечивает стабильность экономики, экономическую безопасность страны и, соответственно, оказывает влияние на все сферы общественных отношений в государстве. Нормативную основу валютного контроля составляет множество актов, среди которых ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», ФЗ «О Центральном Банке РФ», «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», «Об экспортном контроле», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и другие.

По мнению Н. А. Сатаровой, валютному контролю подлежат все валютные операции независимо от того, осуществляются они свободно, либо же в отношении них существуют валютные ограничения. Свою позицию она обосновывает тем, что свободное осуществление валютных операций обременяется необходимостью совершать определенные действия, которые являются следствием осуществления контроля. То есть в данном случае такие действия позволяют органам валютного контроля организовывать наблюдение за проведением валютных операций, накапливать информацию о движении валютных потоков и при необходимости корректировать валютную политику государства [8]. Г. А. Тосунян понимает под валютным контролем комплекс административных и организационных мер, осуществляемых уполномоченными на основании закона государственными органами или иными специальными организациями (агентами валютного контроля) и направленными на реализацию порядка совершения валютных операций и сделок в части валютных ограничений, а также мер по выявлению, предупреждению и пресечению нарушений данного порядка [9].

Центральный банк является одним из органов, осуществляющих валютный контроль. Помимо него полномочиями в этой области обладают и такие федеральные органы исполнительной власти как Федеральная налоговая служба, Федеральная таможенная служба, уполномоченные на данную деятельность Правительством РФ.

В области валютного контроля также выделяются специальные методы его осуществления. Одним из таких методов являются валютные ограничения. Валютные ограничения – это совокупность нормативно определенных правил, регулирующих порядок совершения валютных операций резидентами и нерезидентами. Данные ограничения направлены прежде всего на обеспечение экономической безопасности страны, а именно утечки капитала за рубеж, противодействию вывоза нерезидентами иностранной валюты в больших размерах. Еще одним методом валютного контроля является лицензирование деятельности, которая связана с осуществлением валютных операций. Поскольку данная деятельность затрагивает важные интересы государства, кредитные организации имеют право на осуществление ее только на основании лицензии, выдаваемой Банком России. При выявлении в ходе осуществлении контроля нарушений, определенных в законе, Банк России имеет

правомочие на отзыв лицензии данной кредитной организации.

Полномочия в сфере валютного контроля можно подразделить на общие и специальные. Среди общих полномочий, которые осуществляются всеми органами валютного контроля, выделяют возможность Банка России проводить проверки соблюдения резидентами и нерезидентами актов валютного законодательства, также проверять полноту достоверности учета и отчетности по валютным операциям; запрашивать документы и информацию по валютным операциям. В то же время специальными полномочиями Банка России являются:

1) право выдавать предписания об устранении выявленных нарушений актов валютного законодательства и актов органов валютного регулирования;

2) право применять меры ответственности, установленные законодательством РФ, за нарушение норм соответствующего законодательства и актов органов валютного регулирования.

Это говорит об особом правовом статусе Банка России, поскольку в отличие от надзорных полномочий Банка сразу показывает неравенство участников правоотношений и наличие отношений подчиненности.

Полномочия Банка России в области валютного контроля классифицируют и в соответствии с другим подходом. А. Ю. Лисицин выделяет три группы полномочий:

1) полномочия по организации взаимодействия субъектов, наделенных властными полномочиями в сфере осуществления валютного контроля;

2) полномочия Банка России как органа, непосредственно осуществляющего валютный контроль;

3) полномочия по определению содержания валютного контроля, осуществляемого уполномоченными банками в качестве агентов валютного контроля [5].

Еще одной важной функцией Банка России, в том числе и в рамках валютного регулирования и контроля, является правомочие на издание нормативных актов. Уже само право Банка России издавать нормативные акты вызывает множество вопросов. Действующий закон о Банке России говорит о возможности Банка по вопросам его компетенции издавать в форме инструкций, указаний и положений нормативные акты. Предмет регулирования данных нормативных актов составляют исключительно банковские операции. Среди ученых возникает спор относительно отличий банков-

ских операций от гражданско-правовых отношений. И в данном случае А. Г. Братко категорично высказывает свою позицию, согласно которой правоотношение в результате банковских операций возникает только между Банком России и кредитной организацией, и в отличие от гражданских правоотношений данные отношения не основаны на равенстве сторон, возникают только в рамках банковской системы, где Банк России – орган банковского регулирования и надзора[3]. Но если акты Банка России действуют лишь в узкой области отношений по совершению банковских операций, то возникает вопрос об обязательности этих актов для всех субъектов права. Федеральный закон закрепляет требование о том, что нормативные акты Банка России являются обязательными для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления, а также всех физических и юридических лиц. В то же время субъектами банковских правоотношений являются Банк России, кредитные организации, филиалы и представительства иностранных банков, поскольку обозначены в качестве элементов банковской системы. Соответственно, необходимо отличать правоотношения, которые связаны с банковскими лишь наличием такого субъекта как банк, но представляющие по своему характеру правоотношения гражданско-правового характера, и правоотношения, которые непосредственно касаются совершения валютных операций. В данных правоотношениях Банк России будет уже представлять собой контролирующую структуру и взаимоотношения уже будут носить публичный характер.

Особенностями нормативные акты Банка России обладают и в процессе регистрации. Порядок регистрации данных актов имеет сходство с порядком регистрации актов Правительства РФ. Акты Банка России регистрируются Министерство юстиции РФ и в течение 10 дней после их официального опубликования в «Вестнике Банка России» вступают в силу. По сравнению с актами других органов власти, обладающими полномочиями в сфере нормотворчества, данные акты широко не распространяются, а ведь затрагиваемые ими отношения прямо или косвенно затрагивают важные основы экономической политики государства. Отдельные акты Банка России вообще не подлежат официальному опубликованию, что сужает круг субъектов, информированных о появлении новых норм в регулируемой области. Этот факт порождает множество проблем и во-

просов, в том числе и связанных с применением санкций за нарушение требований нормативных актов Банка России. Важно выяснить, соответствует ли данный акт федеральному законодательству, и насколько правомочно его издание в рамках компетенции органов Банка России, имеющих право на принятие подобных актов. Это имеет значение, поскольку ст. 74 Федерального закона говорит, что «в случаях нарушения кредитной организацией федеральных законов, издаваемых в соответствии с ними нормативных актов и предписаний Банка России, непредставления информации, представления неполной или недостоверной информации Банк России имеет право требовать от кредитной организации устранения выявленных нарушений, взыскивать штраф в размере до 0,1 процента минимального размера уставного капитала либо ограничивать проведение кредитной организацией отдельных операций на срок до шести месяцев». Эти властные полномочия Банка России в очередной раз подменяют функции органов государственной власти в части возможности применения мер принуждения. Кроме того, Банк России дает заключения по проектам федеральных законов, а также нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, касающихся выполнения Банком России своих функций, т.е. можно говорить об активном участии Банка России в законотворческом процессе.

Возвращаясь непосредственно к актам, издаваемым Банком России в области валютного регулирования и контроля, то особенностью является то, что они могут носить как нормативный, так и ненормативный характер. Почему это является особенностью? Дело в том, что иные органы валютного контроля, чья деятельность при его осуществлении также важна,

не имеют право издавать нормативные предписание, их акты могут носить исключительно индивидуальный и ненормативный характер. Важной проблемой при осуществлении Банком России своих полномочий является проблема разграничения полномочий по изданию актов в сфере валютного регулирования и контроля. Ведь может произойти смешение сфер компетенции и эффективность, а также компетентность данной деятельности может пострадать.

Акты валютного регулирования и контроля необходимо разделить на группы. Первая объединяет те акты органов валютного контроля, которые принимаются этими органами в связи с осуществлением мероприятий валютного контроля. Данные акты являются результатом таких мероприятий, например, проверок, и направлены, прежде всего, на устранение нарушений, выявленных в их ходе.

Выделяют и вторую группу актов, которая направлена на определение основ деятельности органов контроля и регулирования – они и будут иметь нормативный характер и относиться именно к актам регулирования. Понимание данного вопроса, действительно, имеет значение, поскольку даже Закон о валютном регулировании и валютном контроле говорит об отграничении функции правотворчества и правоприменения: «акты органов валютного контроля не должны содержать положения, касающиеся вопросов регулирования валютных операций» [1].

Таким образом, очевидно, что сложилась ситуация, когда один орган совмещает в своей деятельности функции и организационно-правового, и правоустанавливающего, и правоприменительного характера, что может приводить к ряду проблем, связанных с конфликтом норм, полномочий и интересов.

Литература

1. Федеральный закон от 10.12.2003 №173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // Собрание законодательства РФ. 2003. №50. Ст. 4859.
2. Артемов Н. М. Валютные ограничения. М.: ООО «Профобразование», 2001. 104 с.
3. Братко А. Г. Специфика нормативных актов Банка России // Право и экономика. 2006. №7. С.17–21.
4. Губарева Т. И. Валютное регулирование: динамика парадигмы в условиях новых вызовов // Финансовое право. 2009. №6. С. 8–11.
5. Лисицын А. Ю. Понятия «акты органов валютного регулирования» и «акты органов валютного контроля» по законодательству Российской Федерации // Финансовое право. 2006. №2. С. 29–35.
6. Парсамян Т. Х. Валютный контроль и валютное регулирование // Клуб главных бухгалтеров. 2011. №3. С. 20–23.
7. Неретин М. С. Административное правовое регулирование валютного контроля и место Банка России в системе валютного контроля // Административное и муниципальное право. 2008. №4. С.16–23.
8. Сатарова Н. А. Принуждение в механизме валютно-правового регулирования // Банковское право. 2006. №2. С. 51–55.
9. Тосунян Г. А., Емелин А. В. Валютное право РФ. М.: Дело, 2004. 368 с.
10. Хаменушко И. В. Валютный контроль в Российской Федерации: Диссертация на соискание ученой степени канд. юрид. наук: На правах рукописи. М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 1999. 186 с.

References

1. Federal'nyj zakon ot 10.12.2003 №173-FZ «O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole» (*Federal Law Of 10.12.2003 № 173-FZ "On Currency Regulation And Currency Control"*) // Sbornik zakonodatel'stva RF. 2003. No.50. Art. 4859. (In Russian).
2. Artemov N. M. Valyutnye ogranicheniya (*Foreign Exchange Restrictions*). Moscow: LLC «Vocational Education», 2001. 104 p. (In Russian).
3. Bratko A. G. Spetsifika normativnykh aktov Banka Rossii (*The Specificity Of The Normative Acts Of The Bank Of Russia*) // Pravo i ekonomika. 2006. No.7. P. 17–21. (In Russian).
4. Gubareva T. I. Valyutnoe regulirovanie: dinamika paradigmy v usloviyakh novykh vyzovov (*Monetary regulation: Paradigm Dynamics In The Face Of New Challenges*) // Finansovoe pravo. 2009. No.6. P. 8–11. (In Russian).
5. Lisitsyn A. Y. Ponyatiya «akty organov valyutnogo regulirovaniya» i «akty organov valyutnogo kontrolya» po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii (*The Concept Of «Acts Of Bodies Of Currency Regulation» And «The Acts Of Bodies Of Currency Control» According To The Legislation Of The Russian Federation*) // Finansovoe pravo. 2006. No. 2. P. 29–35. (In Russian).
6. Parsamian T. H. Currency control and currency regulation (*Valyutnyi kontrol' i valyutnoe regulirovanie*) // Klub glavnykh buhgalterov. 2011. No.3. P. 20–23. (In Russian).
7. Neretin M. S. Administrativnoe pravovoe regulirovanie valyutnogo kontrolya i mesto Banka Rossii v sisteme valyutnogo kontrolya (*Administrative Legal Regulation Of Foreign Exchange Control And The Bank Of Russia In The System Of Currency Control*) // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2008. No. 4. P. 16–23. (In Russian).
8. Satarova N. A. Prinuzhdenie v mekhanizme valyutno-pravovogo regulirovaniya (*Coercion In The Exchange Rate Mechanism Of Legal Regulation*) // Bankovskoe pravo. 2006. No.2. P. 51–55. (In Russian).
9. Tosunian G. A., Yemelin A. V. Valyutnoe pravo RF (*The Currency Law Of The Russian Federation*). Moscow: Delo, 2004. 368 p. (In Russian).
10. Khamenushko I. V. Valyutnyi kontrol' v Rossiiskoi Federatsii (*Exchange Control In The Russian Federation*). Moscow: MSU named after M. V. Lomonosov, 1999. 186 p. (In Russian).

УДК 347.65/68

С. С. Шевчук, О. В. Ландина

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В НОРМАХ НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА

Изучение и анализ принципов наследственного права представляет особую как теоретическую, так и практическую актуальность и значимость, поскольку они призваны выполнять важнейшие функции в режиме правового регулирования наследственных отношений. Принципы являются отправной точкой правового регулирования всякой отрасли права, поскольку образуют ту необходимую правовую основу, на которой строятся и развиваются все иные нормы права. Принципы права выполняют также прикладную, правоприменительную роль в случае необходимости ликвидации пробелов в праве, которых не лишены даже самые прогрессивные и развитые системы права. Авторы исходят из того, что установление, юридическое закрепление и применение принципов наследственного права помогают грамотно применять нормы данной подотрасли, лучше понимать ее сущность и социальное назначение.

В контексте отечественной правовой системы принцип справедливости представляет собой уникальный универсальный принцип, который находит отражение не только в гражданском (наследственном) праве, но и в других отраслях права. Авторы обращаются к проблемам, связанным со значением и правовой квалификацией принципа справедливости, с реализацией принципа справедливости в различных институтах наследственного права, высказываются предложения, направленные на решение проблем совершенствования института принципа справедливости.

Ключевые слова: принципы, наследственное право, принципы наследственного права, система принципов, справедливость, принцип справедливости.

S. S. Shevchuk, O. V. Landina

THE PRINCIPLE OF JUSTICE AND ITS IMPLEMENTATION IN THE NORMS OF INHERITANCE LAW

The study and analysis of the principles of inheritance law is of particular theoretical and practical importance, as they are designed to perform important functions in legal regulation of inheritance relations. The principles are the starting point for the legal regulation of any branch of law, since they form the necessary legal basis on which all other norms of law are built and developed. The principles of law also play an applied law enforcement role, where there is a need to fill gaps in the law that even the most advanced and developed systems of law possess. The authors proceed from the fact that the establishment, legal consolidation and application of the principles of inheritance law help to correctly apply the norms of the sub-sector,

to better understand its essence and social purpose. In the context of the domestic legal system, the principle of justice is a unique universal principle, which is reflected not only in civil (inheritance) law, but also in other branches of law. The authors address the problems associated with the value and legal qualification of the principle of justice, with the implementation of the principle of justice in various institutions of inheritance law, proposals are made to solve the problems of improving the Institute of the principle of justice.

Key words: principles, inheritance law, principles of inheritance law, system of principles, justice, principle of justice.

Принципы (основные начала) играют существенную роль в режиме правового регулирования наследственных отношений. Наследственное право является подотраслью гражданского права, в силу чего принципы наследственного права являются одновременно составной частью подотраслевых принципов гражданского права.

Принципы права представляют собой категорию фундаментальную и многогранную. Легальное определение принципа права, в том числе принципа наследственного права, отсутствует. Термин «принцип» происходит от латинского «principium», что означает «основа, первоначало, руководящая идея, исходное по-

ложение» какого-либо явления. Общелингвистический смысл данного понятия сводится к обозначению определенного основного исходного положения чего-либо (например, теории, учения, программы, устройства). В Толковом словаре С. И. Ожегова принцип трактуется как «убеждение, основное исходное начало» [8, с. 375].

В качестве правового понятия принципы обычно рассматриваются как «руководящие идеи, характеризующие содержание права, его сущность и назначение» [12, с. 297], «наиболее общие положения права» [15, с. 196], идеи, составляющие сущность правового регулирования общественных отношений, основополагающие правовые идеи, основания системы права.

В частности, В. П. Грибанов рассматривал правовые принципы как «руководящие положения права, его основные начала, выражающие объективные закономерности, тенденции и потребности общества, определяющие сущность всей системы права, отдельной отрасли или института и имеющие в силу их правового закрепления общеобязательное значение» [11, с. 16]. Полагаем, что данное определение может претендовать на звание универсального, поскольку оно объективно способно трансформироваться из общего определения принципов права в определение принципов отдельной отрасли права или ее отдельного института.

Заслуживающее внимания определение принципов права применительно к наследственным правоотношениям предлагает К. В. Храмцов, полагающий, что принципы наследственного права есть «объективно обусловленные, закрепленные в нормах права важнейшие положения, обладающие стабильным характером, которые обуславливают сущность и особенности правового регулирования наследования, содействуют совершенствованию регламентации поведения субъектов наследственного права и направляют правоприменительную деятельность» [13, с. 9]. Принципы наследственного права представляют собой объективно обусловленные, закрепленные в нормах права важнейшие положения, обладающие стабильным характером, которые определяют сущность и особенности правового регулирования наследования, содействуют совершенствованию регламентации поведения субъектов наследственных правоотношений и направляют правоприменительную деятельность.

Единства мнений относительно системы принципов наследственного права в науке права не сложилось. Так, Ю. К. Толстой выде-

ляет такие принципы наследственного права как универсальность наследственного правопреемства; свобода завещания; обеспечение прав и интересов необходимых наследников; учет действительной и предполагаемой воли наследодателя; свобода выбора поведения у наследников, призванных к наследованию; охрана основ правопорядка и нравственности, интересов наследодателя, наследников, иных физических и юридических лиц в отношениях по наследованию; охрана наследства от чужих бы то ни было противоправных или безнравственных посягательств [1, с. 541].

По мнению Б. А. Булаевского, наследственное право базируется на таких принципах, как универсальность наследственного правопреемства; свобода завещания; охрана прав и интересов близких наследодателю лиц в сочетании с правами и интересами других лиц; свобода наследования; наиболее полное обеспечение исполнения воли наследодателя [7, с. 20].

С. П. Гришаев полагает, что в основе наследственного права расположены два основополагающих принципа – свобода наследования и охрана интересов семьи и обязательных наследников, при этом данные принципы присущи правовому регулированию абсолютно всех видов наследственных отношений [2, с. 8].

Разброс мнений относительно видов и количества принципов наследственного права объясняется, на наш взгляд, отсутствием их легально определения, и как следствие, субъективностью в придании определенным нормам наследственного права значения правового принципа. Кроме того, авторы выделяют общие принципы наследственного права; принципы наследования по закону и принципы наследования по завещанию.

Конструктивным, на наш взгляд, также является подход построения системы принципов наследственного права с точки зрения разделения их на принципы наследственного права, легализованные в нормах ГК РФ (принцип универсальности наследственного правопреемства, принцип свободы завещания, принцип тайны завещания, принцип справедливости как общегражданский принцип), и принципы наследственного права, вытекающие из наследственного законодательства посредством толкования (приоритет наследования по завещанию, защита прав и интересов обязательных наследников; свобода в осуществлении наследственных прав; принцип очередности призвания к наследованию по закону).

Приведенный перечень принципов наследственного права, как и любой другой отрасли

(подотрасли) права, безусловно, не является исчерпывающим. Выделение определенных принципов права лишь указывает на их наибольшую значимость и распространенность.

Теоретическое и прикладное значение принципов наследственного права огромно. От того, каковы эти принципы и как они сформулированы в правовой норме, зависит качество дальнейшего результата правотворческой деятельности, и как следствие – уровень эффективности правового регулирования наследственных отношений. Принципы приобретают непосредственное значение при наличии пробелов в праве: аналогия права основана на применении к соответствующим отношениям, не урегулированным нормами права, принципов [5, с. 114]. Принципы наследственного права определяют вектор будущего развития и совершенствования наследственного законодательства.

Изучая и анализируя проблемы правового регулирования наследственных отношений, мы пришли к выводу о том, что в основе формирования системы принципов наследственного права лежит принцип справедливости.

Феномен справедливости представляет сложнейшую фундаментальную категорию, исторически формировавшуюся наряду с категориями морали и нравственности. Ее рассматривают, прежде всего, как критерий оценки взаимоотношений между различными членами общества между собой и с самим обществом [4, с. 53]. Для права справедливость выступает в качестве одного из основополагающих правовых принципов, требующего дальнейшего изучения и анализа. Еще в Дигестах Юстиниана говорилось о том, что «право есть искусство доброго и справедливого», а «юриспруденция есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом» [3, с. 342].

В эпоху античной философии категория «справедливость» представлялась в основном сквозь призму понятий должного, равенства, соразмерности и пропорциональности, общего блага, эквивалентности. В средневековый период, когда господствовало теологическое мировоззрение, справедливость связывалась с происхождением от высших божественных сил. Например, в учении Ф. Аквинского фундаментальная основа бытия представлялась в лишении категории справедливости земного, социального характера и превращение ее в одно из средств укрепления существующих общественных отношений. Новое время повлекло смещение акцентов в изучении справедливости как философско-социального феномена.

Не вызывает сомнения, что понятие «справедливость» плохо поддается формализации, строгие критерии и признаки справедливости установить достаточно проблематично. Вероятнее всего, именно поэтому принцип справедливости не имеет прямого нормативного закрепления ни в ст. 1 ГК РФ, определяющей основные начала гражданского законодательства, ни в разд. 5 ГК РФ, посвященном правовому регулированию наследственных отношений. Между тем, согласно ст. 6 ГК РФ в случае невозможности применить аналогию закона регулирование гражданско-правовых отношений должно осуществляться на основании аналогии права и «требований добросовестности, разумности и справедливости». Категория «справедливость» нередко фигурирует в отдельных правовых нормах в качестве критерия, которым стоит руководствоваться правоприменителю при разрешении конкретных споров (например, ст. 622, ст. 1100 ГК РФ и др.).

В действительности, категорией «справедливость» пронизан весь массив норм наследственного права, идеи справедливости непосредственно вписываются в механизм универсального наследственного правопреемства, опосредующего переход наследственной массы от наследодателя к наследникам как единого целого. Исторически складывалось так, что наследование, как правовой инструмент, обеспечивает равновесный и справедливый баланс частных и публичных интересов в сфере имущественного оборота. Конституцией РФ гарантируется право каждого распорядиться своим имуществом на случай смерти и право принять причитающееся по закону или по завещанию наследство, что способствует поддержанию семейных ценностей, создает правовые основы для осуществления свободы в сфере наследственных прав, стабилизирует гражданский оборот. Для отечественного наследственного права также характерна обеспечительная направленность, поскольку его нормы предоставляют социально незащищенным субъектам наследственных прав дополнительные правовые гарантии защиты их интересов. Иными словами, принцип справедливости буквально читается «между строк» правовой материи, не смотря на отсутствие буквального закрепления этого принципа в нормах права.

Словари русского языка дают нам следующие определения, дающие начальные представления о справедливости: «справедливое отношение к кому-нибудь, беспристрастие» [10, с. 542], «соответствие человеческих отношений морально-этическим, правовым и дру-

гим нормам, требованиям» [6, с. 487]. Очень удачно, по-нашему мнению, высказывание С. А. Ивановой о том, что справедливость представляет собой некий «компромисс интересов» [4, с. 38] в отношениях людей и социальных групп. Действительно, с помощью представлений о справедливости оцениваются социальные явления и процессы, действия отдельных членов общества и социальных групп, а реализация принципа справедливости способствует достижению социального компромисса интересов в обществе.

Прежде всего, принцип справедливости находит свое отражение в нормах, закрепляющих два основания наследования: по завещанию и по закону. В основу выбора наследника положена либо субъективная справедливость, выражающаяся в проявлении свободы воли завещателя, либо социальная справедливость, определяющая очередность наследников по закону. Такой подход позволяет наследодателю проявить активность и выразить свою свободную волю на распоряжение своим имуществом на случай смерти. Отсутствие же завещания гарантирует переход наследства наследодателя к наследникам согласно установленной законом очередности.

Институт наследования по завещанию способствует проявлению принципа справедливости наиболее ярко. Возможность по своему усмотрению распорядиться своим имуществом на случай смерти в полной мере соответствует принципу социальной справедливости, поскольку формирует заинтересованность граждан в накоплении собственности, обуславливает уверенность в завтрашнем дне: наследодатель, приобретая (создавая) при жизни имущество, не просто знает, кому перейдет все нажитое в случае его смерти, но и выбирает законные способы распоряжения таким имуществом. Иными словами, принцип справедливости проявляет себя сквозь призму охраны прав собственника – наследодателя, что безусловно присуще правовому и социальному государству.

С принципом свободы завещания тесно связан институт обязательной доли, который носит ярко выраженный социально-обеспечительный характер: право на обязательную долю призвано защитить интересы нуждающихся в особой защите в силу возраста или состояния здоровья членов семьи наследодателя и близких ему лиц при наследовании по завещанию, если таким завещанием их наследственные права нарушены. Обязательная доля представляет установленную часть наследствен-

ного имущества, правом на получение которой независимо от содержания завещания преимущественно перед другими наследниками обладает определенная законом категория наследников. Принцип справедливости находит выражение в самой сущности института обязательной доли, который представляет собой своеобразную и тонкую грань между свободой воли завещателя и невмешательством государства в субъективные права граждан с одной стороны, и материальной поддержкой нуждающихся близких лиц наследодателя, и нормами морали с другой. Действие института обязательной доли имеет место в случае, если завещанием обязательные наследники лишены наследства (в том числе путем пассивного умолчания) или же причитающееся таким наследникам согласно завещанию, имущество составляет менее половины той доли, которая причиталась бы им по закону при отсутствии завещания. При этом закон устанавливает исчерпывающий круг обязательных наследников, закрепляет размер обязательной доли, устанавливает приоритетный объект удовлетворения права на обязательную долю – незавещанное имущество, и только при его отсутствии право на обязательную долю подлежит удовлетворения за счет завещанного имущества, предусматривает зачет всего имущества, перешедшего к необходимому наследнику, в счет обязательной доли, в том числе зачет предметов обычной домашней обстановки и обихода.

Изложенное свидетельствует о том, что институт обязательной доли в полной мере отражает действие принципа справедливости в наследственном праве, выступает специальным средством согласования прав гражданина как собственника и его обязанностей как члена семьи [9, с. 338].

При наследовании по закону принцип справедливости проявляется в том, что соответствующий институт зиждется на предположении того, что закон, устанавливающий круг наследников, очередность их призвания к наследству, размеры наследственных долей соответствуют воле наследодателя, не пожелавшего выразить свою волю путем составления завещания. «Определяя круг наследников при наследовании по закону, законодатель как бы руководствуется волей наследодателя, назначая в качестве таковых тех лиц, которых, по всей вероятности, назначил бы и сам наследодатель, опираясь на чувства близкого родства и привязанности. В связи с этим ближайшими наследниками по закону являются те лица, которые, как правило, вместе с наследодателем составляют его семью» [16, с. 135].

Принцип справедливости выражается также в призвании к наследованию наследников в соответствии с установленной очередностью. Круг наследников по закону и порядок их призвания к наследованию определяется законодательством с учетом родственных, брачных, отношений, отношений, вытекающих из усыновления, наличия иждивения и других обстоятельств. Состав каждой очереди сформирован справедливейшим образом, исходя из степени близости родства наследодателя и его потенциальных наследников.

Представителями науки наследственного права высказана точка зрения, в соответствии с которой расширение круга потенциальных законных наследников не соответствует принципу справедливости [14, с. 3]. Нами разделяется данная позиция, поскольку семейные связи, начиная от третьей степени родства, реально и объективно являются неустойчивыми, и таких наследников принято называть «смеющимися» из-за отсутствия скорбных чувств по умершему.

Институты наследования по праву представления и наследственной трансмиссии также пронизаны идеями справедливости, поскольку призваны способствовать тому, чтобы наследство перешло к наиболее близким к наследодателю лицам.

В соответствии с принципом справедливости сформулированы и нормы о доле пережившего супруга в наследственном имуществе, в соответствии с которыми в состав наследственной массы включается только половина совместно нажитого имущества во время брака.

Принцип справедливости нашел свое выражение в нормах наследственного права, посвященных недостойным наследникам, суть которых заключается в том, что от наследования устраняются граждане, которые своими противоправными действиями, направленными против наследодателя, кого-либо из его наследников или против осуществления последней воли наследодателя, выраженной в завещании, способствовали либо пытались способствовать призванию их самих или других лиц к наследованию либо способствовали или пытались способствовать увеличению причитающейся им или другим лицам доли наследства, если эти обстоятельства подтверждены в судебном порядке.

Реализация принципа справедливости наблюдается также в том, что правила о недостойных наследниках распространяются в равной мере на отказополучателей и необходимых наследников. В том случае, если лица,

признанные недостойными наследниками или отказополучателями, уже приняли наследство или соответственно в их пользу исполнен завещательный отказ, то они обязаны возратить все полученное имущество как неосновательно полученное из состава наследства, либо, если предметом завещательного отказа было выполнение определенной работы или выполнение определенной услуги, недостойный отказополучатель обязан возместить наследнику стоимость выполненной работы или оказанной услуги.

При этом состояние недостойности, предусмотренное п. 1 ст. 1117 ГК РФ, распространяется не только на самих наследников, но и их потомков, которые соответственно лишаются возможности наследования по праву представления, что прямо предусмотрено п. 3 ст. 1146 ГК РФ. Такой подход законодателя вряд ли можно назвать справедливым: в жизни не редки ситуации, когда внуки воспитываются бабушками и дедушками, имеют тесные отношения с ними. Известно также, что в публичных отраслях права действует принцип персональной ответственности: каждый должен отвечать за собственные поступки. По какой причине в наследственном праве за действия своих родителей должны отвечать дети? По нашему мнению, отношения в сфере наследования нуждаются в более конструктивном подходе, при этом справедливым будет исключение данного ограничения из наследственного права.

Институт ответственности наследников по долгам наследодателя также основан на принципе справедливости: ответственность по долгам наследодателя несут и наследники по завещанию, и наследники по закону, в частности, наследующие по праву представления и в порядке наследственной трансмиссии, и обязательные наследники. Ответственность наследников носит солидарный характер, а объем ответственности наследника ограничен стоимостью перешедшего к нему наследственного имущества.

Принцип справедливости отражен и в нормах, посвященных разделу наследства. По общему правилу наследники наследуют в равных долях наследственное имущество, наследство поступает в их общую долевую собственность. Законом предусмотрена возможность раздела наследственного имущества по соглашению всех сонаследников. При этом важно учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, согласно которым установлен запрет заключать соглашения о разделе наследства, в состав которого входит недвижимое имуще-

ство, до получения соответствующими наследниками свидетельства о праве на наследство [10]. Относительно движимого наследственного имущества таких ограничений не установлено.

Весьма актуальным с позиций принципа справедливости представляется правовой механизм охраны интересов ребенка: если среди наследников имеется nasciturus (зачатый до открытия наследства, но еще не родившийся наследник), то до его рождения раздел наследственного имущества не допускается.

Следует также учитывать особенности действия принципа справедливости при наследовании отдельных видов имущества. В этой части наследственного права не всегда можно говорить о справедливом подходе законодателя. Сам принцип выделения специальных правовых режимов наследования отдельных видов имущества представляется вполне справедливым, поскольку обусловлен особенностями такого имущества. Такая тенденция была и наследственному праву дореволюционной России. Однако не вполне справедливым представляется подход к порядку наследования акций акционерного общества и долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. Акции, принадлежавшие наследодателю, наследуются в общем порядке: согласно буквальному толкованию п. 3 ст. 1176 ГК РФ «наследники, к которым перешли эти акции, становятся участниками акционерного общества». Это означает, что к такому наследнику переходят не только имущественные, но и неимущественные права, связанные, в частности, с участием в управлении акционерным обществом. Что касается наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, то законом предусмотрена возможность отказа остальными членами общества во вступлении в члены наследника владельца доли. Чем обусловлен подобный подход законодателя? Такая позиция относительно полных товариществ и полных товарищей в товариществах на вере вполне оправдана, так как отношения между участниками в данных организационно-правовых формах носят лично-доверительный характер, что не свойственно хозяйственным обществам. На этом основании считаем целесообразным уравнивать в правовых режимах наследования доли в хозяйственных обществах с наследованием акций.

Следует также обратить внимание на особый порядок наследования предприятия, который, на наш взгляд, также нарушает принцип справедливости, а по мнению некоторых

авторов, противоречит принципу равноправия граждан [6]. Особенность наследования предприятия заключается в предоставлении преимущественного права на его получение в счет наследственной доли субъектам предпринимательской деятельности – индивидуальным предпринимателям и коммерческим организациям, что прямо предусмотрено ст. 1178 ГК РФ. С учетом обеспечительного характера наследственного правопреемства и необходимости обеспечения стабильности гражданского оборота, подобный подход не представляется оправданным. Факт наличия статуса предпринимателя не гарантирует успешности ведения бизнеса наследником, не исключает его банкротства. Поэтому считаем необходимым отменить подобное преимущественное право, как противоречащее принципу справедливости.

Анализ норм наследственного права позволяет сделать вывод о том, что отечественное наследственное право, пронизанное принципом справедливости, является одним из важнейших способов обеспечения имущественных притязаний ближайших членов семьи наследодателя, а с другой стороны, служит средством соблюдения социальных приоритетов государства. Принцип справедливости в наследственном праве проявляется в виде равновесного баланса частных и публичных интересов, интересов наследодателя и наследников. В одних нормах принцип справедливости проявляется более ярко, в других в меньшей степени, третьи же нормы сложно назвать справедливыми, что свидетельствует о необходимости не только дальнейшего совершенствования норм наследственного права, но и о том, что принцип справедливости не всегда в полной мере согласуется с принципом законности, что диктует необходимость внесения определенных изменений в действующее законодательство: дополнить абз. 3 ст. 1112 ГК РФ: «Не входят в состав наследства личные неимущественные права и другие нематериальные блага, за исключением случаев, предусмотренных настоящим кодексом и другими федеральными законами»; исключить п. 3 ст. 1146 ГК РФ, согласно которому состояние недостойности, предусмотренное п. 1 ст. 1117 ГК РФ, распространяется не только на самих наследников, но и их потомков; уравнивать в правовых режимах наследования доли в хозяйственных обществах с наследованием акций; исключить преимущественное право индивидуальных предпринимателей или коммерческих организаций на получение предприятия в счет своей наследственной доли.

Литература

1. Гражданское право: учебник: в 3 т. Том 3 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 2001. 624 с.
2. Гришаев С. П. Наследственное право: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2011. 365 с.
3. Дигесты Юстиниана / перевод с латинского; отв. ред. Л. Л. Кофанов. Том 1. М.: Статут, 2002. 584 с.
4. Иванова С. А. Принцип справедливости в гражданском праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 415 с.
5. Кирилловых Е. А. Значение и роль принципов наследственного права // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2012. Выпуск 3 (37). С. 114–124.
6. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский токовый словарь. М.: Русский язык, 1998. 834 с.
7. Наследственное право / Булаевский Б. А. [и др.]; отв. ред. К. Б. Ярошенко. М.: Волтерс Клувер, 2005. 448 с.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Мир и Образование, Оникс, 2011. 736 с.
9. Омарова У. А. Принцип социальной справедливости в праве на обязательную долю в наследстве // Проблемы современной цивилистики: Сборник статей, посвященных памяти профессора С. М. Корнеева / отв. ред. Е. А. Суханов, М. В. Телюкина. М.: Статут, 2013. С. 338–350.
10. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7, пункт 51, подп. «е».
11. Смольков Н. С. Принципы наследственного права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007. 169 с.
12. Теория государства и права: учебник / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Первалова. 2-е изд., изм. и доп. М.: Инфра-М, 2002. 616 с.
13. Храмов К. В. Правовое регулирование наследования в Российской Федерации. Омск: Ом. акад. МВД России, 2002. 86 с.
14. Чепига Т. Д. Идеология и проблемы реформы наследственного права России // Наследственное право. 2007. № 2. С. 2–5.
15. Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт-М, 1999. 432 с.
16. Шевчук С. С. Наследственное право России. Учебное пособие. Ставрополь: СКЦИ, 2006. 220 с.

References

1. Grazhdanskoe pravom (*Civil Law*). In 3 Vols. Vol 3 / ed. by A. P. Sergeeva, Yu. K. Tolstogo. Moscow: Hrospekt, 2001. 624 p. (In Russian).
2. Grishaev S. P. Nasledstvennoe parvo (*Inheritance Law*): uchebno-prakticheskoe posobie. Moscow: Prospekt, 2011. 365 p. (In Russian).
3. Digesty Yustiniana (*Digesty Justinian*) / translated by L. L. Kofanov. Vol. 1. Moscow: Statut, 2002. 584 p. (In Russian).
4. Ivanova S. A. Princip spravedlivosti v grazhdanskom prave rossii (*The Principle Of Justice In The Civil Law Of Russia*): thesis. Moscow, 2006. 415 p. (In Russian).
5. Kirillovykh E. A. Znachenie i rol principov nasledstvennogo prava (*The Importance And Role Of The Principles Of Inheritance Law*) // Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie nauki. 2012. Issue 3 (37). P. 114–124. (In Russian).
6. Lopatin V. V., Lopatina L. E. Russkij tokoviy slovar (*Explanatory Russian Dictionary*). Moscow: Russkij Yazyk, 1998. 834 p. (In Russian).
7. Nasledstvennoe pravo (*Inheritance Law*) / Bulaevskij B. A. [ect.]; ed. by K. B. Yaroshenko. Moscow: Volters Kluver, 2005. 448 p. (In Russian).
8. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar russkogo yazyka (*Explanatory Dictionary Of The Russian Language*). Moscow: Mir i Obrazovanie, Oniks, 2011. 736 p. (In Russian).
9. Omarova U. A. princip socialnoj spravedlivosti v prave na obyazatelnyuyu dolyu v nasledstve (*The Principle Of Social Justice In The Right To Compulsory Share Of Inheritance*) // Hroblemy sovremennoj civilistiki: sbornik statej, posvyashhennykh pamyati professora s.m. korneeva / ed. by E. A. Suxanov, M. V. Telyukin. Moscow: Statut, 2013. P. 338–350. (In Russian).
10. Postanovleniya Hlenuma Verxovnogo Suda Possijskoj Federacii ot 29 maya 2012 g. No.9 «O sudebnoj praktike po delam o nasledovanii» (*On Judicial Practice In Cases Of Inheritance*) // Byulleten verxovnogo suda RF. 2012. No.7, paragraph 51, subparagraph «e». (In Russian).
11. Smolkov N. S. Principy nasledstvennogo prava (*The Principles Of Inheritance Law*). Samara, 2007. 169 p. (In Russian).
12. Neoriya gosudarstva i prava (*Theory of State and Law*) / ed. by V. M. Korelskii, V. D. Perevalov. Moscow: Infra-M, 2002. 616 p. (In Russian).
13. Hramcov K. V. Pravovoe regulirovanie nasledovaniya v rossijskoj federacii (*Legal Regulation Of Succession In The Russian Federation*). Omsk: Omsk academy MIA RF publ., 2002. 86 p. (In Russian).
14. Chepiga T. D. Ideologiya i problemy reformy nasledstvennogo prava rossii (*Ideology And Issues Of Inheritance Law Reform In Russia*) // Nasledstvennoe pravo. 2007. No. 2. P. 2–5. (In Russian).
15. Cherdancev A. F. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. (*Theory of State and Law*). Moscow: Yurajt-M, 1999. 432 p. (In Russian).
16. Shevchuk S. S. Nasledstvennoe pravo Rossii (*The Inheritance Law Of Russia*). Stavropol: SKSI publ., 2006. 220 p. (In Russian).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 81.42

Е. С. Грушевская

СПЕЦИФИКА АКТУАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ПРЕДВЫБОРНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается коммуникативная модель Якобсона в качестве отправного пункта для выявления специфики адресантно-адресатной коммуникации. Благоприятным полем для решения проблемы полагается обращение к стратегиям самопрезентации и самоидентификации. В качестве инструмента предлагается понятие «субъектный фокус». Проблема исследуется сквозь призму парадигмальных черт современной лингвистики. Самопрезентация как результат самоидентификации имеет своим основанием параллельное вовлечение в дискурсивное пространство других субъектов-адресантов. Делается вывод о том, что в коммуникативной модели предвыборного дис-

курса как одного из жанров политического дискурса «субъектный фокус» как организующее начало дискурсивного пространства настроено на адресанта. Обзор проблемы структурирования и систематизации стратегического, тактического, функционального потенциала конкретно предвыборного дискурса показывает открытость вопроса и необходимость четкой таксономизации обозначенных единиц. Данный вопрос представляет особый интерес при исследовании дискурсов интегративной природы.

Ключевые слова: модель коммуникации, стратегии, функции, субъектный фокус, дискурс, предвыборный дискурс.

E. S. Grushevskaya

SPECIFICITY OF STRATEGIC POTENTIAL'S ACTUALIZATION IN PRE-ELECTION DISCOURSE

The article considers the communicative model of Jacobson as a starting point for identifying the specifics of addresser-to-addressee communication. A fertile field for solving the problem is the use of strategies for self-presentation and self-identification. As a tool, the concept of "subject focus" is proposed. The problem is explored through the prism of the paradigmatic features of modern linguistics. Self-presentation as a result of self-identification is based on the parallel involvement in the discursive space of other addressees. It is concluded that in the communicative model of the pre-election discourse as one of the genres of

political discourse, "subjective focus" as the organizing beginning of a discursive space is tuned to the addressee. The review of the problem of structuring and systematization of the strategic, tactical, functional potential of a particular pre-election discourse shows the openness of the issue and the need for a clear taxonomy of the designated units. This question is of particular interest in the study of discourses of integrative nature.

Key words: model of communication, strategy, functions, subject focus, discourse, pre-election discourse.

В настоящее время в направлении анализа дискурса актуально изучение отдельных компонентов дискурсивной модели с целью их дифференциации, позволяющей установить и показать специфическую связь между остальными составляющими модели. Классическая

модель коммуникации (КМК) Р. О. Якобсона [10], продуктивно используемая в современных зарубежных и отечественных дискурсивных исследованиях в той или иной модификации, является базисной, как с точки зрения основных составляющих, так и функций, связанных

с ними. Инвариантная модель коммуникации (ИМК=КМК) представляется основанием интерпретации любого коммуникативного фрагмента как завершенного процесса. При этом в каждом из фрагментов происходит переход от инвариантной (ИКМ) модели к вариативной (ВКМ).

В данной статье КМК представляется точкой отсчета для конкретизации характера субъект-субъектной коммуникации сквозь призму адресатной специализации в политическом (предвыборном) дискурсе. В связи с этим прежде обратимся к компонентам модели: адресант выражает свое отношение к теме и ситуации посредством соответствующих средств, выполняя эмотивную функцию; при актуализации конативной функции внимание фокусируется на адресате с помощью обращения, привлечения внимания, соответственно побуждения к действию; реализация референтивной функции происходит через контекст коммуникации (включая объект, тему, содержание дискурса); поэтическая функция ответственна за сообщение, вербализуется стилистически; фатическая функция обеспечивает процесс общения, начиная с установления контакта; метакommunikативная функция сосредотачивает внимание на коде для установления факторов коммуникации с целью её интерпретации [10].

Обращение к модели Р. О. Якобсона оправдано, на наш взгляд, её универсальностью, выражающей «отличительные парадигмальные черты современной лингвистики» – экспансионизм, антропоцентризм, (нео)функционализм, экспланаторность [4, с. 208]. Экспансионизм характеризует интегративный и междисциплинарный характер современной лингвистики, категории которой переходят из одной теории в другую (теория коммуникации, теория речевых актов, теория речевых жанров, теория текста и дискурса). Антропоцентризм охватывает при этом всех субъектов коммуникации, учитывая обратную связь. Функционализм реализуется двуступенчато – цельно, т.е. с учетом единой коммуникативной функции, покрывающей все компоненты модели, а также покомпонентно, т.е. специфически, когда каждой составляющей соответствует своя функция. Экспланаторность работает на экспликацию связи каждого компонента и соответствующей ему функции, а также связи всех компонентов и функций. Объединяющий все парадигмальные черты когнитивизм проливает свет на коммуникативный процесс как упорядоченный информационный поток в виде единого семиотического пространства, включающего синтаксические,

семантические, прагматические характеристики вербального, невербального и паравербального уровней.

Рассматривая КМК в качестве отправного пункта для уточнения специфики адресантно-адресатной коммуникации в жанре предвыборного дискурса, необходимо выяснить, как распределяются роли субъектов коммуникации в дискурсе. В субъект-субъектной коммуникации наблюдается своеобразная дискретно-континуальная игра «перетягивание каната». Будучи континуальной, она указывает на вечный равный бесконечный процесс. Являясь дискретной, в конечном итоге она фиксирует приоритетную роль того или иного субъекта коммуникативного взаимодействия. В связи с этим мы используем понятие «субъектный фокус», который, на наш взгляд, являет собой организующее начало любого дискурсивного пространства. В контексте вводимого нами понятия «субъектный фокус», для нас представляют интерес исследуемые в лингвистической литературе близкие понятия «субъект познания» [5] и «языковой субъект» [7]. В целом в обеих концепциях речь идет о субъекте, исследуемом в традициях когнитивной лингвистики, с учетом различных ипостасей субъекта – восприятия, сознания, действия, познания. В нашем подходе особо ценен синергетический подход с учетом организующей роли субъекта [7].

Обратимся собственно к политическому (предвыборному) дискурсу. Как известно, цель политического дискурса – завоевание власти, основной концепт – власть [3; 9 и др.]. Он разворачивается в дискурсе политических деятелей – отечественных и зарубежных, характеризуя их как языковых личностей. В данном направлении частотны также сравнительно-сопоставительные исследования. Наша цель – на первом этапе выявить особенности функционирования отдельных компонентов КМК при переходе от ИКМ к ВКМ. Таковыми в данном случае представляются субъекты коммуникации – адресант и адресат. При решении проблемы адресатной специализации выявляется необходимость описания специфики реализации субъект-субъектной коммуникации на примере отдельных дискурсов.

Необходимо отметить, что в целом понятие стратегического потенциала с указанием на опосредованность тактической реализацией в классификациях различных стратегий и тактик представляется цельной, учитывающей различные конситуации. Вместе с тем сами классификации с обозначением функций имеют несколько сбивчивый и хаотичный характер.

Данный факт объясняет и обуславливает наше внимание и обращение к классической концепции Р. О. Якобсона. Поясим нашу точку зрения. Приведем лишь некоторые примеры.

Так, с одной стороны, частотно и логично акцентирование внимания на персуазивной (= убеждающей) функции в политическом дискурсе. Она обозначает воздействие адресанта на адресата (устно / письменно) с целью убеждения в чем-либо, призыв к совершению или не совершению определенных действий [8]. Однако, с другой стороны, как известно, убеждение есть цель, требующая реализации через стратегии, соответствующие тактики и функции. Можно ли говорить о реализации «цели убеждения» посредством «стратегии убеждения» и соответствующей ей функции, т.е. «функции убеждения» (персуазивной функции)? Другая функция политического дискурса – экспрессивная. Она отражает индивидуальность адресанта, непосредственно влияет на продуцируемые им сообщения, конечная цель которых – оказание эмоционального или интеллектуального воздействия на адресата (ср. с КМК Р. О. Якобсона относительно *адресанта* (актуализирует эмотивную / экспрессивную функцию) и *адресата* (реализует *конативную функцию*, выраженную в привлечении внимания, побуждении к действию). Далее констатируем наличие порочного круга при выделении функций. Воздействие как цель в ипостаси скрытого воздействия при актуализации эмотивной (экспрессивной) функции превращается собственно в *функцию*. Суггестивная функция (внушение) рассматривается как скрытое словесное воздействие, наведение на определенные мысли при ослабленном контроле со стороны сознания в процессе получения и обработки информации. В результате данного процесса со стороны адресата происходит усвоение неких намерений, установок. В терминах КМК суггестивная функция осуществляется как подтип конативной функции. Таков, на наш взгляд, также статус манипулятивной функции [2], поскольку в рамках модели Р. О. Якобсона последняя вписывается в систему усеченной представляется нам статус информативной функции в качестве вспомогательной функции политического дискурса. Информативная функция (в терминах КМК – поэтическая функция, реферирующая к сообщению) в коммуникации несёт основную знаковую нагрузку. Лишь через информацию мы можем говорить о реализации перечисленных функций, поскольку информативная функция, без сомнения, является базовой.

Как справедливо указывает В. З. Демьянков, предвыборный дискурс как составная часть политического дискурса характеризуется своей полемичностью, утверждающейся в процессе внушения избирателям негативного отношения к оппонентам [1]. В данном направлении развивается подход О. Н. Паршиной, выделяющей коммуникативные стратегии, используемые в предвыборном дискурсе: стратегии самопрезентации, стратегии борьбы за власть, стратегии удержания власти и стратегии убеждения. Стратегия убеждения реализуется через тактики контрастивного анализа, указания на перспективу, обещания, призыва, самопрезентации. В перечне коммуникативных стратегий в предвыборном дискурсе особое место справедливо отводится самопрезентации [6, с. 56] для достижения цели убеждения, что включает в себя оказание эмоционального или интеллектуального воздействия на адресата посредством отражения индивидуальности адресанта, реализуемого с помощью эмотивной функции. Из всего многообразия стратегий и тактик (требующих дефиниционной точности и систематизации относительно понимания конкретной стратегии и тактики) наш исследовательский интерес ориентирован на стратегии *самопрезентации* и *самоидентификации* (ср. с тактикой контрастивного анализа). Они наилучшим образом представлены в жанре предвыборного дискурса как подвиды политического дискурса.

Классический подход к понятию адресатной специализации объединяет субъектов в группы, ориентированные на соответствующие политические партии, движения. В процессе коммуникации актуализация стратегии самопрезентации отдельного субъекта «работает» и на партию (движение, группу), которую он представляет. Самопрезентацию в данном случае предваряет процесс самоидентификации субъекта в рамках проблемы «свой / чужой». Самопрезентация как результат самоидентификации имеет своим основанием параллельное вовлечение в дискурсивное пространство других субъектов-адресантов. Реализация стратегий самопрезентации и самоидентификации, ориентированных на потенциальное/реальное достижение цели убеждения обуславливает понимание нами приоритетности «субъектного фокуса» адресанта.

Смысловой доминантой знаков интеграции является компонент «свой», суть которого состоит в отождествлении групповых агентов политики. К специфическим знакам интеграции, позволяющим политикам отождествлять себя с

аудиторией относят: инклюзивное *Мы*; лексемы совместимости: *вместе, наш, единый*; лексические единицы с компонентом совместимости: *друзья, товарищи, братья и сестры*; формулы причастности: *я, как и все*; грамматические формы непрямого императива: *Давайте сделаем нашу Родину сильной* [9].

Приведем примеры из программных речей, предвыборных дебатов Дональда Трампа, кандидата в президенты США 2016 г. Будучи известным бизнесменом, Д. Трамп реализует стратегию самопрезентации, объективно указывая на свои успехи в бизнесе. Уверенность в себе Трамп проецирует на своих избирателей. Он справедливо говорит о своем умении зарабатывать деньги, что, разумеется, полезно и для страны: "I have built an incredible company and have accumulated one of the greatest portfolios of real estate assets, many of which are considered to be among the finest and most iconic properties in the world. This is the kind of thinking the country needs" «Я построил невероятную компанию и накопил один из самых больших портфелей активов в сфере недвижимости, многие из которых считаются одними из лучших и самых знаковых объектов в мире. Это то, что нужно стране» [12]. В данном случае констатируем приоритетность «субъектного фокуса» адресанта.

В следующем фрагменте наблюдаем интерференцию фокусов адресанта и адресата. Речь идет о том, что кандидат, обращаясь к своей аудитории, посредством использования соответствующих языковых средств (к, примеру, местоимения "we", "us"), аннулирует дистанцию между адресантом и адресатом. В результате интерференции субъектных фокусов достигается цельное пространство субъект-субъектной коммуникации, потенциально настроенной на бесконфликтность. Д. Трамп обращается к адресатам как соучастникам своей предвыборной программы. Он тем самым идентифицирует себя с американской нацией, сливается с народом, вызывая к историческому прошлому и патриотическим чувствам: "We will make America great again", "We will put American people first again", "We will make our communities wealthy again", "We will not apologize for becoming successful again, but will instead embrace the unique heritage that makes us who we are" «Мы сделаем Америку снова великой», «Мы снова сделаем Американский народ лидирующим», «Мы снова сделаем наш народ богатым», «Мы не будем извиняться за то, что станем снова успешными, но вместо этого будем использовать уникальное насле-

дие, которое делает нас теми, кто мы есть» [12]. Важно также отметить частотное употребление имени страны и его граждан ("America", "American people"), которое наблюдается на всех уровнях самоидентификации.

Круги идентификации на переходе от «своих» к «чужим» требуют дальнейшей конкретизации – от соратников, членов администрации до друзей и союзников – "To all our friends and allies": "America First will be the major and overriding theme of my administration" «Величие Америки станет главной и первостепенной задачей во время моего пребывания у власти». С другой стороны, самоидентификация, напротив, строится на контрасте вовлечения другого адресанта как основания для противопоставления («свой / чужой»). В предвыборном дискурсе таковым («чужим») представляется любой кандидат на пост президента (Х. Клинтон), либо предыдущий президент (Б. Обама), слагающий с себя обязанности. Приведем примеры: "She (Clinton) wants terrible trade deals, like NAFTA, signed by her husband, that will empty out our manufacturing"; "President Obama's stated intent is to eliminate oil and natural gas production in America" «Она (Клинтон) хочет, чтобы ужасные торговые сделки, такие как НАФТА, были подписаны ее мужем, которые вытеснят наше производство»; «Президент Обама заявил о намерении ликвидировать добычу нефти и природного газа в Америке» [11]. В полемике со своими оппонентами Д. Трамп выражает свою позицию, фокусируя внимание на себя.

Для сравнения обратимся к оригинальным текстам выступлений Жана-Мари Ле Пена, лидера партии «Национальный фронт» (Front National), придерживающегося крайне правого крыла оппозиции. На президентских выборах во Франции весной 2002 г. ему удалось набрать 15 % голосов избирателей, что повергло в шок весь мир. Его политическая программа основана на национал-популизме с лозунгом «Франция для французов», в ней можно увидеть явный ксенофобизм и ностальгию по былой национальной самобытности, которой угрожают, с одной стороны, иммигранты из «третьего мира», а с другой – американизация и слишком глубокая интеграция с Европой.

При обращении к своим избирателям, слушателям, Ж.-М. Ле Пен [13] именует их по-родственному, максимально сокращая дистанцию, вовлекая их в близкий круг общения: 'chers amis' (дорогие друзья), 'chers parents' (родные, родственники), 'et vous, jeunes gens et jeunes filles' (и вы, молодые люди); 'avec vous hommes et femmes, garçons et filles de mon pays'

(с вами, мужчинами и женщинами, мальчиками и девочками нашей страны); 'amis, camarades, compagnons, français, européens et étrangers' (друзья, товарищи, приятели, французы, европейцы и иностранцы); 'travailleurs de mon pays' (трудящиеся моей страны). Таким образом, мы можем видеть, что в своих выступлениях Ле Пен объемлет довольно широкий круг лиц, и каждый может, таким образом почувствовать, что он причастен к происходящему.

Адресат массовой коммуникации в отличие от адресата в ситуации непосредственного диалогического общения – это не присутствующий в ситуации коммуникативного акта реальный индивидуум, а потенциальное неопределенное множество лиц. Таким образом, планируя и реализуя речевой акт, адресант, т.е. политик должен учитывать множество разнообразных характеристик реципиента. Некоторые из этих характеристик являются общими для всех видов речевых актов. Другие характеристики могут быть специфичными для того или иного типа или вида речевого действия. Текст политика стремится уподобить аудитории себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории. Наиболее частотными в выступлениях Жана-Мари Ле Пена оказались следующие лексические единицы, указывающие на возможности понятий самоидентификации и самопрезентации: 'nous' (мы), 'France' (Франция), 'Je' (Я), 'Europe' (Европа), 'ils' (они), 'nation' (нация), 'immigration' (иммиграция) (перечисление по убыванию частотности употребления. – Е. Г.).

Некоторые неспециализированные знаки интеграции используются не для обозначения референта, а для подтверждения принадлежности к определенной политической идеологии. Так, даже не вчитываясь в текст программы, мы встречаем в каждом абзаце следующие политические аффективы: 'la Nation' (нация), 'la France en tant que nation' (Франция как нация), 'l'immigration incontrôlable' (неподдающаяся контролю иммиграция), 'non à l'islamisation' («нет» исламизации), 'la menace pour la prospérité française' (угроза процветанию Франции), 'la préférence française' (предпочтение французскому выбору).

Весь дискурс Ле Пена сводится к критике своих оппонентов ('ils' они), их политике по отношению к государству и европеизму, и выставлению себя на передний план. Упоминание таких слов как 'patrie', 'liberté', 'fraternité', 'famille' (родина, свобода, братство, семья) красноречиво свидетельствует о том, в сво-

их речах Ле Пен опирается на традиционные идейные ценности и специфику национального менталитета. В центре внимания политика – Франция и ее благополучие и в то же время повышенное внимание к проблемам европейской интеграции. Однако контекст упоминаний Европы указывает на то, что Ле Пен относится к ней негативно.

Судя по частотности упоминания местоимения «мы», можно утверждать, что одной из основных функций речей является интеграционная. В речах Ле Пена стратегии самопрезентации и самоидентификации неразрывно связаны. Частое упоминание местоимения «Я» и собственного имени говорит о концентрации политика на собственном «эго». Интерес представляют способы репрезентации собственного имени. Ле Пен называет себя 'pupille de la Nation' («ребенок, отец которого погиб на войне»), он сравнивает себя с Зорро, который всегда в итоге побеждает. Он представляет себя олицетворением всего народа, где «я» равно «вы»: "Mais pourquoi se coalisent-ils tous contre moi, c'est-à-dire contre vous, contre le Peuple qui fait entendre sa voix?" «Для чего же они объединяются против меня, то есть против вас, против Родины, подающей голос?»

В процессе субъект-субъектной коммуникации адресант предвыборного дискурса приоритетно выстраивает субъектный фокус, обращенный к самому себе. В подобной ситуации коммуникативный процесс исходно автосфокусирован на адресанта. Таким образом, координируя цель жанра предвыборного дискурса с компонентами и функциями коммуникативной модели Р. Якобсона, мы делаем вывод, согласно которому, приоритетным субъектом в данном виде дискурса выступает адресант, находящийся в «субъектном фокусе», с реализацией эмотивной (экспрессивной) функции. Сопутствующим составляющим представляется адресат (конативная функция). Контекст (референтивная функция) и контакт (потенциальная / реальная фатическая функция) являются условиями актуализации коммуникативного процесса, а сообщение (поэтическая функция) и код (метакоммуникативная функция) – его средствами.

Адресантная самофокусировка наглядна также в производстве политических ток-шоу, современного жанра политического дискурса, превращающего политические дебаты в разговорильню (а студию иногда в место для рукоприкладства). И в данном контексте отправным пунктом в построении политического дискурса представляется стратегия самопрезентации,

которая есть не что иное, как самореклама. Подобная ситуация есть результат пересечения дискурсивных практик – политического и рекламного дискурса.

Таким образом, в коммуникативной модели предвыборного дискурса как одного из жанров политического дискурса, на наш взгляд, «субъектный фокус» как организующее начало дискурсивного пространства настроен на адресанта.

Реализация стратегий самопрезентации и самоидентификации, ориентированных на до-

стижение цели убеждения, обуславливает понимание нами приоритетности актуализации «субъектного фокуса» адресанта.

В целом, завершая краткий экскурс в проблему структурирования и систематизации стратегического / тактического / функционального потенциала конкретно предвыборного дискурса, в качестве перспективы отметим открытость вопроса и необходимость четкой таксономизации обозначенных единиц. Данный вопрос представляет особый интерес при исследовании дискурсов интегративной природы.

Литература

1. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М.: РАН ИНИОН, 2002. С. 32–43.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Эксмо, 2015. 467 с.
3. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 65–77.
4. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М.: РГГУ, 1995. С. 144–238.
5. Магировская О. В. Репрезентация субъекта познания в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов: Тамбовск. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2009. 39 с.
6. Паршина О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. М.: ЛКИ, 2007. 232 с.
7. Червонный А. М. Структура и функциональная динамика категории «языковой субъект» (на материале французского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 2014. 42 с.
8. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта; Наука, 2006. 136 с.
9. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: Монография. М., Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
10. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
11. Donald J. Trump. An American First Energy Plan. URL: <https://www.donaldjtrump.com/press-releases/an-america-first-energy-plan> (Дата обращения: 05.03.2017).
12. Donald J. Trump. Foreign Policy Speech. URL: <https://www.donaldjtrump.com/press-releases/donald-j.-trump-foreign-policy-speech> (Дата обращения: 05.03.2017).
13. J.-M. Le Pen. URL: http://www.frontnational.com/doc_id_immigration.php (Дата обращения: 09.04.2006).

References

1. Dem'jankov V. Z. Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii (*Political Discourse as a Subject of Political Science Philology*) // Politicheskaja nauka. Politicheskij diskurs: Istorija i sovremennye issledovanija. 2002. No.3. P. 32–43. (In Russian).
2. Kara-Murza S. G. Manipuljacija soznaniem. Vek XXI. (*Manipulation of Consciousness. Century XXI*). M.: Eksmo, 2015. 467 p. (In Russian).
3. Karasik V. I. O tipah diskursa (*On Types Of Discourse*) // Jazykovaja lichnost': institucional'nyj i personal'nyj diskurs: sb. nauch. tr. Volgograd: Peremena, 2000. P. 65–77. (In Russian).
4. Kubrjakova E. S. Evoljucija lingvisticheskix idej vo vtoroj polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) (*Evolution Of Linguistic Ideas In The Second Half Of The Twentieth Century (The Experience Of Paradigm Analysis)*) // Yazyk i nauka konca XX veka. Moscow: RSHU publ., 1995. P.144–238. (In Russian).
5. Magirovskaja O. V. Rerezentacija sub"ekta poznaniya v jazyke (*Representation Of The Subject Of Knowledge In The Language*): thesis. Tambov: Tambov state university named after G.R. Derzhavin publ., 2009. 39 p. (In Russian).
6. Parshina O. N. Rossijskaja politicheskaja rech': teorija i praktika (*Russian Political Speech: Theory And Practice*). Moscow: LKI publ., 2007. 232 p. (In Russian).
7. Chervonyj A. M. Struktura i funkcional'naja dinamika kategorii "jazykovoju sub"ekt" (na materiale francuzskogo jazyka) (*Structure And Functional Dynamics Of The Category "Language Subject" (Based On The French Language)*): thesis. Voronezh: Voronezh state university, 2014. 42 p. (In Russian).
8. Chernjanskaja V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdejstvija (*The Discourse of Power and the Power of Discourse: Problems of Speech Impact*). Moscow: Flinta; Nauka, 2006. 136 p. (In Russian).
9. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa: Monografija (*The Semiotics of Political Discourse*). Moscow: Volgograd: Peremena, 2000. 367 p. (In Russian).
10. Jakobson R. Lingvistika i pojetika (*Linguistics And Poetics*) // Strukturalizm: "za" i "protiv". Moscow: Progress, 1975. P. 193–230. (In Russian).
11. Donald J. Trump. An American First Energy Plan. URL: <https://www.donaldjtrump.com/press-releases/an-america-first-energy-plan> (Accessed: 05.03.2017).
12. Donald J. Trump. Foreign Policy Speech. URL: <https://www.donaldjtrump.com/press-releases/donald-j.-trump-foreign-policy-speech> (Accessed: 05.03.2017).
13. J.-M. Le Pen. URL: http://www.frontnational.com/doc_id_immigration.php (Accessed: 09.04.2006).

УДК 81-111

В. В. Сычина, В. П. Ходус

**РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПЬЕС
А. П. ЧЕХОВА В ТЕАТРАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ П. БРУКА**

Исследование особенностей режиссерской реализации интенциональной направленности чеховской пьесы «Вишневый сад» в театральном тексте П. Брука опирается на автодескриптивные данные, полученные в результате анализа режиссерского дискурса П. Брука. Под автодескриптивным текстом рассматривается текст, который включает в себя рефлексия автора над своей собственной творческой деятельностью, а также над текстами работ его коллег. В результате исследования производится анализ лингвистических средств, благодаря которым организуется автодескриптивный текст конкретного авторского дискурса, и выделяются ключевые слова, являющиеся наиболее ценными для определения фрагмента текста. В работе анализируются нечетко выраженные факты, объективированы критерии выделения

дискурсивных слов и определения их количества. Субъективная оценка текста дает основания для поиска ключевых слов: их выбор осуществляется на основе авторской драматургической интенции, творческого замысла, коммуникативной стратегии текстового развертывания, разрешенной и воплощенной изначально в поле творческого сознания режиссера, а затем и в театральном тексте. Происходит своеобразная реконструкция вербального мира, в который погружен текст пьесы-партитуры как основа пьесы-постановки, что формирует особый режиссерский дискурсивный план, воссозданный из вербальных указаний.

Ключевые слова: автодескриптивный текст, ключевое слово, режиссер, театральный дискурс, текст спектакля, интерпретация.

V. V. Sychina, V. P. Khodus

**THE REALIZATION OF THE INTENTIONAL ORIENTATION
OF A.P. CHEKHOV'S PIECES IN P. BRUCK'S THEATRICAL DISCOURSE**

The study of the features of the director's realization of the intentional orientation of Chekhov's play "The Cherry Orchard" in P. Brook's theatrical text is based on auto-descriptive data obtained as a result of discourse interpretation of P. Brook's contemporaries. An auto-descriptive (or metapoetic) text is a text that includes the author's reflection on his own creative activity, as well as on any other texts of his associates. The research of some linguistic means shows how a descriptive text of a specific author's discourse is organized and what the most valuable key words of the determined text fragment are. The paper analyzes obscure facts, objectifies some criteria for identifying

discursive words and determining their number. The subjective evaluation of the text gives grounds for key words searching: their choice is made on the basis of the author's dramatic intention, creative intent, communicative strategy of textual deployment, realized initially in the creative mind of the director, and then in the theatrical text. This is a kind of reconstruction of the verbal world and it looks like if the text of the play-score is the basis of the play-production, which forms a special director's discursive plan recreated from verbal instructions.

Key words: auto-descriptive text, key word, director, theatrical discourse, text of the play, interpretation.

П. Брук – один из самых известных и ярких режиссеров современности, на примере деятельности которого можно проследить как личностное развитие, так и основные повороты театрального искусства в целом в конце XX начале XXI вв. Особое место в творческом пути постановщика занимает А. П. Чехов, которого он сам называет одним из наиболее близких ему драматургов (наряду с У. Шекспиром).

Отличительной чертой писателя называется способность не осуждать своих персонажей, а представлять их такими, какими они являются, «позволяя зрителям самим оценить их, а это и есть самая возвышенная форма любви к людям» [4, с. 8].

Проследить особенности режиссерской реализации интенциональной направленности чеховской пьесы «Вишневый сад» в театральном

текст П. Брука представляется возможным, опираясь на автодескриптивные данные, полученные в результате анализа дискурса современников П. Брука. Под автодескриптивным (или метапоэтическим) текстом рассматривается текст, который включает в себя рефлексию автора над своей собственной творческой деятельностью, а также над текстами работ его коллег [6]. В результате исследования производится анализ лингвистических средств, благодаря которым организуется автодескриптивный текст конкретного авторского дискурса, и выделяются ключевые слова, являющиеся наиболее ценными для определения фрагмента текста. В данном случае не идет речи об установлении четких, объективных критериев выделения таких слов и определения их количества, они «определяются как особенно важные и показательные для отдельно взятой культуры» [2, с. 35]. Когда происходит субъективная оценка текста в поисках ключевых слов, то их выбор осуществляется также на основе авторской интенции, творческого замысла, коммуникативной стратегии текстового развертывания [5]. Происходит своеобразная реконструкция вербального мира, в который погружен текст пьесы-партитуры как основа пьесы-постановки, что формирует особый режиссерский дискурсивный план, воссозданный из вербальных указаний.

Так, в контексте дискурсивных высказываний Л. Додина дается характеристика театру П. Брука, который, по его мнению, не только не относится к классическому типу, но и постоянно прибывает в движении, поиске новых идей и их реализаций в неожиданных формах. Демонстрацией служат такие ключевые слова и фразы, как «все дальше и дальше», «отходят», «привычного театра», «еще вчера». «И опять – новые спектакли Брука, которые **все дальше и дальше отходят не только от привычного театра вообще, но и от того театра Брука, который существовал еще вчера**» [1, с. 10].

Что касается постановки английским режиссером пьесы А. П. Чехова, то обнаруживаются несколько отличительных черт: непохожесть спектакля на уже существующие интерпретации произведения («не было ничего», «ожидает»); правдивое изображение человеческой сущности («поистине», «жизнь человеческого духа»); намеренное игнорирование сопутствующих общепринятых внешних атрибутов («меньше заботится о форме», «формы у спектакля как будто не было»); ощущение присутствия чего-то незримого на сцене («нечто незримое», «пульсировало»); естественность

воспроизведения событий («абсолютная простота», «неправдоподобной тонкости», «эманацию духа»). Приведем примеры: «Трижды я смотрел бруковский «Вишневый сад», сначала в Нью-Йорке, потом в Москве и Петербурге, и трижды испытывал восторг и удивительное чувство освобождения, потому что **на сцене не было ничего из того, что ожидаешь увидеть в чеховском спектакле, но была поистине воплощенная жизнь человеческого духа. ... И формы у спектакля как будто не было: Брук все меньше и меньше заботится о форме**, блестящим мастером которой он был с юности. **Вместо нее зримым становилось нечто незримое, оно пульсировало в существовании этих, в основном непохожих на актеров, людей.** И чем меньше они были похожи на актеров, тем сильнее **ощущалось это биение внутренней жизни**, как, например, у молоденькой Ребекки Миллер, игравшей Аню» [1, с. 10–11]. «Здесь же была **абсолютная простота**, которая и есть по сути дела самая большая ересь. Эта простота и поражала всегда в спектаклях Брука, **только мера ее со времен того «Гамлета» увеличилась, и сама она доведена до исключительной, почти неправдоподобной тонкости. В какие-то секунды ощущаешь едва ли не чистую эманацию духа**» [1, с. 11].

Также? как и Л. Додин, F. Rich говорит о том, что в спектакле ощущается веяние самой жизни, и, наблюдая за происходящим на сцене, удастся перевести дыхание только тогда, когда это могут себе позволить сами герои. Режиссеру удалось уловить ритм пьесы и передать эмоциональное состояние персонажей. В качестве ключевых фраз выступают: «pauses for breath», «when life does», «recoup after dying a little», «emotional truth», «pulse of a play». Например: «**This is a “Cherry Orchard” that pauses for breath only when life does, for people to recoup after dying a little**» [10]. «By banishing all forms of theatrical realism except the only one that really matters – **emotional truth – Mr. Brook has found the pulse of a play that its author called “not a drama but a comedy, in places almost a farce”**» [10].

Размышляя над стилем А. П. Чехова, сам П. Брук хотя и указывает на особое внимание писателя к описанию деталей быта, тем не менее, подчеркивает доминирующую значимость внутренних движений души персонажей. Ключевые фразы: «in great detail», «look real». «It is important to read between the lines. **When Chekhov describes an interior or an exterior in great detail, what he is really saying is:**

«I want it to look real». After his death, a new form of theatre – the open arena stage – came into existence, one which Chekhov had never known. Since then many productions have demonstrated that the three-dimensional, cinematic relationships of the actors with minimal props and furniture on an empty stage seems infinitely more real, in a Chekhovian sense, than the cluttered picture sets of the proscenium theatre» [8, с. 62]. Наверное, поэтому режиссер позволяет себе достаточно вольное оформление пьесы на сцене в минималистической манере. В качестве главных декораций используются ковры на полу и стенах. В качестве примеров выступают фрагменты автодескриптивных текстов D. Sterritt, F. Rich, А. Т. Драгомощенко, ключевыми фразами которых выступают: «*minimalist magic-carpet ride*», «*Asian-style rugs*», «*little in the way of d'ecor or furnishing*», «*radical simplicity*», «*have been cleared*», «*has stripped*», «*dark Oriental rugs*», «*magic carpets*», «скупостью сценографии». Приведем примеры: «*True to what has become his usual form, Brook has staged “The Cherry Orchard” as a minimalist magic-carpet ride: The floor is covered with his trademark Asian-style rugs, and otherwise there’s little in the way of d’ecor or furnishing except what’s essential to the action. This radical simplicity suits the profoundly human preoccupations of Chekhov’s drama, which doesn’t call for the visual punctuation (and ornamentation) that’s a staple in most contemporary theater*» [9]. «*But in Peter Brook’s production of Chekhov’s play, the landscape seems to have been cleared before Act I begins. Mr. Brook has stripped “The Cherry Orchard” of its scenery, its front curtain, its intermissions*» [10]. «*What little decorative elegance remains can be found on the vast stage floor, which Mr. Brook has covered, as is his wont, with dark Oriental rugs. ... On this director’s magic carpets, “The Cherry Orchard” flies*» [10]. «Постановка Питера Брука поразила ускользающей от сознания легкостью визуальных сцеплений в сочетании с монументальной скупостью сценографии» [3].

По мнению А. Т. Драгомощенко, применение именно ковровых покрытий, а не чего-то другого, несет метафорический смысл. С одной стороны, ковер может вызывать ассоциацию с волшебным средством передвижения, с помощью которого возможно охватить разные моменты времени, побывать в разных местах, посмотреть на изображаемые ситуации с разных сторон, ощутить непохожие душевные переживания. С другой стороны, состоящий из множества нитей, переплетенных опреде-

ленным образом, ковер может восприниматься и как целостная композиция, и как множество отдельных составляющих, значимых самими по себе. Ключевыми словами являются: «видеть полноту там, где ее нет», «целостности вне различения», «фигуру сада», ««цветущей сложности» перехода, трансформации», «магическая машина», «перемещения / смещения». Например: «У суфиев существует бейт, в котором говорится о тех, кто «принял одну-единственную нить за целый ковер»; **что можно понять как очевидное предостережение и от иллюзии видеть полноту там, где ее нет, и от желания целостности вне различия. В конечном счете, создается впечатление, что ковер являет собой фигуру сада, «цветущей сложности» перехода, трансформации**» [3]. «Вероятно, театр и есть магическая машина такого перемещения / смещения (изменения мест, точек зрения, самого зрения), а в итоге самого себя во времени, и Брук с присущей ему пронизательностью истинно «коврового» мышления предпочел для чеховской пьесы именно подобное визуальное преподнесение» [3].

В книге П. Брука «Блуждающая точка» можно встретить рефлексии автора над драматургическим языком А. П. Чехова. Указывается на сжатость письма, отмечается тщательный отбор лексических единиц, точно отражающих мысли автора и внутренние состояния персонажей, указывают также на простоту в подаче материала, логичности его изложения. Необходимость и оправданность использования каждого слова контекстом поддерживается соответствующими знаками препинания, которые оказывают значительное влияние на передачу смысла произведений, понимание его идеи, обеспечивает верное истолкование замысла драматурга, обращенного к читателю. Подтверждением служат следующие ключевые слова: «*a minimum of words*», «*the right word at the right moment*», «*punctuation*», «*coded messages*». Приведем примеры: «**Chekhov’s writing is extremely concentrated, employing a minimum of words; in a way, it is similar to Pinter or Beckett. As with them, it is construction that counts rhythm, the purely theatrical poetry that comes not from beautiful words but from the right word at the right moment**» [7, с. 157]. «**With Chekhov, on the other hand, periods, commas, points of suspension are all of a fundamental importance, as fundamental as the “pauses” precisely indicated by Beckett. If one fails to observe them, one loses the rhythm and tensions of the play. In Chekhov’s work, the punctuation represents a series of coded messages which**

ideas come together or follow their own course. The punctuation enables us to grasp what the words conceal» [7, с. 157].

Согласно автодескриптивным данным, полученным на основе дискурса F. Rich, именно интерпретация «Вишневого сада» вслед за чеховской манерой подачи материала, дополненная эстетикой С. Беккета и позволила П. Бруку воссоздать истинного писателя. Следует уточнить, что французский философ и писатель, романист и драматург, С. Беккет, являясь представителем модернизма в литературе и одним из основателей театра абсурда. Окружающее пространство предстает алогичным и бессмысленным, а существование человека в нем связывается с чувствами отчаяния, отчуждения и безысходности при столкновении с таинственным и непостижимым мрачным миром. Абсурдные и малосодержательные диалоги персонажей передаются с помощью приемов гротеска, абсурдизации, иронического смеха. К ключевым фразам относятся: «**definitely on the director's mind**», «**evocation of the Beckett humor**», «**delicate connections**», «**inevitable**», «**so right**». Например: «**Beckett is definitely on the director's mind, as is evident not just from the void in which he sets the play but also by his explicit evocation of the Beckett humor in several scenes**» [6]. «**But the delicate connections Mr. Brook draws between Beckett and Chekhov are inevitable and to the point, not arch and pretentious, and they help explain why this "Cherry Orchard" is so right**» [10].

В метапоэтических текстах F. Rich содержатся также следующие характеристики спектакля:

- вера персонажей в возможность быть счастливыми, несмотря на ужасные события, происходящие вокруг, их преодоление благодаря юмору и надежде. Ключевые слова: «**trudge on**», «**senses of humor**», «**dogged faith**», «**prospects for happiness**». «**They simply trudge on, sometimes with their senses of humor intact, sometimes with a dogged faith in the prospects for happiness**» [10];

- отсутствие жалости по отношению к себе, что способствовало избавлению пьесы от фальшивого драматизма. Ключевые слова: «**transitions of mood**», «**lightning fast**», «**self-pity**», «**flickering tearfulness**». «**Throughout the evening, the transitions of mood are lightning fast. In an instant, Miss Parry's reminiscence of her son's drowning can be dispelled by the jaunty strains of a nearby band. Neither Lyubov nor anyone else is allowed the self-pity that would plunge "The Cherry Orchard" from the flickering tearfulness of regret into the maudlin sobs of phony high drama**» [10];

- ощущение незримого сочетания постоянного взаимодействия радости и боли. Ключевые слова: «**breaking string**», «**unfathomable life**», «**exquisite pang of joy and suffering**». «**The real tone of "The Cherry Orchard" is that of a breaking string – that mysterious, unidentifiable offstage sound that twice interrupts the action, unnerving the characters and audience alike with the sensation that unfathomable life is inexorably rushing by. We feel that strange tingle, an exquisite pang of joy and suffering, again and again**» [10].

F. Rich приходит к заключению, что П. Бруку тем не менее, все-таки не удалось перенести ощущение, которое рисует воображение при чтении пьесы, на реальную театральную сцену. Ключевые фразы: «**theatergoer fantasizes about**», «**never finds**». «**I think Mr. Brook has given us the Chekhov production that every theatergoer fantasizes about but, in my experience, almost never finds**» [10].

В автодескриптивном метапоэтическом дискурсе D. Sterritt выделяются такие отличительные особенности спектакля П. Брука, поставленного по А. П. Чехову, как:

- цельность, функционирование всех составляющих частей в качестве единого организма. Ключевые слова: «**integrated**», «**seamless**», «**ensemble**». «**And they've clearly worked at merging their diverse approaches (and accents) into an integrated and reasonably seamless ensemble performance**» [9];

- непрерывность действия. Ключевые слова: «**movielike story**», «**no intermission**». «**In this case, moreover, Brook has escalated the challenge in two ways: by using the broad, deliberately stark stage of the Majestic; and by presenting the play as a continuous, movielike story with no intermission**» [9];

- сдержанность интерпретации. Говорится о том, что режиссеру не удалось соединить в спектакле комедийное и трагедийное начало. Зрителю предлагается самостоятельное поразмышлять над изображаемыми обстоятельствами и человеческим поведением, а не окунуться в пучину страстей. Ключевые слова: «**meditate**», «**dispassionate**», «**mingled comedy and tragedy**». «**So why don't their efforts quite sustain the Chekhovian sense of mingled comedy and tragedy – of fervent intuitions, self-generated drama, simmering passion for life's possibilities – as consistently as one hopes they will? Responsibility must lie with director Brook, who apparently wants his audience to meditate on the play instead of getting caught up in the complex emotional charge that's embedded**

in it. **The result is an absorbing but oddly dispassionate evening**» [9];

– сложность персонажей, представленных в качестве людей, которым свойственна как моральная, так и эмоциональная неуверенность, которые взаимодействуя между собой способны сочетать состояние горделивости и обреченности. Ключевые слова: «pungent», «doomed estate», «moral and emotional uncertainty». «The story seems equally **pungent** today, with its **rich interactions** among men and women on a **dignified but doomed estate**, all of them in various stages of **moral and emotional uncertainty**» [9].

В целом положительная оценка спектакля, тем не менее, дополняется некоторыми негативными характеристиками:

– неуклюжесть юмора. По словам D. Sterritt, сценические приемы актерской игры, к которым прибегает режиссер не являются оправданными, не соответствуют возлагаемой на них смысловой нагрузке. Ключевые слова: «feeble ideas», «pathetically clumsy». «There are also **some surprisingly feeble ideas in the staging: People keep sinking to their knees and flopping on the floor, and many of the attempts at physical humor are pathetically clumsy**» [9];

– не соответствие силы жизненной энергии чеховских героев и их актерской реализацией. Ключевые слова: «full blown», «persuasive». «**The vitality of Chekhov's characters doesn't seem as full blown and persuasive as it might**, however, in Brook's current production of "The Cherry Orchard", an all-star affair (using Elisaveta Lavrova's fine English translation) that runs through April 10 at the Brooklyn Academy of Music's Majestic Theater» [9];

– отсутствие непрерывности драматической энергии на протяжении всего действия спектакля. Ключевые слова и фразы: «fail», «unstoppable dramatic energy», «propel it across». «Yet even these talented performers – and such colleagues as Kate Mailer, Mike Nussbaum, and Stephanie Roth – **fail to generate the unstoppable dramatic energy that this "The Cherry Orchard" needs to propel it across the Majestic's wide-open spaces for 2 nonstop hours**» [9].

Также необходимо отметить, что в текстах А. Т. Драгомощенко осмысливается актерская

декламация. Отмечается, что артисты обращали свои высказывания не к своим оппонентам, а к аудитории. Отличительной чертой диалогов являлось то, что они произносились очень громко, практически выкрикивались и сопровождались обильной жестикуляцией. Исследователи считают, что таким образом режиссер постарался создать впечатление, что говорящие не слышат и не хотят слышать друг друга. Погруженные в собственные мысли, они не заботятся о том, следит ли кто-то за их размышлениями или нет. Подтверждением этому служат такие лексические единицы, как «едва ли не кричали», «жестикулируя», «площадном балагане», «недоступным для других», «будучи глухим», «будто с глухим», «в зал». Приведем примеры: **«Актеры едва ли не кричали, неумеренно жестикулируя, словно выступали в площадном балагане»** [3]. «В целом последнее наблюдение возможно перефразировать следующим образом – **каждый, будучи глухим, говорит будто с глухим**» [3]. «Потому что Лопухин, Гаев, Любовь Андреевна и остальные, каждый из них, в сущности, **говорят «a parte», в зал**, а это изначально предполагает, что присутствующие на сцене реплик не только не «слышат», но и не должны их слышать, даже знать, что к каждому из них кто-то обращается, и, следовательно, любая реплика, скорее, «вопрос» являет собой не только манифестацию банальности, но и спрашивание произносящего о собственной аутентичности, переходя из плоскости трюизма в функцию дознания, образуя тем самым территорию особой конфигурации мысли» [3].

Таким образом, проведенный анализ рассматриваемых автодескриптивных текстов на основе ключевых слов в контексте показывает, что постановка П. Буком «Вишневого сада» характеризуется неоднозначно. С одной стороны, наблюдается соответствие интенциональным задачам уникальности идиостиля, сохранение необычности текстовой формы, присутствие тончайших душевных связей и ансамблевость компонентов спектакля, а, с другой стороны, в вербальном слое режиссерского текста наблюдается интенция отказа от чеховского мизансценирования, неспособности актеров передать глубину своих персонажей, отсутствию в языковой ткани свидетельства непрерывности драматического действия.

Литература

1. Блуждающая точка: Статьи. Выступления. Интервью / П. Брук: Пер. с англ. М. Стронина / предисл. Л. Додина; Малый драм. театр. СПб.; М.: Артист. Режиссер. Театр, 1996. 262 с.
2. Вежицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

3. Драгомощенко А. Превосходство Чехова // Сетевой литературный журнал: «TextOnly» №30. URL: <http://textonly.ru/case/?issue=30&article=31112> (Дата обращения: 15.05.2018).
4. Коммерсантъ: газета. 2003. №111.
5. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. Изд-е 5-е, испр. и допол. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
6. Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русская метапоэтика: учебный словарь. Ставрополь: СГУ, 2006. 604 с.
7. Brook P. The shifting point: theatre, film, opera, 1946–1987. New York. 1994. 272 p.
8. Brook P. The open door. New York. 1995.
9. Peter Brook directs Chekhov by David Sterritt February 4, 1988. URL: <https://www.csmonitor.com/1988/0204/lcherry.html> (Accessed: 18.05.2018).
10. Stage: Brook's "Cherry Orchard" by Frank Rich Published: January 25, 1988. URL: <https://www.vanityfair.com/culture/2016/02/the-cherry-orchard-chekhov-brooklyn-academy-of-music> (Accessed: 18.05.2018).

References

1. Bluzhdayushchaya tochka (*Wandering Point*): Stat'i. Vystupleniya. Interv'yu / translated by M. Stronin; introduction by L. Dodin. St. Petersburg; Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 1996. 262 p. (In Russian).
2. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov (*Understanding Cultures Through Key Words*) / translated by A.D. Shmelev. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 288 p. (In Russian).
3. Dragomoshchenko A. Prevoskhodstvo Chekhova (*Chekhov's Excellence*) // Setevoi literaturnyi zhurnal: «TextOnly» No. 30 URL: <http://textonly.ru/case/?issue=30&article=31112> (Accessed: 18.05.2018). (In Russian).
4. Kommersant. 2003. No. 111. (In Russian).
5. Slovar' lingvisticheskikh terminov (*Dictionary Of Linguistic Terms*) / T. V. Zhrebilo. Nazran': Piligrim, 2010. 486 p. (In Russian).
6. Shtain K. E., Petrenko D. I. Russkaya metapoetika: uchebnyi slovar' (*Russian Metapoetics: An Educational Dictionary*). Stavropol': SSU publ., 2006. 604 p.
7. Brook P. The shifting point: theatre, film, opera, 1946–1987. New York. 1994. 272 p.
8. Brook P. The open door. New York. 1995.
9. Peter Brook directs Chekhov by David Sterritt February 4, 1988. URL: <https://www.csmonitor.com/1988/0204/lcherry.html> (Accessed: 18.05.2018).
10. Stage: Brook's "Cherry Orchard" by Frank Rich Published: January 25, 1988. URL: <https://www.vanityfair.com/culture/2016/02/the-cherry-orchard-chekhov-brooklyn-academy-of-music> (Accessed: 18.05.2018).

УДК 811.161.1

А. Н. Мамедова

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «БЛАЖЕННОСТЬ» В РУССКОЙ РЕЧИ

В статье подробно рассмотрены, изучены и проанализированы словарные значения лексемы «блаженство» на материале, взятом из толковых словарей Владимира Ивановича Даля, Дмитрия Николаевича Ушакова, Большого академического словаря и Малого академического словаря, а также Русского семантического словаря. Статья посвящена исследованию, в ходе которого был прослежен процесс семантического преобразования слова «блаженство» с течением времени, а также процесс семантического преобразования данной лексемы в предикативной функции, изучена динамика появления собственно оценочного значения в содержании лексемы «блаженство», в свою очередь также изучена специфика использования собственно оценочного значения в содержании данной лексемы на материале основного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Подробно рассмотрен и изучен материал основного подкорпуса Национального корпуса русского языка, приведена статистика анализируемого слова. На основе данного материала выполнен компонентный анализ значения и смыслов лек-

семы «блаженство» как существительного с оценочно-характеризующим значением, характерным для предикативного употребления названного существительного. Путем компонентного анализа лексической единицы с положительно-оценочным значением установлена частотность употребления в качестве оценочного предиката, представлены лексико-тематические группы «предметы», «явления», «состояния» и «процессы», в которых лексема «блаженство» функционирует в качестве предиката. Новизна статьи заключается в том, что в результате исследования выявлена специфика компонентного состава значения лексемы, а также установлено, что существительное «блаженство» выражает коммуникативные намерения собеседников, которые связаны с их прагматическими установками, актуализируемыми при обращении к различным видам контекста.

Ключевые слова: категория оценки, оценочно-характеризующее значение, дескриптивное значение, компонентный анализ, прагматика, динамика, лексема, предикат.

A. N. Mamedova

SEMANTIC TRANSFORMATION OF THE «BLISS» LEXEME IN RUSSIAN SPEECH

The article studies the dictionary meanings of the lexeme "bliss" on the material taken from the explanatory dictionaries of Vladimir Dal, Dmitry Ushakov, the Great Academic Dictionary and the Small Academic Dictionary, as well as the Russian Semantic Dictionary. The article highlights the process of semantic transformation of the word "bliss" over time, as well as semantic transformation of this lexeme in the predicative function, the dynamics of the appearance of the proper estimation value in the content of the "bliss" lexeme, use of the actual value in the content of this lexeme on the basis of the main sub-corpus of the National Corpus of the Russian language. The material of the main subcorpus of the National Corpus of the Russian language has been examined in detail, the statistics of the analyzed word is given. On the basis of this material, a component analysis of the meaning and meanings of the lexeme "bliss" as a noun with an

appraising character typical of the predicative use of the named noun is performed. By means of component analysis of the lexical unit with a positive value meaning, the frequency of use as an evaluation predicate is defined, the lexical-thematic groups "objects", "phenomena", "states" and "processes" are presented, in which the lexeme "bliss" functions as a predicate. The novelty of the article is that, as a result of the research, the specificity of the component composition of the meaning of the lexeme is revealed, and it is also established that the noun "bliss" expresses communicative intentions of the interlocutors that are associated with their pragmatic attitudes actualized when addressing different types of context.

Key words: evaluation category, evaluation-characterizing significance, descriptive value, component analysis, pragmatics, dynamics, lexeme, predicate.

Оценка является самостоятельной категорией и может выражаться в языке разноуровневыми средствами. Для выражения оценочного значения в языкознании существуют разные способы, и уже в зависимости от их использования можно определить ту или иную позицию говорящего.

Существительные с оценочным значением изучаются в лингвистической науке давно, однако на сегодняшний день вопросы, касающиеся определения состава оценочной лексики, анализа компонентов значения существительных с оценочным значением, которые обусловлены особым происхождением семантики слов, остаются также актуальными.

Существительные отражают тематическую оценочность, так как лексемы данной части речи могут называть Р (предмет), О (объект) и S (субъект). В первую очередь существительные обладают предметными значениями. В то же время, «выполняя номинативную функцию, существительные могут называть не только предметы, но и качества, свойства, состояния, явления, факты, события, ситуации. Характерно, что по частотности употребления группа существительных занимает доминирующее положение среди слов, служащих для выражения оценки. С помощью существительных может быть выражена оценка самых разнообразных реальных явлений – человека, вещи, идеи, намерения, т.е. предмета в широком смысле слова» [4, с.108–109].

Целью статьи является анализ изучения семантического преобразования лексики «блаженство» с течением времени в русском языке.

На примере анализа лексики «блаженство» выявим:

- 1) смысловые и образные ассоциации, которые способствуют активизации в слове оценочного потенциала;
- 2) динамику семантики анализируемой лексической единицы и модификацию отдельных компонентов в ее значении.

Перейдем непосредственно к самому анализу существительного «блаженство».

В словаре В. И. Даля, а также в словаре Д. Н. Ушакова данная лексема встречается в единственном значении. Если в толковом словаре В. Даля значение дано развернутым перечислением синонимов: «счастье, благополучие, благоденствие, высшая степень духовного наслаждения» [3], то Д. Ушаков ограничивается только двумя: «высокая степень счастья» [8] и «наслаждение» [8]: (Быть на вершине блаженства). Слово «блаженство» здесь обозначает наивысшее удовлетворение, счастье, то есть

в истине поэт находил успокоение (душевное спокойствие).

В БАС дано только одно значение лексики «блаженство» и по сравнению со словарем Д. Ушакова, словосочетание «высокая степень счастья» заменено на «безграничное счастье», лексема «наслаждение» в толковании осталась ([Вадиму] снилось наяву давно желанное блаженство – свобода. Лермонтов, Вадим, VIII) [2]. В данном контексте под «блаженством» понимается желанное чувство свободы, духовного умиротворения.

В МАС, напротив, слово блаженство толкуется сходно со словарем Д. Ушакова (только «высокая степень» заменяется на «высшую степень»): «высшая степень счастья»: «<...> вы еще не знаете высокого блаженства жить своим трудом. А. Островский, Доходное место» [5], это основное значение слова. Именно в МАС появляется еще одно значение: «наслаждение»: «О, какое это было удовольствие, даже блаженство – хорошенько намылиться душистым мылом <...>» [5]. Во всех предыдущих словарях, данная трактовка включалась в основное значение.

Существительное «блаженство» словарных помет не имеет, что подтверждает его отнесенность к общепотребительной лексике русского языка. Синонимический ряд данной лексики позволяет выявить в ее значении следующие денотативно-сигнификативные семантические компоненты: блаженство – это «счастье» / «безграничное счастье», «благополучие», «благоденствие», «высшая степень духовного наслаждения» / «высокая (высшая) степень счастья». Полагаем, эти семы объединены гиперсемой «состояние», в данном случае «душевное состояние». Объектом нашей работы является собственно оценочное значение лексики «блаженство», которое названные словари не зафиксировали, например, оно реализуется в высказывании «Ощущать солнечное тепло после холодной зимы – это блаженство». Но в примерах БАС и МАС оно есть: ([Вадиму] снилось наяву давно желанное блаженство – свобода. Лермонтов, Вадим, VIII) [2], «О, какое это было удовольствие, даже блаженство – хорошенько намылиться душистым мылом <...>» [5].

Далее надо отметить, что оценочное значение лексики «блаженство», исходя из примеров используемых словарей, реализуется в сочетании со следующими словами, словосочетаниями и высказываниями: а) «свобода»; б) «намылиться мылом»; в) «посидеть»; г) «лечь в постель»; д) «вычистить зубы» и т.д. Данное

слово в представленных контекстах обозначает оценку определенных нравственных состояний (свобода), физических действий и состояний (посидеть в горячей воде, вычистить зубы), а также выражает мнение говорящего о предмете или ситуации речи. Данное оценочное значение проявляется в функции предиката.

Обратимся к работе Н. Д. Арутюновой «Язык и мир человека», где она отмечает, что семантика оценочных предикатов связана с выходом в прагматику речи, зависящей от коммуникативной цели высказывания и от эмоциональной сферы говорящего, то есть «смысловая специфика оценки объяснялась через коммуникативные цели соответствующих речевых актов» [1, с. 164]. Это значит, что оценочно-характеризующие слова в русском языке могут иметь особую предписывающую функцию (или функцию предписания), семантика предписания не сводима к иным значениям.

Как уже говорилось ранее, собственно оценочное значение у лексемы «блаженство» проявляется в функции предиката. Это наблюдение отмечено в Русском семантическом словаре: блаженство, -а, ср. 3. перен. 'О том, что доставляет удовольствие, радость, наслаждение' [7]: «Французская кухня – настоящее блаженство» [7]. В этом примере лексема «блаженство» выступает в роли предиката к слову «кухня», то есть французская кухня вызывает восторг и наслаждение.

Если обратиться к базе НКРЯ и проследить употребление данной лексемы в качестве оценочного предиката, то можно увидеть, что оно прилагается и к другим группам предметов и явлений:

– оценка душевного состояния как результата влияния «**физических действий**»: «Ноги можно вытянуть — вот в чем *блаженство*». Борис Рогинский. Голубой вагон // «Знание – сила», 2005 [6]; «Здесь можно набрать целебной воды или попарить ножки, с долгой дороги это – настоящее *блаженство*». Дмитрий Шарко. Чья реальность более реальна? // «Пятое измерение», 2003 [6]; «<...> Ее прикосновения – непередаваемое *блаженство*. <...>» Константин Серафимов «Экспедиция во мрак» [6]; «<...> медленно открывается дверь, открывается, <...> и тебя начинает втягивать в нее, мягко, но неодолимо, и это *блаженство*, *блаженство* – когда ты подчиняешься <...>» Андрей Лазарчук «Все, способные держать оружие» [6]; «<...> Так казалось мне тогда, казалось, что я никогда не отогреюсь. А в институте – *блаженство*. <...>» Нонна Мордюкова «Казачка» [6]; «<...> Потом волок меня на спи-

не, привязав вожжами за шинель. И это было *блаженство*... <...>» Владимир Молчанов, Консуэло Сегура «И дольше века» [6];

– оценка предметов, объединенных гиперсемой «**еда**»: «<...> а то и брюкву или свеколку – и вот оно, сытое *блаженство*» А. Приставкин «Вагончик мой дальний» [6]; «Они сели на широкую скамью и разломил плитку пополам. – М-м, *блаженство*... <...>» Татьяна Тренина «Русалка для интимных встреч» [6]; «<...> где религия запрещает употребление спиртного и свиного мяса, а между тем свинина – высшее *блаженство* для хохлов». Александр Михайлов. Капкан для одинокого волка (2001) [6]; «Капуста – *блаженство*! – Горох и фасоль – тоже *блаженство*! <...>» Фазиль Искандер «Кролики и удавы» [6]; «*Блаженство* сельское – попить чайку...» Б. П. Корнилов. Чаепитие (1930) [6];

– оценка душевного состояния как результата влияния «**природного явления / природы**»: «В воздухе еще стояла прохлада, дул легкий ветерок. Это было *блаженство* из блаженств <...>» В. Михальский «Для радости нужны двое» [6]; «Только через полтора часа вылезли на чистый воздух. Какое это *блаженство* – свободно вдохнуть! Снегу навалило столько, что лыжные палки по макушку ушли в него». Ю. Борисихин. Отвага // «Уральский следопыт», 1982 [6]; «Лето – не просто *блаженство* и ожидание, оно еще откладывает воспоминания». Николай Крышук. Отступление // «Звезда», 2003 [6];

– оценка душевного состояния как результата влияния «**болезни / здоровья**»: «<...> насморк и слезы, льющиеся из глаз при каждом моргании – сущее *блаженство*, <...> и вся застоявшаяся боль устремилась по узким шлюзам наружу, прочь» Мария Головановская «Противоречие по сути» [6]; «Всё позади. А сейчас – *блаженство*. Боли нет». И. Грекова. Перелом (1987) [6]; «<...> эпилептик не сознает своих судорог, ощущения эпилептика во все время припадка залиты тьмой. Не то с Героем. Он сознает и ощущает – высшее *блаженство*» Михаил Чулаки «Примус» [6];

– оценка душевного состояния как результата воздействия «**религии**»: «<...> И лишь погрузившись в Тао, в бесконечное сияющее пространство божества, ты можешь объединиться с душой своей возлюбленной навсегда <...>. Это соединение и есть *блаженство*... <...>» Майя Кучерская «Тетя Мотя» [6]; «Йога» – единение, «ананда» – *блаженство*; Премаватара – Воплощение Божественной Любви; Парамаханса – «Парама» – высочайший, «ханса» –

лебедь». Марина Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию (2003) [6];

– оценка душевного состояния как результата **«отдыха»**: «Это такое *блаженство* – жариться на солнце и, прищурясь, смотреть на океанский горизонт!» Алексей Кузнецов «Между Гринвичем и Куреневкой» [6]; «Это такое *блаженство* – сидеть в шезлонге на высоком волжском берегу, поросшем кустами можжевельника, слышать где-то внизу легкий плеск воды, щуриться на не очень яркое и уже почти северное солнце, пробивающееся сквозь верхушки сосен, рассматривать покрытый утренней дымкой далекий левый берег...». Алексей Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой (2002) [6]; «Весь дом спал, и это было *блаженство*, не то дарёное, не то краденое». Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995–2000) [6];

– оценка душевного состояния как результата влияния **«искусства»**: «<...> «искусство представляет нам высочайшее совершенство» и что благодаря ему «жить на этой земле – *блаженство*»: <...> В. Е. Хализев «Теория литературы» [6]; «Готовая, в гриме, я входила в павильон, включали фонограмму ... разливалась музыка – *блаженство*! И я неслась на крыльях навстречу своей осуществившейся мечте!» Людмила Гурченко «Аплодисменты» [6]; «Какое же это было *блаженство* – после воинственной Анны Зегерс окунуться в «Приключения Пинокио» Карло Коллоди <...>» Давид Карапетян «Владимир Высоцкий. Воспоминания» [6];

– оценка душевного состояния как результата **«ментальных процессов»**: «И высшее *блаженство* – наладить прямую связь и обменяться несколькими фразами с заокеанским собеседником» Сергей Потресов «Речь, упакованная в пакеты. Телефон – хорошо, Сеть – лучше» [6]; «Хотя исполнительская карьера мне не далась, какое все же *блаженство* – твердо знать, ясно видеть поставленную цель. Без этого жизнь превращается в хаос» Надежда Кожевникова «Золушка» [6];

– оценка душевного состояния как результата **«испытанных чувств»**: «Для одних любовь – это мука, страдание и бессонные ночи. Для других – радость, *блаженство*, восторг. А кто-то утверждает, что любви вообще нет, ее придумали писатели и киношники. В этом вечном споре участвуют и наши читатели» «Ну как на свете без любви прожить!» [6].

В нашем исследовании в ходе анализа данной лексической единицы был прослежен процесс семантических преобразований слова с течением времени, а также прослежена динамика появления оценочного значения.

Исходя из анализа, следует предположить, что значение лексемы «блаженство» в качестве оценочного предиката связано с выходом в прагматику речи, зависящей от коммуникативной цели высказывания и от эмоциональной сферы говорящего, взятые примеры из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка это подтверждают.

Приведем статистику: в основном подкорпусе Национального корпуса русского языка в результате поиска на запрос по лексеме «блаженство» найдено 1 089 документов, 1 947 вхождений. Нами изучено 320 примеров. В 34 из них лексема «блаженство» функционирует в качестве предиката. Это значит, что на каждые 10 примеров приходится по 1 примеру в функции предиката.

По частотности употребления лексемы «блаженство», входящей в подгруппу «душевное состояние», в качестве оценочного предиката, получаем следующие лексико-тематические группы предметов, явлений, состояний, процессов:

- 1) номинации физических действий – 9 примеров;
- 2) номинации продуктов, кушаний и напитки – 6 примеров;
- 3) номинации биофактов – 4 примера;
- 4) номинации понятий, связанных с болезнью / здоровьем – 3 примера;
- 5) номинации понятий, связанных с религиозной тематикой – 3 примера;
- 6) номинации понятий, связанных с отдыхом – 3 примера;
- 7) номинации понятий, связанных с искусством – 3 примера;
- 8) номинации ментальных процессов – 2 примера;
- 9) номинации понятий, связанных с испытанными чувствами – 1 пример.

Подводя итоги, исходя из нашего анализа, мы полагаем, что лексема «блаженство» изначально имела дескриптивное значение, а со временем в его содержании стали проявляться оттенки оценочного значения, которые были отмечены в БАС и МАС, но оценочное значение не было отделено лексикографами от основного значения и не характеризовалось как первичное. «Первичность оценочного значения по отношению к дескриптивному отличает собственно оценочные слова от тех качественных предикатов, которые в ходе употребления развили оценочные коннотации и для которых оценка вторична, производна от дескриптивного значения <...>» [1, с. 161]. Таким образом, собственно оценочное значение не является дескриптивным.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV, 896 с.
2. БАС: Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М. – Л., 1950–1965.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Изд. 7-е. М.: Русский язык, 1978–1980.
4. Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б., Колесник О. Г. Когниолингвистический аспект оценочности в спонтанном дискурсе. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 501 с.
5. Малый академический словарь. М.: Институт русского языка Академии наук СССР Евгеньева А. П., 1957–1984.
6. Национальный корпус русского языка URL: www.ruscorpora.ru (Дата обращения: 21.09.2017).
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Т. III. М.: Азбуковник, 2003.
8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. (4 т.).

References

1. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka (*Language And The World Of Man*). Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. I–XV, 896 p. (In Russian).
2. BAS: Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka (*Great Academic Dictionary: Dictionary of Modern Russian Literary Language*). In 17 Vols. Moscow – Leningrad, 1950–1965. (In Russian).
3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka (*Explanatory Dictionary Of The Living Great Russian language*). In 4 Vols / ed by V.I. Dal'. Moscow: Russkij jazyk, 1978–1980. (In Russian).
4. Dubovskij Ju. A., Zagraevskaja T. B., Kolesnik O. G. Kogniolingvisticheskij aspekt ocenocnosti v spontannom diskurse: Monografija (*The Cogniolinguistic Aspect of Evaluation in Spontaneous Discourse: A Monograph*). Pjatigorsk: PSLU publ., 2009. 501 p. (In Russian).
5. Malyj akademicheskij slovar' (*Abridged Academic Dictionary*). Moscow: Institute of Russian language, 1957–1984. (In Russian).
6. Nacional'nyj korpus russkogo (*National Corpora Of the Russian language*) URL: www.ruscorpora.ru (Accessed: 21.09.2017). (In Russian).
7. Russkij semanticheskij slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyj po klassam slov i znachenij (*Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized By Classes Of Words And Meanings*) / ed. by N.Ju. Shvedovoj. Vol. III. Moscow: Azbukovnik, 2003. (In Russian).
8. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka (*Explanatory Dictionary Of The Russian language*) / ed by D. N. Ushakov. Moscow: Gos. OGIZ, 1935–1940. (In 2 Vols). (In Russian).

УДК 81-11

Т. В. Марченко

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности и этапы становления прецедентного феномена в политическом дискурсе, реализуемом в масс-медиа. Автор анализирует коммуникативные, общекультурные условия формирования прецедентного феномена Brexit в дискурсивном пространстве англоязычного лингвокультурного сообщества, прослеживая специфику его функционирования как в начале использования в качестве коммуникативно адекватного средства реализации интенции продуцента высказывания и оказания воздействия на потенциального адресата сообщения, так и на последующих этапах развития ассоциативного поля и прагматического потенциала. Проведенный анализ свидетельствуют о том, что семантическое наполнение рассматриваемого прецедентного феномена включает семы важного, судьбоносного

события, затрагивающего интересы всех жителей Великобритании, являющегося стимулом к переоценке траектории исторического и культурного развития страны. Ассоциативное поле формируемого прецедентного феномена включает такие понятия, как болезненное состояние, происшествие, неизбежность, неопределенность и кризис. Автор прослеживает промежуточный этап становления прецедентного феномена. Процесс формирования завершается на заключительных стадиях нарратива, когда объем дискурсивной практики постепенно сокращается, и происходит осмысление феномена с точки зрения его категориальных характеристик.

Ключевые слова: прецедентный феномен, политический дискурс, масс-медиа, лингвопрагматические особенности.

T. V. Marchenko

LINGUOPRAGMATIC PECULIARITIES OF PRECEDENT PHENOMENON COINING AND FUNCTIONING IN ENGLISH POLITICAL DISCOURSE

The article analyzes the peculiarities and stages of formation as regards a precedent phenomenon in political discourse realized in mass media. A number of communicative and cultural observations of Brexit lexeme functioning in the discourse space of English linguocultural community are specified. The author tracks the peculiarities of its actualization both in the beginning when it starts to be used as a communicatively adequate means of realizing the addressant's intention and influencing the potential addressee, and at the following stages of its associative field and pragmatic potential development. The analysis reveals that the semantic content of the precedent phenomenon under consideration includes the semes of some relevant, crucial event that directly affects all

citizens in the UK and serves a stimulus for further reassessment of historical and cultural development trajectory at the national level. The associative field of the precedent phenomenon, which undergoes formation, contains such notions as an unhealthy state, an accident, inevitability, uncertainty and a crisis. The author observes the intermediary stage of precedent phenomenon formation. The process comes to an end at the final stages of the narrative, when the amount of discourse practice gradually decreases and the reflection of the categorical features typical of the precedent phenomenon takes place.

Key words: precedent phenomenon, political discourse, mass media, linguopragmatic peculiarities.

Современный политический дискурс в масс-медиа представляет собой сращение двух видов дискурса, каждый из которых привносит свои особенности в новое дискурсивное образование. Доступ к широкому кругу рецепторов обеспечивает масс-медиа ресурсом в

плане формирования условного комплекса культурно и социально значимых прецедентных феноменов. Во многом это обусловлено возможностью селективного информирования и воспроизведения той информации, которая позволяет создать желаемый образ происхо-

дящего, транслируя тем самым мнение журналиста, редактора или политических сил, поддерживаемых информационным порталом. Высокий коммуникативно-прагматический потенциал масс-медиа служит реализации основных целей политического дискурса, а именно убеждению и мобилизации. В этом плане особый исследовательский интерес представляют процесс становления новых прецедентных феноменов и условия, при которых те или иные репродуцируемые в культуре понятия приобретают релевантность и рекуррентность актуализации.

Задача данной статьи – проследить коммуникативные, общекультурные условия, а также этапы становления прецедентного феномена, когда он, с одной стороны, начинает выступать в качестве коммуникативно адекватного средства реализации интенции продуцента высказывания и, с другой стороны, может оказывать воздействие на потенциального адресата сообщения. Материалом исследования послужили англоязычные информационные материалы (сообщения, статьи и очерки), реализующие политический дискурс в масс-медиа и содержащие лексему *Brexit*. Основным источником материала послужил один из ведущих британских информационных ресурсов *The Guardian*, представляющий качественную журналистику мнений для высокообразованных читателей. В фокусе нашего внимания были сильные позиции текста, а именно заголовочные комплексы, начало и окончание статей. Для общих выводов был задействован полнотекстовый объем проанализированных материалов в количестве 130 статей за период 2016–2018 гг.

Мы разделяем классическое определение Ю. Н. Караулова, который понимает под прецедентным феноменом явления, «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому окружению данной личности, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [6, с. 216]. Необходимо отметить, что в политическом дискурсе прецедентные феномены являются «отражением национальных культурных традиций в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства литературы, произведений устного народного творчества» [11, с. 149]. Таким образом узнаваемость и доступность прецедентных феноменов в рамках конкретного лингвокультурного сообщества обеспечивают определенную степень стереотипизации дискурса.

Интерпретация политического дискурса в его целостности, как полагает Е. А. Бабенкова, не может ограничиваться исключительно лингвистическим аспектом, так как «понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожидание адресата и адресанта, скрытых контекстов конкретного временного пространства» [2, с. 369].

Дискурсивное пространство политической коммуникации актуализирует преимущественно прагматическую функцию прецедентных феноменов при соблюдении ряда требований. Так, Е. А. Нахимова определяет следующие критерии эффективной реализации воздействующего потенциала прецедентных феноменов в политической коммуникации:

1. Политическая уместность прецедентного феномена. Эффективность используемого автором прецедентного феномена зависит от того, в какой степени он коррелирует с дискурсивными характеристиками текста и, что принципиально, представлениями адресата.

2. Интертекстуальная сверхдетерминация прецедентного феномена, под которой понимается «обусловленность текста множеством накладывающихся друг на друга интертекстуальных связей» [10, с. 120]. Более широкая детерминация феномена служит усилению прагматического потенциала и обеспечивает большую эффективность его использования в коммуникации.

3. Доступность используемого прецедентного феномена для адресата. Полное отсутствие представлений о конкретном феномене или низкий аллюзивный потенциал могут вывести прецедентный феномен из зоны его прагматического воздействия.

4. Достаточная корректность и недвусмысленность использования прецедентного феномена. Данный критерий предполагает исключение возможности двоякого понимания фразы, так как это может отвлечь внимание от авторского замысла [10, с. 120–122].

Заметим, что включение в последний критерий понятия «недвусмысленность», мы понимаем в плане использования прецедентного феномена в контексте, актуализирующем желаемую сему и нивелирующем иные потенциально возможные варианты интерпретации высказывания.

Становление и использование прецедентных феноменов в политическом дискурсе непосредственным образом связано с экстралингвистическими параметрами данного коммуникативного пространства, а именно параметрами ситуации общения и адресата как представителя конкретного лингвокультурного

сообщества. Предметом нашего анализа является осмысление процесса включения понятия *Brexit* в лингвокогнитивную базу англоязычного лингвокультурного сообщества. *Brexit* – масштабное политическое событие, референдум о членстве Великобритании в Европейском союзе, состоявшийся в Великобритании и Гибралтаре 23 июня 2016 года. Результатом мероприятия явилась победа сторонников выхода страны из ЕС. 29 марта 2016 года премьер-министр Великобритании Тереза Мей подписала послание, уведомляющее руководство ЕС о начале процедуры выхода. Такое уведомление является обязательным условием, предусмотренным Статьей 50 Лиссабонского договора, регламентирующего юридические аспекты членства.

Реакция мирового сообщества на рассматриваемое событие остается неоднозначной, но в оценках многих признается, что это определенная веха в истории евроинтеграции, которая позволяет по-новому оценить обозначившийся кризис развития. Волна переосмысления экономических и политических преимуществ членства в этом объединении, а также потенциальной выгоды, связанной с существованием вне этого союза, захватила всю Европу. Целый ряд стран рассматривают подобный сценарий как вероятный, что тут же получило лексическое отражение в форме следующих лексем: *Grexit, Departugal, Italeave, Czechout, Latervia, Byegium, Frexit, Oustria, Nexit* (потенциально возможная аналогичная ситуация с Грецией, Португалией, Италией, Чехией, Латвией, Бельгией, Францией, Австрией и Нидерландами). В каждом конкретном случае речь идет не обязательно о выходе из состава ЕС, но и об отказе от использования единой валюты или ограничении экономических механизмов взаимодействия.

Значимость самого события и его последствий обусловила рекуррентность актуализации лексемы в дискурсивном пространстве политического нарратива начиная с момента выдвижения инициативы, и по сей день, так как процесс выхода находится в активной стадии. Так, поисковой запрос *Brexit* на сайте ведущего британского информационного ресурса «The Guardian» дает ссылку на 97 800 упоминаний в материалах разного плана [14].

Заметим, что *Brexit* и *Grexit* уже были добавлены в очередное издание Оксфордских словарей [13]. Появление большого количества однокоренных слов, построенных с опорой на конвенциональные словообразовательные модели, на наш взгляд, также способствует закреплению феномена в когнитивной базе лингвокультурного сообщества. Такие индиви-

дуально-авторские неологизмы, как *Brexitteer, Brexiter, to Brexit, Bregret, Bremorse, Brexodus* и *post-Brexit*, еще не получили отражение в лексикографических источниках, но, по мнению ученых, продолжают семантическое развитие. Так, лингвисты отмечают, что активно используемый термин *post-Brexit* на современном этапе используется для обозначения периода, последовавшего за референдумом (например, *post-Brexit gloom / celebrations*), текущего периода исторического развития (например, *post-Brexit financial markets*), и периода будущего, ставшего возможным после политического события (например, *post-Brexit freedom of movement*) [13].

В основу нашего анализа была положена модель движения информации в СМИ, предложенная Т. Г. Добросклонской. В исходном виде она выглядит следующим образом: «отбор фактов → освещение событий → создание образа → формирование стереотипа → культурно-идеологический контекст» [4, с. 195]. Мы полагаем, что с некоторыми корректировками, обусловленными предметом нашего анализа, данная схема распространения информации может быть экстраполирована на процесс формирования и функционирования прецедентного феномена в тех видах дискурса, которые инкорпорируют масс-медиа как один из механизмов своего существования и развития. В полной мере это может относиться и к политическому дискурсу, сфера бытования которого варьируется от сугубо институциональных форм (встречи на высшем уровне, общение глав государств, коммуникация, реализуемая в институтах власти) до менее институциональных и слабо регламентируемых форм (общение с электоратом, освещение политических событий в СМИ, разговоры на бытовом уровне).

Процесс формирования прецедентного феномена начинается с отбора фактов (событий, явлений), актуальных для некоторых представителей конкретного лингвокультурного сообщества. Как отмечается, «особое значение позиция интерпретатора имеет на таких этапах информационной цепочки, как отбор фактов и непосредственно интерпретация событий» [7, с. 600]. Рекуррентную актуализацию в дискурсивном пространстве получают те события, которые оказываются значимыми для большего числа людей. В случае с *Brexit*, последствия принятого политического решения окажут влияние не только на Великобританию как на страну, осуществляющую выход, но и на другие страны-члены Евросоюза, а также, в той или иной мере, на все мировое сообщество.

Следующим этапом является создание образа, которое во многом происходит на основании событий, последовавших за ключевым, а также оценочных суждений, высказываемых участниками разного уровня, задействованными в конкретном нарративе. На начальных этапах развития ситуации «нарративное текстовое пространство характеризуется высокой цитатной плотностью» [8, с. 140]. Формирование образа и аксиологических значений, присваиваемых некоторому феномену, происходит с учетом культурного и исторического контекстов. Заметим, что в случае с феноменами, релевантными для нескольких лингвокультурных сообществ, можно предположить формирование «ядерных» сем и «периферийных». При этом последние в большей степени «подвижны» и отражают ту оценку, которую феномен получил в рамках данной лингвокультуры. Во многом это предположение подтверждается наблюдениями в отношении зафиксированных прецедентных феноменов, имеющих регулярную актуализацию.

Так, Н. В. Немирова предполагает «существование национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества» [11, с. 147]. Очевидно, это актуально для «терминологичных» прецедентных имен, которые являются символами одной характеристики или характера (например, Дон Жуан). Наряду с подобными прецедентными феноменами, могут формироваться и «полисемичные», предполагающие более широкий семный состав [5, с. 94]. Лингвисты трактуют аксиологичность прецедентных феноменов как скользящую шкалу оценок с возможностью актуализации в конкретном тексте полярных точек [12, с. 31]. Причем ассоциации, порождаемые использованием прецедентного феномена в дискурсе, могут быть «многоуровневыми, что позволяет воздействовать на более широкую в социальном, культурном, политическом плане аудиторию» [1, с. 152].

Заметим, что нарратив, в рамках которого формируется прецедентный феномен «функционально более активен в СМИ непосредственно заинтересованных сторон», в то время, как в других лингвокультурных сообществах он может отличаться меньшей активностью, однако «позволяет формировать отношение мирового сообщества к ситуации, обуславливая таким образом интерпретацию дальнейших событий и ответную реакцию» [9, с. 21]. Наиболее детальное осмысление *Brexit* получил со стороны британских и европейских СМИ, которые представляют максималь-

но широкий спектр трактовок политического, геополитического, социального и культурного планов. Так, например, наряду с освещением развития процесса выхода, появляются материалы иронического содержания. Приведем некоторые контексты, иллюстрирующие многоплановость и вариативность интерпретаций феномена на разных этапах формирования образа рассматриваемого события.

На начальном этапе, помимо исключительно информативных материалов, появляются статьи, в которых дается оценка ожидаемому событию. По сути, вектор аксиологических компонентов в преддверии события амбивалентен ввиду отсутствия четкого представления о результате референдума и реальных последствиях принятого решения. Уже на этапе обсуждения последствий принятого политического решения представляется возможным выделить контексты, соответствующие критериям эффективной реализации воздействующего потенциала прецедентных феноменов в политической коммуникации. Как правило, оценочные референции к названию референдума осуществляются посредством сравнительных конструкций или синтаксических конструкций с составным именным сказуемым, которое так же реализует номинативную функцию:

Brexit is a fake revolt – working-class culture is being hijacked to help the elite [16].

Так, в приведенном выше контексте представлена простая номинативная конструкция, определяющая *Brexit* как «*a fake revolt*» (мнимый бунт), тем самым ставится под сомнение возможность реальных положительных изменений, пропагандируемых сторонниками Брекзита. Факт принятия положительного решения о выходе Великобритании из состава ЕС с одной стороны спровоцировал осмысление неизбежности и закономерности произошедшего, что нашло отражение в материалах сторонников, а с другой стороны вызвал критические замечания относительно неопределенности происходящего. На этом этапе развития нарратива начинают появляться контексты, в которых лексема актуализируется без дополнительных пояснений и исключительно в оценочном, а не информативном ключе:

I walked from Liverpool to London. Brexit was no surprise [17].

В статье, содержащей указанный пассаж, проводится детальный анализ последствий политики тетчеризма, проводившейся правительством в 1980-х годах. Неутешительные выводы, которые автор эксплицирует во второй части материала, усиливают семы неизбежности и предначертанности кардинальных

изменений, актуализирующиеся при упоминании *Brexit*.

Наряду с этим в медиа-материалах фигурирует значительное число контекстов, отражающих отрицательную коннотацию формируемого феномена, так как, по мнению авторов высказываний и статей, некоторых политических и общественных лиц, *Brexit* спровоцировал **disaster, havoc, uncertainty, insecurity** (бедствие, ужасные разрушения, неопределенность, незащищенность) и другое:

Brexit has caused havoc already. Now parliament must save us [15].

Таким образом, ассоциативный ряд рассматриваемого феномена постепенно пополняется элементами с отрицательной коннотацией. Этапы создания образа и формирования стереотипа крайне сложно отделить, так как они протекают практически параллельно. Очевидно, что со временем, последствия политического решения начинают ощущаться во всех сферах жизни общества, что неизменно находит отражение в информационных материалах, имеющих менее институциональный характер и граничащих с другими типа дискурса.

Так, в приведенном ниже контексте рассматриваемая нами лексема используется в словосочетании *the Brexit economy*, что во многом свидетельствует о постепенном закреплении лексемы в когнитивной базе и формировании устойчивых словосочетаний. В статье рассматривается текущее на тот момент (2017 год) состояние британской экономики. С опорой на мнения экономистов и политиков, автор делает попытку дать объяснение экономическому спаду и оценить, в какой мере это связано с мировым кризисом или процессом выхода из ЕС. В указанном пассаже, как и во многих других, *Brexit* представлен как некая демаркационная линия, отделяющая одну эпоху от другой:

The Brexit economy: is the worst of the 2017 slowdown over? [19].

В целом в материале содержится 12 отсылок к *Brexit*, которые носят как нейтральный характер (*Brexit vote*), так и отражают неоднозначность происходящего: *uncertainty of Brexit* (неопределенность Брекзита), *still waiting for any good news from Brexit* (по-прежнему в ожидании хороших новостей от Брекзита).

Аналогично экономике, которая рассматривается «до» и «после» референдума, жизнь всей страны получает интерпретацию *Brexit Britain*. Словосочетание фигурирует в различных материалах разной степени институциональности и политической направленности. Как правило, даже минимальный лексический контекст акцентирует внимание на отрицатель-

ных моментах рассматриваемого события: *the brunt of Brexit Britain* (кризис Британии после Брекзита) [21], *reality bites in Brexit Britain* (реальность в Британии после Брекзита «кусается») [20], *the dark heart of Brexit Britain* (темное сердце Британии после Брекзита) [22] и другие. Актуальный социально-политический контекст находит отражение и в художественном творчестве, о чем также сообщают масс-медиа:

Man Booker prize 2017: from Abraham Lincoln to Brexit Britain [18].

Престижная британская премия в области литературы не осталась в стороне и включила в шортлист 2017 года роман шотландского мастера интеллектуальной прозы Али Смит – «Осень», который, по мнению критиков, является литературной медитацией на тему меняющегося мира и места Великобритании в нем.

Существование отдельной рубрики в разделе «Политика» под названием *Brexit* (портал *The Guardian*), а также информационные материалы, датируемые 2018 годом, практически два года после проведения референдума, свидетельствуют о неизменной значимости вяло текущего выхода из состава ЕС для жизни британского общества. Количественное соотношение материалов тяготеет к менее информативным, более оценочным жанрам, что дает определенную свободу в вербализации оценок. Обратимся к следующему контексту, представленному в статье от 12 апреля 2018 года:

Stamp duty and Brexit 'have killed London market', says Rics report [24].

Лондон, будучи политическим и финансовым центром, наиболее остро переживает происходящие изменения. Регулярно проводимые специалистами исследования рыночной конъюнктуры приводят к неутешительным выводам, о чем и свидетельствует приведенный пассаж, вызывающий ассоциации бедствия и чего-то непоправимого. Согласно утверждению членов «Королевского общества сертифицированных специалистов в области недвижимости», выход из ЕС буквально «убил» лондонский рынок.

Формирование семантического и ассоциативного потенциала рассматриваемой лексемы по-прежнему продолжается, но уже возможно, хотя и очень условно, наметить некоторые границы. При всей совокупности упомянутых ранее отрицательных ассоциаций, сравнение *Brexit* с другими актуальными политическими событиями приводит к выводу о том, что это не самое страшное из того, что происходит. В статье от 9 апреля 2018 года *Brexit* косвенно ассоциируется с головной болью, хотя и не самой сильной:

For British bosses a bigger headache than Brexit is emerging [25].

Таким образом адресату сообщения задается вектор интерпретации события: психофизическое состояние и определенная интенсивность. Анализируемый феномен, как правило, не фигурирует в контекстах, акцентирующих на положительных результатах политического выбора. В пределах рассмотренного дискурсивного пространства аксиологический потенциал референции к *Brexit* варьируется от нейтрального к резко негативному. Лексика с положительной семантикой встречается лишь в переносном значении, а именно в кавычках:

It's time to stop believing in these 'magic' Brexit solutions [23].

Автор предлагает перестать верить в «чуждые» решения и адекватно оценивать реальность.

Как следует из приведенных примеров, а также как свидетельствуют контексты из картотеки исследования, семантическое наполнение рас-

сматриваемого прецедентного феномена включает семы значимого, судьбоносного события, затрагивающего интересы всех жителей Великобритании, являющегося стимулом к переоценке фактов исторического и культурного развития. Ассоциативное поле формируемого прецедентного феномена, по крайней мере на данном этапе его становления, включает такие понятия, как болезненное состояние, происшествие, неизбежность, неопределенность, кризис.

Процесс формирования стереотипа, очевидно, завершается на заключительных стадиях нарратива, когда объем дискурсивной практики постепенно сокращается, и происходит осмысление феномена с точки зрения его категориальных характеристик. В отношении рассматриваемого в данной статье события, нам еще предстоит это наблюдать в будущем. В целом, обновление социокультурной памяти лингвокультурного сообщества укрепляет уже существующую базу и пополняет ее новыми культурными скрепами.

Литература

1. Алексеева В. О. Прецедентные феномены современного российского политического дискурса // Феномен прецедентности и преемственность культур. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 154–155.
2. Бабенкова Е. А. Вариативность содержательной составляющей ритуальных жанров в политическом дискурсе // Перевод в меняющемся мире: Материалы междунар. научно-практической конференции (Саранск, 2015). М.: Азбуковник, 2015. С. 369–373.
3. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
4. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: УРСС, 2005. 288 с.
5. Захаренко И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей. М., 1997. Вып. 1. С. 82–103.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
7. Марченко Т. В. Аллюзии и цитаты как средства реализации интерпретационной функции масс-медиа // Гуманитарные и социальные науки. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказский научный центр высшей школы федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования Южный федеральный университет, 2014. №2. С. 600–603.
8. Марченко Т. В. Специфика становления прецедентного феномена (в аспекте межкультурной коммуникации) // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. №2. Ч. 1. С. 140–141.
9. Марченко Т. В., Серебрякова С. В. Функционально-прагматический потенциал интертекстуальных включений в аспекте формирования отношения адресата к конфликтной ситуации // Рефлексия. Назрань: Жеребило Татьяна Васильевна, 2007. №1. С. 21–23.
10. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Институт социального образования, 2007. 207 с.
11. Немирова Н. В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса (на материале современной публицистики) // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 11. Екатеринбург, 2003. С. 146–155.
12. Сорокин Ю. А., Гудков Д. Б., Красных В. В., Вольская Н. П. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: Филология, 1998. Вып. 4. С. 5–34.
13. Oxford dictionaries URL: <http://blog.oxforddictionaries.com/2016/12/brexit-enters-oed/>. (Дата обращения: 20.03.2018).
14. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/international>. (Дата обращения: 05.03.2018).
15. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/03/brexit-parliament-article-50-mps>. (Дата обращения: 05.03.2018).
16. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/20/brexit-fake-revolt-eu-working-class-culture-hijacked-help-elite>. (Дата обращения: 05.03.2018).
17. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/27/liverpool-london-brexit-leave-eu-referendum>. (Дата обращения: 05.03.2018).
18. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/oct/15/man-booker-prize-2017-shortlist-paul-auster-george-saunders-ali-smith-mohsin-hamid>. (Дата обращения: 05.03.2018).
19. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/business/2017/nov/28/the-brexit-economy-is-the-worst-of-the-2017-slowdown-over>. (Дата обращения: 05.03.2018).
20. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2017/nov/11/british-workers-wanted-reality-bites-brexit-britain>. (Дата обращения: 05.03.2018).

21. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/housing-network/2017/dec/20/brexit-bonfire-legal-protection-homeless-eu-migrants>. (Дата обращения: 05.03.2018).
22. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/oct/28/how-joseph-conrad-foresaw-the-dark-heart-of-brexit-britain>. (Дата обращения: 05.03.2018).
23. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/apr/20/its-time-to-stop-believing-in-these-magic-brexit-solutions>. (Дата обращения: 05.03.2018).
24. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/apr/12/surveyors-issue-most-downbeat-assessment-of-housing-market-for-five-years>. (Дата обращения: 05.03.2018).
25. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/apr/09/for-british-bosses-a-bigger-headache-than-brexit-is-emerging>. (Дата обращения: 05.03.2018).

References

1. Alekseeva V. O. Precedentnye fenomeny sovremennoy rossijskogo politicheskogo diskursa (*Precedent Phenomena of Modern Russian Political Discourse*) // Fenomen precedentnosti i preemstvennost' kul'tur. Voronezh: Voronezh state university publ., 2004. P. 154–155. (In Russian).
2. Babenkova E. A. Variativnost' soderzhatel'noj sostavljajushhej ritual'nyh zhanrov v politicheskom diskurse (*The Invariance of Content Component in Ritual Genres of Political Discourse*) // Perevod v menjajushhemsja mire: Materialy mezhdunar. nauchno-prakticheskoy konferencii (Saransk, 2015). Moscow: Azbukovnik, 2015. P. 369–373. (In Russian).
3. Baranov A. N. Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teorija i praktika (*Linguistic Text Expertise: Theory and Practice*). Moscow: Flinta: Nauka, 2007. 592 p. (In Russian).
4. Dobrosklonskaja T. G. Voprosy izucheniya mediatekstov (opyt issledovaniya sovremennoj anglijskoj mediarechi) (*Aspects of Media Text Studies (Empirical Study of Modern English Media Speech)*). Moscow: URSS, 2005. 288 p. (In Russian).
5. Zaharenko I. V. Precedentnoe imja i precedentnoe vyskazyvanie kak simvoly precedentnyh fenomenov (*Precedent Name and Precedent Saying as Symbols of Precedent Phenomena*) // Jazyk. Soznanie. Kommunikacija: sb. statej. Moscow, 1997. Ed. 1. P. 82–103. (In Russian).
6. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' (*The Russian Language and the Linguistic Persona*). Moscow: Nauka, 1987. 263 p. (In Russian).
7. Marchenko T. V. Alluzii i citaty kak sredstva realizacii interpretacionnoj funkcii mass-media (*Allusions and Quotations as Means of Realizing the Interpretative Function of Mass-Media*) // Gumanitarnye i social'nye nauki. Rostov-na-Donu: Severo-Kavkazskij nauchnyj centr vysshej shkoly federal'nogo gosudarstvennogo avtonomnogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija vysshego professional'nogo obrazovaniya Juzhnyj federal'nyj universitet, 2014. No.2. P. 600–603. (In Russian).
8. Marchenko T. V. Specifika stanovlenija precedentnogo fenomena (v aspekte mezhkul'turnoj kommunikacii) (*Peculiarities of Precedent Phenomena Formation (In the Light of Intercultural Communication)*) // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota, 2008. No. 2. P. 1. P. 140–141. (In Russian).
9. Marchenko T. V., Serebrjakova S. V. Funkcional'no-pragmaticheskij potencial intertekstual'nyh vključenij v aspekte formirovaniya otnoshenija adresata k konfliktnoj situacii (*Functional-pragmatic Potential of Intertextual Units as Regards Shaping the Recipient's Opinion Concerning Conflict Situation*) // Refleksija. Nazran': Zherebilo Tat'jana Vasil'evna, 2007. №1. P. 21–23. (In Russian).
10. Nahimova E. A. Precedentnye imena v massovoj kommunikacii (*Precedent Names in Mass Communication*). Ekaterinburg: Institut social education, 2007. 207 p. (In Russian).
11. Nemirova N. V. Precedentnost' i intertekstual'nost' politicheskogo diskursa (na materiale sovremennoj publicistiki) (*Precedence and Intertextuality of Political Discourse (Based on Modern Publicistic Works)*) // Lingvistika. Bjulleten' Ural'skogo lingvisticheskogo obshhestva. Vol. 11. Ekaterinburg, 2003. P. 146–155. (In Russian).
12. Sorokin Ju. A., Gudkov D. B., Krasnyh V. V., Vol'skaja N. P. Fenomen precedentnosti i precedentnye fenomeny (*Precedence Phenomenon and Precedent Phenomena*) // Jazyk, soznanie, kommunikacija / ed. V.V. Krasnyh, A.I. Izotova. Moscow: Filologija, 1998. Ed. 4. P. 5–34. (In Russian).
13. Oxford dictionaries URL: <http://blog.oxforddictionaries.com/2016/12/brexit-enters-oed/>. (Accessed: 20.03.2018).
14. The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/international>. (Accessed: 05.03.2018).
15. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/nov/03/brexit-parliament-article-50-mps>. (Accessed: 05.03.2018).
16. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/20/brexit-fake-revolt-eu-working-class-culture-hijacked-help-elite>. (Accessed: 05.03.2018).
17. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/27/liverpool-london-brexit-leave-eu-referendum>. (Accessed: 05.04.2017).
18. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/oct/15/man-booker-prize-2017-shortlist-paul-auster-george-saunders-ali-smith-mohsin-hamid>. (Accessed: 20.03.2018).
19. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/business/2017/nov/28/the-brexit-economy-is-the-worst-of-the-2017-slowdown-over>. (Accessed: 20.03.2018).
20. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/2017/nov/11/british-workers-wanted-reality-bites-brexit-britain>. (Accessed: 20.03.2018).
21. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/housing-network/2017/dec/20/brexit-bonfire-legal-protection-homeless-eu-migrants>. (Accessed: 20.03.2018).
22. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/oct/28/how-joseph-conrad-foresaw-the-dark-heart-of-brexit-britain>. (Accessed: 20.03.2018).
23. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/apr/20/its-time-to-stop-believing-in-these-magic-brexit-solutions>. (Accessed: 20.04.2018).
24. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/apr/12/surveyors-issue-most-downbeat-assessment-of-housing-market-for-five-years>. (Accessed: 20.04.2018).
25. The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/apr/09/for-british-bosses-a-bigger-headache-than-brexit-is-emerging>. (Accessed: 20.04.2018).

РЕЦЕНЗИИ

УДК 37(479.24).084.3

Э. Р. Вагабова

Назарли А. Народное образование в Азербайджанской Республике (1918–1920 гг.). Баку: Нурлан, 2008. 224 с.

E. R. Vagabova

Nazarli A. Public education in the Republic of Azerbaijan (1918–1920). Baku: Nurlan, 2008. 224 p.

2018 г. объявлен Годом Азербайджанской Демократической Республики (АДР), когда не только азербайджанская общественность, но ряд стран будут отмечать 100-летний юбилей АДР, провозглашенной 28 мая 1918 г. Этой знаменательной дате, созданию первой Демократической Республики в мусульманском мире, посвящены различные научные форумы. По этой причине и назревшей потребностью донести до массового читателя достоверную историю молодого государства и возникла мысль написать рецензию на монографию азербайджанского историка Азизы Назарли «Народное образование в Азербайджанской Республике (1918–1920 гг.)», изданную в 2008 году в Баку на русском языке.

В XXI в., приоритетным направлением развития отечественной гуманитарной науки является сохранение национальных традиций, исторической памяти, расширение культурного и интеллектуального пространства.

В этой связи монография Азизы Назарли «Народное образование в Азербайджанской Республике (1918–1920 гг.)» стала значительным событием в исторической науке. Впервые в азербайджанской историографии была предпринята попытка исследовать деятельность Азербайджанской Демократической Республики в области народного образования за 1918–1920 гг., освещается предыстория поставленной проблемы. Монография написана на основе кандидатской диссертации по заданной теме, начатой во второй половине 1980-х годов и защищенной А. Назарли в Институте истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана в 1994 году. Научным руководителем соискателя являлся доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Е. А. Токаревич. Это была одна из первых диссертаций, посвященных истории Азербайджанской Демократической Республики. Если политическая

деятельность АДР как-то еще находила свое освещение в азербайджанской историографии, то вопросы культурного развития оставались вне поля зрения исследователей. Даже в обобщающих трудах по истории культуры и образования в этот период встречались, как констатирует автор рецензируемой монографии, лишь беглые упоминания о них, да и то тенденциозного характера, действия АДР в области развития народного образования сильно искажались.

Дело в том, что до определенного времени, когда Азербайджан находился в составе СССР с идеологизированной коммунистической пропагандой, многие аспекты исторического прошлого азербайджанского народа замалчивались. В результате в азербайджанской историографии образовался некий вакуум, в частности, в изучении вопросов народного образования за 1918–1920 гг. Это было вызвано тем, что в советское время существовал строжайший (неписанный) запрет на освещение прогрессивной деятельности азербайджанской интеллигенции и национальной буржуазии, когда навешивались ярлыки на лидеров национального движения. Кроме того, длительное время многие исторические документы хранились в архивах под грифом «секретно».

В советское время освещение деятельности первой в тюркском мире и первой на мусульманском Востоке Азербайджанской Демократической Республики, первого правового государства, где разрушались гендерные стереотипы, где женщинам были предоставлены равные права с мужчинами, запрещалось. Хотя по важности именно этот период имел исключительно первостепенное значение в азербайджанской истории. И только с развалом СССР, когда ослаб идеологический пресс на историческую науку, появилась возможность открыто освещать различные аспекты исторического

прошлого азербайджанского народа, в том числе национальное движение, борьбу за развитие азербайджанского (тюркского) языка и национальной культуры. Отсутствие квалифицированных преподавателей родного языка и литературы, слабая постановка преподавания азербайджанского (тюркского) языка являлись результатом колониальной политики и сказывались на самом образовании.

Вопросы народного образования всегда волновали азербайджанских просветителей и прогрессивную национальную буржуазию. В условиях колониальной политики царской России, в составе которой находился Северный Азербайджан, азербайджанская интеллигенция транслировала свои идеи через периодическую печать и посредством своих литературных произведений. Её представители открывали русско-азербайджанские школы, что явилось знаменательным событием в культурной жизни азербайджанских турков, боролись за переустройство конфессиональных школ – мектебов и медресе, подвергая критике старые методы обучения и призывая к их реформированию, выступали за введение азербайджанского (тюркского) языка в качестве обязательного языка в школах.

Февральская революция 1917 года внесла колоссальные изменения в общественно-политическую и культурную жизнь азербайджанских турков. Происходит демократизация в области просвещения, выразившаяся в проведении новой школьной политики, в национализации школ.

После октябрьского переворота и возникновения в Азербайджане двоевластия берётся курс, с одной стороны, на установление в Баку, проводимой Бакинском Советом народных комиссариатов, советской системы образования. Эта система также не была лишена русификаторской политики, игнорирующей создание национальной школы на родном тюркском языке. С другой стороны, в западной части Азербайджана, оказавшейся в сфере влияния Закавказского комиссариата, не подчинявшегося РСФСР, предпринимались, как отмечает автор монографии, первые шаги по пути национализации школы.

С возрождением азербайджанской государственности 28 мая 1918 года впервые государственным языком объявляется тюркский язык, хотя в делопроизводстве все еще употреблялся русский язык.

Автору рецензируемой монографии удалось на основе выявленных архивных материалов и периодической печати, в чем, несо-

мненно, заключается её научность и ценность, проанализировать вопросы создания новой демократической системы народного образования, укрепления её материально-технической базы и подготовки национальных кадров среди азербайджанских турков. Значительную роль в этом деле оказывала и официальная газета «Азербайджан», 100-летие которой также отмечалось в 2018 году.

За относительно короткий период времени новому азербайджанскому правительству удалось осуществить кадровую политику, в ходе которой на административные должности привлекаются просветители и учителя из числа азербайджанцев. И самое примечательное заключалось в том, что одновременно с проведением национализации школ, перехода обучения на азербайджанский (тюркский) язык, учитывались, как отмечает автор монографии, интересы и национальных меньшинств. Это, на наш взгляд, наглядно свидетельствовало о мультикультуральной политике молодого государства и толерантном отношении азербайджанских турков ко всем национальностям, проживающим в пределах Азербайджана.

Корпус архивных источников позволил автору монографии выделить несколько направлений в деятельности АДР в вопросах народного образования и осветить мероприятия по их осуществлению: создание новой системы народного образования и её материальное обеспечение; образование взрослого населения; строительство и ремонт школ; подготовка педагогических кадров и улучшение их материального положения; подготовка и издание новых учебных программ, учебников и учебных пособий, распределение их по школам; повсеместное открытие вечерних курсов, как для мужчин, так и для женщин, а также создание «Союза тюркских учителей» – первой профессиональной организации азербайджанских педагогов и его роль в решении проблем школьного образования.

Важно подчеркнуть, что все задуманные мероприятия молодой Республике приходилось осуществлять в условиях сложной политической обстановки, экономической разрухи и иностранной интервенции. Межнациональные столкновения, территориальные споры с соседними государствами отрицательно сказывались на положении школьного дела. Армянское население Нагорного Карабаха не признавало новое Азербайджанское Правительство и препятствовало работе школьных инспекторов.

Вопрос открытия высшего учебного заведения в Азербайджане еще с конца XIX в. посто-

янно являлся объектом обсуждения на страницах периодической печати и на заседаниях Бакинской городской думы с участием представителей Совета съезда бакинских нефтепромышленников. Парадоксально, но Баку, нефтяная промышленность которого по времени возникновения являлась старейшей и первой по величине добычи нефти в России и своему качеству, длительное время по вине царских чиновников, затянувших этот вопрос на долгие годы не имел не только университета, но и собственного нефтяного института. Только в 1919 г. правительство АДР открыло в Азербайджане первое высшее учебное заведение – Бакинский университет. В рецензируемой монографии автор подробно описывает создание и деятельность Бакинского университета, показывает его профессорско-преподавательский состав, многие из которого будут затем подвергнуты репрессиям и расстреляны, акцентирует внимание на создании проектов других высших учебных заведений, а также подготовке высококвалифицированных специалистов за рубежом за счет молодого государства.

К сожалению, все начинания АДР прервались XI-й Красной армией РСФСР, захватившей Азербайджан 28 апреля 1920 г. и устроившей «красный террор». В результате этого погибло 48 тыс. человек. Только в 1920–1921 гг. были уничтожены лучшие представители азербайджанской интеллигенции и политики, депутаты Азербайджанского Парламента, многие должностные лица в АДР вынуждены были покинуть родину, начались репрессии среди простых рядовых граждан.

Актуальность монографии А. Назарли для азербайджанской истории, её вклад в азер-

байджанскую историографию очевидны. В ней последовательно прослежена 23-х месячная деятельность АДР и осуществление ею прогрессивных демократических реформ в области народного образования, давшие свои положительные результаты, несмотря на трудности переживаемого азербайджанским народом исторического момента.

Хочется отметить тот отрадный факт, что деятельность АДР не забыта современными учеными. Появились исследования, проливающие свет на общественно-политическую, социально-экономическую и культурную деятельность АДР. Свое место в этом ряду по праву заняла историк Азиза Назарли.

Исследование автором деятельности АДР в области развития народного образования, освещение её во взаимосвязях с исторической и социальной действительностью Азербайджана обогащает наше представление об историческом пути молодой республики.

АДР, провозглашенная 100 лет назад, явилась предшественником современной суверенной Азербайджанской Республики, которая уже в новых исторических условиях продолжает начатое дело АДР, взяв путь на независимый и демократический путь развития в столь сложных условиях глобализации и культурной интеграции.

Хочется надеяться, что данная монография вызовет интерес у читателя, поспособствует появлению новых исследований по истории АДР на основе новых неизученных еще материалов, открыв ему многие неизвестные страницы и факты из жизни ее первых основателей и деятельности Азербайджанской Демократической Республики в целом.

УДК 316.52(470.6)

С. Л. Дударев

Клычников Ю. Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений. Пятигорск: ПГУ, 2018. 108 с.

S. L. Dudarev

Klychnikov Yu. Yu. Sovmestnichestvo: a retrospective analysis of the specifics of Russian-North Caucasian relations. Pyatigorsk: PSU publ., 2018. 108 p.

Книга известного историка-кавказоведа д.и.н., проф. Ю. Ю. Клычникова представляет собой интересную попытку осмысления такого научного концепта, как совместничество, являющегося важной стороной феномена российскости. Последний, будучи предложенным в начале 1990-х гг. В. Б. Виноградовым, претерпел определенную эволюцию. Основная линия развития понятия «российскость» за прошедшие практически четверть века заключается в том, что оно становится все более сложным и неоднозначным. Термин постепенно наполняется выразительными и противоречивыми гранями нелегкого, драматического взаимного русско-кавказского узнавания и притирания в межкультурном и этнополитическом диалоге исторических партнеров, идущем на Северном Кавказе последние двести с лишним лет. На это обстоятельство автор и обращает внимание в своем небольшом Введении, весьма знаково приводя фрагмент из стихов Ф. И. Тютчева, в которых присутствует ключевая мысль о том, что союз между сторонами не обязательно зиждется на крови, но может более прочно быть скреплен любовью. Посмотрим же, что привнесло исследование Ю. Ю. Клычникова, образно выражаясь, в «формулу любви», которая долгие годы вырабатывалась и продолжает вырабатываться в ходе взаимной исторической деятельности русских и кавказцев.

Первая глава книги кратко характеризует этапы интеграции России и Северного Кавказа на протяжении последнего тысячелетия. И весьма примечательно то, что в самом начале он, обращаясь к смыслу понятия «совместничество», по традиции, отталкивается от его трактовки В. И. Далема, как соперничества, состязания, соревнования, и приходит к мысли о том, что совместничество русских и кавказцев – это, скорее, «сотрудничество-соперничество» (вспомним здесь известное словосочетание из области спорта – «друзья-соперники»).

Важно то, что, уже набрасывая очертания политических контактов Руси, а том числе, Московской, с северокавказцами, автор показывает тот непреложный и крайне важный факт,

что найти стабильных, постоянных партнеров по диалогу (или посредников в таковом) московским (а затем и петербургским) правителям, в существовавшей политической «череполюсице» и многовластии, было крайне сложно. При этом Ю. Ю. Клычников не обходит вниманием и внешнеполитическую мотивацию действий центральных властей, указывая на противодействие их усилиям со стороны Турции и Ирана. Данный фактор, отражаясь в постоянной смене политической ориентации горских «владельцев», порождавшей рост нестабильности, имел своим результатом строительство Кавказской линии, призванной, в чем, несомненно, прав автор, стать барьером на пути иноземных вторжений. Это был фактор, обострявший российско-северокавказские отношения, хотя Ю. Ю. Клычников скептически относится к такой мысли. Но вопрос в том, что сами горские «владельцы» изначально, еще в середине XVI в., позвали московского государя соорудить крепости на Северном Кавказе. Защищать данную территорию, выполняя свои союзнические и «протекторские» обязательства, находясь где-либо на Нижнем Дону, российским «силовикам» всех времен было крайне неудобно и нецелесообразно.

Говоря о сложных перипетиях российско-северокавказского взаимодействия в контексте различных факторов, Ю. Ю. Клычников придерживается того перспективного мнения, что интеграция России и Северного Кавказа была не простым завоеванием новых территорий, но по сути была важным рычагом будущей модернизации северокавказского ареала. Автор прав, утверждая, что инициированные Россией урбанизационные процессы должны были породить новых людей, готовых к межкультурной коммуникации, влиявшей в плане преобразования на местный традиционализм, на архаические ценности, не преодоленные, впрочем, еще и сегодня. Являвшиеся базой для возникновения городской жизни и новых идентичностей укрепления Кавказской линии обозначили линию северокавказского фронта. Употребление этого термина автором – важ-

ная подвижка в его научном инструментарии. У Ю. Ю. Клычников произошел поворот к более разносторонней оценке «фронтара». Специалист демонстрирует понимание того, что хотя «неопределенность», как важное свойство фронта, казалось бы, была исчерпана после полного взятия под контроль Россией земель северокавказских горцев, однако черты «фронтирности» продолжают прослеживаться в культурно-исторической сфере горских народов, особенно в их ментальности, и поныне.

Пристальное и немалое внимание Ю. Ю. Клычковым уделяется месту работорговли как явления, которое препятствовало сближению горцев и русских. Отдавая должное его эрудиции, мы бы хотели, в свою очередь, заметить, что усилия российских властей по пресечению работорговли/пленопродавства были связаны не только с гуманистическими соображениями правительства. Борясь с работорговлей, власти, прежде всего, стремились пресечь связи горцев с Османской империей, необходимость чего отлично понимал и А. С. Пушкин, и переориентировать их на Россию.

Буквально в нескольких строках касаясь феномена «Кавказской войны», автор указывает на самое главное, по его мнению, в данном явлении, а именно вновь позиционирует его как сложный процесс модернизации, переживаемый народами региона (см. выше). С пониманием относясь к мысли автора, мы, с одной стороны, подчеркнем, что этот процесс был двусторонним, и шел как от России, так и от самих горцев (имамат Шамиля). С другой же, все-таки укажем исследователю на то, что это был, в лучшем случае, процесс предмодернизационный, который готовил для нее почву. В частности, возникает вопрос: насколько внедрение шариата является «модернизацией»? Ведь перед синхронными имамату ближневосточными обществами, например, Османской империей, стояла задача, скорее, ограничения шариатских порядков, чем их реанимация и господство.

Характеризуя те острые и неоднозначные процессы, которые шли у горцев во второй половине XIX – начале XX в. Ю. Ю. Клычков касается темы абречества. По ней написано немало исследований, в том числе, недавняя монография В. А. Матвеева, которую можно было использовать при написании книги (Матвеев В. А. Националистическая Вандея и проявления устойчивости российской интеграции на Северном Кавказе в кризисных условиях 1917–1921 гг. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2016. 268 с.). Следует отметить, что мы, в принци-

пе, согласны с Ю. Ю. Клычковым в прозвучавших в первой главе оценках, касающихся судеб казачества Северного Кавказа, которое отрицательно встретило Советскую власть, устроившую разгром казачества, как социально чуждой ему силы, либо закрывавшую глаза на те удары, которые ему наносили представители горских народов. Необходимо указать и на то, что репрессии обрушились не только на антисоветски настроенных казаков. Выселению из станиц одновременно с «контрреволюционными» подвергались и «советские» семьи (С. А. Голованова). Причина всего этого была в том, что Троцкий, Свердлов и иже с ними стремились ликвидировать казачество, как наиболее пассионарную силу русского народа, способную к самоорганизации.

Остановливаясь на событиях Великой Отечественной войны, автор касается острой темы коллаборационизма. Разумеется, в небольшой книге невозможно подробно осветить все подобные вопросы. Но, если вернуться назад, стоит задуматься, в том числе и нашему автору – почему же среди тех горцев, которые воевали на фронтах Первой мировой войны (Кавказская Туземная конная дивизия прозванной еще Дикой), случаев измены присяге и воинскому долгу не было? Необходимо оценить и то, почему воинская, офицерская элита горских народов сражалась против большевиков на стороне белых, хотя их отцы и деды еще не так давно проливали кровь, свою и чужую, во время «Кавказской войны». Как же вышло, что в одних случаях совместничество и «российскость» работали, а в других – нет? Возможно, здесь следует вспомнить о феномене «иммунности». Очевидно, что в данном отношении имеется еще немало т.н. «белых пятен».

В конце главы исследователь позиционирует события второй половины XX – начала XXI в. Он верно указывает на то, что рабочий класс северокавказских республик в большей степени состоял из славянского элемента, лучше адаптированного к особенностям городской среды. К этому следовало бы добавить то, что сформировался и отряд рабочего класса в лице выходцев из северокавказских народов. Однако он все больше был занят в сфере местной промышленности и сельском хозяйстве (рабочие совхозов), в то время как промышленный пролетариат кавказского происхождения был немногочислен. Но и такой расклад обеспечивал определенное снятие межэтнической конкуренции, особенно в сфере землепользования. Она была, как правильно пишет Ю. Ю. Клычков, латентной. Мы

согласны с ним в том, что системный кризис 1980-х вел к ренессансу архаики и вытеснению «чужих», что ярко проявляется и сегодня. В то же время, укажем на то, что при вытеснении некавказцев, вписывающемся в известный феномен «дерусификации», активно вытесняются из республик и «свои» (см. ниже). Очевидно, что попытки модернизации региона должны опираться на консолидацию членов северокавказских обществ независимо от национальной принадлежности в целях выхода на новые технологические и интеллектуальные уровни, достижения социальной справедливости. Для преодоления отрицательных сценариев развития событий необходимо переломить тенденцию к дотационности, а также дать равные возможности всем, кто живет в субъектах региона, особенно национальных. «Нетитульность» «некоренных» народов является в этом смысле серьезным и пока что непреодолимым тормозом и залогом их дальнейшего оттока за пределы Северного Кавказа.

Во **второй главе** автор анализирует ментальные и социокультурные факторы формирования русско-сеveroкавказских отношений через призму концепции российскости. При всем том, что мы согласны с автором в акцентированном позиционировании важной роли соперничества в характеристике российскости, укажем Ю. Ю. Клычникову на то, что при этом невольно упускается другая, **основная** ее черта: *органический синтез* русского и нерусского в процессе исторического партнерства.

Отправной точкой в анализе сложной диалектики совместничества на Северном Кавказе, как части Большой России, являются события т.н. Кавказской войны. Именно в эту эпоху появился и знаковый лермонтовский очерк «Кавказец». Уже в нем мы видим тенденцию к синтезу, шедшему в ходе драматического (и нередко, трагического), взаимодействия, а также же взаимовоздействия, осуществлявшегося прямо в русле военных событий. Автор пишет о парадоксальности культурной коммуникации в ходе «Кавказской войны». Историки уже обращали на это внимание (В. В. Дегоев). Одним из ярких проявлений такой парадоксальности был феномен «окавказивания» российских войск, ведших боевые действия на Кавказе, о котором уже неоднократно писалось специалистами (В. В. Лапин, Н. Н. Великая и др.). Он принимал, порой, крайние формы. В такой ситуации, возможно, приходится говорить даже о феномене частичной «демодернизации» российской армии в специфических условиях Кавказа.

Интересны рассуждения автора о генезисе образов кавказцев в российском восприятии. Ю. Ю. Клычников справедливо берет в этом вопросе за основу положение о «революции потребностей» в местном обществе, которое, фактически берет истоки еще в работе А. Ардасенова «Переходное состояние горцев Кавказа», т.е. изменении материальных устремлений, желаний и вкусов горцев под влиянием искусительной (по В. В. Дегоеву) российской цивилизации. По сути же, эта «революция» была предсказана как желаемая для преобразования горцев еще российскими авторами первой половины-середины XIX в. (П. Д. Цицианов, С. М. Броневский, Н. С. Мордвинов, А. С. Пушкин и др.). Данная тема, как точно отмечено автором, не потеряла своей актуальности и сегодня. Коррупция в субъектах Северного Кавказа (впрочем, как и во всей стране), помноженная на этнокланократию, стала уже «притчей во языцех». Но возникла она еще в позднесоветский период. Уже тогда материальные ресурсы были неофициально поделены между кланами. Произошло четкое приспособление неофициальных страт местных народов, особенно их номенклатурно-клановой верхушки, к особенностям редистрибутивной (перераспределительной) экономики советского строя. Нынешняя же ситуация в республиках Северного Кавказа характерна тем, что, как отмечено Ю. Ю. Клычковым, немало энергичных выходцев с Кавказа предпочитает отправиться в Большую Россию, где растет их конкуренция с другими россиянами. Причина этого в том, что ниши на местах заняты более многочисленными и могущественными клановыми и иными группировками коренного происхождения, доминирующими в рамках описанного в литературе феномена этнокланократии. Они «распилили» должности и ресурсы, не подпуская к ним менее многочисленные сообщества, представители которых вынуждены «искать счастья» по всему пространству Большой России. Недавние исследования кафедры социологии и психологии политики МГУ им. М. В. Ломоносова, проведенные в субъектах СКФО, показали, что 43% жителей хотели бы покинуть свои республики, поскольку нет связей и перспектив. Среди таких «лишних людей», по имеющимся у нас сведениям, зреет серьезное недовольство подобным положением, и желание «навести порядок» на местах.

Одновременно, клановость, которая теперь не имеет нужды маскироваться, открыто стала позиционироваться, как важная часть самоидентификации горских народов. 18.10.2016 г.

исполнилось 100-летие со дня рождения выдающегося ингушского поэта Джамалдина Яндиева. На торжественном вечере, посвященном этой юбилейной дате, глава Ингушетии, Герой России Ю.-Б. Евкуров сказал о том, что Д. Яндиев всегда был верен своей родине, своему народу и своему тейпу (Телеканал «Ингушетия»). Похоже, это был момент истины. Замкнутость на свою локальную общность, превалирование ее интересов, отмечаемые Ю. Ю. Клычниковым даже у местных интеллектуалов, прослежены еще А. Ардасеновым у горцев конца XIX в. Они ярко проявились в период в конце XX в. в период т.н. чеченской революции, когда достояние республики подверглось тотальной «прихватизации», что нам довелось видеть собственными глазами. Большую роль в определении будущего облика северокавказских обществ начала XXI в., несомненно, играет молодежь. Ее участие в «Кавказской войне» и последующих событиях вплоть до середины 1940-х гг. показывает высокую роль того вызова, который новые поколения бросали более старшим, реализуя, как указывает автор, возрастную склонность к агрессии. Ныне отмечаемая им «конкуренция-игра» ведется горской молодежью уже на пространствах всей Большой России, в том числе, и в столице нашей Родины.

При этом из прошлого заимствуются образы тех или иных исторических деятелей, прежде всего героев «Кавказской войны», среди которых особое в национальной среде место занимает имам Шамиль, который, как замечает Ю. Ю. Клычников, становится кумиром для пассионарного горского юношества. И эти образы действительно весьма востребованы в идущих «войнах памяти», как в горской, так и русской (А. П. Ермолов, Г. Х. Засс, и др.) среде. При этом заметим, что образы Шамиля и его сподвижников, а также их русских противников тиражируются не только в научной литературе и в блогосфере, но и в произведениях кино- и телеискусства, вплоть до мультфильмов. В чем причина такой востребованности персонажей войны XIX в.? Горские герои и их деятельность (в кавказских версиях), с одной стороны, не только являются образцом высокого патриотизма и традиционной маскулинности, верности своим духовным ценностям. Их кодекс поведения является образцом для подражания тем, кто стремится найти альтернативу коррумпированной местной власти. Их визави (в русских версиях) – пример исполнения воинского долга и верности присяге, любви к Родине, стойкости в отношении противника,

и, что немаловажно, неприятия «столичного бомонда» и его правил игры.

Автор прав в том, и об этом уже писалось ранее В. В. Лапиным, что война на Кавказе в XIX в. при всей ее драматичности и трагичности, была на периферии сознания российского общества, и не касалась рядового обывателя. Это во многом влияло на формирование облика горцев, особенно их вождя, в восприятии русской публики, которая восторженно встречала Шамиля в Москве и Санкт-Петербурге, Калуге, и др., открыто признаваясь ему в любви. Она обожала романтических героев, навеянных поэзией и прозой Пушкина, Лермонтова, но еще больше Марлинского. Тёзку знаменитого имама по фамилии Басаев в 1990-е гг. там же ждал бы совсем другой прием. Впрочем, на самом Кавказе, среди русских «кавказцев», среди казачества, которое сталкивалось с горцами в боях и нередко несло тяжелые потери, отношение к ним, в чем следует согласиться с автором, было вовсе не фатальным. И здесь можно бы было вспомнить не только любовь русских кавказцев ко всему горскому, как делает автор, но и тот факт, что среди казаков, партнерство которых с горцами было ярко контрастным (дружба-вражда), не сложилось образа непримиримого врага (работы А. Р. Салчинкиной и О. В. Матвеева).

Интересны наблюдения Ю.Ю. Клычкова о генезисе психологии горцев в историческом времени, который находит параллели, скажем, среди представителей других нерусских народов советской эпохи («...чуть-чуть румын, немного турок / а в целом русский патриот»). Можно в этом смысле вспомнить и строки замечательных северокавказских поэтов, которые во второй половине XX в. в своем творчестве ярко и талантливо зафиксировали как традиционное горское достоинство и непреклонность, так и трудный путь к взаимному сближению, а также огромную роль гуманизма россиян в их стремлении вовлечь горских сынов России в разнообразные формы ее внутренней жизни (Р. Гамзатов, Исхак Машбаш). Отечественные историки не так давно отмечали и то, что еще в дореволюционный период у кавказцев сформировались этноэлиты с наднациональной имперской идентичностью, входившие в политическую и культурную элиту империи. Они с гордостью ощущали себя носителями великого культурного синтеза двух начал – имперского и традиционно-этнического (В. В. Дегоев и Р. Ю. Ибрагимов). Подобная идентичность складывалась, конечно, не только у них, о чем можно судить по творчеству советского поэта

П. Д. Когана (1918–1942). Но, то было в советское время, скажут иные. Тем не менее, сегодня, когда, казалось бы, с империями на Руси покончено, необходимость в них, образующую острым дефицитом державности, как вроде бы, ни парадоксально, взыскуют именно представители горских народов. Современный автор А.-Н. З. Дибиров высказывает сожаление о том, что «из русского этнического сознания постепенно выветривается дух «имперскости». Его утрата чревата далеко идущими последствиями, как для Российского государства, так и для составляющих его народов. Разумеется, те острые проблемы современного бытия, когда пассионарность и агрессивность кавказцев, порой жестко позиционирующих свою маскулинность на улицах российских городов, а экзотические виды Грозный-Сити, напоминающего пресловутые Эмираты, резко контрастируют с разрухой где-либо под Рязанью или Томском, и вызывают в Большой России эмоции, вроде «Хватит кормить Кавказ!», нельзя не видеть и невозможно забывать. Но для их регулирования нужна твердая политическая воля Центра и продуманная, многослойная, многоступенча-

тая национальная политика. Однако ее нет. Но то, что есть кавказцы, которые думают о судьбах державы, и их немало, также не вызывает сомнений. И в этом залог того, что интеграция Северного Кавказа и Большой России должна найти новые конструктивные и взаимопользные формы во имя спасения страны. Но медлить нельзя.

В Заключении подведены итоги исследования. Невозможно прокомментировать все грани интересной, своевременной и нужной книги Ю. Ю. Клычникова. Желаем читателю чаще обращаться к ее содержанию для более глубокого понимания того нелегкого, сложного и противоречивого процесса сближения сынов Северного Кавказа и Большой России, который продолжается и сегодня. Первая женщина-карачаевка – доктор исторических наук З. Б. Кипкеева как-то написала: «Центр и Периферия прошли путь побед и поражений вместе...». Уверены в том, что именно положительный потенциал этого общего пути будет путеводной звездой для тех, кто думает о совместном будущем великой Родины и ее замечательного кавказского уголка.

УДК 338(470.6)084.4

В. П. Ермаков, С. С. Лазарян

Пришло время разработки «непопулярных тем». Туфанов Е. В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь: ОООИД ТЭСЭРА, 2018. 206 с.

V. P. Ermakov, S. S. Lazaryan

Time to develop “unpopular topics”. Tufanov E. V. Personnel of regional managers in the 1920s–1930s: formation and functioning (on the materials of the North Caucasus). Stavropol: OOOID TESERA, 2018. 206 p.

В 1990-е – начале 2000-х гг. история партии оказалась невостребованной отечественными историками, хотя исследовательские возможности в то время открывались большие. Сказывалась усталость профессионального сообщества от бесконечной череды «партийных» проблем, загнанных в идеологически выдержанные границы, а также методологическая неготовность ученых к этому. В ряде работ господствовал, по словам Т. Шанина, «коммунистический Техас», когда под видом смены методологических парадигм заменялись идеологические знаки.

Сегодня историки России уже готовы к изучению масштабной проблемы истории советского общества, в которой свое место занимает и вопрос о принципах, функциях, людях системы советского управления. В контексте представлений об СССР не только как о Центре, принимавшем решения, но и многообразии регионов, где эти решения реализовывались, стали применяться методологические подходы «новой локальной истории», которые позволяют реконструировать не только социальный, но и антропологический аспект такой темы политической истории, как история советского управления. На наш взгляд, автор рецензируемой книги попытался осуществить этот комплексный подход. Об этом свидетельствует мощная фундированность работы и широкий историографический охват.

Е. В. Туфанов совершенно логично начал историю формирования региональных управленцев с процесса подготовки их кадров. В частности, одним из инструментов создания кадрового резерва для регионов было партийное образование, которое было включено в систему формирования нового человека, а именно таким новым человеком в первую очередь должны были стать местные руководители. Надо согласиться с автором, что основы этой системы закладывались еще в годы Гражданской войны как вертикаль от центральных образовательных учреждений партии до обязательных региональных партийных школ [1, с. 27].

Все элементы этой вертикали были связаны принципом преемственности. И это в условиях, когда нищета, голод, насилие захлестнули Россию, которая, по мнению В. И. Ленина была похожа на «человека, избитого до полусмерти. Каждая копейка была на счету, тем не менее, большие средства тратились на обустройство партийного просвещения. Книга важна тем, что в ней не только представлены партийные директивы по этому вопросу и намерения власти, но и процесс реализации этих директив, включая трудности организации работы партийных учебных заведений на Северном Кавказе [1, с. 32, 34–35], специфику этой работы в регионе, а также эволюцию системы в течение 1920-х – 1930-х гг. [1, с. 42]. Поиск форм и методики такого образования сменился жесткой централизацией и унификацией, что имело и положительные, и негативные последствия.

Совершенно справедливо выявление роли учета и контроля в области кадровой политики как инструмента создания лояльного слоя управленцев [1, с. 45–57]. Это было особенно важным и одновременно сложным для налаживания местного партийно-советского управления. Именно контроль и учет позволил преодолеть царивший на местах кадровый хаос, помог снизить кадровый дефицит, особенно на Северном Кавказе, и создать централизованную систему распределения кадров по всей стране, получившую наименование «номенклатура», состоявшую из «ответственных работников». Исследователь не только освежил и расширил по сравнению с 1990-ми – 2000-ми годами исторические, социологические и политические представления о номенклатурной системе, но и впервые остановился на процессе формирования местной номенклатуры в национальных областях Северного Кавказа.

Комплексность работы Е. В. Туфанова состоит в том, что в данном случае автор обращает наше внимание на то, что помимо общих направлений подготовки партийно-советских кадров для всех регионов руководству страны

приходилось учитывать многонациональный характер жителей советской России и неодинаковый уровень культурного и экономического развития отдельных регионов. Это обстоятельство заставило искать нетипичные пути подготовки национальных кадров номенклатуры. Одним из существенных моментов в деле становления местной номенклатуры советских, хозяйственных и партийных ответственных работников Северного Кавказа, безусловно, была попытка формирования слоя партийно-советской номенклатуры в национальных районах.

Исследователь подробно освещает реализацию политики коренизации среди народов Северного Кавказа [1, с. 64–70]. Одновременно показано влияние местных традиций, затруднявших этот процесс. Местные руководители часто руководствовались не столько интересами дела, сколько интересами кланов [1, с. 72]. Однако новый курс в организации системы партийно-государственного управления на централизацию и унификацию способствовал отмене политики коренизации. Хотелось бы, чтобы автор подробнее остановился на причинах этого.

Одной из наиболее актуальных как в научном отношении, так и для сегодняшнего дня проблем был и остается вопрос о партийной морали как в официальных установках, так и в реальном моральном облике ответственных работников. Важный тезис работы состоит в том, что от абсолютного неприятия ценностей «буржуазной» морали элита партии постепенно, в 1930-е годы, переходит к признанию некоторых общечеловеческих ценностей [1, с. 77–89]. Стало ясно, что авторитет партии у населения не может быть достигнут без защиты таких традиционных ценностей, как скромность, честность, чистота в быту и семейных отношениях, доброжелательность к окружающим. Так, партийные идеологи начали связывать самые главные коммунистические ценности – революционную целесообразность и самоограничение во имя коммунистического будущего, с традиционной этикой коллективизма, жертвенности, бескорыстия, крепкой семьи, трезвости.

Однако методы воспитания основных принципов и форм коммунистической морали у представителей номенклатуры, как специально выделил Е. В. Туфанов, предлагались в духе «военного коммунизма, административно-командные. Были созданы специальные органы партийного контроля, инструментами которого стали так называемы «чистки» [1, с. 97–103]. С другой стороны, такие партийные комиссии осуществляли неусыпный контроль

над состоянием лояльности, преданности вождям номенклатурных работников в Центре и на местах. Так контрольные органы стали неотъемлемой частью номенклатурной системы. Более того, понятие партийного контроля распространилось, как справедливо подчеркнул автор, на рядовых членов партии и работников государственных структур.

Похвальной нам представляется стремление исследователя составить обобщенный социокультурный портрет ответственного работника в провинции в контексте требований руководства [1, с. 104–114]. Можно согласиться вслед за автором с тем, что этот слой социума, как и сам социум, состоял из людей с разными характерами, опытом, мотивацией. Наряду с убежденными сторонниками советской власти в те годы наблюдался приток в управленческую сферу множества неопытных, неграмотных и случайных людей, чьи мотивы часто сводились к ожиданиям преимуществ жизни руководителей. На основе этого комплекса факторов и сложился определенный тип номенклатурного работника в контексте мобилизационного общества. Здесь было бы уместным привести конкретные судьбы людей, выявив их разнообразие и одновременно общие черты представителей номенклатуры.

Как показал исследователь, проблемы морали были тесно связаны с историей номенклатурной повседневности. Он вскрыл это на примере жилища, заработка, потребления, отдыха ответственных работников партийно-государственного аппарата. В то же время автор постарался показать и процесс развращения властью, что непременно заражало партийно-советский аппарат управления бациллой бюрократизма, злоупотреблениями, типичными для имперского аппарата. К этому вела, в том числе, определенная обособленность номенклатуры от общества, ее «особость».

Автор работы привел в пример один из самых тяжелых социальных проблем в советском государстве – квартирный вопрос. Для представителей управления этот вопрос решался явочным порядком. С другой стороны, номенклатурное жилье само по себе ограждало чиновников от общества в целом, т.к. имело пропускную систему [1, с. 117–118].

Исследователь справедливо подчеркивает иерархический и много направленный характер привилегий и льгот номенклатуры. По вертикали Центр становился «верхами», а провинция – «низами». По горизонтали «верхи» были представлены аппаратом, а «низы» представляли рядовых партийцев, рабочих.

Это деление было маркировано материальным фактором и отражалось, как отмечает исследователь, в зарботке, продовольственном снабжении, получении льгот по оздоровительным путевкам и проч. К сожалению, Е. В. Туфанов привел недостаточно фактов такого порядка по местной номенклатуре, что затруднило выявление разницы в обыденной жизни местного и центрального аппарата.

Хотелось бы выразить отдельную благодарность всех профессиональных историков за Приложения из 55 таблиц. Это замечательный источниковый пласт, содержащий информацию как для исследователей, так и для преподавателей, прекрасное поле для аналитических изысканий по советской истории Северного Кавказа и страны в целом [1, с. 164–204].

По нашему мнению, автор, который подробно пишет и о процессе выработки решений, и их практического воплощения на местах, не вполне использовал сравнительный анализ. Это позволило бы понять связь советской политики управления с российскими традициями функционирования государственной машины, а не только увидеть разрыв с этими традициями, о чем так много написано. К примеру, одно дело – формирование основных черт партий-

ной морали, и совсем другое – реальный облик регионального руководителя.

Кадры любого уровня и любого подчинения – это еще и конкретные люди. Поэтому изучение их подробных биографий помогло бы не только уточнить общий социокультурный портрет провинциальных управленцев, но и восстановить его эволюцию в контексте деления кадров на «полезных» и «сомнительных». Не прозвучал мотив временности номенклатурного благополучия и в столицах, и в провинции, сходство военного быта с бытом управленцев, находившихся в постоянной «переброске» и страхе перед репрессиями.

Среди источников работы почему-то не оказалось работ главного конструктора номенклатуры И. В. Сталина и его команды. Здесь было бы уместно показать образ жизни местных управленцев с образом жизни вождя и его ближнего круга.

Несмотря на эти недочеты, которые можно преодолеть в следующих авторских изданиях, монография Е. В. Туфанова существенно пополнила северокавказскую историографию по советской истории, расширив научные представления наших современников о жизни региона в начале XX века.

Литература

1. Туфанов Е. В. Кадры региональных управленцев в 1920–1930-е годы: становление и функционирование (на материалах Северного Кавказа). Ставрополь: ОООИД ТЭСЭРА, 2018. 206 с.

References

1. Tufanov E. V. Kadry regional'nyh upravlencev v 1920–1930-e gody: stanovlenie i funkcionirovanie (na materialah Severnogo Kavkaza) (*Personnel of regional managers in the 1920s–1930s: formation and functioning (on the materials of the North Caucasus)*). Stavropol': OOOID TEHSEHRA, 2018. 206 p. (In Russian).

ЮБИЛЕИ

УДК 94(049.32)

А. П. Беликов

К ЮБИЛЕЮ АКОПА ЖОРАЕВИЧА АРУТЮНЯНА

Статья посвящена шестидесятилетию юбилею доктора исторических наук, известного специалиста по истории древней Армении, доцента исторического факультета Ереванского государственного университета Акопа Жораевича Арутюняна. Кратко изложены основные этапы его биографии, проанализирован его вклад в изуче-

ние роли и места Армении в международных отношениях Передней Азии и Ирана, изложенный в монографии и докторской диссертации юбиляра.

Ключевые слова: биография А. Ж. Арутюняна, древняя история Армении, локализация Тигранакерта, государственные и административные границы древней Армении.

A. P. Belikov

TO THE ANNIVERSARY OF HAKOB ZHORAIEVICH HARUTYUNYAN

The article is dedicated to the sixtieth anniversary of the doctor of historical sciences, the famous expert on the history of ancient Armenia, the senior lecturer of the historical faculty of the Yerevan State University, Hakob Zhoraevich Harutyunyan. The article briefly outlines the main stages of his biography, contribution

to the study of the role and place of Armenia in the international relations of West Asia and Iran, as set forth in the monograph and doctoral thesis of the scholar.

Key words: A. Zh. Harutyunyan, ancient history of Armenia, localization of Tigranakert, state and administrative borders of ancient Armenia.

Акоп Жораевич Арутюнян родился 21 мая 1958 г. в городе Ленинакане (ныне Гюмри) Армянской ССР.

Окончил школу с математическим уклоном. В 1975–1976 гг. работал в Ленинанском текстильном комбинате. В 1976–1978 гг. проходил службу в рядах Советской Армии, в танковых войсках, в городах Гори и Батуми. После демобилизации до 1979 г. продолжал работать в Ленинанском текстильном комбинате.

В 1979 г. поступил на исторический факультет Ереванского государственного университета. В формировании будущего исследователя и

его мировоззрения огромную роль сыграли такие известные специалисты, как Г. Х. Саркисян, С. Т. Еремян, В. А. Дилоян, обратившие внимание на пытливого студента, Акоп Жораевич часто с благодарностью вспоминает их и своё плодотворное общение с ними.

В 1984 г., как один из лучших выпускников факультета, был зачислен в аспирантуру по кафедре Всеобщей истории Ереванского государственного университета. Научным руководителем, больше того – настоящим его Учителем стал академик АН Армянской ССР Г. Х. Саркисян.

С 1988 по 1993 гг. А. Ж. Арутюнян трудился младшим научным сотрудником лаборатории Исторической географии и картографии Армении при историческом факультете ЕГУ.

В 1989 году защитил в Институте Востоковедения АН Армянской ССР кандидатскую диссертацию на тему «Восточная политика Римской империи в период домината и Армения (IV в. н. э.)»

С 1993 г. по сей день работает преподавателем кафедры Всемирной истории Исторического факультета ЕГУ. С 2004 г. – доцент кафедры.

Академические курсы, которые ведёт наш юбиляр, впечатляют своим разнообразием, и показывают его поистине энциклопедические знания. Это история древнего Востока, история древней Греции и Рима, Всеобщая история, история колонизации с древнейших времён до наших дней, античное и средневековое источниковедение, арабские и арамейские княжества в Сирии и Месопотамии, истории цивилизации.

Кроме своего родного истфака, Акоп Жораевич в разные годы преподавал и на других факультетах ЕГУ – Международном, Востоковедения (у иранистов и арабистов), Романо-германском, Армянской филологии, Географическом.

Круг научных интересов юбиляра также очень широк, и охватывает историческую географию и картографию древней и раннесредневековой Армении, Восточного Средиземноморья и Малой Азии, военная и династическая история древней Армении.

Почти четверть века Акоп Жораевич посвятил изучению такой сложной, дискуссионной и бывшей явно недостаточно разработанной темы, как внешнеполитическое положение Армении II в. до н. э. – III в. н. э. Этот вопрос рассмотрен им на очень широком географическом пространстве – от Восточного Средиземноморья до Ирана. В процессе работы над своим исследованием он завязал очень плодотворные контакты с ведущими российскими антиковедами – Г. А. Кошеленко, Э. Д. Фроловым, С. Ю. Сапрыкиным, А. В. Подосиновым, и другими. Поэтому он хорошо известен в России, со многими российскими учёными его связывают добрые дружеские отношения.

Он является автором 160 научных статей, опубликованных как в Армении, так и за рубежом – в России, Беларуси, Украине, Казахстане, Австрии, Ливане.

В 2015 г. в Ростове-на-Дону в издательстве ЮФУ была опубликована его фундаментальная монография «Армения, государства Вос-

точного Средиземноморья и Иран (189 г. до н. э. – 298 г. н. э.). Что особенно ценно – А. Ж. Арутюнян поставил своей целью уделить основное внимание именно слабо изученным историко-географическим аспектам, которые чаще всего лишь косвенно затрагиваются в других специальных работах. Очень интересны, и в целом убедительны, суждения автора по остро дискуссионной проблеме локализации Тигранакерта (с. 128–143). Очевидно, в этом вопросе следует согласиться с его аргументами и конечным выводом.

Безусловно, верным является вывод автора, что упадок династии Аршакидов следует связывать не только с неблагоприятной внешней ситуацией, но и с внутривнутриполитическими проблемами. Именно внутренние раздоры и неурядицы между нахарарами, а также постоянные конфликты чрезмерно усилившихся нахараров с царской властью, в конечном итоге, и привели к ослаблению государства, а в результате – к его разделу в 387 г. между Персией и Римом (с. 331).

Главным отличием монографии от многих исследований, посвящённых данному периоду – и её главным достоинством! – является скрупулёзно тщательная работа её автора по выявлению и уточнению границ, как государственных, так и административных. В первую очередь, единой Армении, затем, появившихся на этой территории Великой и Малой Армении, и сопредельных с ними стран. В связи с этим автор даёт аналитический обзор социально-экономического развития Армении, Рима и Сасанидского Ирана данного периода – без чего, действительно, было бы сложно понять всю суть и взаимосвязь изученных событий.

Совершенно оправданно А. Ж. Арутюнян уделил огромное внимание таким аспектам, которые зачастую ускользают от внимания других исследователей. Помимо административно-территориального деления, им очень подробно рассматриваются расстояния между древними городами, их локализация на карте. Обстоятельно анализируется такой важный фактор как древние дороги – их протяжённость, направления, даже состояние дорожно-го покрытия, возможная скорость перемещения по разным маршрутам, роль в экономике того или иного региона.

Рассматривается и такой сложный, в силу недостатка исторических источников, вопрос, как этнический состав населения многих областей Армении, Закавказья и Передней Азии. Здесь автор широко, и с присущей его научно-му стилю тщательностью, привлекает обшир-

ные данные топонимики, лингвистики, археологический материал, эпиграфику.

Монография получила одобрительные отзывы многих коллег в Армении и России.

Существенно расширив и доработав весь собранный материал, уже в 2016 году Акоп Жораевич успешно защитил в Белгородском государственном национальном исследовательском университете докторскую диссертацию на тему «Древняя Армения между Восточным Средиземноморьем и Ираном (II в. до н. э. – III в.).

Без обращения к его диссертации теперь не сможет обойтись ни один историк, профессионально занимающийся данным периодом и регионом.

А. Ж. Арутюнян очень энергичный и деятельный историк. В настоящее время он является членом редакционных коллегий четырёх научных журналов: «Материалы по археологии и истории античного и средневекового Кры-

ма» (Севастополь-Тюмень-Нижневартовск), «Уральское востоковедение. Международный альманах» (Екатеринбург), «Проблемы современной русистики» (Ереван), «Русский язык в Армении» (Ереван). В 2013 году награждён Памятной Медалью ЕГУ за большой вклад в развитие науки и образования. Является членом ученого совета исторического факультета ЕГУ.

Сейчас он заканчивает работу над новой монографией, посвящённой древнеармянской столице Тигранакерту.

Наш юбиляр – очень отзывчивый, обязательный и доброжелательный человек, готовый в любое время прийти на помощь коллегам, поделиться своими знаниями, проконсультировать по сложным вопросам, помочь с получением научных работ и материалов из Армении.

Мы от всей души желаем Акопу Жораевичу здоровья, свершения всего задуманного, и – новых научных достижений.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / zaven2005@yandex.ru.

Ануприенко Ирина Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических дисциплин и методики их преподавания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / anupr2014@yandex.ru.

Барабанова Анна Владимировна – аспирант кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / istorirossii@yandex.ru.

Батиев Левон Владимирович – кандидат юридических наук, заведующий лабораторией социологии и права Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону) / lbatiev@yandex.ru.

Беликов Александр Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / abelikov@rambler.ru.

Богатырёв Арсений Владимирович – кандидат исторических наук, доцент Поволжского православного института имени Святителя Алексия, митрополита Московского (Тольятти) / sob1676@yandex.ru.

Вагабова Эсмירה Рагим Гызы – доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института истории им. А. А. Бакиханова НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан) / esmira.vahabova@mail.ru.

Великая Наталья Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / velikaya55@mail.ru.

Вербицкая Мария Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового и предпринимательского права Ставропольского института кооперации (филиала) Белгородского университета кооперации, экономики и права (Ставрополь) / verbickaya.77@yandex.ru.

Грушевская Елена Сергеевна – доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар) / kff-kubsu@yandex.ru.

Дзотцоева Анжела Аслановна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова (Владикавказ) / angel7as@mail.ru.

Дударев Сергей Леонидович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / dudarev51@mail.ru.

Еремин Владимир Станиславович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, политологии, социологии и сервиса, Саратовская государственная юридическая академия (Саратов) / fuzzstone@gmail.com.

Ермаков Виктор Павлович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / ermakov@pglu.ru.

Жиров Николай Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (Елец) / zhirov-nikolai@mail.ru.

Казаров Саркис Суренович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и истории древнего мира Южного федерального университета (Ростов-на-Дону) / ser-kazarov@yandex.ru.

Карташев Игорь Владимирович – младший научный сотрудник центра изучения истории медицины Ставропольский государственный медицинский университет (Ставрополь) / kartashev_iv@mail.ru.

Касевич Екатерина Викторовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / ket19732007@rambler.ru.

Ким Игорь Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград) / kokes@mail.ru.

Клопихина Василина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических дисциплин и методики их преподавания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / vasklo@mail.ru.

Клюковская Ирина Николаевна – доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / klyukovskaya@inbox.ru.

Кобахидзе Елена Исааковна – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (Владикавказ) / elena_k11@mail.ru.

Колесникова Кира Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права юридического института Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь) / mail.kira@yandex.ru.

Коробейникова Дарья Юрьевна – аспирант кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / aspirantura@pglu.ru.

Лазарян Сергей Степанович – доктор исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / history@pgu.ru.

Ландина Ольга Викторовна – старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / landina.olga@mail.ru.

Мамедова Асият Низамиевна – аспирант кафедры русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / dochenska.papina@mail.ru.

Марченко Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tatiana-marchenko-25@yandex.ru.

Мелекаев Руслан Курманович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / merukus@yandex.ru.

Немашкалов Павел Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических дисциплин и методики их преподавания Ставропольского государственного педагогического института (Ставрополь) / paul_2@rambler.ru.

Ноздринов Владимир Викторович – аспирант кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / winsmith@list.ru.

Панарин Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета (Армавир) / panarin.arm@mail.ru.

Рыженков Анатолий Яковлевич – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкого государственного университета (Элиста) / 4077778@list.ru.

Светличная Татьяна Борисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / t.svetli4@mail.ru.

Смирнов Дмитрий Анатольевич – доктор юридических наук, профессор, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / dmi197526@yandex.ru.

Станкевич Галина Викторовна – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Пятигорского государственного университета (Пятигорск) / stankevichg@rambler.ru.

Стрекалова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / strekalova-lena@yandex.ru.

Сычина Виктория Викторовна – соискатель кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / sgu26@mail.ru.

Танцева Анастасия Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / tantsevoa@mail.ru.

Трофимов Максим Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / Sim-pai@mail.ru.

Ходус Вячеслав Петрович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / hodusvp@yandex.ru.

Шевчук Светлана Степановна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь) / kafcivil@urinst.ru.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Akopyan Victor – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Historical And Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies And Theology, Pyatigorsk State Linguistic University (Pyatigorsk) / zaven2005@yandex.ru.

Anuprienko Irina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Historical Disciplines and Methods of Teaching, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / anupr2014@yandex.ru.

Barabanova Anna – postgraduate, Chair of Russian History, North Caucasus Federal University (Stavropol) / istorirossii@yandex.ru.

Batiev Levon – PhD in Law, Head of the Laboratory of Sociology and Law, Southern Scientific Center of RAS (Rostov on Don) / lbatiev@yandex.ru.

Belikov Alexandr – Dr. of Historical Sciences, Professor of Chair of Foreign History, Political Science and Foreign Affairs, North Caucasus Federal University (Stavropol) / abelikov@rambler.ru.

Bogatyrev Arsenii – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Volga Orthodox Institute of St. Alexis, Metropolitan of Moscow (Tolyatti) / sob1676@yandex.ru.

Vagabova Esmira – Dr. of Historical sciences, Leading researcher, Institute of History named after A. A. Bakikhanov, Azerbaijan National Academy of Sciences (Baku, Azerbaijan) / esmira.vahabova@mail.ru.

Velikaya Natalia – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / velikaya55@mail.ru.

Verbitskaya Mariya – PhD in law, Associate Professor, Chair of labor and business law, Stavropol Institute of cooperation (branch) of Belgorod University of cooperation, Economics and law (Stavropol) / verbickaya.77@yandex.ru.

Grushevskaya Elena – PhD in Philological Sciences, Associate Professor, Chair of English Philology, Kuban State University (Krasnodar) / kff-kubsu@yandex.ru.

Dzotsoeva Anzhela – Senior Lecturer, Chair of Theory and History of State and Law, K. L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz) / angel7as@mail.ru.

Dudarev Sergei – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of General and Russian History of Armavir State Pedagogical University (Armavir) / dudarev51@mail.ru.

Eremin Vladimir – PhD in Historical Sciences, Senior Lecture, Chair of History, Political Science, Sociology and Service, Saratov State Academy of Law (Saratov) / fuzzstone@gmail.com.

Ermakov Viktor – PhD in Historical Sciences, Head of The Chair of Historical, Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies And Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / ermakov@pglu.ru.

Zhirov Nikolai – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of History and Archeology, Yelets State University named after I.A. Bunin (Elec) / zhirov-nikolai@mail.ru.

Kazarov Sarkis – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Archaeology and Ancient History, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov on Don) / ser-kazarov@yandex.ru.

Kartashev Igor – junior Research Fellow, Center for Study of History of Medicine, Stavropol State Medical University (Stavropol) / kartashev_iv@mail.ru.

Kasevich Ekaterina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Administrative and Financial Law of North Caucasus Federal University (Stavropol) / ket19732007@rambler.ru.

Kim Igor – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of General History of Volgograd State Pedagogical University (Volgograd) / kokes@mail.ru.

Klopikhina Vasilina – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Historical Disciplines and Methods of Teaching, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / vasklo@mail.ru.

Klyukovskaya Irina – Dr. of Law science, Head of Chair of Theory and History of State and Law North-Caucasian Federal University (Stavropol) / klyukovskaya@inbox.ru.

Kobakhidze Elena – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of Theory and History of State and Law, K. L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz) / elena_k11@mail.ru.

Kolesnikova Kira – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Environmental, Land and Labor Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / mail.kira@yandex.ru

Korobeynikova Daria – post-graduate, Chair of Historical and Social-Philosophic Disciplines, Oriental Studies and Theology of Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / aspirantura@pglu.ru.

Lazaryan Sergei – Dr. of Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Historical, Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies And Theology, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk) / history@pgu.ru

Landina Ol'ga – Senior Lecturer, Chair of Civil Law and Process, North Caucasus Federal University (Stavropol) / landina.olga@mail.ru.

Mamedova Asiyat – post-graduate student, Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / dochenka.papina@mail.ru.

Marchenko Tatiana – PhD in Philology, Associate professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / tatiana-marchenko-25@yandex.ru.

Melekaev Ruslan – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Theory and History of State and Law North-Caucasian Federal University (Stavropol) / merukus@yandex.ru.

Nemashkalov Pavel – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Historical Disciplines and Methods of Teaching, Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / paul_2@rambler.ru.

Nozdrinov Vladimir – postgraduate, Chair of Russian History, North Caucasus Federal University (Stavropol) / winsmith@list.ru.

Panarin Andrei – Dr. of Historical Sciences, Professor, Chair of General and Russian History, Armavir State Pedagogical University (Armavir) / panarin.arm@mail.ru.

Ryzhenkov Anatolii – Dr. of Legal Science, Professor, Chair of Civil Law and Process, Kalmyk State University (Elista) / 4077778@list.ru.

Svetlichnaya Tatiana – PhD in law, Associate Professor, Chair of Administrative and Financial Law, Institute of Law, North Caucasus Federal University (Stavropol) / t.svetli4@mail.ru.

Smirnov Dmitrii – Dr. of Legal Science, Director of the Law Institute, North Caucasus Federal University (Stavropol) / dmi197526@yandex.ru.

Stankevich Galina – Dr. of Political Sciences, PhD in Jurisprudence, Professor of Chair of Civil Law and Civil Procedure of Pyatigorsk State Linguistic / stankevichg@rambler.ru.

Strecalova Elena – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Russian History of North Caucasus Federal University (Stavropol) / strecalova-lena@yandex.ru.

Sychina Viktoriya – postgraduate, Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / sgu26@mail.ru.

Tantsevova Anastasiya – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of Russian History of North Caucasus Federal University (Stavropol) / tantsevova@mail.ru.

Trofimov Maxim – PhD in Law, Associate Professor, Chair of Administrative and Financial Law, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / Sim-pai@mail.ru.

Khodus Vyacheslav – Dr. of Philology, Professor, Head of Chair of Russian Language, Institute of Humanities, North Caucasus Federal University (Stavropol) / xodusvp@yandex.ru.

Shevchuk Svetlana – Dr. of Legal Science, Professor, Chair of Civil Law and Process, North Caucasus Federal University (Stavropol) / kafcivil@urinst.ru.

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2018. № 2

Издается в авторской редакции

Технический редактор, компьютерная верстка Н. Неговора

Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 03.06.2018

Формат 60х84 1/8

Усл. п. л. 27,79

Уч.-изд. л. 27,17

Бумага офсетная

Заказ 32

Тираж 500 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2